

МОРАЛЬНАЯ

ПАНИКА

Moral

РАНИС

Изменение представлений
о растлителе малолетних
в современной Америке

CHANGING CONCEPTS
OF THE CHILD MOLESTER
IN MODERN AMERICA

Philip Jenkins

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА

Изменение представлений о растлителе малолетних
в современной Америке

Филип Дженкинс

1998

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ - 5

ПРИМЕЧАНИЕ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ - 5

1. Создание фактов - [Стр. 1] - 6

2. Конструируя сексуальную преступность 1890-1934 гг. - [Стр. 20] - 29

3. Эпоха психопатов, 1935-1957 гг.- [Стр. 49] - 63

4. Законы о сексуальных психопатах - [Стр. 75] - 95

5. Либеральная эпоха, 1958-1976 гг. - [Стр. 94] - 120

6. Революция сексуального насилия над детьми, 1976-1986 гг. - [Стр. 118] - 152

7. Детская порнография и сети педофилов - [Стр. 145] -187

8. Дорога в ад:

Ритуальное насилие и восстановленные воспоминания - [Стр. 164] - 210

9. Полный круг:

Возвращение сексуального хищника в 1990е годы - [Стр. 189] - 244

10. Цикл паники - [Стр. 215] - 277

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ - [Стр. 239] - 307

ПРИМЕЧАНИЯ - [Стр. 241] - 308

Index - [Стр. 293] - 356

Задняя обложка

"Эта книга станет своего рода маркером для исторических и социальных конструкционистских исследований сексуального насилия. Она написана оригинально, и захватывающе"

Эрих Гуд,
Государственный университет Нью-Йорка в Стоуни-Брук

Внутри обложки

Общепризнанно, что сексуальное насилие над детьми это опасная и всесторонняя проблема, и что растлители детей - это хищники, которые компульсивно повторяют свои преступления и имеют мало надежды на излечение. Тем не менее, всего двадцать лет назад многие эксперты видели проблему как гораздо менее серьёзную, объявляя, что растление было очень редким явлением, и что растлители были просто запутавшимися людьми, которые вряд ли повторят свои преступления. За прошедшее столетие, мнение колебалось между этими радикально разными точками зрения.

Эта своевременная книга прослеживает сдвигающиеся социальные реакции на сексуальные контакты взрослых с детьми, будь то включающие растление незнакомцами или акты инцеста со стороны членов семьи. Книга исследует, как, и почему беспокойство по поводу сексуального преступника колебалось в Северной Америке с конца девятнадцатого столетия.

Филип Дженкинс утверждает, что все концепции сексуальных преступников и правонарушений подвержены социальным, политическим и идеологическим влияниям и что ни один конкретный взгляд на преступников не представляет собой неизменную объективную реальность.

Он исследует различные группы (включая СМИ), которые активно продвигали определенные толкования сексуальных преступлений, влияние общественных настроений на судебные и законодательные реакции на эти преступления, и способы, которыми демографические изменения, гендерная политика и кампании моральности сформировали общественное мнение. Не преуменьшая проблему сексуального насилия над детьми, эта книга таким образом помещает реакции на проблему в широкий политический и культурный контекст.

Филип Дженкинс — заслуженный профессор истории и религиоведения в Университете штата Пенсильвания. Он является автором многих книг, включая *«Использование убийства: Социальное конструирование серийного убийства»*, *«Педофилы и священники: Анатомия*

социального кризиса» и «Капюшоны и рубашки: Крайне правые в Пенсильвании».

Благодарности

Было бы бесполезно пытаться составить полный список людей, которые помогли мне завершить эту книгу, поэтому я ограничусь тем, что поблагодарю свою жену Лиз Дженкинс и коллег Майкла Анеско, Дебору Кларк, Аминадава Дайкмана, Линду Иваниц, Гэри Кноппера, Уильяма Л. Петерсена и Стивена Сукнаика.

Я в особом долгу перед Кэтрин Хьюм, которая прочитала и подробно прокомментировала ранний черновик рукописи.

Примечание по использованию

Вопросы о языке и использовании - центральные для этой книги, которая, с целью проследить сложную историю отношений к сексуальным злоупотреблениям по отношению к детям, исследует изменяющееся использование терминов, таких как: *извращенец*, *педофил*, *растлитель*, *осквернитель*, *психопат* и *хищник*. Ни одно из этих слов или понятий не является привилегированным в смысле представления общепризнанной, объективной реальности, поскольку каждое из них основано на взглядах определенного времени и несет свой идеологический багаж.

Например, хотя термин *сексуальное насилие* имеет долгую историю, он не получил своей настоящей культурной и политической значимости до середины 1970х годов, со всеми коннотациями предательства доверия, скрытой травмы и отрицания; в дискуссиях более ранних периодов, является анахронизмом применять эти значения к термину. В современном использовании, с другой стороны, является неподобающим использовать в значительной степени устаревший термин, такой как *извращенец*, за исключением как в цитатах, и те, кого называли *сексуальными психопатами* в 1940х годах, не получили бы подобного диагноза от психиатров сегодня.

Аналогичная проблема возникает с терминами, которые предполагают фактическую точность утверждения, которое не обязательно является верным. Тысячи людей утверждают, что являются «жертвами» или «пережившими» сатанинского или ритуального насилия, хотя эти заявления многими будут расценены как весьма подозрительные. Даже там, где реальность самого насилия не вызывает серьезных сомнений, использование термина «переживший» вызывает в памяти аспекты современного движения «переживший инцест». Кажется невозможным

писать на эту тему, не используя язык, который, по-видимому, принимает идеологические интерпретации определенной школы мысли, и тем самым я исключаю исследование других путей интерпретации.

Таким образом, в книге есть много случаев, когда слова должны быть надлежащим образом квалифицированы кавычками или даже предварены такими словами, как *так называемый*, *предполагаемый* или *самоописанный*, но на практике это едва ли возможно. Использовать кавычки для злоупотреблений и жертв не только педантично; это неправильно подразумевает сомнения в реальности явления. Использование кавычек для *педофила* или *растлителя*, например, может означать, что кто-то сомневается в реальности или виновности преступления. Поэтому, чтобы не вводить читателя в заблуждение или не утяжелять текст, я обычно избегал использования кавычек, курсива или определителей для таких слов, как *выживший*; *извращенец*, *психопат*, *педофил*, *жертва*, *злоупотребление* и *кризис*, даже в тех случаях, когда слово могло бы заслуживать такой квалификации.

1. Создание фактов

[Страница 1]

Эта книга посвящена созданию ортодоксий, социальных фактов столь очевидных, что выглядит невероятным, что они когда-либо подвергались сомнению или игнорированию, и, тем не менее, в исторической перспективе, появились постепенно и непредвиденно. [*1]

Среди самоочевидных фактов в охваченной противоречиями Америке видное место занимает убеждение, что детям угрожает серьезная опасность, в форме сексуального насилия и растления. Эта угроза имеет свои хорошо известные стереотипные характеристики. Сексуальное насилие - всепроникающая проблема широкого характера; насильники и растлители это компульсивные личности которые часто совершают преступления и чьи нарушения сопротивляются лечению и реабилитации. Сексуально-отклоняющееся поведение часто перерастает в насилие и убийство. Сексуальные отношения с взрослыми неизменно приводит к продолжительному ущербу для вовлечённого ребёнка; существует целый ряд психологических объяснений, обосновывающих неспособность жертвы осознать вред, причиненный насилием, или осознать его серьезность.

[Страница 2]

Наконец, сексуальное растление приводит к тому, что называют "циклом насилия": насилие вызывает такие нарушения у жертвы, что он или она

обычно повторяет то же действие позднее против детей следующего поколения.

Все эти идеи могут быть объективно верными, но что поражает, так это то, насколько недавно они были установлены и популяризованы; они не были социальными фактами ещё двадцать пять лет назад.

В широком объеме литературы, изданной в период с 1950х по 1970е годы, можно легко найти писателей, тогда признанных как ведущие эксперты, делающих утверждения, которые диаметрально противоположны нынешним убеждениям, и которые бы столкнулись с резким осуждением, будь они опубликованы сегодня. Книга из 1960х, к примеру, могла утверждать то, что тогда было общепринято: растление это редкое правонарушение, которое вряд-ли вызовет существенный вред большинству субъектов (слово "жертвы" выглядело тогда слишком жестким), и растлители представлялись неадекватными спутанными личностями, не имевшими склонности к повторению своих преступлений.

Детей часто отмечали как «обольстителей», которые провоцировали такие преступления по своим собственным, психологическим причинам. В соответствии с этим представлением, растление детей являлось настолько же безобидным, насколько травмирующим оно выглядит на современный взгляд.

В то же время, благожелательный взгляд тех лет был резким контрастом с более зловещими отметками 1940х и ранних 1950х, когда многие верили, что дети были под огромной социальной угрозой от хищников, которые убивали свои жертвы или запугивали их на всю жизнь.

Изображение сексуального преступника резко изменились и цикличны в течение времени. Возникшее впервые в Прогрессивную эпоху, изображение злостного сексуального извращенца достигло новых высот в десятилетие после Второй мировой войны, изменившись на либеральную модель в течение следующей четверти века. Совсем недавно маятник качнулся назад к модели хищника; сексуальный преступник сейчас изображается как находящийся совсем неподалёку от худших массовых убийц и мучителей. И в каждую эпоху, преобладающее мнение поддерживалось тем, что в то время представлялось объективным исследованием. Одна реальность преобладала, пока её не заменяла другая.

Нынешняя формулировка проблемы насилия над детьми иногда представляется как эволюционный этап в социальном развитии: противоречивый набор убеждений верен, тогда как его предшественники нет. Поскольку можно утверждать, что недавнее

осознание стало возможным благодаря как постоянному накоплению новых знаний, так и разрушению табу, которые ограничивали исследования в прошлом, кампания для установки новой ортодоксии становится героической борьбой против предрассудков и неизвестности. [*2]

В этом представлении, отказ от признания степени и опасности сексуальных угроз был отклонен как отрицание, термин, позаимствованный из психологии, чтобы обозначить

[Страница 3]

что один из оппонентов отказывается принимать реальность, которая выглядит очевидной для говорящего.

Но цикличная природа общественных интересов показывает, что нам нужно более тонкое и сложное объяснение. Теории о сексуальном насилии не развиваются простым или линейным путём; скорее они подобны приливам и отливам - мы забываем также хорошо, как и учимся. Общественная готовность принять утверждения также меняется со временем, и вместе эти изменения затронули то, как не только средства массовой информации, но и законодатели, судьи, медицинские эксперты и криминально-юридические профессионалы подходили к сексуальному насилию над детьми.

Построение проблемы

Проблема сексуального насилия над детьми одна из многих, которые чрезвычайно различались по тому количеству внимания, которое они получали в разные эпохи. Иногда степень общественной обеспокоенности может меняться по вполне логичным и понятным причинам. Венерические заболевания, к примеру, которые были повторяющимся кошмаром до 1910 года, были признаны гораздо менее опасными, когда медицинская наука в существенной степени смогла их контролировать в середине двадцатого века, но страхи возродились с открытием новых неизлечимых заболеваний в 1980х годах.

В других случаях, воспринимаемая значимость данной проблемы растёт или падает без какого-либо изменения самого состояния потенциальной угрозы. В прошлое десятилетие преследование, насилие со стороны старших и сексуальные домогательства становились существенным социальным вопросом без каких-либо доказательств того, что такое поведение само по себе стало более распространенным, в то время как другие, ранее пугающие вопросы, такие как гомосексуализм, расовые и смешанные браки, и евгенический упадок расы практически исчезли как

источники угрозы. И, хотя сейчас гораздо больше людей на планете, чем было двадцать или тридцать лет назад, перенаселение более не видится как разрушительная "популяционная бомба", каким оно было в те года.

Другая категория проблем, растущих или идущих на спад в соответствии с перемежающимся циклом, которая затрагивает общественные страхи, например, наркотики, молодежная преступность, или аморальная музыка. Хотя феномен может сохраняться более-менее неизменным в течение времени, он может восприниматься как проблема или социальный факт в одну эпоху, но не в другую.

[*3]

Мы можем видеть, что стереотипный сексуальный преступник, который продвигался в кошмарных изображениях 1940х стал полушуточной фигурой два или три десятилетия спустя, но почему это изменение произошло? Как очевидный факт для одного поколения стал выглядеть сущим вздором для другого, и напротив?

Возможны многие объяснения. Сексуальная революция, которая началась в конце 1950х, повысила терпимость ко многим ранее стигматизированным типам поведения, в то время как

[Страница 4]

также имела места естественная, и, возможно, чрезмерная реакция против ранней истерии и гиперболизации. Но какая бы теория не оказалась убедительной, изменения настроений могут быть объяснены без предположения, что какой-либо период имеет монополию на правду или ложь.

Тот факт, что проблема рассматривается с точки зрения социальной и поведенческой науки, не освобождает ее интерпретации от влияния более широких культурных и политических тенденций.

Научный подход к социальным проблемам обычно разделяют на два направления.

Первый, и более знакомый взгляд - это объективизм, который допускает, что что-либо является проблемой, когда оно вредит или расстраивает существенную часть общества. Социологи ставят целью определить данную проблему количественно, исследовать её происхождение, и предложить возможные способы избавления или решения.

Второй подход, конструкционизм, может допускать, или не допускать, что явление существует, или если оно имеет место быть, что оно действительно вредное, но основной вопрос в том, в первую очередь,

как состояние начинает рассматриваться как проблема. Для конструкционистов: "наши представления о том, что есть, а что не является социальной проблемой, это продукт - что-то, что было произведено или сконструировано через социальную активность" [*4]

Невозможно определить проблему объективным или свободным от ценностей способом, так как разговоры о "проблеме" или "кризисе" в силу самого факта подразумевают, что имеется решение, что изменения своего рода необходимы или желанны. Если мы спросим, как общество может подходить к угрозе сексуальных хищников, мы уже задали вопрос таким способом, чтобы исключить многие возможные подходы к сложному вопросу, окружающему сексуальные преступления. Говоря о реакции на "сексуальных преступников" без дальнейшего определения, подразумевается нечто, далёкое от ясности: что любой, кто нарушает один из множества законов, запрещающих сексуальное насилие, должен страдать от своего рода расстройства личности.

В этой книге я утверждаю, что концепция сексуальных преступников и преступлений это социально сформированная реальность: все они в равной степени субъекты социального, политического и идеологического влияния, и ни одно конкретное определение преступников не представляет собой чистую, действительную реальность. Каждый из подходов поучителен в плане света, который он проливает на представления, предубеждения и страхи общества, которое таким образом определяет своих девиантов и изгоев.

Изменение представлений о сексуальном преступнике является показателем изменения социальных установок по таким разным вопросам, как статус детей, структура семьи, диапазон приемлемого социального поведения, и терпимость к альтернативным сексуальным ориентациям. По определению, отклонение подразумевает наличие нормы: мы можем говорить о том, что странно или отличается лишь когда мы придём к соглашению о том, что есть норма. С целью понять изменяющееся представление о сексуальных отклонениях, тогда мы должны сначала понять колеблющуюся концепции

[Страница 5]

сексуальной нормальности. Насилие бессмысленно без стандарта для должного использования. Конструкционизм означает нечто большее, чем простое разоблачение. Хотя конструкционист может оспаривать фактические утверждения, предназначенные для поддержания конкретной причины, он или она не утверждает, что проблема не основана на реальности. Растление детей имеет место быть и может вызвать существенный физический и психический ущерб; действительно, существуют "человеческие хищники" которые насилуют,

калечат и убивают детей. Схожим образом, проблема злоупотребления наркотиками или вождения в нетрезвом виде имеет объективный характер.

Вопросы о том, почему проблема воспринимается как социальная проблема в определенных временах и местностях, но не в других, и какие методы используются группами или отдельными людьми чтобы сделать и обосновать их утверждения. В случае с сексуальным насилием над детьми, наиболее важные группы активистов, включая терапевтов и психиатров, отправителей уголовного правосудия, женских групп, сексуальных реформаторов и либертарианцев, а также моральных традиционалистов и консерваторов. Конструкционистские исследования изучают способы, которыми их уважаемые взгляды были спроектированы, будь то через средства массовой информации и популярную художественную литературу, или академические и профессиональные источники. Также критическим является вопрос о публице, иными словами о том, почему люди в разное время готовы принять одну из предлагаемых им моделей, но не другую.

Идея применения конструкционистского подхода к продолжительным кризисам сексуальной преступности далеко не нова. Одно из наиболее цитируемых исследований в литературе, посвященной социальным проблемам — скептический анализ Эдвина Сатерленда о ранней панике по поводу сексуальной преступности, было опубликовано в 1950 году, и монументальный труд Николаса Н. Киттри «Право быть другим», который критиковал законодательство о сексуальных психопатах, принятое в середине века, появилось в 1971 году. Волны сексуальной преступности 1930х и 1940х обсуждались историками культуры, такими как Джордж Чонси, Джон Д'Эмилио, и Эстель Фридман; все из которых видели фурор о сексуальных извращениях как прикрытую защиту особой концепции мужской идентичности; каждый уделяет должное внимание изменению ролей профессиональных групп, таких как психиатры, и бюрократических интересов правоохранительных органов.

Дэвид Финкельхор, один из наиболее известных сторонников серьезности противоречивой проблемы насилия, правдоподобно приписывает экстремальные утверждения 1940х годов

"моралистам... противостоящим против другого рода прогрессивных реформ, ... например сексуального просвещения, гуманного обращения к сексуальным преступникам, прекращения цензуры" [*5]

Учитывая эту скептическую традицию, удивительно, что когда беспокойство по поводу сексуального насилия над детьми поднялось в 1980е годы, так мало учёных применяли те же аналитические подходы к противоречивому восприятию. Мы имеем великолепные

конструкционистские изучения проблемы насилия, и особенно более странных

[Страница 6]

краёв этой темы, но мало кто обрисовал исторические аналогии с гораздо более зловещими представлениями 1940х годов, или более ранним кризисом эры Прогрессивизма.

[*6]

Консенсус состоит в том, что хотя более ранняя паника выросла из невежества, истерии и эгоизма, противоречивые формулировки насилия над детьми являются трезвым представлением объективной истины.

Тем временем, поколение ученых, которое выросло, веря в то, что законы о сексуальных психопатах были катастрофической ошибкой, вряд-ли ответило на эффективное возрождение этих мер в Соединённых Штатах в течение 1990х годов. Ни наше осмысление проблемы, ни наша разработка контрмер не свидетельствуют о том, что мы извлекли уроки из истории.

Исследование прошлых кризисов на тему сексуальных преступлений не только показывает нам, как утверждения склонны быть раздутыми и искажёнными, но также что политические меры демонстрируют классические признаки панического законодательства, а именно: плохая концепция и разработка, чрезмерно широкий охват и недостаточный учет возможных побочных эффектов. В идеале, изучение прошлых ошибок поможет нам избежать повторения этих же ошибок в новом поколении законодательства о сексе.

В этой книге, я говорю о панике на тему сексуальной преступности, термин, производный от теории моральной паники, сформулированный в 1970е годы британскими социологами, такими как Стэнли Козн и Стьюарт Холл. Они утверждали, что волна иррационального общественного страха можно сказать возникает

"когда официальная реакция на человека, группу людей или серию событий несоразмерна реально существующей угрозе, когда "эксперты" представляют угрозу в идентичных терминах, и словно "в один голос" сходятся в оценках, диагнозах и прогнозах и решениях, когда представления в СМИ повсеместно подчёркивают "резкое и драматическое" увеличение (в количестве вовлечённых людей или событий) и "новизны", выходящей за все рамки, которые трезвое, реалистичное представление может поддержать". [*7]

Но что, в контексте насилия над детьми, может быть признано "трезвым,

реалистичным представлением" о "реально существующей угрозе"? В первые годы двадцатого века социальные и медицинские исследователи убедительно утверждали, что американских детей насилуют и растлевают в гораздо большем количестве, чем можно было себе представить в любое другое время, и эта основная идея остаётся неоспоримой. Со всеми оговорками, которые могут возникнуть о методах и определениях, опросы жертв в последние два десятилетия последовательно указывают на то, что миллионы детей подвержены той или иной форме сексуального насилия. Феномен требует общественного беспокойства, и соответствующих политических мер. Почему нам не паниковать?

Слово паника, тем не менее, подразумевает не только страх, но страх, который дико

[Страница 7]

преувеличен и неправильно направлен, и это то, что могло наблюдаться достаточно сильно в периоды, такие как конец 1940х и середина 1980х.

Всё это время, беспокойство о сексуальном насилии обеспечивало базис для экстравагантных утверждений, сделанных профессионалами, СМИ, и различными заинтересованными группами, которые утверждали, что проблема количественно и качественно куда более тяжёлая, чем кто-либо мог разумно предположить.

Утверждения, которые в более спокойные годы обозначили бы говорящего как параноика или склонного к гиперболизации, внезапно получили статус неоспоримых фактов, в то время как скептики были бы осуждены за их грубое отрицание. Стали верить

- что легионы сексуальных извращенцев и убийственных хищников ходят по земле,
- что число активных педофилов идёт на миллионы,
- что десятки тысяч детей похищают и убивают каждый год,
- что злые культы проникают в дошкольные учреждения и детские сады по всей стране,
- что инцест затрагивает одну четверть или даже половину всех молодых девушек,
- что детская порнография это индустрия, гребущая миллиарды долларов и охотящаяся на сотни или тысячи молодых людей в Америке

каждый год.

Идеи начинают жить своей собственной органической жизнью, один набор нелепых обвинений становится основанием для ещё более странных утверждений, и активисты конкурируют за внимание пресытившихся СМИ, требующих ещё более высокого уровня шоковых настроений. [*8]

В ответ, законодатели устанавливают политику, которая может вызвать вред в областях, не имеющих ничего общего с изначальной проблемой, и которые отводят ресурсы в сторону от мер, которые могут действительно помочь в защите детей. В соответствии с этими критериями, зона растления детей и насилия повторно производит панические меры в течение последнего века или около того.

Особенность подобных эпох - это использование экстремального языка для изображения проблемы, чтобы заострить вредоносное и хищническое качество поведения. Английскому языку не хватает принятой нейтральной лексики для взрослых, которые вовлечены в половые акты с малолетними, и наиболее доступные термины мало различаются в зависимости от того, имеется ли ввиду под молодым человеком в вопросе маленький ребенок или старший подросток.

Это важно, потому что общественное мнение делает резкое различие между обвинениями, к которым прибегают, когда младшему участнику пятнадцать, чем когда пять, и очень разные типы личности вовлечены в каждом случае.

Как точно мы должны назвать человека, сексуально заинтересованного в младших подростках? Предпочитаемое медицинское слово, эфебофилия, является непонятным, а архаичная концепция педераста практически вышла из общего употребления. Более того, «педераст» обычно используется только для описания взаимодействий между мужчиной и мальчиком; нет подобного термина для схожего поведения между противоположными полами, потому что до двадцатого века этот второй тип поведения не

[Страница 8]

рассматривался как патологический или незаконный. Также мы не можем использовать должным образом термин, такой как "мальчиколюбие" (бойлав), межпоколенческая близость или даже отношения, что подразумевает элементы согласия и взаимно неприемлемо для большей части наблюдателей. Несмотря на то, что понятие "педофил" должным образом определено как кто-то, сексуально заинтересованный в детях до полового созревания (обычно 13 лет или

младше), слово зачастую применяют для человека, который совершает половой акт с подростком, делая его "растлителем" или "детонасильником". [*9]

Нет определителя, который использовался бы для описания сексуальных актов между взрослыми и детьми, и отображал нейтральный общепринятый взгляд, и большинство из них или метафоры, или отображение дискредитировавшей себя науки.

Взрослый человек, который имеет секс с двенадцатилетней девочкой, или четырнадцатилетним мальчиком не является в буквальном смысле "извращенцем" или "хищником"; которые являются образными терминами, предназначенными для отражения ужаса от поступков, признанных подлыми или опасными. В эпохи паники используется терминология "объективной" науки, в отношении действия, приписываемого извращенцу, дегенерату, дефективному или сексуальному психопату, но в каждом случае слово отображает научное или медицинское мировоззрение, которые в данный момент устарело. Когда технические термины попадают в общий дискурс и СМИ, их значение значительно усугубляется частыми пересказами и начинает подразумевать компульсивное насилие и монструозное извращение, направленное против самых молодых и уязвимых. Существует непрерывный цикл, когда эксперты вводят новые и более объективные слова для описания сексуальных преступников, только чтобы в дальнейшем термин принял куда худшее значение; эта судьба постигла, последовательно, термины сексуальный преступник, растлитель и педофил.

Проблема конструкции сформирована активистами конкурирующих заинтересованных групп. Разные группы воспринимают социальные проблемы по разному, в зависимости от того, насколько сильно поведение или явление противоречит их идеалам о том, как мир должен быть устроен, и какие ценности должны преобладать. Когда группа продолжает убеждать широкую общественность о серьезности этой проблемы, это также распространяет часть их особого мировоззрения.

Это также достигается или за счёт увеличения внимания к новой открытой проблеме, или, более часто, за счёт навязывания определенной интерпретации уже определенной проблемы данной группой. Когда множественные группы желают использовать одну и ту же проблему для их различных целей, конструктивные переговоры ведутся через риторический и политический конфликт, когда группы вступают во временные коалиции, с целью продвигать их цели.

Процесс конструирования - это социальная проблема, начинающаяся с события или состояния, которое представляет серьезный вызов принятым ценностям. Разные

активисты пытаются связать данную проблему с другими состояниями, которые, как они верят, являются опасными или угрожающими, так что оригинальный инцидент используется для преподавания моральных или политических уроков, и повествование заполняется соответствующими перекрестными культурными ссылками.

В случае с растлением детей искренний страх общественности вызывается сексуальными нападениями на детей, но проблемы, которые конструируются вокруг этих инцидентов затрагивают вопросы, которые не связаны напрямую с сексуальным насилием. Поскольку убийство ребенка или жестокое изнасилование уже воспринимается максимально серьезно, лица, предъявляющие иски, вынуждены направить своё внимание на поведение, которое, хотя и не является очевидно вредоносным само по себе, часто упоминается как предшествующее насилию. Активисты представляют незначительные сексуальные преступления как ступеньки, которые ведут к неприемлемому насилию, и потому заслуживают нашего осуждения. Ярость на случайное насилие превращается в огромный символический крестовый поход против ненасильственных поступков, и таким образом тратит ресурсы на людей с умеренными отклонениями.

Этот процесс отображён в деле Уэсли Алана Додда, который был повешен в 1993 году за убийства на сексуальной почве трёх молодых мальчиков в штате Вашингтон. В то время как общество различает, как серьезно оно относится к отдельным актам насилия, сложно представить любое сообщество, которое не видело бы преступления данного рода как опаснейшую форму морального зла или социальной патологии.

Однако не все сообщества согласны с тем, насколько заметную роль должен играть такой человек, как Додд, в формировании социальной политики и уголовного законодательства: в одних обществах подобное деяние рассматривается как изолированное проявление индивидуального зла, в то время как в других оно рассматривается в более широком контексте моральных, политических или общественных неудач, которые должны быть срочно исправлены.

В последние годы американские политики и СМИ рассматривают подобные преступления как неумолимо развивающиеся из более мелких сексуальных преступлений, а ассоциация с такой угрожающей фигурой придает риторическую актуальность требованию пресечь эти действия.

Такой подход не нов, поскольку "теория эскалации" сексуальных преступлений была преобладающей ортодоксией на протяжении

большей части двадцатого века. В то время как в 1990-х годах используется Уэсли Додд, в 1930-х и 1940-х годах перед нами стоял образ Альберта Фиша, который был казнен в 1936 году после карьеры детоубийц и крайних сексуальных извращений. Преступления обоих мужчин воспринимаются как предсказуемые, хотя и экстремальные последствия поведения "обычного" растлителя детей.

С этой точки зрения, не существует такого понятия, как незначительное сексуальное преступление, поскольку такие действия, как эксгибиционизм, вуайеризм и сексуальное вмешательство в жизнь детей, потенциально являются симптомами разрушительного патологического насилия; гомосексуалисты неоднократно подвергались подобной стигматизации. Однако не очевидно, что сексуальные преступления связаны между собой логической

[Страница 10]

цепочкой, и нам не нужно углубляться в историю, чтобы найти время, когда к растлителю или насильнику детей относились совсем по-другому.

Убийство детей

Поскольку движения в защиту детей обычно подрываются убийствами на сексуальной почве, следует подчеркнуть, насколько редки такие инциденты. Использование статистики для рассмотрения такого явления в контексте может вызвать обвинения в том, что кто-то упрощает совершенно ужасное событие, что даже один случай - это слишком много. Кроме того, сосредоточение внимания на убийствах игнорирует тяжкие преступления, которые наносят увечья, но не убивают, такие как изнасилование и нанесение увечий на сексуальной почве, которые спровоцировали всплеск законодательной активности в отношении сексуальных преступников в штате Вашингтон в конце 1980-х годов. Но количественный показатель полезен для оценки распространенного стереотипа о растлителе малолетних как о человеке, который неоднократно насилует детей и нападает на них, пока, наконец, не убивает, вознося жизни многих жертв. Хотя мы никогда не можем знать, сколько детей подвергается растлению в конкретный год, мы можем с некоторой уверенностью сказать, сколько из них убито и при каких обстоятельствах, и результаты удивительны. Дети подвергаются очень низкому риску убийств, что делает бессмысленными заявления, часто звучавшие в 1980-х годах, о том, что многие тысячи людей ежегодно погибают от рук серийных убийц, порнографов или групп педофилов. Доля детей, убитых незнакомыми людьми, невелика, как и число погибших в результате сексуального насилия.

Рассмотрим детей в возрасте до двенадцати лет, возрастную группу, представляющую интерес для педофилов: в период с 1980 по 1994 год в Соединенных Штатах было убито 13 600 таких лиц - около 900 в год. Из них более 400 детей в год были младенцами в возрасте до одного года и, как правило, были убиты своими родителями; действительно, 54 процента всех детей-жертв были убиты родителями или другими членами семьи.

В отличие от этого, на долю незнакомцев приходилось всего 6% от общего числа убийств за год, или около 54 детей в год, хотя некоторые убийства, совершенные незнакомцами, также были отнесены к категории "неизвестных отношений" - 130 жертв в год. Но даже незнакомцы не обязательно были убийцами на сексуальной почве. Только в 3 процентах преступлений, или в 27 случаях в год, "преступления сексуального характера совершались одновременно с убийством ребенка или предшествовали ему". Пятая часть этих случаев, около 5 жертв в год, была связана с убийством ребенка незнакомцем в результате сексуального насилия, совершенного неким Уэсли Доддом; еще около 9 смертей в год были связаны с соседями или знакомыми. Что касается случаев, связанных с молодыми людьми в возрасте до восемнадцати лет, недавнее исследование показало, что около ста убийств с похищением людей в год могут быть

[Страница 11]

приписаны незнакомым людям. Эти цифры по убийствам на сексуальной почве можно сопоставить с сотнями убийств детей, совершаемых ежегодно в результате физического насилия, безнадзорности и пыток, как правило, со стороны родителей, других членов семьи или близких людей. Формулирование проблемы жестокого обращения с детьми исключительно в сексуальных терминах отвлекает внимание и ресурсы от этой другой смертельной проблемы. [*10]

Хотя недавние дебаты о сексуальных преступниках были сосредоточены на детоубийцах, таких как Уэсли Алан Додд, и убийствах на сексуальной почве, совершенных незнакомцами, таких как мужчины, убившие Меган Канка и Полли Клаас, эти жестокие преступления составляют лишь малую долю от числа убийств и преступлений на сексуальной почве в целом, и мы не должны использовать эти случаи в качестве типичных примеров в формировании социальной политики в отношении сексуальных отклонений.

Цикл законодательства

После этих печально известных преступлений в 1990-х годах почти все штаты провели фундаментальный пересмотр своих законов, касающихся

сексуальных преступников, предусматривая более суровые наказания и длительную нетрудоспособность для тех, кто считается безнадежно опасным. Другие меры включают формы оповещения общественности, предусматривающие, что освобожденные сексуальные преступники должны находиться под пристальным наблюдением полиции и должны уведомлять соседей и общественные группы, которые могут пострадать от их присутствия.

Здесь также исторические данные могут дать полезную перспективу, поскольку эти недавние законы сильно напоминают законы о сексуальных психопатах, которые были приняты с таким энтузиазмом примерно между 1937 и 1957 годами. В ту эпоху преступник также мог быть признан сексуальным психопатом, и это судебное решение могло привести его (или, что очень редко, ее) к бессрочному заключению в исправительном учреждении. Незначительное сексуальное преступление, даже мелкий проступок, теоретически может привести к тому, что обвиняемый будет заключен в тюрьму на многие годы, гораздо дольше, чем требовалось бы даже за тяжкий акт личного насилия.

Эти законы о сексуальных психопатах перекликались с еще более ранней волной законов, принятых для регулирования деятельности тех, кого тогда называли дефективными правонарушителями, - категории, которая вызвала общественную панику примерно между 1908 и 1922 годами. Современное возрождение законов о сексуальных психопатиях убедительно иллюстрирует циклический характер беспокойства по поводу сексуальных преступлений и ту же популярную тенденцию искать законодательные панацеи, которые также влияют на реакцию на подростковую преступность и злоупотребление психоактивными веществами. [*11]

В законах о сексуальных преступлениях 1910-х, 1940-х и 1990-х годов каждая волна законодательства содержала элементы, которые могли вызвать конституционный протест.

[Страница 12]

Условия, которые влекли за собой заключение под стражу в соответствии с соответствующими законами, были определены очень расплывчато, а ярлык сексуального преступника часто применялся к тем, чьи действия сами по себе не были насильственными или хищническими. Расплывчатые определения давали властям широкую свободу в наказании лиц, виновных не в серьезных преступлениях, а в моральной или сексуальной неортодоксальности, так что воздействие сильнее всего ощущалось на мелких правонарушителях с небольшим потенциалом для насилия.

Процедурные вопросы также были неясными: к девиантам применялась смесь гражданских и уголовных мер, так что де-факто уголовные наказания назначались без соблюдения процессуальных норм, а зачастую и задним числом. Наконец, после принятия эти законы применялись настолько редко, что можно предположить, что они не удовлетворяли подлинную социальную потребность.

Что примечательно в законодательстве, обременённом такими трудностями, так это не то, что оно в конечном итоге терпит неудачу, а то, что оно вообще выживает в течение какого-то периода; и крах законов о сексуальных психопатах в 1960-х годах вполне может предвещать вероятную судьбу законодательства, принятого в 1990-х годах. После того, как первоначальный фурор прошел, многочисленные случаи продемонстрировали абсурдные или несправедливые последствия законов.

Растущее противодействие со стороны юридических, судебных и либертарианских источников привело к отмене или утрате силы актов. Паническая атмосфера, окружавшая принятие законов, сама по себе вызвала реакцию, и риторика, которая когда-то казалась правдоподобной, стала казаться преувеличенной и даже нелепой. Хотя историческое сравнение рискованно, крах более ранних законов предполагает, что современные законы о сексуальных хищниках, скорее всего, постигнет сопоставимая судьба и они получат такую же дурно пахнущую историческую репутацию.

Отцы и хищники

Когда дело доходит до безопасности детей, общества различаются не только по степени опасности, которую они воспринимают, но и по характеру угрозы, а современный акцент на хищниках означает, что другие формы опасности получают меньше внимания или вообще игнорируются. Идея защиты детей как таковая политически нейтральна, поскольку вера в то, что детей нужно защищать, ничего не говорит о том, от кого или от чего.

В средние века многие европейцы были твердо убеждены, что дети постоянно подвергаются опасности быть похищенными евреями, которые якобы приносили детей в жертву в своих ритуальных жертвоприношениях, а также ведьмами и цыганами. В соответствии с религиозной идеологией того времени абсолютная определенность этих опасностей подтверждалась божественными знаками и чудесами, связанными с пропавшими и убитыми детьми, которых почитали как святых. [*12]

Сегодня, хотя мало кто будет отрицать, что миллионы американских

детей

[Страница 13]

уязвимы для сексуальной эксплуатации, есть много места для разногласий относительно корней проблемы и характера решений. Один из центральных вопросов заключается в том, исходит ли большая часть опасности из семьи или извне?

На протяжении всего прошлого столетия выявление преступников, ответственных за сексуальные преступления, было постоянным спором. В 1950 году мало кто сомневался, что проблема была в аутсайдерах, сексуальных извергах или сексуальных психопатах, почти демонических фигурах, удовлетворяющих свои пагубные сексуальные побуждения за счет неизвестных им женщин и детей. Эта идея была обнаружена в Прогрессивную эру и снова в 1970-х и 1980-х годах, но в оба эти периода образы хищника существовали наряду с конкурирующими интерпретациями, которые подчеркивали отдельную проблему инцеста или насилия со стороны членов семьи и знакомых.[*13]

Конкурирующие подходы значительно различаются по своей привлекательности и подразумеваемым политическим решениям: если точка зрения на инцест поддерживала далеко идущую критику современной социальной организации и гендерных ролей, то концепция незнакомца-растлителя была совместима с консервативной риторикой закона и порядка, общественной порядочности и моральной реинтеграции.

В бурных спорах и заявлениях последних лет, примерно между 1992 и 1995 годами, американское общественное мнение довольно резко перешло от радикальных последствий фокуса на инцесте обратно к акценту на «опасности незнакомца», на преступлениях серийных хищников, таких как Уэсли Додд. Возвышение темы хищника подразумевает крупный идеологический компромисс или уступку со стороны некоторых защитников детей и явную победу моральных консерваторов. Как часто бывало в прошлом, всегда гибкая концепция растлителя, насильника или хищника дает бесценный показатель состояния современных социальных идеологий.

Спасая детей

Мало кто живет, не совершая поступков, которые в определенном контексте определяются как преступные или девиантные и (с удивительной частотой) таковыми считаются в современных американских юрисдикциях. В разное время и в разных местах следующие действия характеризовались как сексуально девиантные и

часто преступные:

- эксгибиционизм,
- вуайеризм,
- аборт,
- скотоложество,
- мастурбация,
- контрацепция,
- согласованная садомазохистская деятельность,
- сексуальные отношения с лицами другой расы,
- гомосексуальные отношения между взрослыми людьми (мужчинами или женщинами) по обоюдному согласию,
- гетеросексуальные отношения между мужчинами и женщинами, не состоящими в законном браке друг с другом,
- и практика различных сексуальных поз или техник, причем даже брак не обеспечивал защиты от судебного преследования за оральный или анальный секс по обоюдному согласию.

Термин *содомия* оказался бесконечно гибким в понимании подобных действий.

[Страница 14]

Недавно, в 1986 году, Верховный суд США подтвердил принцип законов о содомии; около двадцати штатов все еще имеют обязательные к исполнению законы, и половина из них классифицирует такое поведение как уголовное преступление. Прелюбодеяние остается правонарушением в половине штатов и уголовным преступлением в Мичигане, Массачусетсе, Висконсине и других местах. [*14]

Также вина за девиантный сексуальный акт не всегда возлагалась полностью на одну или другую сторону. На протяжении большей части двадцатого века в случаях, связанных с инцестом или растлением, ребенок-жертва считался сексуальным преступником так же уверенно, как взрослый преступник определялся как сексуальный преступник.

Сексуально соответствующее поведение — это социально сконструированное явление, определение и границы которого сильно различаются в разных обществах, и это особенно верно в отношении детей и молодежи.

Возможно, миллиард людей, живущих сегодня, подвергались в детстве той или иной форме генитального обрезания или обрезания, которое требуется или одобряется религиозным консенсусом, практически никогда не регулируется светским правом и никогда не упоминается в литературе о сексуальных преступлениях или ритуальном насилии.

Также не существует естественного возраста сексуального согласия. Хотя биологический императив диктует ограничения на поведение детей препубертатного возраста, ни одно универсальное правило не определяет, что сексуальная готовность должным образом начинается в двенадцать, шестнадцать или двадцать один год; до 1880-х годов возраст согласия для девочек в большинстве американских юрисдикций составлял тревожно низкую цифру в десять лет. [*15]

Антропологическая литература показывает огромные различия в отношении к сексуальным контактам между взрослыми и детьми или подростками, как в современных дописьменных культурах, так и в христианских обществах доиндустриальной Европы. Европейские родители в шестнадцатом и семнадцатом веках относились к младенцам и малышам с игривой сексуальной откровенностью, которая сегодня была бы не просто дико неуместной, но и преступной. В начале семнадцатого века ребенок, который позже стал королем Франции Людовиком XIII, жил в семейной обстановке, в которой взрослые часто трогали и играли с его гениталиями. [*16]

После семи лет Людовик должен был вести себя с большей сексуальной сдержанностью, но он женился и осуществил брак в четырнадцать. Практики воспитания детей в этом случае были необычны только в деталях, с которыми они были зафиксированы, и подобное поведение все еще преобладает во многих частях мира.

Не является самоочевидным, что асексуальные действия между людьми совершенно разного возраста представляет собой безнравственное или преступное поведение, что он причиняет серьезный вред одному из участников или что они подразумевают компульсивное психологическое состояние.

Избирательный характер законов о сексе подтверждается древними двойными

[Страница 15]

стандартами, согласно которым отношения между взрослой женщиной и несовершеннолетним мальчиком всегда считались гораздо менее предосудительными, чем те, в которых гендерные роли были изменены. Молодой мужчина не подвергается опасности забеременеть, и он не рискует потерять честь или способность к браку. Для мальчиков такие отношения изображаются как ритуалы взросления, а не насилие, и эти связи с любовью изображаются в западной популярной культуре. Даже с нашей обостренной современной чувствительностью к эксплуатации, судебное преследование женщин, у которых были такие встречи, по-прежнему является рискованным предприятием для властей. [*17] Тот

факт, что представление о том, что представляет собой сексуальное отклонение, со временем меняется, делает этот вопрос столь полезным для понимания социальных установок.

Глава 2, "Создавая сексуальное преступление, 1890-1934", описывает историю американских установок в отношении сексуальных преступников в начале двадцатого века. Современной категории сексуальной преступности немногим более ста лет, и идея, что сексуальные проступки являются симптомами скрытого сексуального извращения многим обязана труду Рихарда фон Крафт-Эбинга в 1880е: термины, такие как гомосексуал, извращенец и педофил вошли в английский язык вскоре после этого. Старейшее американское упоминание растления детей как широко распространившейся социальной проблемы датируется 1894 годом, когда мы находим ошеломляющее на тот момент утверждение, что «изнасилование детей является наиболее распространенной формой сексуального преступления». [*18]

В те же годы национальное движение за повышение возраста согласия убедило большинство законодательных органов штатов принять первую волну законов в Америке, специально направленных на защиту детей от сексуальной эксплуатации. Хотя в то время это было едва замечено в Америке, в 1896 году Зигмунд Фрейд сформулировал эпохальную теорию о том, что многие девочки из респектабельных семей были действительно травмированы сексуальным насилием и инцестом. Озабоченность по поводу всепроникающей сексуальной опасности для детей сохранялась до начала 1920-х годов, когда она в значительной степени рассеялась.

Глава 2 также рассматривает самые ранние попытки разработать специальное законодательство против недавно выявленных сексуальных преступников. К 1910 году социальные исследователи подтвердили худшие предположения о распространенности сексуального насилия над детьми, а паника по поводу сексуальных убийц и извращенцев обострилась около 1915 года. Как и в 1970-х годах, активная кампания социальной работы против физического насилия выявила многочисленные случаи сексуального насилия, и как и в 1990-х годах, период беспокойства о детях, эксплуатируемых в своих семьях, сменился новой тревогой о незнакомых хищниках. Ответом стали законы о дефективных правонарушителях, которые предоставили матрицу для последующих мер против сексуальных психопатов и хищников.

[Страница 16]

Хотя страх сексуальной преступности достиг низшей точки в начале 1930х, он быстро возродился около 1935 года.

Глава 3 описывает панику, которая возникала по поводу этого вопроса в следующие два десятилетия, когда фраза «сексуальный преступник» перестала быть общим термином для любого, кто нарушил сексуальный закон, и стала использоваться для обозначения агрессивных сексуальных насильников. Идеи об угрозе обществу вначале подогревались ФБР и газетами, и затем стали популярны в книгах и журнальных статьях, в фильмах и популярной художественной литературе.

Интенсивность общественных страхов становится еще более поразительной, если сравнить ее с рядом других серьезных проблем, вызывающих тревогу в эти годы, включая постоянные военные страхи, ядерные угрозы и слухи о внутренней подрывной деятельности. Заявления нашли мощный отклик среди больших слоев населения: сексуальная угроза сфокусировала нечетко определенные страхи, вызванные социальными потрясениями того времени, которые вызывали радикальное переопределение гендерных ролей и семейных обязанностей.

В ответ на это почти в половине штатов были приняты всеобъемлющие законы о сексуальных психопатах, и эти меры исследуются в **Главе 4**, "Законы о сексуальных психопатах". Тот факт, что эти законы никогда не применялись к большому числу правонарушителей, говорит о том, что их основная функция была скорее символической, чем практической, однако эти законы действительно вызвали ожесточенные дебаты в терапевтическом сообществе.

Хотя некоторые психиатры выражали искреннюю поддержку основополагающим принципам законов и связанное с ними понятие психопата, другие были настроены более враждебно и жаловались на неправильное использование психиатрической терминологии. В ответ на панику по поводу сексуальной преступности, учёные и академики конца 1950х и 1960х годов недооценили масштаб и серьёзность проблемы сексуальных правонарушений, и призвали к движению в сторону от карательных общественных реакций. Растление стало восприниматься как неугрожающий симптом сексуальной неадекватности, заслуживающий скорее терапии, чем наказания, в рамках устаревшей правовой системы, которая напоминала о более пуританских временах. Сексуальный эпизод не причинит существенный вред ребёнку, при условии, что полиция и суды не "сделают из этого проблему".

После середины 1960х, либеральные юристы укрепили эту позицию, ограничивая возможности принудительного гражданского заключения и дискреционного вынесения приговоров, которые ранее были основополагающими для официальной политики в отношении лиц с

сексуальными отклонениями.

Глава 5, "Либеральная эпоха, 1958-1976" изучает это либертарианское отношение к видам сексуального выражения, ранее рассматриваемого как серьезное отклонение.

После середины 1970х, общественное мнение направились в противоположном направлении, с возобновлением восприятия предполагаемых угроз женщинам и, в особенности, детям. Новая и несокрушимая социальная ортодоксия утверждала, что насилие является широко распространенным, и приводит к продолжительному ущербу.

Между 1976 и 1986 годами,

[Страница 17]

несерьёзное отношение, преобладающие в начале 1970х, изменились настолько радикально и быстро, что представляют собой «революцию», описанную в **Главе 6**.

Общественное мнение сдвинулось далеко в сторону принятия того, что недавно было отчётливо феминистским взглядом: наиболее серьезная угроза исходит не от незнакомцев, а от отцов и других членов семьи. Реагируя на новые настроения, законодатели поторопились принять новые меры по защите детей от насилия и инцеста, и реформировали судебные процедуры. Хотя новые техники опроса детей и предоставления доказательств вначале приветствовались, они вскоре возымели спорные последствия, в форме предположений что насилие происходило в странной или ритуальной обстановке.

Проблема защиты детей привлекала как консерваторов, так и феминисток, а некоторые влиятельные лица использовали угрозу насилия для продвижения традиционалистских взглядов на моральный упадок. Как и в 1940-х годах, гомосексуалы оказались среди главных целей новой кампании против педофилов и сексуальных преступников, поскольку предполагалось, что гомосексуальность тесно связана с хищническим поведением, направленным против детей.

Стигматизация такого рода была обычным явлением при составлении сексуальных преступлений, поскольку заявители привлекали внимание к одной проблеме, поскольку она символизировала другую, которую нельзя было атаковать напрямую. Долгое время существовали группы моралистов, которые хотели осудить и стигматизировать гомосексуальность, продажу порнографии или деятельность маргинальных религиозных культов. Они добились небольшой поддержки этих взглядов в преобладающем моральном климате 1970-х

или 1980-х годов, который подчеркивал свободу взрослых определять свое личное поведение.

Поворот фокуса к вовлечению детей фундаментально изменил моральную и правовую среду, и сделал невозможным заявить, что эти действия были лишены жертв или имели место по согласию. В те годы мы можем обнаружить моральные кампании, направленные не против гомосексуальности, но против педофилии, в меньшей степени против порнографии в общем, чем против детской порнографии, не против культов и сатанизма, но против ритуального насилия над детьми. В каждом случае, заявители утверждений повышали ставки, утверждая, что в результате этих преступлений был нанесен реальный физический вред и что виновные были заговорщическими бандами, секс-кругами или шабашами дьяволопоклонников.

Успех этих риторических стратегий иллюстрируется моральными дебатами 1980-х годов, описанными в **Главе 7** «Детская порнография и сети педофилов».

Представления об организованной педофилии имели идеологическое значение, далеко выходящее за рамки реальных масштабов любых задокументированных сексуальных сетей, перемещая беспокойство о растлении за пределы нуклеарной семьи и отвлекая внимание от инцеста на внешнее хищничество. В отличие от более ранней

[Страница 18]

концепции растлитель как дефективной особи, заново переосмысленный «педофил» обладал опасным криминальным интеллектом с доступом к последним формам технологии, коммуникации и даже техникам изменения поведения.

Одна из популярных версий теории заговора пришлась по душе религиозным и политическим консерваторам, поскольку она буквально возлагала вину за кризис насилия на агентов дьявола, то есть на сатанинские и ритуальные круги.

Глава 8, "Дорога в ад" изучает угрозу сетей педофилов, которые, как утверждается, действуют в американских дошкольных учреждениях, концепция, которая стала разумным подобием средневековой угрозы ритуального убийства.

Как и ранее, предположения возникали от коалиции заинтересованных групп, включающих в себя терапевтов, феминисток, религиозные и противостоящие культам группы, и теоретиков политического заговора. Эта паника по поводу насилия привела к неудаче движения за защиту

детей, поскольку растущее недоверие к обвинениям и методам, с помощью которых они были произведены, привело к беспрецедентной критике защитников детей. С этим было связано нападение на движение жертв инцеста, в частности, на идею о том, что подавленные воспоминания о насилии могут быть восстановлены с помощью терапии.

В новом климате начала 1990х, как восстановленные воспоминания взрослых о детстве, так и показания детей касательно дошкольной дьявольщины воспринимались со скептицизмом, и всё движение выживших само по себе стало рассматриваться как насущная социальная проблема.

В то время как беспокойство о сексуальных угрозах не уменьшается, сомнения о насилии со стороны родителей и близких привело к возобновлению внимания к внешним хищникам.

Как описывает Глава 9, в 1990х растлители и педофилы вновь стали изображаться как чужаки и девианты, как монстры и хищники. Новый страх был сфокусирован на Интернете, который стал восприниматься как средство, с помощью которого педофила могут преследовать и соблазнять детей онлайн, и персональный компьютер становится троянским конём в доме. Если растлители настолько опытные в своих методах и настолько компульсивны в своём поведении, с ними можно справиться только путем экстренного реагирования, возможно, путем длительного превентивного задержания, предусмотренного законами о хищниках.

Глава 10 отслеживает общие элементы в этих следующих одна за другой паниках и описывает сложную взаимосвязь групп интересов, которые определили и предали огласке проблему сексуальных преступников. Защита детей — настолько политически привлекательная тема, что удивительно найти эпохи, когда она не находится на переднем крае общественных дебатов, и периоды паники можно объяснить легче, чем времена самоуспокоенности, такие как 1920-е или 1960-е годы.

Различие между эпохами объясняется изменением аудитории, к которой активисты

[Страница 19]

стремятся обратиться. Изменения в общественных настроениях отражает демографические изменения, которые определяют оценку социальных угроз, и изменение демографических паттернов также определяет, как много свободы можно предоставить молодёжи в её личном поведении.

Как мы должны увидеть, паника на тему сексуальных преступников

тесно связана с другими страхами: от страха молодежной преступности, до опасений злоупотребления наркотиками, ссылка которая частично объясняет то, почему беспокойство по поводу сексуальных преступлений настолько часто приобретает схожие идеологические направления, подчёркивая внешние фигуры монстров, психопатов и хищников.

2. Конструируя сексуальную преступность 1890-1934 гг.

Мне было только восемь лет:

Пока не подросла и не узнала,

Что это значит, где мне было взять

Слова для этого! Была я только

Испугана и рассказала маме*

ЭДГАР ЛИ МАСТЕРС, «НЕЛЛИ КЛАРК», ИЗ АНТОЛОГИИ СПУН-РИВЕР

[Страница 20]

В 1926 году, психиатр Бенджамин Карпман изучал человека, который в другие эпохи мог быть обозначен как сексуальный извращенец, осквернитель, растлитель детей или серийный педофил. Карпман подробно цитирует слова субъекта, Кеннета Элтона, который предстает как цельная историческая фигура, а не как стереотипный монстр из СМИ. [*1]

Родившийся в Вирджинии в 1899 году, Элтон утверждает, что он был изнасилован взрослой женщиной, соседкой, когда ему было семь, и этот инцидент существенно повлиял на его дальнейшее поведение. Он начал растлевать младших девочек когда ему было около пятнадцати. Как зачастую происходит в подобных случаях, имеются разногласия по поводу возраста жертв: в то время, когда власти его стремление к детям до полового созревания, Элтон представлял себя как просто мальчик подросток, падкий на девочек лишь незначительно младше его. Работая в военном лагере в течение Первой мировой войны, он общался с девушками тринадцати или четырнадцати лет, предпочитая их женщинам-«охотницам за золотом», которых посещали

[Страница 21]

солдаты, считая, что более молодые весьма вероятно не имеют болезней. В 1914, году, однако, он был обвинен в попытке изнасилования девочки в возрасте между семью и десятью. Объявленный слабоумным, он был направлен в государственный госпиталь, но доктора там определили, что он не был невменяем в медицинском смысле. В 1922 году, после приближения к молодой девочке на улице, он получил тюремное заключение сроком на один год; в 1925 году, будучи пойманным, совершая кунилингус девятилетней

девочке, он был направлен в госпиталь святой Елизаветы в Вашингтоне, округ Колумбия. Элтон был озадачен жёсткой официальной реакцией, и приуменьшал свои преступления, как "своего рода мастурбацию, просто чтобы выстрелить".

Судьба Элтона в 1920е годы отличалась от того, что могло бы произойти на век или два раньше: вместо того, чтобы рассматриваться, как акт морального зла или похоти, его поступок воспринимался как медицинское состояние, заслуживающее лечения в психиатрическом учреждении. Вмешательство было необходимо чтобы помешать модели компульсивного, "извращённого" проведения, которое вряд-ли поддаётся простому сдерживанию.

Серьёзность, с которой воспринимались его поступки, говорит о том, что Элтон воспринимался как только одно проявление большей проблемы, которая получила имя сексуальной преступности. Хотя он физически не навредил своим жертвам, власти знали о шансе, что его проступки могут эскалировать, и их осведомлённость была основана на медицински ориентированном восприятии, которое пронизало системы уголовного правосудия и психического здоровья к началу двадцатого века.

Новая позитивистская криминология была основана на радикальном принципе, что девиантное поведение было симптомом, указывающим на лежащие в основе медицинские или биологические отклонения у преступника, состояния, которое требовало лечения или недееспособности. Этот подход подорвал традиционные идеи личной ответственности и правовой виновности, и расставило новый акцент на защите сообщества от настойчивых правонарушителей.

Дело Элтона произошло во время, когда корректный ответ на сексуальные преступления широко обсуждался. Хотя все признавали необходимость защищать детей, существовали резкие различия в подходе между сторонниками социальных реформ, очищения трущоб и программ против бедности с одной стороны, и теми, кто предпочитал силовые действия полиции и судов, с другой. И в поздние годы, те, кто видел проблему в незнакомцах-растлителях влияли на политиков в куда большей степени, чем активисты, обеспокоенные "внутренним" насилием и инцестом.

Во многих отношениях, эра прогрессивизма является далёким зеркалом противоречивых дебатов насилия, проблемы, в первый раз сформулированной в своём современном смысле между примерно 1908 и 1922 годами. Предвосхищая 1970е и 1980е, феминистки объединялись с терапевтами, социальными работниками и моральными реформистами, с целью защищать детей и

новые идеи распространяли сенсационалистские СМИ. Также, как и в более поздние годы, детозащитное движение получало поддержку со стороны бюрократии правоохранительных органов и исправительных учреждений, которые получили новые полномочия для контроля девиантов.

Моральные законы

Хотя уголовные законы регулирующие сексуальное поведение существовали со времён старейших цивилизаций, обоснование для подобного законодательства существенно изменилось с течением времени.

В Америке, самые ранние своды законов содержали длинный список сексуальных преступлений заслуживающих наказания, включающих блуд, прелюбодеяние, скотоложество и гомосексуальность, влекущее за собой тяжёлые физические наказания. Эти действия были запрещены, потому что они рассматривались как тяжкие грехи, и этот религиозный консенсус был отражён в законах гражданского общества [*2].

Концепции извращения и сексуальной преступности девятнадцатого и двадцатого веков были наложены на правовые кодексы, основанные на совершенно иных концепциях греховности всего аморального.

Одна повторяющаяся проблема в изучении ранних законов заключается в том, что девиантное сексуальное поведение вызывало такой ужас, что дела были редко описаны в деталях, затрудняя для кого-либо сегодня определить точную природу первоначального преступления: обвинительное заключение в делах о гомосексуальности, например, иногда упоминалось только как "преступление, которое не может быть названо среди Христиан".

Хотя содомия повсеместно осуждалась в колониях и в ранней республике, и даже могла караться смертной казнью, существует множество разногласий, по поводу того, что она влекла за собой.

Согласно обычному праву, преступление, включающее в себя сексуальное проникновение, которое не вело к деторождению, включая сношения между мужчинами, с животными, с неполовозрелыми детьми обоего пола. Характеристика, однако, могла быть расширена, и в 1641 году в колонии Массачусетского залива происходили дебаты по поводу группы мужчин, которые подвергли сексуальному "злоупотреблению", хотя и без проникновения, двух молодых сестёр, Сару и Доркас Хэмпфри. Некоторые адвокаты и богословы утверждали, что это поведение заслуживает смертной казни, положенной за содомию, но мужчины отделались штрафом и поркой. [*3]

Старые законы о морали просуществовали до двадцатого столетия. В 1934 году, в штате Нью-Йорк имело место редкое судебное преследование мужчины за прелюбодеяние с замужней женщиной, но другие города проявили больший энтузиазм: обвинения в блуде и прелюбодеянии были обычными явлениями в специальных моральных судах Чикаго в течение 1920х годов, в то время как в Бостоне было зарегистрировано 242 ареста за прелюбодеяние ещё в 1948 году. Содомия оставалось общим определением для различных актов по согласию, гетеросексуальных или гомосексуальных, включающих оральный или анально-генитальный контакт

[Страница 23]

также как и скотоложество и некрофилия; отсутствие определённости обеспечивало некоторую свободу действий, и в начале двадцатого века суды не были единодушны в вопросе о том, следует ли включать фелляцию в это определение. До того, как Иллинойс реформировал свои законы в 1961 году, все американские юрисдикции имели законы о содомии, и наказания могли быть суровыми.

В 1940х, добровольная содомия с лицом старше восемнадцати лет предусматривала максимальный срок заключения в один год в Нью-Йорке, но пожизненное заключение в Джорджии и Неваде, и пятнадцать штатов имели максимальное наказание в двадцать лет или больше. Хотя мужчины-гомосексуалы обычно страдали от этих диких наказаний, они также применялись к гетеросексуалам.

В Вайоминге и Индиане, сексуальные сношения с девушкой до двадцать одного года признавалась блудом, которое каралось заключением в тюрьму на несколько месяцев.

Если мужчина мастурбировал девушке, но не имел сексуальных сношений с ней, тогда обвинением была содомия, с максимальным сроком наказания в пять лет в Вайоминге, и четырнадцать лет в Индиане. [*4] В Калифорнии за «оральное извращение» было предусмотрено наказание в виде пятнадцати лет лишения свободы.

Существование более старых правовых принципов вызвало замешательство, когда проблема сексуального преступника была сформулирована, поскольку было невозможно анализировать общую информацию о сексуальных преступлениях, которые включали в себя широкий диапазон поведения, насильственного и добровольного, опасного и обыденного. В Массачусетсе, уголовная статистика с 1915 года стала включать категорию преступлений "против целомудрия, нравственности и порядочности", но это включало в себя проституцию и сутенерство, также как и прелюбодеяние, двоеженство, аборт, непристойность, многожёнство, и жестокое обращение с животными.

Современные академические исследования озадачены обилием

нарушителей, виновных в технических нарушениях архаичных и загадочных законов, все из которых технически были сексуальными преступниками. Также было трудно определить по настоящему опасных и хищных преступников, которые должны быть подвергнуты особым санкциям. Попытки разработать устав о сексуальных психопатах в 1940-х или 1950-х годах требовали списка конкретных действий, которые человек должен был совершить, и эти перечни слишком часто включали сексуальные преступления, которые на самом деле не были связаны с применением силы или насилия.

"Преступником, обвинённым в половом насилии, мог быть тот кто: изнасиловал взрослую женщину; тот, кто поцеловал или ласкал несовершеннолетнюю; или тот, кто имел добровольные или насильственные сношения с несовершеннолетней" [*5]

Даже уточнение, что человек должен был совершить отвратительные или насильственные сексуальные преступления не всегда срабатывало, поскольку обвинительные заключения формулировались таким образом, чтобы сделать мелкие нарушения неотличимыми от экстремальных извращений.

Эти проблемы были острыми в сфере преступлений против детей, так как это было за много лет до того как профессионалы в области медицины и психиатрии осознали что

[Страница 24]

эффективная классификация преступников должна выйти далеко за рамки существующих правовых категорий. В течение паники на тему сексуальных преступлений в середине двадцатого века, большинство писателей упрямо отказывались признавать, что множество изнасилований и "преступлений против детей" фактически включали в себя нарушение законов, основанных на весьма различных представлениях о возрасте сексуального согласия. Хотя юридически они были классифицированы наравне с настоящими растлителями, таким как Кеннет Элтон, многие "детонасильники" были мальчиками или молодыми мужчинами, которые имели добровольные сношения с девочками подростками примерно их возраста.

Американские колонии следовали принципу обычного права, что, до определенного возраста, девочки были слишком молоды чтобы дать действительное согласие на сексуальную активность. Большинство юрисдикций определяли сексуальные сношения с девочкой моложе десяти как изнасилование или развратные действия**, в то время как сексуальное взаимодействие, не достигающее до полового сношения, обычно классифицировалось как непристойные вольности,

«безнравственные и похотливые действия».

Преступления расценивались как тяжкие преступления, если были совершены против детей до десяти лет, но акты с немного более старшими девочками обычно были проступками. В 1885 году в большинстве штатов все ещё сохранялся английский возрастной предел в десять лет, а в четырех был введен возраст в двенадцать лет, однако широко распространенному общественному движению удалось существенно повысить эти пределы в течение следующих нескольких лет.

В Нью-Йорке, например, устав 1787 года устанавливал возраст сексуального согласия в десять лет, так что сношения с младшим ребенком признавались изнасилованием, караемым смертной казнью; возраст согласия повысили с десяти до шестнадцати в 1887, и затем до восемнадцати в 1895, каким он оставался в течение первой половины двадцатого столетия. [*6]

К 1895 году двадцать два штата имели возраст согласия в шестнадцать или восемнадцать лет, в то время как ещё десять выбрали четырнадцать лет. Парадоксальным образом средний возраст когда молодёжь переживала половое созревание неуклонно падал с семнадцатого по девятнадцатое столетия, так что существовал растущий разрыв между биологической зрелостью и законным возрастом для сношений. К началу двадцатого столетия этот интервал зачастую составлял пять лет или больше, что существенно увеличило потенциал для юридических конфликтов.

Новый принцип более высокого возраста согласия не получил немедленного признания. Даже после 1900 года, пять южных штатов всё ещё устанавливали возраст согласия в десять лет, в то время как некоторые другие юрисдикции поддерживали ограничения в двенадцать или тринадцать. Невероятно, но в Делавере он составлял семь лет. В 1910 году в Соединенных Штатах было зарегистрировано около пятнадцати тысяч замужних девушек, которые признались, что им пятнадцать или меньше, но поскольку завышение возраста в свидетельствах о браке было столь распространенной практикой, эта цифра, вероятно, представляет собой лишь часть фактических случаев.

[Страница 25]

Но процесс повышения возраста согласия продолжился в следующих десятилетиях, вызвав ряд конфликтов между законом и практикой. В 1934 году, к примеру, закон штата Теннесси установил возраст согласия в двадцать один год, и суд Теннесси обвинил в растлении мужчину, имевшего секс с двадцатилетней женщиной, которая ранее была

жената. [*7]

Некоторые штаты принимали во внимание возраст мужчины в каждом случае, но большинство - нет, даже если он был моложе девочки. И в то время как инцест был запрещён практически в каждом штате, это преступление было строго определено как сношение с проникновением; другие сексуальные акты не преследовались по этому закону.

В середине века юристы с удовольствием указывали на такие аномалии как на нереконструированные пережитки старых социальных установок, но даже сегодня нет единого мнения о возрасте согласия. В Соединённых Штатах сорок один штат имеет возраст согласия между шестнадцатью и восемнадцатью, но оставшиеся девять разрешают сексуальную активность более молодых девушек, в некоторых случаях двенадцати- или тринадцатилетних. (В Канаде возраст согласия - четырнадцать лет). Штаты с более высоким возрастом согласия неизменно имели большее число нарушителей закона и таким образом, очевидно, самую высокую концентрацию лиц, совершающих сексуальные преступления против детей. [*8]

Возрастные ограничения для мальчиков-подростков имеющих секс с мужчинами, представляют мутную юридическую область, но вопрос вскоре может стать актуальным, если штаты легализуют однополые браки: если бы для обоих полов были предусмотрены одинаковые возрастные ограничения, то в некоторых штатах браки мальчиков подростков были бы теоретически законными, однако это было бы неприемлемо для общественного мнения.

Моральная риторика для регулирования гетеросексуального поведения была подкреплена прагматическим мотивом предотвращения незаконнорожденности и снижения нагрузки на систему общественного благосостояния.

Вред, от которого молодая жертва должна быть защищена, был не физическим или психологическим, но экономическим, потому что потеря девственности наносила урон по способности девушки выйти замуж; защита распространялась как на семью девушки, так и на ее собственные перспективы.

В Антологии Спун-Ривер Эдгара Ли Мастерса (1915), отец восьмилетней Нелли Кларк намеревался поймать её растлителя потому что с нарушением ее девственности она больше не может выйти замуж в сообществе; хотя она позже успешно вышла замуж за постороннего человека, который не знал об инциденте, он оставляет её, когда узнаёт её настоящую историю. Если бы девочка-жертва была в законном возрасте, её семья зачастую пыталась принудить её выйти замуж за растлителя, подкрепляя свои требования насилием или угрозой остракизма. Законы штатов отражали этот подход «испорченного

товара», когда они ограничивали простое возрастное ограничение оговорками о характере девушки. В Пенсильвании середины двадцатого века, секс с девочкой моложе возраста согласия приводил скорее к уменьшенному обвинению в

[Страница 26]

блуде, чем в изнасиловании, если она "не пользовалась хорошей репутацией или была ранее известна своей нецеломудренностью". В Северной Каролине, секс с девушкой между двенадцатью и шестнадцатью был изнасилованием только, если она была девственницей, в то время как в Западной Вирджинии секс с девочкой до шестнадцати был изнасилованием только если она "имела ранее целомудренный характер". В 1961 году, шестидесятилетний мужчина из Западной Вирджинии признался в совершении сексуальных актов с девятилетней девочкой, но был оправдан по обвинению в изнасиловании, когда девочка признала, что ранее имела сношения с мальчиком-подростком. [*9]

Защита чести семьи сопровождалась беспокойством по поводу расовых границ, и расовые тревоги оказались центральными в обеспечении соблюдения законов о сексе. Сексуальные инциденты зачастую разжигали расовое насилие в Соединённых Штатах, и представление, что белые девочки подвергаются угрозе со стороны чёрных мужчин поддерживалось художественными произведениями, такими как фильм 1915 года «Рождение нации». Из 4 259 случаев линчевания, произошедших в Соединённых Штатах в период с 1880 по 1920 год, в четверти случаев в качестве оправданий приводились изнасилование, попытка изнасилования или растление. В этот период обвинения в сексуальных домогательствах в широком смысле стали причиной примерно двадцати пяти линчеваний в год, а с 1890-х годов 90 процентов всех жертв линчевания составляли афроамериканцы. [*10]

В те годы смертная казнь часто применялась за серьезные сексуальные преступления, будь то по воле государства или толпы.

Создавая извращенца

До конца девятнадцатого столетия, преступления, включающие секс, были обычной частью работы системы правосудия, но не существовало понятия "сексуального преступника" как отличной или особенно опасной категории злоумышленника. В колониальные времена, термины, такие как содомия или плотское насилие использовались для обозначения действительного поведения, а не внутренних тенденций, хотя самые щепетильные могли бы назвать неподобающие желания «содомией сердца». В общепринятом смысле, содомит был человеком, который

делал определенные поступки, а не был предрасположен к ним, точно как вором был тот, кто воровал, а не кто-то, сражавшийся с соблазном воровать.

После конца 1880х годов, американская психиатрия и медицина были преобразованы новым восприятием "сексуального извращения", которое являлось тенденцией к совершению сексуальных актов, не ведущих к продлению рода. В отличие от старого понятия содомии, извращение оставалось извращением, вне зависимости от того, было оно совершено на практике или нет.

Этот эссенциалистский взгляд вызвал критический сдвиг в понятии сексуального преступления, и потребовал новые формы официального вмешательства. [*11]

Определение сексуальных преступлений было частью общего изменения западной

[Страница 27]

мысли в конце девятнадцатого века, что Мишель Фуко назвал новой эпистемой, новые способы оценивания правды и знания. Преобладающая система знаний состояла из идей эволюционной науки, индустриального прогресса, научного расизма, евгеники и империализма, и а сопутствующая социальная идеология находила легитимность в стереотипизации и исключению социальных категорий, которые противоречили или бросали вызов этим ценностям.

В Соединённых Штатах, исключенная тень прогресса включала в себя не только расовые меньшинства, но также криминальных биологических типов и дегенератов, убийственных сексуальных хищников и извращенцев, чьи коварное воздействие на расовый прогресс символизировалось свирепствующими венерическими заболеваниями, которые стали всеобъемлющим кошмаром для социальных реформаторов. И новая перспектива, хотя и убедительно облеченная в язык сциентизма, оказалась полностью совместимой с современными представлениями о моральной реформе и сексуальной чистоте, которые она часто использовала для оправдания. Среди различных видов извращений, которые попали под изучение в Америке были педофилия и гомосексуализм (английский термин "гомомексуал" восходит к 1892 году). Подтверждением масштабов опасности извращенцев стали доказательства, представленные прогрессивистами и разоблачителями преступлений в районах преступности американских городов, где субкультуры геев и педерастов были очевидны любому исследователю.

Исследования тех лет звучат довольно знакомо для более поздней аудитории: "известный педераст" в Филадельфии, который заразил

сифилисом десятки своих жертв; "религиозный лицемер" который "погубил многих мальчиков".

В 1881 году случай в Миссури, включающий содомию между взрослым мужчиной и тринадцатилетним мальчиком, был отмечен с упрёком, что "это случай, который, как бы часто он ни совершался, редко доводится до сведения полиции". К концу века социальные реформисты, пробравшись в преступные миры американских городов, нашли доказательства детской проституции, включающей как девочек, так и мальчиков.

В 1892 году, Преподобный Чарльз Паркхерст столкнулся с борделем, где женоподобные мальчики-проститутки были вовлечены в "худший порок, что хранит Нью-Йорк". Стефан Крейн начал писать роман о карьере мальчика этого типа, манускрипт, озаглавленный "Цветы асфальта", прежде чем последовать совету его друзей, что работа будет неприемлемой для публикации, даже в обществе, стремительно привыкающем к литературным разоблачениям. Расследование преступлений в Филадельфии в 1912 году отметило "развращение сотен молодых парней для использования извращенцами. Множество мальчиков в брюках до колен открыто продают себя на наших улицах, практикуя извращения".

Это использование мальчиков от восьми до четырнадцати лет развилось в последние пять лет до ужасающей степени". В 1925 году, отчёт о преступных районах Чикаго

[Страница 28]

зафиксировал, что "маленькие мальчики в возрасте даже десяти лет посещали определенные театры с целью склонения мужчин к гомосексуальным практикам. ... Мы обнаружили, что они были прогульщиками, беглецами, дефективными". [*12]

Подавляющее большинство подобных разоблачений относились к эксплуатации молодых девочек. С середины 1880х, американские реформисты находились под глубоким влиянием активности английских "моральных крестоносцев" Жозефины Батлер и У. Т. Стеда, которые раскрыли широко распространенную моду на несовершеннолетних девушек в среде организованной преступности, и выступали за существенное повышение возраста согласия и более строгое соблюдение этого права полицией.

Американские писатели изображали глубокую угрозу для молодых девушек, которые были незащищены юридической системой, наивно полагающей, что двенадцатилетний может дать информированное

сексуальное согласие. В 1893 году Чарльтон Эдхольм в часто переиздаваемом трактате «Торговля девочками» приводил якобы типичные случаи эксплуатации детей:

"Когда в суд приводят крупного, крепкого мужчину пятидесяти лет и ставят перед ним десятилетнюю жертву его похоти, и он может доказать, что ребенок за конфетку согласился на действие, о котором его детский ум ничего не знает, то присяжные из двенадцати человек — вероятно, сами отцы маленьких девочек — признают ребенка виновным, а мужчину невиновным. Если он не может доказать согласия, его все равно нельзя наказывать, если не будет доказано, что маленький ребенок ... сопротивлялся до изнеможения или смерти".

Такие истории подтолкнули государственных законодателей повысить возраст согласия, в то время как феминистки и религиозные группы объединились для протеста против "ужасных унижений, которым подвергаются даже маленькие девочки". Национальные публичные кампании, сопровождавшие эти меры, популяризировали реформистскую точку зрения, что мужчина, имеющий сексуальные отношения с детьми, был не просто распутником или гедонистом, но чудовищем и извращенцем, «моральным прокаженным» или «диким зверем», совершившим тяжкое преступление против морали и расового благополучия, и который был столь же очевидно опасен, как и переносчик оспы. Эдхольм осуждал «человеческих горилл, иначе известных как развратные мужчины». [*13]

В те же годы, медицинские писатели аналогичным образом утверждали, что сексуальные преступники являются подлинной угрозой социальной и расовой гигиене. Книга Ричарда фон Краффт-Эбинга "Половая психопатия", вышедшая в 1886 году, вдохновила поток сообщений о сексуальных состояниях и жалобах, в то время как американские учёные развивали свою собственную таксономию сексуальных убийц, педофилов и других сексуально мотивированных преступников. В 1894 году широко читаемый учебник «Система юридической медицины» завершил новаторский отчет «Сексуальные преступления» доктора Чарльза Г. Чеддока, который годом ранее перевел первое американское издание трактата Крафта-Эбинга. В работе Чеддока содержались разделы об изнасиловании,

[Страница 29]

сексуальном насилии над детьми, содомией (которая включала педерастию, скотоложество и трибадизм), инцест, эксгибиционизм и непристойное обнажение, и сексуальное извращение. В этом авторитетном исследовании, Чеддок использовал европейскую статистику, чтобы предположить, что «изнасилование детей это самая

частая форма сексуального преступления», что составляет, возможно, 80 процентов изнасилований, зарегистрированных в полиции. Такая частота легко объяснима, поскольку дети слабы и уязвимы, в то время как мужчины всегда находятся в поисках новых сексуальных ощущений.

Кроме того, в латинских обществах процветало пагубное суеверие, гласившее, что половой акт с девственницей может излечить венерические заболевания, и эта ассоциация давала американцам старой закалки еще один повод нападать на нравы новых иммигрантов. Другие формы эксплуатации включали сексуальное насилие, определяемое как «сексуальные манипуляции, не имеющие отношения к нормальному половому акту», а педерастия обсуждалась в терминах анального секса. «Сексуальное извращение (эротический фетишизм [sic]) может привести к неестественному предпочтению детей» и возникло из «конституционального психопатического дефицита». [*14]

Система юридической медицины также содержала новаторскую статью под названием «Непристойное нападение на детей», которая стала первым исследованием, предполагающим распространенность инцеста и растления в Соединенных Штатах. Она была написана У. Трэвисом Гиббом, молодым гинекологом, который был врачом-экспертом Нью-Йоркского общества по предотвращению жестокого обращения с детьми (NYSPCC), благотворительной организации, созданной в 1874 году для расследования случаев физического насилия и пренебрежения детьми.

К 1910 году у нью-йоркского общества было более трехсот подражателей по всей стране, и вместе они составили национальное движение за помощь правонарушающим, заброшенным или непослушным детям. Первоначальная цель предотвращения жестокости превратилась в более широкие схемы перестройки семейных структур бедных в направлениях, более соответствующих моделям среднего класса, отчасти посредством инновационных устройств, таких как суды по делам несовершеннолетних (1899).

По мере того, как защитники детей исследовали жизнь трущоб, они обнаружили другие формы зла «кроме того... постоянное присутствие вопиющего физического насилия того типа, который привел к этому движению - а именно, «что девочки, будучи ещё детьми и не осознавая, что они делают, навлекают на себя или невольно подвергаются ужасному насилию со стороны мужчин» и в результате заражаются «отвратительными болезнями». Поскольку все рассмотренные случаи касались бедных и часто иммигрантских детей, проблема была воспринята как отражение непротестантских ценностей городских жителей, что привело Гибба к выводу, что «подавляющее большинство

случаев... происходит среди самых бедных и самых развращенных классов людей». [*15]

[Страница 30]

Ключевым открытием Гибба было то, что растление было распространенным преступлением, которое выходило за рамки привычного образа мужчин, насилующих или соблазняющих несовершеннолетних девочек. Хотя Гибб нашел «мало или ничего в судебно-медицинской литературе, относящейся непосредственно к преступлению непристойного нападения на детей», он пришел к выводу, что эти действия происходили «гораздо чаще, чем обычно предполагается», «обычно совершались тайно и без свидетелей, ... и могли совершаться взрослыми мужчинами против мальчиков и женщинами против детей любого пола». NYSPCC отметил «многочисленные случаи», в которых детям разрешалось или их заставляли «совершать акт мастурбации» над взрослым мужчиной или женщиной.

Гибб лично расследовал нападение 1892 года, в котором двое мужчин делали куннилингус одиннадцатилетней девочке. Нападения совершались «мужчинами, которые были невменяемы, стариками, не достигшими зрелого возраста, мужчинами под воздействием спиртного и теми, кто страдал от какой-либо формы извращения полового инстинкта, которая может быть сродни безумию»: эта «извращенная» категория включала мужчин, интересующихся куннилингусом или взаимной мастурбацией». По своим последствиям эти оскорбительные действия сильно различались от случая к случаю, часто не причиняя никакого вреда «за пределами морального», но иногда нанося ущерб настолько экстремальный, что приводил к смерти. [*16]

Гибб составил каталог распространенных форм растления, включая случаи, когда дети либо занимались мастурбацией или оральным сексом со взрослыми, либо были их получателями; это было значительным отходом от медицинского предположения того времени, которое гласило, что если девственная плева девочки была обнаружена нетронутой, она не могла подвергнуться насилию. Гибб затронул современную ноту, когда посоветовал врачам быть тщательными при физическом осмотре жертв, отмечая симптомы необычного генитального насилия (включая увечья инородными предметами) и выискивая доказательства выделений или заболеваний, передающихся половым путем. Менее современным было его настойчивое требование, чтобы осмотры проводились без предупреждения, чтобы у ложных обвинителей не было времени подделывать симптомы.

Наблюдения Гибба часто повторялись социальными исследователями и моральными крестоносцами, которые называли сексуальное насилие одним из зол, происходящих от катастрофической бедности, плохого образования и тесного жилья. Криминалист Генри Бойс жаловался в 1893 году, что дети «занимаются беспорядочными половыми связями» на улицах, «где каждый грязный ночной ястреб ищет свою жертву, теряя прекрасную невинность детства прежде чем они достигнут подросткового возраста». В 1913 году наблюдатель, критикующий «бесчеловечное стадное содержание в многоквартирных домах», заметил, что «дела, возникающие из-за соращения невинных детей жильцами, являются обычным делом в Детском суде», с сопутствующими проблемами беременности и

[Страница 31]

сифилиса; «Во многих домах были жильцы, которые приходили ночью подвыпившими, и молодые девушки тоже пробирались ощупью по темным лестницам». Экономическое выживание бедных семей зависело от приема квартирантов, которые обычно делили комнаты с детьми.

В 1911 году комитет по перенаселенности в Нью-Йорке рекомендовал не разрешать жильцам делить комнаты с детьми противоположного пола старше двенадцати лет, хотя он не видел опасности для более молодых детей или детей того же пола. Для некоторых, новая городская Америка, казалось, была создана, чтобы поощрить сексуальную эксплуатацию детей. С примерно 1908 года, беспокойства о «неописуемых травмах», причинённых молодым девочкам, стали приоритетом для агентств по борьбе с жестокостью, и отчёт Массачусетского общества отмечал:

«Это насилие против которого наши сообщества ещё не научились адекватно защищать своих детей. Ни один город или посёлок скольконибудь значительных размеров не свободен от этого разложения». [*17]

Усилия по реформам были направлены для обеспечения как социальной чистоты (искоренение проституции) и социальной гигиены (предотвращение венерических заболеваний, которые были угрозой для здоровья расы, не меньше, чем для жён распутных мужчин). Когда работники благотворительных организаций и врачи начали активно расследовать проблему венерических заболеваний, они с ужасом обнаружили, как много детей заражено.

В 1910 году, президент Американского альянса за чистоту отметил, что «социальные заболевания... распространены в тревожных масштабах среди детей школьного возраста, как мальчиков, так и девочек». В 1909 году, было установлено, что гонорейная инфекция затрагивает от восьмисот до тысячи девочек в одном только Балтиморе, в то время как

изучение 262 молодых (допубертатных?) девочек, посещавших один госпиталь в Сент-Луисе в течение пятимесячного периода, зарегистрировало четырнадцать случаев гонореи, или 5 процентов от общего числа. Чикагский окружной госпиталь имел отделение для детей с венерическими заболеваниями, «одно из самых печальных зрелищ» в городе, которое за двадцатисемимесячный период посетили шестьсот детей в возрасте до двенадцати лет.

Медицинские эксперты различались в реализме, с которым они объясняли эти тревожные факты. В 1915 году в исследовании случая шестидесяти шести маленьких девочек, диагностированных в клинике Сент-Луиса, исследователи кратко рассмотрели идею о том, что инфекция может распространяться через изнасилование или сексуальное насилие. Но эта возможность была серьезно исследована только в четырех случаях, ни один из которых не дал подтверждающих физических следов (что может означать, что исследователи рассматривали только передачу через вагинальный половой акт). Не имея других гипотез, авторы статьи проследили заражение до плохо спроектированных сидений унитаза. Но не все были столь наивны. Нью-йоркское обследование шестидесяти инфицированных детей

[Страница 32]

несколько лет спустя отмечало по меньшей мере шесть случаев инцеста и два случая изнасилования. Случаи в Чикагской окружной больнице были объяснены следующим образом:

- 60 процентов заразились заболеванием «случайно»,
- 20 процентов унаследовали его,
- и другие 20 процентов подверглись «преступному нападению со стороны больных людей» [*18]

Даже если мы скептически относимся к большой группе людей, которые «случайно» заразились этой болезнью, данное заявление в его нынешнем виде убедительно подтверждает масштабы сексуального насилия.

Наблюдатели признавали опасность как инцеста, так и растления со стороны незнакомцев. В рассказах Гибба зафиксированы случаи нападения со стороны родителей и знакомых, а также незнакомцев, Прогрессивные исследователи убедительно подтверждали угрозу инцеста, а общества по борьбе с жестокостью регулярно раскрывали случаи половых связей между отцами и дочерьми. [*19]

Помимо работников благотворительных организаций и реформаторов в области медицины, новые учреждения ювенальной юстиции также обнаружили многочисленные доказательства жестокого обращения и инцеста. Молодые люди, которые были сексуально активными, зачастую при обстоятельствах, которые сегодня были бы описаны как растление или инцест, были зачастую обозначены как сексуальные преступники, частично из-за ощущения, что они спровоцировали насильственное поведение. Объясняя гонорейные инфекции среди маленьких детей, один Нью-Йоркский отчёт отметил, что «из одиннадцати случаев сексуальной преступности, мы найдём шесть случаев инцеста»; сексуальные преступники были заражёнными детьми.

Один из резонансных случаев, зафиксированный в 1931 году, касался одиннадцатилетней девочки, представшей перед судом по делам несовершеннолетних за ее сексуальное преступление, которое включало в себя многократные половые сношения с шестидесятилетним «парнем», который подобрал ее в парке; мужчину оправдали, поскольку присяжные отказались отправлять мужчину в тюрьму «за такую девочку». [*20] Очевидно, ярлык «преступника» сильно отпугивал людей от сообщений о случаях растления.

Какой бы несправедливой ни была правовая система, существование групп несовершеннолетних правонарушителей предоставило прекрасную возможность для социальных исследователей, которые легко подтвердили утверждения о масштабах сексуального насилия.

В одном классическом исследовании, Софонисба Брекинридж и Эдит Эбботт исследовали случаи девочек-правонарушительниц, которые предстали перед Чикагскими судами по делам несовершеннолетних в период с 1903 по 1908 годы. В ходе исследования они опросили 254 девочек об их первом сексуальном «проступке», в результате чего было выявлено сорок шесть «невыразимо ужасных случаев в которых девочки стали жертвами членов своих собственных семей», также как и пятьдесят других случаев применения «силы или мошенничества».

Представленные исследования случаев полны историй об инцесте и растлении: о пьяном отце, который «преступно издевался над двумя маленькими дочерьми», о другом, который «преступно издевался над девочкой, когда ей было только семь». Другая девочка подверглась «преступному насилию» со стороны пьяного отца, когда ей было одиннадцать, и он «также

[Страница 33]

плохо обращался с младшей сестрой»; другая девочка подверглась «преступному нападению со стороны соседа». Истории обычно

заканчивались тем, что девочки «становились аморальными», то есть становились проститутками к началу подросткового возраста.

Эти результаты часто воспроизводились в течение следующего десятилетия, как правило, женщинами-учеными, работающими в сфере социального обеспечения или ювенальной юстиции. Другое исследование девочек-правонарушителей, проведенное в Чикаго в 1917 году, включало множество отдельных случаев насилия со стороны родственников или соседей, включая «одну девочку, изнасилованную собственным отцом, когда ей было десять лет, одну — дядей, двух — жильцами».

В таких отчетах фразы вроде «инцест с отцом» и «изнасилована жильцом» повторяются в мрачной литании. Джейн Аддамс отметила в 1913 году, что «удивительно большое количество маленьких девочек впервые оказались вовлечены в правонарушение через мужчин из их собственных семей», часто в результате нападений, которые произошли до того, как жертвам исполнилось восемь лет.

Исследования мальчиков-правонарушителей могли бы показать схожие результаты, если бы исследователи решили задавать те же вопросы более часто. Одно редкое исследование «мальчиков, совершивших сексуальные преступления», которые прошли через клиники Детского суда Нью-Йорка в конце 1920х годов обнаружило, что 18 процентов описанных преступлений включали содомию (обычно анальное сношение) с отцом, другим взрослым или более старшим сиблингом. В списке причин, объясняющих «преступления» мальчиков, исследователь включает «соблазн денег и милостей со стороны взрослых дегенератов; угрозы давления со стороны развращенных взрослых». [*21]

Хотя реальность сексуального насилия была установлена, власти были нервными по поводу исследования новых правовых рамок, и проведения соответствующих изменений в отношении полиции и судов. В начале 1890х годов, сложность преследования сексуальных преступлений привела штат Нью-Йорк к принятию инновационного закона, согласно которому свидетели, слишком юные, чтобы понимать значение присяги, могли сделать заявление без присяги, которое затем передавалось присяжным заседателям для оценки «стоимости такого заявления». В 1895 году, Апелляционный суд США разрешил заслушать важные показания пятилетнего мальчика по делу об убийстве, караемом смертной казнью, подразумевая, что дети сопоставимого возраста могут давать показания по сексуальным вопросам.

Также было признано, что существующие способы рассмотрения жалоб могут быть унижительными для жертвы, чье положение в сообществе может быть разрушено таким опытом: в некоторых случаях девочке,

возможно, придется бежать в город, возможно, к порочной жизни. Эффективная защита детей требует сочувственного обращения к жертве и свидетелям: «исследования насилия над детьми, естественно, направило больше внимания к будущему благополучию ребёнка и меньше - к наказанию преступника». [*22]

Но даже незначительные процедурные изменения вызвали беспокойство, поскольку была сильная традиция сомневаться в достоверности показаний детей. Гибб предупреждал

[Страница 34]

что ложные обвинения были «чрезвычайно распространены» и зачастую были мотивированы местью. Европейские отчёты, скептические настроенные в отношении надёжности детей-свидетелей, были популяризованы в Соединённых Штатах между 1909 и 1913 годами. Детская лживость была закреплена в стандартном тексте, посвящённом доказательству по уголовным делам, «Принципах судебного доказательства» Джона Генри Вигмора. Все цитируемые авторитеты согласились с тем, что «привычка лгать» распространена среди маленьких детей, что девочки гораздо менее надёжны, чем мальчики, и что дети не озабочены какой-либо «преувеличенной точностью в вопросах фактов»; «Они ходят в тщетном зрелище, среди туманов и радуг». Психиатрические доказательства подтвердили, что «одна из форм комплексов [девочек] — это выдумывание ложных обвинений в сексуальных преступлениях со стороны мужчин». [*23]

Представление, что дети были склонны ко лжи или фантазиям о сексуальных эпизодах, находит поддержку среди американских учеников Фрейда. В 1915 году, классическая работа Уильяма Хили «Индивидуальный правонарушитель» включала исследования случая «Ресси», девочки девяти с половиной лет, которая обвинила своего отца и брата в сексуальном насилии над ней, обвинение, которое, казалось, подтверждалось её генитальным воспалением. Дальнейшее исследование, говорит Хили, показало, что девочка создала симптомы самостоятельно, и она представлена в тексте как образец компульсивной лжи. Исследование Хили патологической лжи и ложных обвинений, которые были опубликованы в том же году, описывает несколько случаев, в которых дети сообщали о насилии со стороны незнакомцев и членов семьи, включая один, в котором мальчик жаловался на «извращённые сексуальные практики» со стороны отца. Большинство «ложных сексуальных обвинений» включало девочек, зачастую реагирующих на «нарушение менструального цикла». [*24]

Примечательно, что Хили не отрицал реальность сексуального насилия или инцеста как таковых: случаи, описанные как ложные, включают

некоторые случаи, в которых, как предполагалось, не было никакого насилия, но также и случаи явного нарушения со стороны другого лица, а не того, кого обвинили. Он верил, например, что что-то ужасно неподобающее произошло с Ресси, хотя её конкретные обвинения были ложными. Однако непосредственным результатом работы Хили стал подрыв доверия к молодым свидетелям. Хотя эти выводы прямо противоречат современным предположениям, проблема растления была связана с достоверностью детских показаний в дебатах, которые были более интенсивными, чем в любой другой период до 1980х годов.

Изверги

Будь то в форме гомосексуальности, педофилии, инцеста или педерастии, извращения были обычным явлением. Если бы кто-либо был настолько либеральным, чтобы

[Страница 35]

спросить, какой вред эти преступники действительно причинили, ответ было бы легко найти в газетах и памфлетах, посвящённых настоящим преступлениям: в крайних случаях, извращенцы убивали. Как отметил доктор Чеддок, «все формы сексуального извращения могут привести к преступным действиям», и в крайних случаях, извращения и «фетишизм» достигали кульминации в похотливом убийстве и увечении. [*25]

В последнюю треть девятнадцатого столетия, американские СМИ сообщали о множественных случаях извергов и маньяков, мотивированных неконтролируемой сексуальной похотью - то, что сегодня было бы названо серийными и массовыми убийцами.

Это был поразительный новый поворот в истории американской преступности. В 1874 году СМИ назвали шестнадцатилетнего Джесси Помероя «мальчиком-извергом», когда он садистски убил двух маленьких детей в Бостоне, и дело стало сенсационным. Современная книга назвала это «наиболее примечательным случаем в истории преступления или уголовного права: то, что может звучать как гиперболизация, до тех пор, пока мы не понимаем, насколько редко сексуальное насилие регистрировалось в Соединённых Штатах до этого времени. Хотя подобные действия ранее происходили, полиция либо не идентифицировала преступника, либо не распознавала сексуальные мотивы, и СМИ, привыкшие к сенсационному освещению событий, редко сообщали об инцидентах такого рода.

В 1868 году, мужчина, уже замешанный в сексуальных нападениях на женщин и детей, был казнён за убийство шестилетней девочки из

Филадельфии. Хотя это преступление не звучит необычным для современных ушей, это было, как ни странно, «единственным зарегистрированным сексуальным нападением на жертву убийства любого возраста или пола» в Филадельфии между 1839 и 1901 годами. [*26]

1870е были отмечены волной журналистских отчётов о печально известных сексуальных преступлениях и серийных убийствах. В некоторых случаях убийств, основной мотив был финансовым, но в других, связь с сексуальным извращением была несомненна. Это было очевидно верно в отношении Джесси Помероя, а Томас Пайпер изнасиловал нескольких молодых девушек в Бостоне между 1873 и 1875 годами, убив по меньшей мере двух. Стивен Ли Ричардс, Небрасский дьявол, убил девять человек, прежде чем был казнен в 1879 году. Но известность даже этих людей была ничтожной в сравнении с Генри Говардом Холмсом (Германом Уэбстером Маджеттом), который убил около тридцати человек, и нападал на женщин, посещавших Чикагскую всемирную выставку 1893 года. Процесс над ним в 1895 году стал международной сенсацией. О нем было написано полдюжины книг, и, как и у Помероя, у Холмса была посмертная литературная репутация, которая сохраняется и по сей день.

В дополнение к этим отечественным историям, в 1888 году американские СМИ проявили живой интерес к лондонскому Джеку Потрошителю, классическому современному примеру безумного сексуального убийцы. Было распространено убеждение, что ответственный за это человек сбежал в Соединенные Штаты

[Страница 36]

где случаи 1890х были ассоциированы с легендарной серией преступлений. Когда газеты сообщали в течение следующих двух десятилетий, что «Джек Потрошитель» убил и изувечил женщину в Цинциннати и Атланте, они могли предположить, что тот же человек, который совершил зверства в Лондоне, был виновен также и в этих преступлениях. [*27]

Повторяющиеся образы демонов и извергов в СМИ отражали экстремальный и иррациональный характер совершаемых деяний, но архаичная природа терминов также предполагала, что преступники были откатами к более ранней и более дикой эпохе. Холмс-архидьявол, как и средневековый Синяя Борода, с которым его часто сравнивали, действовал из «замка», а его близость к Всемирной выставке позволяла представлять его сексуальные зверства как гротескно-подрывную

пародию на просвещение и науку, восхваляемые остальной частью нации.

Современные памфлеты использовали средневековую и демоническую терминологию для описания жизней, «принесенных в жертву ненасытному аппетиту чудовищного людоеда». Хотя атавистические образы и возникли как метафора, они нашли мощный отклик в формирующейся криминологической теории Чезаре Ломброзо и его американских последователей, которые также рассматривали тяжкие преступления как дело рук эволюционных регрессоров, бросивших вызов прогрессу расы. [*28]

Количество зарегистрированных серийных убийств и сексуальных убийств возросло в начале двадцатого века, достигнув пика в период с 1908 по 1916 год. Кажущийся рост может быть следствием изменений в сообщениях СМИ или в раскрытии преступлений полицией, однако реальный рост числа преступлений вполне вероятен, учитывая новые возможности, предоставляемые растущим числом безродных иммигрантов и городских жителей, у которых часто не было социальных связей, необходимых для привлечения внимания к исчезновениям.

New York Times сообщила о семнадцати случаях серийных убийств только за пятилетний период 1911-15 годов, включая отдельные серии убийств в Колорадо, Алабаме, Северной Дакоте и Вашингтоне; только в 1911 и 1912 годах нападения на семьи в пяти штатах Среднего Запада унесли жизни, возможно, тридцати человек. Между 1910 и 1912 годами Атланта была доведена до истерии после убийств «Потрошителем» около сорока женщин, что объясняет дикую реакцию общественности, когда Лео Фрэнк обвинили в сексуальном убийстве тринадцатилетней девочки в 1913 году. На суде, пронизанном антисемитской риторикой, Фрэнк был представлен как «похотливый извращенец» с длинной историей надоедливых женщин, и его линчевали два года спустя. [*29]

Новое восприятие сексуальных убийц проявилось в реакции на убийство двух детей в возрасте четырех и пяти лет в Нью-Йорке в 1915 году, вероятно, наиболее интенсивно освещавшуюся столичную историю того года.

[Страница 37]

Обвинили Джека Потрошителя, и полиция посчитала себя достаточно хорошо знакомой с убийцей на сексуальной почве, чтобы с уверенностью заявить, что «преступник, похожий на потрошителя... является одним из самых хитрых и неуловимых преступников».

Общественная тревога вызвана сообщениями о толпах, нападающих на подозрительных незнакомцев: когда восьмилетняя девочка подверглась насилию в Верхнем Ист-Сайде вскоре после второго убийства, «жители... высыпали на улицы с оружием, которое смогли подобрать, и некоторое время метались вверх и вниз, высматривая подозрительных личностей. ... Двое мальчиков, увидевших «подглядывающего» мужчину, пустили слух, что он убийца: на него напала толпа из пятидесяти мужчин и мальчиков, и только решительное вмешательство полиции спасло ему жизнь;

«Мать Ист-Сайда» предупредила, что пришло время прекратить терпеть несовершеннолетних сексуальных извращенцев и «зловещих мужчин, слоняющихся по району ... Человек, который знает, что в его районе живет злой человек, и ходит по своим делам, даже не пытаясь задержать его, несет ответственность вместе с дегенератом». [*30] В таких отчетах подразумевается мнение, что сексуальные преступления должны быть делом рук тех, кто находится вне сообщества, возможно, легко идентифицируемых грязных стариков, а не родственников или знакомых, соседей или жильцов. Полиция вела себя в этих случаях поразительно современно, исследуя возможные связи между «серийными» преступлениями. Когда Фрэнк Хики был арестован в 1912 году за сексуальные убийства мальчиков в Нью-Йорке и Массачусетсе, полиция должным образом реконструировала его предыдущие модели проживания и занятости, пытаясь связать его с нераскрытыми убийствами в этих районах.

Настолько новым было толкование этих преступлений как явно сексуальных действий. Дела Пайпера и Помероя показали, что дети могут быть объектами извращенного насилия, и этот урок неоднократно подтверждался. Обе жертвы в Нью-Йорке были сексуально изуродованы, и еще один ребенок с похожими аге был изнасилован в том, что могло быть связанным преступлением. Полиция теперь уделяла гораздо больше внимания, когда девушки сообщали, что к ним подходил или раздражал человек, предположительно с сексуальными намерениями. Они также расследовали дела мужчин, найденных с подозрительными коллекциями фотографий детей, раннее признание того, что хранение непристойного визуального материала может быть признаком извращенца или потрошителя. [*31]

Как и в более поздних паниках, серия убийств привела к усилению вмешательства полиции против тех, кого они считали частью более широкой проблемы сексуальных преступлений, что часто означало гомосексуалистов. Акцент на извергах и сексуальных преступниках был бы политически важен для перекалывания вины за проблему детского насилия с отцов-инцестуалов на опасных аутсайдеров, таких как Кеннет Элтон.

Это развитие было особенно

[Страница 38]

важно в то время, когда юридическая и психиатрическая мысль вызывала сомнения относительно достоверности рассказов детей о растлении в домашних условиях. В Массачусетсе образ грязного старика как растлителя малолетних появляется в записях общества штата по борьбе с жестокостью около 1910 года, в разгар паники по поводу сексуальных убийц, дефективных правонарушителей и белых работарговцев. В следующем году комиссия по делам нравов Чикаго представила классический стереотип о «порочных и дегенеративных мужчинах», которые «часто посещают районы школьных домов и распространяют непристойные открытки и литературу. Они ходят в общественные парки и позволяют себе вольности с невинными детьми». Они соблазняли детей куклами и игрушками, и по крайней мере один фотографировал своих жертв. [*32]

Пограничье безумия

Для реагирования на извращенцев требовался новый арсенал мер реагирования в области уголовного правосудия и гораздо более широкое использование медицинских или квазимедицинских устройств. Полноценного сексуального извращенца просто сажали в тюрьму или казнили, но было сложнее реагировать на человека, чье состояние не достигло столь экстремальной стадии. В новом восприятии сексуальное преступление было симптомом серьезного заболевания, которое лечилось дискреционными средствами, доступными врачам.

Генри Модсли, английский психиатр, заметил в 1870-х годах: «Преступление находится на границе безумия», и аналогия преступления и болезни произвела революцию в криминологической теории в конце девятнадцатого века. В более ранние века как юридические, так и медицинские профессии предполагали, что большинство людей несут ответственность за свои действия и могут быть наказаны за свои осознанные и рациональные решения нарушить закон. Закон предусматривал особый вердикт для небольшого числа преступников, признанных невменяемыми, но безумие было состоянием, явно зарезервированным для людей, страдающих от грубых заблуждений. Однако после начала девятнадцатого века новаторские психиатры, такие как Айзек Рэй, исследовали аберрантные психические состояния, отмеченные странным или агрессивным поведением, но не очевидным бредом, психозом или ненормальным интеллектом. Для этих состояний предлагались различные термины, включая *manie sans delire* и моральное безумие, но общепринятым термином стал психопатия. [*33]

Хотя психопат не показывал очевидных признаков безумия, он или она был способен совершить преступления без ограничений или сожаления, и это состояние часто сопровождалось сексуальным поведением. Сексуальная связь могла быть обусловлена популярным заблуждением относительно значения слова «психопатический», используемого в технических работах, таких как «Сексуальная психопатия». Для Крафта-Эбинга и его последователей этот термин подразумевал

[Страница 39]

не более чем психическое заболевание или расстройство, но само выражение «сексуальная психопатия» поощряло идею о том, что все сексуальные отклонения являются разновидностью компульсивного или психопатического состояния.

В начале двадцатого века многие американские труды о психопатах касались сексуально безнравственных женщин, чье психическое расстройство делало ее неспособной контролировать свои похоти. Когда в 1920 году муниципальный суд Филадельфии обследовал психическое состояние женщин, арестованных за проституцию, около 22 процентов были диагностированы как «конституциональные психопатические низшие», что предполагает, что психопатические проблемы и дефектная наследственность способствовали их действиям так же, как и экономическое отчаяние. [*34]

Криминологические труды в эту эпоху также были сосредоточены на умственно неполноценных или людях с очень низким интеллектом. Убеждение, что дефективные люди составляли значительную часть девиантного населения, поддерживалось наукой тестирования интеллекта, которая появилась в начале века и которая в течение трех десятилетий постоянно давала абсурдно низкие оценки умственных способностей преступников, нищих и других людей низших классов. Уолтер Фернальд заявил, что слабоумные были «очень часто насильниками женщин и маленьких девочек. ... Они часто распространяют в массовом порядке самые отвратительные и смертельные болезни». В смелом интеллектуальном скачке умственная недостаточность была связана с моральной недостаточностью психопата на том основании, что мораль и интеллект были связанными характеристиками. Как для морально, так и для умственно неполноценных, отсутствие общепринятых запретов увеличивало склонность к нарушению закона.

Как писал пионер-криминолог Артур Макдональд в 1890 году, «отсутствие силы, чтобы противостоять преступным действиям, и отсутствие чувства неправомерности, вместе с ясным знанием этого в то же

время, являются двумя основными психологическими характеристиками преступников». [*35] К концу девятнадцатого века контроль над «неполноценными правонарушителями» стал важнейшей проблемой для тех, кто хотел сократить случаи насилия и сексуальных преступлений, но этого можно было достичь только путем фундаментального пересмотра принципов, лежащих в основе системы уголовного правосудия, и особенно традиционных правовых представлений об ответственности.

Детерминистические идеи из социальной и поведенческой науки предполагали, что большинство компульсивных рецидивистов действовали не из рационального расчета, а под давлением внешних обстоятельств. Эта точка зрения была подкреплена новыми методами надежной идентификации преступников, включая фотографию и систему Бертильона, которая позволила властям понять, насколько обширны были записи многих преступников (слово рецидивизм появляется

[Страница 40]

в английском языке в 1880 году). Влиятельному Пенитенциарному конгрессу, который провёл в 1870 году встречу в Цинцинатти, было сообщено, что “преступник - это человек, который страдает от заболевания, проявляющегося в совершении преступления”; концепции вины, ответственности, и наказания устарели. Если бы медицинская аналогия была принята, она бы изменила всю практику судов и тюрем.

Криминалист Энрико Ферри писал в 1884 году,

"Как больной человек содержится в больнице на протяжении времени, которое требуется для его излечения, и невменяемый пациент находится в приюте всё свою жизнь, до тех пор пока не вылечится, и покидает его, когда излечивается, также должно быть с преступником".

Основным критерием новой криминалистики были опасность и социальная защита, и наиболее неисправимые из преступников могли никогда не быть выпущены: "Мы помещаем на карантин человека с оспой; мы не ждём, когда он распространит инфекцию". [*36] Позитивистская модель с особой силой применялась к аномальным классам, таким как извращенцы, психопаты и компульсивные сексуальные преступники.

Позитивистские и биокриминалистические идеи были внедрены в Соединённых Штатах практически в то же время, когда европейцы формулировали свои идеи об извращении. Фактически, продолжающаяся история американской криминалистики начинается с 1893 года, года, когда появился перевод работы Краффт-Эбинга, и эти

теории были популяризованы множеством научных и профессиональных исследований в течении следующей четверти столетия. В 1909 году Джон Генри Вигмор стал движущей силой нового Американского института уголовного права и криминологии, чей новаторский журнал датируется следующим годом. Между 1911 и 1916 годами ключевые европейские работы по новой дисциплине достигли американской аудитории в томах серии «Современная криминальная наука» института, которая включала переводы Ферри и Ломброзо. [*37]

В период с 1905 по 1915 год большинство американских штатов законодательно закрепили некоторую форму позитивистской пенологии, с некоторой степенью неопределенности приговоров для всех преступников. В большинстве случаев это означало, что обычные преступники получали открытые приговоры, такие как «от пяти до десяти лет», но полностью дискреционные положения были зарезервированы для приговоров неуравновешенных и опасных преступников, которые не попадали под юридическую классификацию невменяемости.

В 1911 году Закон Бриггса в Массачусетсе против дефективных преступников был одним из самых агрессивно позитивистских законов этой эпохи: тщательно переработанный и полностью внедренный в 1921 году, он стал основой для всех последующих законов о сексуальных психопатах. Закон был нацелен на рецидивистов, хотя в некоторых случаях серьезное первое правонарушение могло претендовать на включение, и сексуальные правонарушения с особой вероятностью попадали под действие закона. Прокуроры и другие сотрудники исправительных

[Страница 41]

или психиатрических систем должны были инициировать разбирательство, и два психиатра осматривали каждого подозреваемого. Дефектных помещали на неопределенный срок в специальные и якобы некриминальные учреждения, потенциально на всю оставшуюся жизнь. Закон включал смесь гражданских и уголовных элементов, требуя доказательств осуждения по крайней мере за одно уголовное деяние и диагноз дефектного статуса двумя врачами, по образцу процесса гражданского заключения, используемого для душевнобольных. Закон стал популярен среди властей, и количество дел, рассматриваемых как потенциальные дефектные, возросло с примерно шестидесяти в год в середине 1920-х годов до семисот или восьмисот ежегодно к началу 1930-х годов. [*38]

Принцип меры Массачусетса широко копировался в других штатах. В 1915 году в редакционной статье New York Times утверждалось, что

недавние убийства детей были настолько ужасны, потому что их можно было предотвратить, что стало классической иллюстрацией отождествления морального и умственного дефицита:

«Это всегда преступление психически неуравновешенного, слабоумного человека. Моральных дегенератов легко обнаружить, не дожидаясь, пока акты насилия поместят их в категорию преступников».

Было просто неправильно позволять таким людям «бродить по штату без какой-либо попытки изолировать их и защитить от них самих и общества. ... Настало время, чтобы штат предоставил адекватные места содержания под стражей для слабоумных, где они могли бы получить лечение у опытных врачей».

К 1921 году законодательство Нью-Йорка разрешало заключать в тюрьму на всю жизнь лиц с психическими отклонениями старше шестнадцати лет, признанных виновными или обвиняемых в совершении преступления: их заключали в тюрьму Напанох, где суперинтендантом был врач, а не тюремный надзиратель. [*39]

Как часто случалось в более позднем законодательстве, отсутствие требования фактического осуждения по конкретному обвинению отражало терапевтическое предположение о том, что никакого реального вреда не может быть нанесено просто постановкой диагноза или медицинским лечением, и социальное предположение о том, что просто предъявление обвинения демонстрирует, что человек является нарушителем спокойствия. Законы редко признавали, что полиция вполне способна принуждать к признанию и подделывать доказательства: Кеннет Элтон утверждал, что его собственное признание 1925 года было получено методами третьей степени. > Томоз: Проблемы с законодательством вскоре стали очевидны. Эти законы смешивали уголовные и гражданские функции вместе запутанным и опасным образом: было ли лицо заключено в уголовных или терапевтических целях, и была ли медицинская риторика заимствована для оправдания уголовного заключения? Если последствие было уголовным по своей природе, то наказание часто было далеко несоразмерно совершенному деянию.

[Страница 42]

Кроме того, способы, с помощью которых человек мог попасть в этот любопытный теневой мир права и терапии, были плохо определены и капризны, оставляя большую свободу действий агентствам, присваивающим вредоносный ярлык неполноценного правонарушителя.

Хотя некоторая защита от произвольного заключения обеспечивалась участием медицинских работников (обычно двух врачей), ужасный опыт системы гражданского заключения за предыдущие два столетия показал, что врачи слишком охотно подписывали бумаги о заключении для удобства властей или выгоды родственников пациента. Почему врачи должны быть более ответственными, имея дело с запросами от полиции, прокуроров или судей?

Поскольку изучение дефектных состояний находилось в зачаточном состоянии, медицинские знания были неадекватны задаче уверенной диагностики состояний, которые будут лечиться длительным заключением. И хотя это оправдывалось гуманной риторикой, терапевтические процедуры были столь же подвержены злоупотреблениям, как и их уголовные аналоги, а дефектные не имели даже скудной защиты надлежащей правовой процедуры, доступной преступникам.

Стерилизация

Опасности законодательного закрепления социальной защиты были очевидны и в другом решении по борьбе с дефективными и психопатами, а именно в евгенических законах.

С 1870-х годов биологические теоретики постулировали, что преступники и другие девианты представляют собой своего рода низший тип — «несовершенный, узловатый, неровный, червивый плод расы», — который можно искоренить посредством стерилизации и селективного разведения, а в 1885 году было придумано слово «евгеника». Извращение, как и алкоголизм, преступность, эпилепсия и безумие, было побочным продуктом «генетического мусора», загрязняющего социальный генофонд, и будет упорно сопротивляться традиционным правовым решениям.

В 1893 году доктор Ф. Э. Дэниел утверждал, что кастрация является подходящим лечением для извращенцев: «изнасилование, содомия, скотоложество, педерастия и привычная мастурбация» должны повлечь за собой потерю всех прав, включая право на продолжение рода. Реагируя на убийства Нью-Йоркского потрошителя, «*East Side Mother*» призывала к тому, чтобы всех извращенцев окружили:

«Когда евгеника будет понята простыми людьми, когда пресса популяризирует мораль, безнравственность будет очень далека от того, чтобы быть искорененной». [*40]

Законы, разрешающие стерилизацию недееспособных, регулярно предлагались американскими штатами с 1890-х годов, но в новом

столетии меры принимались все чаще. Индиана приняла первый такой закон в 1907 году, нацеленный на «убежденных преступников, идиотов, насильников и слабоумных», и еще одиннадцать штатов последовали ее примеру между 1909 и 1913 годами.

[Страница 43]

К 1937 году тридцать штатов приняли эти законы, и лишь немногие использовали их с настоящим энтузиазмом: между 1909 и 1935 годами в Калифорнии было проведено около десяти тысяч операций, почти столько же, сколько во всех остальных штатах вместе взятых. Примечательно, что предложенные законы предусматривали стерилизацию, а не асексуализацию, показывая, что целью было предотвращение наследственной передачи наклонностей, а не лишение дееспособности.

Как и несовершенные законы о правонарушениях, евгенические меры принимались с большим рвением, чем с мудростью:

"Многие из законов о стерилизации, которые были приняты в спешке, были необоснованными, поскольку основывались на недостаточных научных знаниях. Насильники, виновные в плотских познаниях, сексуальные извращенцы, сифилитики, пьяницы, наркоманы, закоренелые преступники, сумасшедшие, проститутки, содомисты — это лишь некоторые из категорий, подлежащих легализованной стерилизации в различных штатах, поскольку некоторые законодательные органы считали это состояние наследственным". [*41] Амбициозный закон Айовы перечислил длинный список категорий, в который вошли насильники, наркоманы, моральные и сексуальные извращенцы. Стерилизация была обязательной для любого дважды осужденного за тяжкое преступление или дважды осужденного за любое сексуальное преступление, будь то тяжкое преступление или нет; единственным исключением было белое рабство, за которое одно обвинение влекло за собой обязательную стерилизацию. В Калифорнии группы, имеющие право на эту процедуру, включали тех, кто дважды осужден за изнасилование, попытку изнасилования или соблазнение. Большинство штатов также перечисляли «моральных дегенератов и сексуальных извращенцев», которые обычно включали гомосексуалистов.

Верховный суд США отменил некоторые из этих законов на том основании, что они налагали жестокое и необычное наказание, и эта судьба постигла всеобъемлющий закон Айовы в 1914 году. Но решение по делу Бак против Белла 1927 года разрешило принудительную стерилизацию в случаях, когда она имела надлежащие евгенические

цели, а не просто использовалась для усиления уголовного наказания. Только в деле Скиннера 1942 года, имея в виду пример национал-социалистической Германии, суд наконец постановил, что право человека на деторождение слишком ценно, чтобы приносить его в жертву из-за сомнительных оснований «привычной преступности». [*42]

Прогрессивные коалиции

Радикализм мер Прогрессивной эры поражает, когда мы вспоминаем, как яростно традиционно настроенные судьи и законодатели штатов сопротивлялись движениям к дискреционному и позитивистскому правосудию, иногда ведя десятилетнюю войну на истощение против законов о неопределенных приговорах и условно-досрочном освобождении. [*43] Однако и в кодексах о дефектных преступниках, и в законах о евгенике радикальные новые законы были реализованы с минимальной критикой. Широкая поддержка, которую они получили, должна быть объяснена с точки зрения предполагаемой серьезности

[Страница 44]

угрозы и сложных избирательных округов, которые объединились в пользу новых правовых мер реагирования.

Самыми очевидными активистами были психиатры, которые к началу двадцатого века превратились в гораздо более существенную и амбициозную часть более широкого медицинского сообщества. Больше не презираемые хранители приютов ранних викторианских времен, врачи разума теперь были психиатрами, которые были восприимчивы к прозрениям европейских мыслителей и стремились предотвращать безумие в дополнение к его лечению.

Движение за внедрение принципов психической гигиены в общество в целом было инициировано Адольфом Мейером, который тесно сотрудничал с Уильямом Хили и другими пионерами как в криминологии, так и в социальной работе. [*44]

Для прогрессивных реформаторов любые усилия по социальной реформе должны были включать психиатрические и евгенические проблемы. Аналогичные идеи распространялись учеными-юристами и социологами, которые тогда находились в процессе формирования зарождающейся профессии криминологии, которая нашла свой публичный голос в Американском институте уголовного права и криминологии Вигмора.

Реформаторы-позитивисты получили решающую поддержку женских организаций, которые тогда находились на пике мобилизации в

поддержку двух основных причин: избирательного права женщин и воздержания и которые были тесно связаны с обществами спасения детей. С 1870-х годов женские и трезвые группы поддерживали дискреционную пенологию как шаг к большей гуманности в системе правосудия, а концепции социальной защиты и социальной гигиены были представлены с точки зрения защиты женщин и детей от сексуально развращенных мужчин.

В новом веке эти группы в целом поддерживали законы о дефектных правонарушителях и евгенические меры. За лозунгом «Голоса для женщин» иногда следовал лозунг «И целомудрие для мужчин», цель, очевидно привлекавшая религиозных реформаторов. В 1890-х годах Женский христианский союз трезвости сделал кампанию за более высокий возраст согласия одной из своих основных причин, и активисты даже использовали законный возраст в данном штате как индекс прав и статуса женщин в этой юрисдикции.

Видными деятелями этого движения были Чарльстон Эдхольм, Хелен Х. Гарденер и Фрэнсис Э. Уиллард, все ведущие защитники прав женщин, и Эдхольм описала избирательное право женщин как единственный способ борьбы с организованной торговлей молодыми девицами «и ее главной причиной — джин-мельницей». Взаимосвязанные движения против принудительной проституции, белого рабства и венерических заболеваний достигли кульминации в федеральном Акте Манна 1910 года. [*45]

Тема сексуальной опасности была провозглашена средствами массовой информации, чье отношение к тому, что было пригодно для печати, было преобразовано газетами Херста и Пулитцера в 1890-х годах. Влияя на роль

[Страница 45]

народного трибуна, новая пресса значительно увеличила свой тираж, разоблачая ужасы преступности, моральной деградации и сексуальных отклонений. Как и в последующие годы, последовательные кризисы защиты детей предлагали неотразимые образы с самым резким контрастом между психопатическим злодейством и находящейся под угрозой невинностью. Нравственные крестовые походы, поддерживаемые СМИ, еще больше подпитывались органами уголовного правосудия, которые видели потенциал для укрепления собственной власти и статуса.

История американской федеральной полиции начинается с рудиментарных полномочий, предоставленных «Бюро расследований» в соответствии с Законом Манна, в то время как под новым названием

Федеральное Бюро Расследований агентство было дополнительно расширено паникой похищений в начале 1930-х годов. [*46]

Хотя основанные на риторике науки, медицины и гуманности, законы о защите детей предлагали богатую привлекательность для политики консерватизма закона и порядка, парадокс, который сформирует все последующие движения против сексуальных преступлений и сексуальных преступников. «Прогресс», которым определялась эта эпоха, включал в себя значительную дозу сексуальных и моральных репрессий.

Нестабильные тактические союзы, на которых основывалась Прогрессивная коалиция, распались в начале 1920-х годов, и ранний активизм по поводу сексуальных преступлений соответственно пошел на убыль. Это не означало, что само поведение обязательно уменьшилось: общества жестокости все еще находили случаи инцеста и растления, борцы против венерических заболеваний продолжали отслеживать высокую заболеваемость среди маленьких детей, а полиция арестовывала извращенцев за обычный спектр сексуальных преступлений. В начале 1930-х годов Департамент здравоохранения Нью-Йорка зарегистрировал «удивительное количество» мальчиков, заразившихся сифилисом от взрослых мужчин, но признался в недоумении относительно источников распространенных гонококковых инфекций среди маленьких девочек.

Действительно, активизм движений за социальное обеспечение и социальную гигиену достиг своего наивысшего расцвета в 1935 году в замечательной работе Джейкоба и Розамонд Голдберг, чье исследование об изнасиловании детей, растлении и инцесте было, безусловно, самым подробным и пронизательным отчетом до революции жестокого обращения с детьми 1970-х годов. Но политический климат этих лет не был столь благоприятен для строгого морального принуждения, как в более раннюю эпоху.

Женское движение достигло своего наибольшего политического успеха между 1918 и 1920 годами с Восемнадцатой и Девятнадцатой поправками к Конституции, но политический феминизм затем распался, а катастрофические последствия сухого закона дискредитировали моральный активизм. Сухой закон также вбил огромный клин между взглядами городской и сельской Америки, и моральный реформизм стал ассоциироваться с фундаментализмом и фанатизмом. Поскольку импульс к социальным реформам и спасению детей угас после 1917 года,

[Страница 46]

авторитарные элементы в движении за защиту детей вышли на первый план, и механизмы «жестокости» все чаще рассматривались как вмешательство среднего класса в чужие дела. [*47]

Несмотря на достижения Голдбергов, количество журнальных статей, откровенно описывающих истории насилия над бедными или правонарушителями, резко сократилось после начала 1920-х годов, что говорит о том, что и общественный активизм, и исследования утратили свою привлекательность.

Сенсационные сексуальные преступления также утратили свою прежнюю силу завораживания, когда СМИ нашли больше волнения в гангстеризме времен сухого закона и волне ограблений банков и похищений людей в начале 1930-х годов, в то время как, по крайней мере в крупных городах, гомосексуальные преступные миры были гораздо более заметны и более приняты, чем когда-либо прежде. Своего рода гей-шик был отмечен в нью-йоркском обществе в эту эпоху, тенденция, которая создала более широкую терпимость к сексуальной неортодоксальности. Полиция обычно понимала, что слишком резкое подавление сексуальных отклонений не принесет большого общественного сочувствия, и уровень арестов за мелкие нарушения упал до исторического минимума. В 1929 году количество судебных преследований за преступления «против целомудрия, морали и благопристойности» в Массачусетсе представляло собой второй самый низкий годовой показатель на душу населения с 1911 года. [*48]

Хотя рискованно спорить по молчанию, показатель отношения к сексуальным преступлениям предлагается в докладе Национальной комиссии по соблюдению и обеспечению соблюдения закона за 1931 год, назначенной генеральным прокурором Джорджем У. Уикершем. Опираясь на работу ведущих криминологов и социологов того времени, комиссия Уикершема в мельчайших подробностях рассмотрела все насущные проблемы системы уголовного правосудия, включая соблюдение запретов, преступность среди несовершеннолетних, сделки о признании вины, расовую дискриминацию, коррупцию и жестокость полиции, а также состояние исправительных учреждений и условно-досрочного освобождения.

Однако, за исключением нескольких показательных случаев изнасилования, этот всеобъемлющий отчет практически ничего не говорил о сексуальных преступлениях, хотя раздел о причинах преступлений был предоставлен Моррисом Плоскове, авторитетом в области правовых аспектов сексуальности. [*49]

Немыслимо, чтобы подробный анализ сексуальных преступлений не был включен в какое-либо сопоставимое исследование преступности,

проведенное в 1915 году (или 1950 или 1985 году), и это упущение трудно объяснить, если только страхи по поводу извращенцев не были на низком уровне. Если сексуальные преступления не игнорировались, то, по крайней мере, они не воспринимались как серьезная проблема.

Евгеническая стерилизация и законы о дефективных преступниках представляли собой первую волну чрезвычайных мер, направленных на борьбу с предполагаемой угрозой со стороны компульсивных сексуальных преступников «на грани безумия». Фактически,

[Страница 47]

ни один из них не использовался в точности в соответствии с первоначальными требованиями: стерилизация преступников была редким явлением в большинстве государств, где существовали евгенические законы, а те, кого осуждали в соответствии с законами о дефектных правонарушителях, часто оказывались не такими уж и низкими по уровню интеллекта, как предсказывали инициаторы этих мер.

Между тем, идеи, которые дали начало законам, утратили свою остроту: после 1920 года растущая сложность изучения генетики сделала евгенику устаревшей, конец массовой иммиграции в 1924 году уменьшил страхи быстрого расового упадка, а достижения медицины смягчили страхи венерических заболеваний. При объяснении преступности биокриминалогия была сначала оспорена, а затем в значительной степени вытеснена психодинамическими и социологическими теориями. [*50] В отчетах Уикершема социологический анализ явно имел приоритет.

Тем не менее, новые законы способствовали медикализации ответов на преступления и познакомили законодателей с политическими инструментами (особенно с гражданской опекой), которые до сих пор ограничивались гражданской системой и законом о безумии. Вера в то, что закоренелые преступники страдают от аномальных психических состояний, была подкреплена возросшей практикой психиатрической оценки после принятия Закона Бриггса и его подражателей. Психиатры в судах и тюрьмах с гораздо большей вероятностью называли психопатами тех, кого нельзя было отнести ни к сумасшедшим, ни к психически неполноценным, в результате чего психопатические диагнозы стали чаще встречаться среди заключенных.

В государственной тюрьме Синг-Синг директором психиатрической клиники с 1915 года был Бернард Глюк, один из ведущих авторитетов страны в области преступности и психопатии, а работа Хили «Индивидуальный правонарушитель» заложила американское видение

психопата как основного источника преступности и, почти по определению, сексуального извращенца.

К середине 1920-х годов опросы государственных тюрем часто предполагали, что от 30 до 50 процентов заключенных были психопатами. > Томоз: Сопутствующая терминология была популяризирована благодаря сенсационному судебному процессу 1924 года над убийцами детей Леопольдом и Лоебом, первому в истории Америки, на котором защита выстроила ведущих психиатров и криминологов того времени. И Глюк, и Хили давали показания, как и Уильям А. Уайт, которого называют отцом криминальной психопатологии в Америке. [*51] К этому моменту психопаты явно заменили психически неполноценных как категорию, которую с наибольшей вероятностью обвинят в преступлениях. В 1914 году Кеннет Элтон считался слабоумным; десять или пятнадцать лет спустя ему поставили бы диагноз сексуального психопата. [*52]

Действительно, в 1951 году психиатр Манфред С. Гуттмахер провел показательное сравнение между законодательством Прогрессивной эры и законами, которые

[Страница 48]

принимались для контроля над психопатами в его собственное время: в обе эпохи законодатели быстро принимали масштабные законы по вопросам, о которых медицинская наука могла сделать только самые предварительные выводы. [*53]

Хотя его основная мысль была верной, он мог бы продолжить свою аналогию дальше. Именно Прогрессивная эра популяризировала и переосмыслила связанные с ней понятия психопата и дефектного правонарушителя, тем самым заложив основу для образа сексуального психопата, который будет играть столь важную роль в социальной мифологии с середины 1930-х годов и далее.

3. Эпоха психопатов, 1935-1957 гг.

[Страница 49]

"Ради всего святого, поймите меня, пока я не убил больше. Я не могу себя контролировать"
Уильям Хайренс, 1946 год.

В 1934 году, шестидесятичетырехлетний мужчина по имени Альберт Фиш был арестован в штате Нью-Йорк за убийство, изувечение и каннибализм двенадцатилетней Грейс Бадд. Это ужасное преступление было одним

эпизодом в примерно трёх десятилетиях насилия и сексуального растления, "карьера", которая включала в себя сотни нападения и, возможно, пятнадцать убийств детей. В добавление к убийственному садизму, Фиш экспериментировал с разными извращенными сексуальными активностями, включая членовредительство и копрофагию, что он записал в его ужасающих дневниках.

Процесс над Фишем весной 1935 года повысил общественную осведомленность о дальнейших последствиях сексуальной девиантности: его история сохранялась на первых полосах газет до его казни в Государственной тюрьме Синг-Синг в январе 1936 года, и его непреходящая известность была обеспечена историей дела, опубликованной психиатром Фредриком Вертамом. Альберт Фиш представлял прототипического массового убийцу в своё время, как определенно Тед Банди и Джеффри Дамер стали

[Страница 50]

в более поздние годы, и это дело укрепило популярную идентификацию сексуального преступника с убийцей детей. [*1]

Дело Фиша внушило идею, что опасные извращенцы странствовали по стране и угрожали её детям, и что они могут действовать в течение многих лет, прежде чем их худшие преступления будут замечены. Но поскольку из расстройства проявляли симптомы, которые могли быть замечены задолго до того, как они действительно убьют, раннее вмешательство может спасти жизни.

Фиш был прекрасной рекламой для позитивистского подхода к преступности: факт, что его делу было позволено продолжаться так долго, показал что власти пренебрегали законами о дефективных преступниках и другими правовыми положениями в их распоряжении, которые должны были быть возрождены и приведены в соответствие с новыми психиатрическими идеями. Его процесс и казнь были прелюдией к эпохе, когда сексуальные преступники воспринимались как смертельная общественная опасность, и даже самые незначительные сексуальные девиации были помещены в контекст таких преступлений как изнасилование и массовое убийство. Хотя некоторые эксперты призывали к умеренности, общественный консенсус принимал самые экстремальные и угрожающие интерпретации сексуального преступника, и дебаты были сфокусированы на том, как лучше противостоять кошмарной угрозе: на карту были поставлены жизни.

Обнаружение сексуальной преступности, 1935-1940

Страхи криминальной (хотя и не сексуальной) угрозы детям были вызваны волной похищений, достигли пика во время дела Линдберга в 1932 году. Между 1934 и 1936 годами, когда Бруно Гауптман был

арестован, обвинён и казнён за похищение и убийство малыша Линдберг, история которая часто делила первые полосы с сообщениями о Фише: казнь Гауптмана последовала через три месяца после казни Фиша. Такое сопоставление могло побудить читателей рассматривать общую опасность для детей в явно сексуальных терминах.

Как и в эру прогрессивизма, хорошо освещенные дела о множественных убийствах внесли свой вклад в формирование общественного изображения сексуального преступника как насильственного хищника. В 1935 году, Алонсо Робинсон был арестован за серию убийств на Среднем западе, преступления, которые включали в себя каннибализм, изувечивание и обезглавливание, и серийный насильник Джеральд Томпсон предстал перед судом в Чикаго за убийство, которое было кульминацией его долгой карьеры сексуальных нападений. Примерно в 1934 году началась самая зрелищная серия убийств периода: убийства Кливлендского мясника, в которых один человек изуродовал до семнадцати жертв. Как раз в то время, когда это дело было на пике внимания СМИ, летом 1938 года, около четырнадцати убийств Джо Болла были раскрыты в Техасе, в то время как в Нью-Джерси началась серия убийств «улицевлюбленных». В 1941 году Джарвис Като был арестован за девять изнасилований и убийств в Вашингтоне, округ Колумбия, и Нью-Йорке. Полиция и СМИ сошлись во мнении, что эти преступления

[Страница51]

представляли собой крайние формы сексуального насилия: Алонсо Робинсон «признал, что был сексуальным извращенцем, что считается основной причиной преступления», и, как и Фиш, он имел склонность отправлять непристойные письма женщинам. [*2]

В 1937 году, нарастающая паника была сфокусирована на Нью-Йорке, и, как и в 1915, дело возникло из-за сексуальных убийств маленьких детей. Хотя преступления 1937 года были действительно ужасными, насильственная реакция общества должна восприниматься в контексте дела Фиша и его широкое освещение в столичном регионе, поскольку новые случаи также были совершены преступниками с длительным послужным списком сексуальных правонарушений, которые должны были быть отмечены властями.

В марте, Сальваторе Оссидо убил девочку, когда он был отпущен под залог за попытку изнасилования; 31 июля, восьмилетняя Паула Маганья была убита Лоуренсом Марксом, который провёл двадцать семь из своих сорока девяти лет жизни в тюрьме, в основном за сексуальные преступления.

Освещение в новостях приучило общественность к убеждению, что насильственные преступления будут иметь извращённые мотивы. Когда четырёхлетнюю девочку убили 12 августа, это дело воспринималось в контексте «волны» сексуальных убийств, и преступником ошибочно полагали отпущенного сексуального преступника; его действительные записи о судимости содержали акты пьянства, физических нападений и

избиения жены. В последнюю неделю августа появились сообщения о том, что предполагаемым растлителям детей угрожала толпа.

Преступления, совершаемые «извращенцами с убийственными наклонностями» спровоцировали поток осуждений со стороны прессы и политических лидеров, которые оправдывали защитные меры, такие как дактилоскопирование для тех, кто работал с детьми, или привлечение курьеров для сообщения о подозрительных личностях. Шериф Нью-Йорка прославился, порекомендовав не арестовывать нападавших на детей, а расстреливать их на месте. Факт, что три маленькие девочки в южной Калифорнии были ужасно изуродованы и убиты в июне, подтвердил то что угроза детям не должна восприниматься как просто проблема Восточного побережья: в этих убийствах «Крысолова» сразу же ошибочно обвинили «дегенерата», имеющего ряд судимостей за преступления против нравственности в отношении детей. [*3]

Восприятие волны преступлений были усилены поведением правоохранительных агентств. Под давлением, чтобы подтвердить свою компетентность перед лицом этой угрозы, полиция обрушилась на незначительных правонарушителей, которых обычно имела тенденцию игнорировать. Это было легко, потому что в городах, по крайней мере, умеренная сексуальная неортодоксальность была настолько распространена, что агентства были обязаны проявлять дискрецию, оставляя большие разделы уголовного кодекса фактически неисполненными. Было мало бюрократических наград в неустанном преследовании мелких

[Страница 52]

нарушителей, преследование которых просто засорит судебную систему. Преступления было трудно доказать, если нарушитель предпринимал определённые усилия чтобы сопротивляться обвинению: было нелегко доказать сексуальные намерения любителя фроттажа в метро или показать, что вуайерист на самом деле намеревался шпионить за соседями. Официальные полномочия распространялись не только на гомосексуалистов, но и на известных растлителей малолетних, таких как бостонец, который был чем-то вроде местной институции и был известен под говорящим прозвищем Том-Кот; он оставался на свободе в течение 1930х годов, несмотря на продолжающиеся протесты полиции со стороны местного детозащитного общества и его молодых жертв женского пола. В «обычные» годы, такая активность вела к аресту только если она была вопиющей, или местные жители проявили инициативу и поймали предполагаемого растлителя. [*4]

Когда была необходима облава, у полиции не было сложностей в отслеживании местных извращенцев. Теперь обычно подозреваемых скорее арестовывали, чем отпускали с предупреждением, и выдвигались

более серьёзные обвинения. Прокуроры и мировые судьи вели дела до вынесения обвинительного приговора и отказывались принимать сделки о признании вины, которые были стандартной практикой в таких случаях.

В августа 1931 года, нью-йорский мужчина, который нападал на двух десятилетних девочек, получил то, что тогда было исключительно тяжелым приговором: от двадцати пяти лет до пожизненного срока. На следующий день, полиция объявила, что они составляют список известных сексуальных преступников и дегенератов с целью проведения периодических проверок их местонахождения и поведения.

Тот факт, что большее число людей были арестованы, и за более тяжкие преступления, создало впечатление, что совершается больше преступлений. Кроме того, газеты были более склонны сообщать о местных инцидентах и рассматривать их как часть общей проблемы. Роль Нью-Йорка и Лос-Анджелеса как рынков СМИ обеспечила выход проблем на общенациональную арену, так что к осени 1937 года кризис сексуальных преступников стал предметом статей в *Nation*, *Christian Century*, *Newsweek* и *Literary Digest*. Как заметил Фредрик Вертам, «общественное возмущение достигло почти массовой истерии, которая затронула не только общественность, но и официальные власти». [*5]

Эпоха сексуальных преступлений, 1945-1955

Паника 1937 года ознаменовала прецедент, который часто повторялся в течение следующих двух десятилетий, с заметными пиками в 1947-50 и 1953-54 годах. Угроза сексуальных преступлений регулярно освещалась в таких журналах, как *Time*, *Newsweek*, *Parents*, *Coronet* и *Collier's*, достигнув пика в конце 1949 и начале 1950 годов, когда эта тема также стала предметом радиодокументальных передач. Атмосфера того времени представлена серией статей, опубликованных

[Страница 53]

Collier's, которые сообщали, что сексуальные преступления, совершаемые «насильниками, сексуальными психопатами, осквернителями детей» фактически «вышли из под контроля».

«За последние двадцать лет количество изнасилований возросло на 200 процентов, что является самым феноменальным ростом среди всех основных категорий преступлений. Насильник-хулиган скрывается в листве темной улицы, ожидая женщину, которая пойдет домой с автобусной остановки. ... И изнасилования-убийства: почти в каждом городе есть свои недавние жертвы».

Также была огромная темная цифра несообщенных преступлений, «непристойное обнажение, преследование, приставания и мелкие домогательства»: сообщаемая цифра насильственных изнасилований может составлять от 10 до 50 процентов от фактического общего числа. По словам журналиста Говарда Уитмена, женщины по всей стране отказывались выходить на улицы ночью, а общины организовывали патрули по борьбе с преступностью и системы оповещения о преступлениях. Города создавали «земли без женщин», где женщины боялись ходить без защиты. «Тень сексуального преступника нависает над порогом каждого дома». [*6]

Угроза для молодежи была серьезной, продолжил Уитмен:

"Дети в пугающем количестве стали жертвами растлителей, эксгибиционистов, извращенцев и педофилов. Сексуальный хулиган, ошивающийся по школам с комиксами и жевательной резинкой, чтобы заманить свою жертву, внушил родителям новый суровый страх".

Нация столкнулась с "гротескной, сбивающей с толку проблемой педофилии": педофилы "бродили, оскорбляли, приставали, заманивали и, возможно, однажды убили".

Действительно, некоторые выводы казались очевидными:

"Пока будет иметь место повседневное растление и насилие над детьми, некоторые из них будут убиты".

В каждом городе извращенцы были одержимы развращением молодежи, и каждый из них мог надругаться над десятками или сотнями молодых людей: даже если насильник не причинял физический вред своим жертвам, «он бы фактически уничтожил их психологически». Лица, занимающие высокие посты в церквях или школах, надругались над большим количеством своих подопечных, что повышает вероятность того, что в учреждения проникли скрытые педофилы. [*7]

Все это звучит поразительно знакомо.

Волны преступности строго относительно по своей природе, поскольку то, что составляет волну преступности, зависит от народных ожиданий того, что является надлежащим с точки зрения общественного порядка и безопасности. Хотя Уитмен, возможно, точно описывал общественные настроения, его рассказ о национальном терроре был написан в одну из самых безопасных эпох в истории американских городов, когда показатели всех форм насильственных преступлений были завидно низкими по стандартам последующих десятилетий.

Например, в конце 1940-х годов и средства массовой информации, и власти Лос-Анджелеса считали, что город переживает беспрецедентную волну сексуальных

[Страница 54]

преступлений, образ, который во многом обязан убийству с увечьями "Черный георгин" 1947 года. В 1949 году большое жюри города перечислило девять нераскрытых убийств, совершенных с середины десятилетия, "внушительный список убитых женщин". Оглядываясь назад, примечательно, что мегаполис размером с Лос-Анджелес перечислил так мало нераскрытых дел за четырех- или пятилетний период. [*8]

Представления о том, что преступность вышла из-под контроля, были стимулированы сообщениями о нескольких впечатляюще жестоких актах, которые затем были сообщены на региональном или национальном уровне, тем самым создавая образ систематической проблемы. Такие случаи спорадически происходили с середины 1940-х годов и далее, достигнув кульминации в «Неделе ужасов» в ноябре 1949 года, когда в течение нескольких дней были убиты три молодые девушки. Во Фресно, Калифорния, семнадцатимесячного малыша изнасиловали и оставили умирать, в то время как в Берли, Айдахо, семилетнюю девочку изнасиловали, а затем утопили в дренажной канаве. В Лос-Анджелесе шестилетнюю девочку по имени Линда Джойс Глюкофт убил Фред Стробл, пожилой дедушка ее подруги по играм.

СМИ изображали Стробла как символ беспримесного зла, называя его сексуальным извращенцем, «плачущим оборотнем». [*9]

Сообщенные на национальном уровне, эти случаи добавили масла в огонь местных проблем в таких городах, как Кливленд, которые в течение предыдущих нескольких лет пережили ряд изнасилований-убийств и сексуальных убийств детей, а также печально известные убийства туловища в Кливленде, упомянутые ранее.

К концу 1949 года,

«повторяющиеся визиты сексуального насилия придали Кливленду психологию возбуждения. ... Когда наступила вспышка, город был брошен в синдром бегства гигантских размеров». [*10]

Ускоряющий инцидент произошел в декабре, когда женщину изнасиловали и зарезали. К этому моменту «синдром истерии [нарастал] как тропическая лихорадка», и Cleveland News вышла с заголовком «Город в истерии». Сообщения рассказывали о женщинах, вооружившихся и посещавших занятия дзюдо, о мужчинах, стреляющих

из своего оружия в воображаемых грабителей. Заявив, что уличные нападения на женщин достигли «поразительных масштабов», большое жюри потребовало немедленных контрмер. Общественные, религиозные и родительские группы сформировали специальные комитеты, чтобы настаивать на усилении действий полиции вместе с новым законодательством против сексуальных преступников.

Опыт Кливленда не был нетипичным. Сент-Луис был также полон решимости решить свою собственную проблему

«десятки и десятки детей, которых заводили в переулки и растлевали по дороге в школу, школьные дворы превращали в охотничьи угодья для педофилов и извращенцев, ... малышей пяти и шести лет заманивали в подвалы и с ними непристойно обращались, детей принуждали или развращали — по их невежеству — к актам извращения».

Под руководством родителей

[Страница 55]

ребенка, который стал жертвой сексуального убийцы несколько лет назад, ассоциации родителей и учителей сформировали то, что без стеснения называлось патрулями самосуда, и была сформирована детская защитная ассоциация. Женщины выступали в качестве матерей-блоков, сопровождая детей на улицах, в то время как дети были проинструктированы об опасностях, которые их подстерегают.

Калифорния была столь же взволнована после детских убийств 1949 года. Массовые собрания подтолкнули законодательный орган штата к формированию специального подкомитета по сексуальным преступлениям, и к декабрю губернатор Эрл Уоррен созвал конференцию «Сексуальные преступления против детей» для правоохранительных органов.

Пятнадцать штатов создали комиссии по изучению проблемы сексуальных преступников, включая Нью-Йорк, Нью-Джерси, Мичиган и Пенсильванию. Официальные расследования удерживали историю сексуальных преступлений в заголовках по крайней мере до 1951 года, часто посредством активного культивирования СМИ членами комитета и свидетелями. [*11]

Некоторые агентства сыграли особенно заметную роль в продвижении кризиса, прежде всего ФБР и его директор Дж. Эдгар Гувер. Для Гувера, который популяризировал образ сексуальных преступников как хищников, обеспечение соблюдения сексуальной морали было давней заботой: с 1920-х годов значительная доля ресурсов бюро была

направлена на расследование дел о проституции по закону Манна, которые назывались «организованными хищническими преступлениями».

Этот вопрос также обещал практическую выгоду: спад волн ограблений банков и похищений людей в начале 1930-х годов оставил ФБР без громкого дела, в то время как общенациональная наркопаника в 1936-37 годах грозила отвлечь внимание и ресурсы на конкурирующее Федеральное бюро по наркотикам. Антинаркотическая риторика рисовала ужасающие образы неконтролируемых жестоких наркоманов, буйствующих по всей стране, в манере, которая странным образом предвещала более поздние образы жестоких сексуальных извергов: легендарные фильмы «Кокаиновые изверги» и «Безумие кокаина» оба датируются 1936 годом.

ФБР восстановило видимость, создавая истории о «скандале с условно-досрочным освобождением», предполагаемой череде преступлений, совершенных мужчинами, неразумно освобожденными из тюрем. Гувер предупреждал, что комиссии по условно-досрочному освобождению слишком часто были виновны в «фактически освобождении хищного животного», и в 1937 году он утверждал, что «сексуальный изверг» был «самым отвратительным из всей огромной армии преступлений». [*12]

Если у FBN была проблема с наркотиками, то у Гувера все еще были секс и насилие, и он максимально использовал и то, и другое. ФБР продолжало активно вкладывать средства в борьбу с сексуальными извращенцами, пока не нашло новое оправдание своему существованию в виде нацистских шпионских страхов 1938-40 годов.

После войны Гувер вернулся к теме сексуальных маньяков с широко цитируемой статьей в *American Magazine*. В статье «Насколько в безопасности ваша дочь?» Гувер (или его писатели-призраки) утверждали:

"Наиболее быстрорастущим типом

[Страница 56]

преступлений является тот, который совершают дегенеративные сексуальные преступники. ... [Он] наносит ущерб со скоростью преступного нападения каждые сорок три минуты, днем и ночью в Соединенных Штатах. ... Развращенным людям, более диким, чем звери, разрешено бродить по Америке почти по своему желанию».

Неспособность противостоять дегенерации создала «ситуацию, в которой искалеченные и убитые женщины лежат в изолированных местах, что оставляет изнасилованных детей в состоянии истерии».

На протяжении всех этих лет газеты неоднократно ссылались на ФБР как на основной источник предупреждений о том, что родители должны защищать своих детей, сообщая о подозрительных личностях. Агентство распространяло плакаты, призывающие детей остерегаться «опасности незнакомцев»:

«Мальчики и девочки, ... для вашей безопасности не забывайте отказываться от подарков от незнакомцев и отказываться от поездок, предлагаемых незнакомцами».

В 1960 году бюро призвало к общенациональной кампании против растлителей, и к 1962 году Гувер призвал учителей и других сотрудников школ сдавать отпечатки пальцев, чтобы можно было отсеять обвиняемых в растлении. [*13]

Ощущение угрозы усиливалось средствами массовой информации, особенно кино. Хотя цензура делала невозможным бороться открыто с извращенцами, насильниками или растлителями малолетних, тема извращенных убийц не подпадала под те же ограничения, поскольку насилие могло изображаться даже тогда, когда секс был табу. Таким образом, вымышленные исследования сексуальных преступлений концентрировались на самом серьезном аспекте проблемы, а именно на «маньяке-убийце», чья сексуальная мотивация могла тонко подразумеваться. [*14]

Самым известным изображением была игра Петера Лорре в немецком фильме *М* (1931), который появился в американском ремейке в 1951 году. Также влиятельной была версия Альфреда Хичкока истории Джека Потрошителя в фильме «*Жилец*» (1926), который был переснят в 1932 и 1944 годах. Количество трактовок увеличилось с 1937 года, когда «*Ночь должна наступить*» изобразил ненормального сексуального убийцу, который носил головы своих женщин-жертв в качестве трофеев. В более поздние годы появились

- *Незнакомец на третьем этаже* (1940),
 - *Тень сомнения* (1943),
 - *Брайтонский душитель* (1945),
 - *Винтовая лестница* (1946),
 - *Снайпер* (1952), и
 - *Пока город спит* (1956).
- Была даже юмористическая трактовка в «*Мышьяке и старых кружевах*» (пьеса была поставлена в 1938 году, а фильм вышел в 1944 году).

Фильмы изображали чудовищных хищников, мотивированных извращенной и компульсивной сексуальностью, а истории часто напрямую заимствовались из таких реальных случаев, как случаи Фиша и

Уильяма Хайренса. Такие работы повышали общественную чувствительность к сексуальным преступникам и в то же время распространяли психодинамические теории, которые тогда были в моде в экспертных кругах.

Похожие темы появлялись в романах таких авторов триллеров, как Роберт Блох и Джим Томпсон, а «Шарф» Блоха (1947) был положительно оценен

[Страница 57]

Фредриком Вертамом в психиатрическом журнале.

В книге Чарльза Джексона *Внешние границы* (1948) убедительно изображен убийца детей, умственно неполноценный юноша, который насилует и калечит двух маленьких девочек, которые соглашаются сесть в его машину. Эти книги показали острое понимание роли СМИ в манипулировании общественными страхами по поводу сексуального насилия: в книге *The Scarf* журналист, падкий на сенсации, призывает коллегу написать книгу о расчленении в Кливленде:

"Людям нравится читать об этом. Посмотрите, как продаются эти настоящие детективные журналы. Сексуальные преступления. Кровь. Все хотят знать. ... Вы когда-нибудь слышали о ритуальных убийствах, которые у нас были? Дьяволопоклонники? Они разрезали ребенка".

В книге *Внешние границы* меньше внимания уделяется самому невыразительному убийце, чем средствам, с помощью которых СМИ превращают его в демона, создавая полихромные образы, которые разные потребители могут воспринимать с ужасом или восхищением в зависимости от вкуса. Как заметил один журналист, дело «прекрасное», и у него мало иллюзий относительно собственной роли.

«Вот для чего здесь: кровь и пролитие крови, изнасилование и, если возможно, увечья — вот чего они хотели. Его работа заключалась в том, чтобы дать им это, даже с натяжкой здесь и там, если он думал о чем-то хорошем». [*15]

Как все еще гласит клише, «если это кровоточит, это ведет». В бульварной фантастике маньяки-убийцы были основным элементом нового жанра экстремальных комиксов ужасов, таких как *Tales from the Crypt*, основанного в 1950 году на пике паники.

Изменение восприятия «угрозы» можно с пользой отследить с помощью *Reader's Guide to Periodical Literature*, стандартного источника для исследований в области американской истории. Хотя в середине века в путеводителе для чтения обычно указывалось не более одной записи в

год о сексуальных преступлениях или сексуальных правонарушениях, в 1937 году их было одиннадцать, между 1948 и 1950 годами — шестнадцать, а в 1953-54 годах — десять.

Похожая картина вырисовывается из других индексов, охватывающих сравнительно длительный промежуток времени, особенно из ежегодного индекса New York Times. Кроме того, категории индекса менялись, чтобы отразить популярное использование: если газета сообщала о сексуальном акте с участием ребенка, классификация этого деяния и значение, которое ему придавалось, варьировались в зависимости от эпохи, в которую оно произошло. С начала века до 1936 года сексуальные правонарушения были погружены в общую рубрику «нападения» или «грабежи и нападения», где они составляли крошечную долю из сотен историй каждый год о физическом насилии, грабежах и драках банд. Непристойные действия редко появлялись, если только они не включали какой-то дополнительный элемент, который делал их сенсационными или заслуживающими освещения в печати.

"Преступления на сексуальной почве" выделяются как отдельная категория в «Справочнике читателя» и «Нью-Йорк Таймс» только в период паники 1937 года. Как только Times начала использовать заголовок

[Страница 58]

«преступления на сексуальной почве», этот общий термин охватывал действия, начиная от изнасилования, растления детей и сексуального убийства, заканчивая вуайеризмом, гомосексуализмом, абортами, непристойным обнажением и порнографией, и на протяжении 1940-х годов все они рассматривались как виновные, вредные и, предположительно, происходящие из схожей этиологии. Акт наименования угрозы был ключевым для ассимиляции этих разнообразных типов поведения в одну проблему, и, более того, как угроза, направленная на детей

Сексуальный психопат

Национальная угроза воспринималась как угроза со стороны сексуальных маньяков или сексуальных психопатов, термины, которые использовались взаимозаменяемо. Большинство количественных оценок не делали различий между насильственными или хищническими сексуальными преступлениями и менее значительными или согласованными действиями. Если последние включались, то нация имела десятки тысяч, если не миллионы, сексуальных преступников, но эти цифры затем представлялись так, как будто они относились к индивидуумам вроде Альберта Фиша. «Сатердей Ивнинг Пост» утверждал:

«Большинство сексуальных убийц — это психопаты. Никто не знает, или даже приблизительно не может оценить, сколько десятков тысяч из них разгуливают по стране сегодня.» [*16]

Образ непреодолимого сексуального маньяка укрепился благодаря громким делам убийц детей, таким как Фред Стробл и Лоуренс Маркс. По-видимому, классический пример предсказуемой опасности, Маркс имел нескольких сумасшедших родственников и длинный список сексуального насилия в своем прошлом. До того как он совершил убийство в 1937 году, его дважды судили за сексуальные действия в отношении маленьких девочек, и он отбыл два длительных тюремных срока. По словам Бертрама Полленса, который возглавлял секс-клинику в тюрьме на острове Рикерс в Нью-Йорке,

«Очевидно, что он был просто марионеткой, движимой слепыми силами и инстинктивными потребностями, которые его интеллект был бессилён остановить.»

В 1946 году дело Уильяма Хейренса способствовало идентификации сексуальных преступников и сексуальных психопатов. Хейренс совершил несколько сотен взломов и три убийства, включая убийство шестилетней девочки, которую он расчленил, а также сотни мелких сексуальных преступлений, таких как кража женского белья. Он оставил записку на одной из сцен убийства, которая гласила: «Ради всего святого, поймайте меня, прежде чем я убью больше. Я не могу контролировать себя», что, по-видимому, было моделью психодинамической теории преступности. [*17]

Хейренсу было всего семнадцать, когда его арестовали; его дело, как и дело Джесси Помероя, казалось, показывало, что монстры формируются в раннем возрасте и что, если их не обнаружат, их криминальная карьера может длиться очень долго.

[Страница 59]

Еще до вспышки паники по поводу сексуальных преступлений психодинамическое происхождение преступности было важнейшей областью исследований для американских психиатров, а проблема сексуальных психопатов стала одним из основных вопросов в профессиональной литературе. В период с 1937 по 1946 год статьи о сексуальных преступлениях появлялись во всех основных научных психиатрических журналах, а в 1938 году Карл Боуман и другие внесли свой вклад в специальный симпозиум в *Mental Hygiene*. Беспокойство снова достигло пика между 1948 и 1952 годами: этот период принес освещение в *Diseases of the Nervous System* и *American Journal of Psychiatry*, а также важный симпозиум в *Federal Probation*. [*18]

Современный портрет психопата напоминал доктрины девятнадцатого века о моральном безумии. В 1949 году убийца детей из Филадельфии Сеймур Левин считался классическим психопатом, который осознавал разницу между правильным и неправильным, но который

«не желал или не мог применять сдерживающие факторы против антисоциального поведения столь же сильные и эффективные, как те, которые может применять среднестатистический человек».

Многие специалисты в области психиатрии считали эту доктрину упрощенной, но она нашла выдающихся сторонников. Возможно, самым известным авторитетом на протяжении примерно сорока лет был Бенджамин Карпман, который в 1951 году писал, что

«сексуальная психопатия подразумевает тип сексуального поведения, характеризующийся социально запрещенной агрессивностью, отсутствием уважения к нежелающему участнику; компульсивностью и непреодолимостью характера; и совершением под влиянием исключительно сильного непреодолимого побуждения, напряжение которого снимается конкретным поведением».

Отчеты о «компульсивном и непреодолимом» поведении пронизывали отчеты, которые теперь направляли официальную реакцию на сексуальные преступления. В расследовании Нью-Рэмпшира 1949 года говорилось:

"Сексуальный психопат заинтересован только в немедленном удовлетворении своего инстинктивного влечения, независимо от способа достижения или последствий. Его действия обычно направлены на невинных и ничего не подозревающих или беспомощных представителей противоположного пола. Жертва подвергается нападению в уединенном месте, нападение сопровождается силой, жестокостью или насилием, даже достаточными для того, чтобы вызвать смерть. Обычно разрабатываются сложные планы для быстрого побега и против возможности распознавания. Эта хитрость неизменно присутствует и отличает сексуального психопата". [*19]

Хотя эксперты согласились с тем, что психопаты существуют, они не смогли прийти к единому мнению о том, как именно эти девианты могут быть распознаны или даже охарактеризованы. Сам Карпман согласился, что

"нет единого мнения относительно значения слова психопат: это нечетко понимаемая сущность

[Страница 60]

по поводу которой психиатры расходятся во мнениях. Широта определения позволяет его толковать, включая гомосексуалистов, подростков и маленьких детей». Как заявил один институциональный психиатр: «Я прожил с преступником 24 года, и я знаю, что есть психопат, но я просто не могу его описать». Другой терапевт обобщил критерии как «любой, кто является странным парнем, тот, кто не вписывается, тот психопат». Замечания такого рода сделали бессмысленным утверждение *Saturday Evening Post* о том, что «психопатическую личность может легко обнаружить в раннем возрасте любой психиатр», и следствие, что превентивное законодательство может быть легко разработано. [*20]

Если бы идентификация психопата была настолько сложной, то было бы невозможно проследить стадии развития этого состояния. Однако широкая публика не видела таких препятствий: сексуальный преступник и сексуальный психопат отличались только степенью угрозы.

Криминолог Эдвин Сазерленд утверждал, что популярные взгляды на сексуальные преступления были пронизаны возмутительными мифами,

"что большинство сексуальных преступлений совершается сексуальными дегенератами, сексуальными извращенцами или сексуальными психопатами, и что эти лица упорствуют в своих сексуальных преступлениях на протяжении всей жизни; что они всегда дают понять, что они опасны, совершая сначала мелкие правонарушения; что любой психиатр может диагностировать их с высокой степенью точности в раннем возрасте». [*21]

Сазерленд точно резюмировал общее мнение о том, что правонарушения прогрессируют от незначительных проступков до серьезного насилия. Хотя эксгибиционист не причинял прямого или непосредственного вреда, удовольствие, которое он получал, выставя себя напоказ, было садистским и могло обостриться: «Это садистское желание больше не может оставаться удовлетворенным только от вида ужаса на женских лицах... но может трансформироваться в более сильные и мощные садистские влечения, такие как изнасилование, нападение или убийство». Уитмен соглашался: «Эксгибиционист может стать растлителем, растлитель может стать насильником, насильник может стать убийцей». Как писал Полленс в 1938 году, «Сегодняшние мелкие правонарушители могут быть насильниками и убийцами завтра». Гувер утверждал, «за немногими исключениями, задолго до того, как сексуальный преступник достигает своего конечного преступления насилия, есть достаточно доказательств его наклонностей». [*22]

Восприятие того, что все сексуальные преступления в конечном итоге были связаны, имело решающее значение для политики и законодательства. Не было незначительных сексуальных преступлений,

и современные авторы регулярно заключают слово незначительный в кавычки в этом контексте.

В 1948 году психиатр, приглашенный для обучения полиции Сент-Луиса тому, как реагировать на растление малолетних, предложил обучение по предположительно связанным видам поведения, таким как «трансвестизм, фетишизм, эксгибиционизм, садизм,

[Страница 61]

мазохизм, педофилия и весь спектр сексуальной психопатии». [*23] В фильме 1952 года *«Снайпер»* показано, как полиция расследует убийство на сексуальной почве, устраивая «показуху», в которой ряд известных преступников выставляются напоказ, к удовольствию полицейской аудитории; подразумевается, что серийный убийца будет выбран из рядов этих «насильников, осквернителей, подглядывающих» и т. д.

Идея эскалации нашла двусмысленную поддержку у Карпмана, чей текст 1954 года *«Сексуальный преступник и его преступления»* был переиздан девять раз в течение следующего десятилетия. Сам Карпман иногда звучит релятивистски в своем подходе, отмечая мнение, что «сексуальные преступления — это поведение, которое оскорбляет определенное общество в определенной культуре».

Как и большинство экспертов в области психиатрии, он признает, что сексуальные преступления совершаются самыми разными типами: по крайней мере, в некоторых случаях надлежащее вмешательство и лечение могут гарантировать, что единичный акт не будет повторяться и не обязательно станет ступенькой к карьере на всю жизнь. С другой стороны, были настоящие сексуальные изверги, такие как Хайренс и Маркс, и убийца, случай которого обсуждает Карпман, «худший конституциональный психопат, обреченный с рождения быть угрозой».

Можно было бы подумать, что Карпман из всех людей поэтому отрицал бы, что сексуальный преступник автоматически является сексуальным психопатом, и тем не менее это именно то, что он утверждает, принимая широкое определение проблемы:

«Сексуальное преступление — это сексуальное поведение, которое оскорбляет конкретное общество, в котором живет преступник. ... Большинство сексуальных преступлений, но не все, являются результатом сексуального отклонения. Сексуально извращенный человек обычно известен как сексуальный психопат». [*24]

Именно этот последний логический скачок наиболее ошеломляет.

Мнение о том, что сексуальные отклонения тесно связаны с агрессивными сексуальными преступлениями, имело мрачные последствия для гомосексуалистов, которые столкнулись с самым непосредственным сопутствующим ущербом от движения против психопатии. [*25] Некоторые наблюдатели считали гомосексуалистов опасными *ipso facto*, но даже самые доброжелательные авторы обсуждали гомосексуальность наряду с другими пагубными формами поведения и состояниями, так что клеймо наверняка приобреталось.

Неоднозначное психиатрическое отношение было представлено Карпманом, чьи взгляды были довольно либеральными для середины 1950-х годов. Он был счастлив представить, как гомосексуалы становятся «нормальными извращенцами», и он предложил исследования случаев гомосексуалистов в стабильных «супружеских» отношениях, поскольку «в той степени, в которой извращенец ... является моральным, он также является нормальным». Тем не менее, Карпман не колебался, включив гомосексуальность в свой список сексуальных преступлений: сам факт наличие гомосексуальных желаний само по себе является отклонением, в то время как удовлетворение этих желаний посредством полового акта влечет за собой преступление «содомии

[Страница 62]

и педерастии». В его тексте гомосексуальность стоит рядом с такими тяжкими деяниями, как изнасилование, некрофилия, фетишизм, эксгибиционизм и скотоложество, и это состояние находится в тесной психической близости с садомазохизмом, педофилией и инцестом. В красноречивом сопоставлении Карпман отметил, что «из 270 случаев сексуальной психопатии, изученных в армейском госпитале, подавляющее большинство были случаями гомосексуализма». Обсуждение этой темы Уолтером Бромбергом началось с фразы «гомосексуальность, вариант сексуальной психопатии». [*26]

Господствующая терапевтическая ортодоксальность рассматривала гомосексуальность как форму задержанного психосексуального развития, которая, вероятно, связана с неестественным влечением к детям. Как заявил Фрейд, «извращенная сексуальность — это не что иное, как инфантильная сексуальность, увеличенная и разделенная на составные части».

В 1951 году в редакционной статье в *Psychiatric Quarterly* утверждалось:

«Взрослый гомосексуал... на стадии задержанного психосексуального развития; он не намного выше уровня ребенка. ... Если большинство взрослых гомосексуалистов испытывают влечение в основном к другим взрослым — что спорно — многих по-прежнему привлекают дети; и еще

большее число испытывают влечение к подросткам. Импульс соблазнять, как и сама гомосексуальность, характерен для задержанного развития».

Бромберг заметил о гомосексуальности, что «в этой группе преступные действия варьируются от отношений между взрослыми, которые открыто признаются в своих наклонностях, до гомосексуальных действий с молодыми мальчиками или подростками под угрозой или с использованием обмана». [*27]

Словари и медицинские тексты середины века определяли педераста как в терминах «любви к мальчику», так и анального секса и давали содомиту как синоним, так что английское использование полностью поддерживало идентификацию гомосексуалистов и педофилов.

Терпимость к гомосексуальному образу жизни была обратно пропорциональна степени народной обеспокоенности сексуальными преступлениями и угрозами детям. Когда общественные страхи были на пике, гомосексуалы были наиболее уязвимы для чисток порока и самосуда толпы, тюремного заключения и медицинского вмешательства.

В южной Калифорнии слухи о растлении маленького мальчика в лихорадочной атмосфере 1936 года привели к нападению на местных гомосексуалистов мстительным Белым Легионом. В 1955 году город Бойсе, штат Айдахо, начал чистку своего гей-преступного мира, явление, которое приобрело известность, когда было изображено как охота на ведьм двадцатого века в книге *«Мальчики из Бойсе»*. Возникшая в борьбе за власть между соперничающими фракциями в бизнесе и политическом истеблишменте штата, кампания по борьбе с пороками была явно оправдана соображениями защиты детей. Как сообщал Time, «широко распространенный гомосексуальный преступный мир, в который входили некоторые из самых известных мужчин Бойсе... охотился на сотни подростков за последнее десятилетие». [*28]

[Страница 63]

Хищнические мотивы пронизывают произведение Уитмена «Ужас на улицах» (1951), в котором мужчины, совершающие сексуальные действия в отношении маленьких девочек, описываются как «педофилы», а мужчины, растлевающие мальчиков, как «гомосексуалы», что предполагает эквивалентность этих двух терминов. Один питтсбургский сексуальный преступник «убил одиннадцатилетнего мальчика во время насильственного совершения гомосексуального акта», после того как ранее его «привлекли к суду за растление маленьких девочек»: контраст очевиден, поскольку преступления против маленьких девочек не включали «гетеросексуальный акт».

Даже гомосексуальные действия между взрослыми людьми излагаются на языке преступности:

«Детройт, как и большинство крупных городов, страдает от гомосексуального разбойника. ... Он устраивает вопиющую демонстрацию себя в общественных туалетах; он заполоняет самые красивые общественные парки, делая их отвратительными и страшными для порядочных граждан. Полиция знает, что такие мужчины опасны — что, попав в ловушку, они могут убить».

Термин «прозелит» подразумевает хищническую преступную деятельность, но здесь он используется для мужчин, занимающихся городским круизингом, ищущих сексуальных партнеров по обоюдному согласию. Лесбиянки также характеризуются таким образом:

«настоящие женщины-прозелиты, которые пристают к женщинам и пытаются обратить в свою веру [sic] девушек так же подло, как мужчины рыщут за другими мужчинами, и с такими же возможностями насилия и убийства». [*29]

Слово «прозелит» создает образ гомосексуализма как евангелистского культа, а также как заразного состояния, предвкушение современных спекуляций о том, что педофильские сети буквально подобны культам или ритуалам. Метафора датируется началом века, и в 1925 году налеты на пионерскую организацию по защите прав геев в Чикаго привели к заголовкам газет на тему «Разоблачен странный сексуальный культ».

Уитмен подразумевает, что гомосексуалы, мужчины или женщины, обращают в свою веру жертв, которых они растлевают, и тем самым создают новое поколение извращенцев. Язык евангелизации повторяется во всей литературе: в 1943 году когорта «мальчиков-сексуальных преступников» Льюиса Досбея включала итальянского подростка, который «связался с порочной группой взрослых, которые приучили его ко всем практикам и церемониям гомосексуализма». Образы культа появляются в исследовании Уитмена убийцы из Детройта Теодора Хиллса, который в 1949 году убил шестилетнего мальчика. Карьера Хиллса в извращениях и убийствах объясняется тем, что он подвергался эксплуатации со стороны ряда взрослых гомосексуалистов в течение нескольких лет, когда он был мужчиной-проституткой; сам он начал тянуться к мальчикам помладше, которых он в свою очередь оскорблял, «и порочный круг прозелитизма был замкнут». [*30]

Поэтому гомосексуалы рассматривались как серьезная социальная опасность. В 1949 году бывший прокурор Лос-Анджелеса Юджин О. Уильямс предупреждал:

«Сексуальный извращенец в своей более безобидной форме слишком часто рассматривается просто как

[Страница 64]

странный человек, который никогда никому не причиняет вреда, кроме себя. Слишком часто мы упускаем из виду тот факт, что гомосексуал — заядлый соблазнитель молодежи обоих полов и всегда ищет жертв помоложе».

Народная толерантность продолжается до тех пор, пока «искалеченная фигура какого-нибудь ребенка или женщины не привлечет внимание мира к тому факту, что сексуальные извращенцы существуют».

Один психиатр из полиции Лос-Анджелеса написал: «гомосексуал убьет свою жертву во время акта сексуального безумия, а затем ограбит ее». Журнал *Coronet* предупреждал, что гомосексуалы «через извращение опускаются до других форм разврата, таких как наркомания, кража со взломом, садизм и даже убийство». [*31]

Несистематическое применение законов против гомосексуальной активности позволило правоохранительным органам проявлять большую дискрецию, часто в обмен на взятки, но распущенность внезапно закончилась во время паники, связанной с сексуальными преступлениями. Аресты за содомию в Нью-Йорке напоминают исторический максимум конца 1930-х годов, когда было зафиксировано более 180 случаев в 1936 и 1938 годах, что в два раза превышает показатель 1932 года. [*32]

Количество арестов за гомосексуальные действия в туалетах метро Нью-Йорка составило 707 в 1940 году и 1072 в 1944 году, но 3289 в «волну преступности» 1948 года. Волны антигейской паники прокатились и в других городах в конце 1940-х годов, когда авторы статей о сексуальных преступлениях призвали полицейские отряды нравов «неустанно отслеживать каждый случай извращения, каким бы незначительным он ни был».

В Питтсбурге «рысканье сексуальных извращенцев вокруг кинотеатров, общественных туалетов и торговых рядов в центре города стало настолько вопиющим в 1948 году, что граждане восстали с оружием в руках. Они заявили Бюро полиции, что их город фактически захвачен». [*33]

В ответ отряд морали начал кампанию против «вопиющих бродяг, тех, кто превращал общественные парки в болота, прозелитов молодежи», совершив почти пятьсот «арестов гомосексуалистов» за двадцатимесячный период.

«Странную угрозу» теперь подхватили другие активисты. В феврале 1950 года сенатор Джозеф Маккарти предупредил о ордах коммунистов, которые проникли в Государственный департамент, и вскоре двойная опасность от красных и извращенцев была ассимилирована. Согласно современной мифологии, опасность коммунистического шантажа была серьезной: у Гитлера якобы был список гомосексуалистов на высоких постах по всему миру. Предполагается, что этот список попал в руки русских».

В 1951 году ФБР запустило то, что стало обширной программой против сексуальных извращенцев, созданной для того, чтобы очистить высокопоставленных гомосексуалистов, и последовавшая инквизиция заставила сотни людей уйти в отставку со своих официальных должностей. Карпман осудил нападение на гомосексуалистов как «истерию, ... оргию нетерпимой и садистской ненависти, средство высвобождения свободно плавающей враждебности»; но психиатрическая профессия в целом

[Страница 65]

приняла концепцию гомосексуализма как тяжелой патологии, и эта точка зрения была закреплена в формулировке психических заболеваний 1952 года в DSM-1, диагностическом и статистическом руководстве Американской психиатрической ассоциации. [*34]

Страх перед сексуальными психопатами заставил многие штаты и города создать следственные комиссии, некоторые из которых подтвердили общественные опасения, но значительное число — нет. Напротив, это исследование в корне бросило вызов ортодоксальному взгляду на сексуальных преступников. Самые сложные исследования утверждали, что количество сексуальных преступлений было далеко не таким большим, как предполагалось, что сырая статистика была обманчивой и использовалась для преувеличения количества хищнических или насильственных сексуальных преступлений, и что преступники были гораздо менее настойчивыми и импульсивными, чем обычно считалось. Эта критика предоставила сокрушительные доказательства для опровержения теории эскалации — что все сексуальные преступления представляли собой эволюционные стадии в прогрессии, которая достигала кульминации в сексуальном убийстве.

Самым влиятельным расследованием было расследование Комитета мэра Нью-Йорка по изучению сексуальных преступлений, чей отчет 1940 года все еще десятилетие спустя был «единственным статистически исчерпывающим официальным исследованием по этому вопросу». Расследование выросло из убийств 1937 года, когда независимый

гражданский комитет по преступности изучил угрозу, исходящую от сексуальных преступников. В ответ мэр Фиорелло Ла Гуардиа назначил свою собственную комиссию с голубой лентой во главе с Моррисом Плоскове в качестве консультанта.

В своем отчете комитет уделил много места оспариванию мифов о сексуальных извращениях, отметив, что, поскольку многие сексуальные преступления были актами *mala hinda*, наказуемыми в некоторых обществах, но не в других, они вряд ли отражают глубоко укоренившуюся человеческую патологию. Кроме того, «в Нью-Йорке не было волны сексуальных преступлений в 1930-х годах»: преступления были редки и не представляли собой огромного роста, как это изображают новостные СМИ. Несколько убийств детей, совершенных сексуальными извращенцами, действительно имели место, но «они были не более волной преступлений, чем пять, десять, даже пятнадцать случаев оспы среди семи с лишним миллионов человек означают эпидемию». Учитывая огромное население города, две или три тысячи человек, которых арестовывали каждый год за сексуальные преступления, следует считать «феноменально низкой» цифрой. [*35]

Большинство так называемых сексуальных преступников заслужили ярлык за действия, которые при более внимательном анализе не казались особенно угрожающими, еще менее психопатическими. В Нью-Йорке 3295 человек, обвиняемых в сексуальных преступлениях в течение десятилетия 1930-39 гг., впоследствии были осуждены, хотя примерно в двух третях случаев обвинительные приговоры в конечном итоге были вынесены за менее тяжкие преступления.

[Страница 66]

(Таблица 3.1).

Таблица 3.1 Сексуальные преступления в Нью-Йорке 1930-39

	<i>Число предъявленных обвинений</i>	<i>Процент осужденных за тяжкое преступление</i>
<i>Преступление</i>		
похищение	63	54
плотское насилие	333	42
силовое изнасилование	418	66
инцест	98	74
соблазнение	21	62

содомия	414	51
растление	1,948	20
ИТОГО	3,295	35
<i>Правонарушение</i>		
непристойное обнажение	1,063	
нанесение ущерба нравственности несовершеннолетнего	1,463	
ИТОГО	2,526	
Итого	5,821	

Источник: Отчет и анализ сексуальных преступлений в городе Нью-Йорке за десятилетний период 1930-1939 гг. (Нью-Йорк: Комитет мэра по изучению сексуальных преступлений. 1940). стр. 42.

[Страница 66]

Одна восьмая часть от общего числа, 414 дел, была связана с содомией, неопределенным термином для деяний, которые обычно совершались по обоюдному согласию. Не менее 1948 преступников, или 59 процентов, были обвинены в изнасиловании по закону или в половом акте с женщиной моложе восемнадцати лет, независимо от относительного возраста сторон. Только в 1950 году Нью-Йорк обозначил добровольный секс между мужчиной моложе двадцати одного года и девушкой моложе восемнадцати лет как проступок, а не как уголовное преступление, и даже тогда это было обозначено как изнасилование третьей степени. [*36]

Повторные заявления о том, что сексуальные преступления растут, обычно относились к изнасилованию, без различия между насильственным изнасилованием (совершённым или покушавшимся) и изнасилованием по закону. Когда Дж. Эдгар Гувер предупредил, что каждые сорок три минуты совершается сексуальное преступление, он основывался на объединенной статистике как насильственных, так и установленных законом изнасилований по всей стране; хотя путаница могла быть невинной, ФБР было сильно заинтересовано в том, чтобы статистика сексуальных преступлений выглядела как можно более злое.

Только в 1958 году Единые отчеты о преступлениях агентства начали различать типы изнасилований, и, как указывали многие современники, в таких цифрах нельзя было различить четкую тенденцию. Сам Карпман

признал, что предполагаемый взрыв сексуальных преступлений можно было в основном объяснить непатологическими случаями установленных законом изнасилований. [*37]

Рост числа зарегистрированных сексуальных преступлений не обязательно означал, что совершалось больше сексуальных преступлений, потому что изменения в зарегистрированных правонарушениях отражали колебания в деятельности полиции, а не тенденции в реальном поведении. В период с 1930 по 1936 год количество арестов за непристойное поведение в Нью-Йорке составляло около 280 в год, а в паническом 1937 году эта цифра выросла до более чем 500 и оставалась на этом высоком уровне до середины 1940-х годов. [*38] В 1936-37 годах также наблюдался резкий рост арестов за нарушение нравственности несовершеннолетних, а также за содомию: в каждом случае аресты в конце десятилетия были примерно на 50 процентов выше, чем в начале 1930-х годов.

Наконец, те действия, которые действительно имели место, обычно не были делом рук одержимых рецидивистов. Комитет мэра пришел к выводу, что большинство сексуальных преступлений совершили впервые совершившие правонарушения, а когда у совершивших правонарушения были предыдущие судимости, они обычно были за несексуальные правонарушения. Из 3295 сексуальных преступников, осужденных за сексуальные преступления в течение десятилетия, только 298 (9 процентов) имели предыдущие записи о сексуальных преступлениях. «Рецидивист, специализирующийся на совершении сексуальных преступлений, является наименее заметной фигурой среди преступников с уголовным прошлым». Из 555 лиц, осужденных за сексуальные действия в 1930 году, только 40 были снова обвинены в подобном преступлении

[Страница 67]

в следующем десятилетии, и 9 из них были оправданы или освобождены. «Спорадическое для некоторых, сексуальное преступление является единичным эпизодом в жизни многих». [*39] Наблюдение может быть ошибочным, поскольку, возможно, полиция просто не поймала рецидивиста снова или не потрудились арестовать его, когда это произошло; даже в этом случае восприятие комитета имело бы последствия на протяжении 1950-х годов.

Разнообразие сексуальных преступлений

То, что действия, делающие кого-то сексуальным преступником, часто были тривиальными, иллюстрирует исследование Доши 256 сексуальных преступников, мальчиков в возрасте от семи до шестнадцати лет, которые лечились в клиниках Детского суда Нью-Йорка в период с 1928

по 1933 год. Вывод Доши, просвещенный для того времени, состоял в том, что раннее задержание за сексуальное преступление не обязательно приводит к последующей карьере сексуальных отклонений: «Учитывая преимущество надлежащего судебного и клинического лечения, сексуальная преступность среди несовершеннолетних имеет тенденцию автоматически становиться самоизлечивающейся». [*40]

[Страница 68]

Вывод не удивителен, если рассмотреть действия, из-за которых мальчики попали в поле зрения властей (таблица 3.2). [-->]

Большая часть правонарушений была безвредной или добровольной (см. Главу 2). Многие мальчики были включены из-за гомосексуальных отношений, обычно с другими людьми того же возраста, но также и через проституцию со старшими мужчинами. Акты фелляции, взаимной мастурбации или содомии с другим мальчиком составили около четверти всех правонарушений.

Ряд правонарушений были на удивление тривиальными. Отчет Доша о правонарушениях начинается с «чрезмерной мастурбации», обнаруженной в одной пятой актов.

Четырнадцать процентов правонарушений включали в себя непристойные высказывания или написание, предположительно, включая граффити.

«Групповые связи с девочками» означали действия «легкого характера ласки и осмотра, и происходили в группе детей на крыше, примыкающей к школе». [*41]

«Гетеросексуальные отношения» просто означали отношения с девочкой того же возраста. Только около дюжины из 350 зарегистрированных правонарушений можно было классифицировать как серьезное преступление, примером чего является пятнадцатилетний мальчик, совершивший почти фатальное сексуальное насилие над женщиной.

Доля преступников, которые продолжали совершать дальнейшие преступления, также была незначительной, включая всего десять сексуальных нарушений на всю когорту (в основном сексуальное насилие над девочками младшего возраста).

Именно в этой крошечной подгруппе мы находим редкие истории дел настоящих сексуальных преступников, таких как «Гарольд», парень из Бронкса, которого неоднократно арестовывали за различные действия, включая эксгибиционизм, домогательство и нанесение вреда девушке зажженной спичкой. Его более поздняя карьера включала в себя

обвинительные приговоры за кражу со взломом, а в 1939 году, когда ему был двадцать один год, группа мужчин обнаружила его приставающим к молодой девушке. Он был убит, предположительно, спрыгнув с крыши, чтобы спастись. [*42]

Такой хищник, как Гарольд, резко выделяется из жалкой когорты так называемых сексуальных преступников.

[Страница 69]

Таблица 3.2

<i>Сексуальные преступления среди 256 мальчиков в Нью-Йорке, '928-1933</i>	
<i>Преступление</i>	<i>Число</i>
мастурбация, чрезмерная	71
мастурбация, взаимная	9
эксгибиционизм	25
подглядывание	9
непристойная речь	47
активная фелляция	25
пассивная фелляция	22
содомия с отцом или старшими братьями и сестрами	14
содомия с другим взрослым	50
содомия с мальчиком того же возраста	26
содомия с младшим мальчиком	7
содомия с девочкой	7
содомия с младшими братьями и сестрами	4
"все виды извращений"	23
групповые связи с девочками	3
попытки секса с девочками	25
гетеросексуальные переживания	23
прикосновение к частям маленьких девочек	26
прикосновение к частям сестер	5
прикосновение к частям женщин	18

инцест с сестрами	13
попытка инцеста с матерью	1
сализм	7
жестокое сексуальное нападение на женщину	1

Источник: Основано на книге Льюиса Дж. Дошя «Мальчик-сексуальный преступник и его последующая карьера» (1943: переиздание, Монклер, Нью-Джерси: Паттерсон Смит, 1969), стр. 72.

К концу 1940-х годов было доступно множество количественных доказательств, чтобы оспорить возмутительные обвинения, выдвинутые средствами массовой информации о масштабах проблемы сексуальных преступлений. Различные расследования на уровне штатов отрицали, что сексуальные преступления росли, как утверждало ФБР, и показали, что показатели, возможно, даже снижаются. [*43]

Этот материал послужил основой для двух известных криминологов, напавших на конструкцию проблемы психопатии.

Первым был Эдвин Сазерленд, социолог, сыгравший решающую роль в развитии криминологической мысли; он был пионером в изучении того, что он назвал «преступностью белых воротничков». В двух важных статьях, опубликованных в 1950 году, Сазерленд проанализировал 324 зарегистрированных убийства женщин и детей, обнаружил, что только 5 процентов были связаны с изнасилованием или подозрением в изнасиловании, и пришел к выводу, что

[Страница 69]

убийства, совершенные сексуальными извращенцами, были гораздо более редкими, чем можно было бы предположить по общему мнению. Эта оценка согласуется с современной статистикой убийств, которая показывает, что от 1 до 2 процентов всех убийств совершаются в ходе сексуальных нападений, в то время как подавляющее большинство убийств совершаются

[Страница 70]

близкими или членами семьи. Если действительно сексуальные извращенцы тысячами бродили по стране, большинство из них наносили чрезвычайно малый ущерб. Те, кто считал, что сексуальные преступления были серьезной проблемой, критиковали Сазерленда за то, что он брал свои отчеты об убийствах из трезвой New York Times, а

не из других газет с более жадным интересом к сенсационным преступлениям, но даже если он и преуменьшал проблему, он делал это не в значительной степени. [*44]

Другим критиком был давний соперник Сазерленда Пол Таппан, который в 1950 году был техническим консультантом отчета Комиссии Нью-Джерси по привычным сексуальным преступникам, который в значительной степени повторил выводы комитета мэра. Это дало Таппану платформу для атаки на проблему сексуальной психопатии, позволив ему перечислить «мифы о сексе Fender»:

«Десятки тысяч сексуальных извращенцев-убийц бродят по земле, ... что жертвы сексуального нападения «разрушены на всю жизнь», ... что сексуальные преступники обычно рецидивисты», ... что сексуальная психопатия или сексуальная девиация — это клиническая сущность».

Текущая проблема была дико искажена, утверждал он:

«Подавляющее большинство сексуальных извращенцев — мелкие правонарушители. ... Большинство осужденных — мелкие извращенцы, редко, если вообще когда-либо, сексуальные извращенцы».

Максимум 5 процентов осужденных сексуальных преступников были опасны в смысле применения силы или нанесения травм. Большинство преступников были «незрелыми и недоразвитыми эмоционально и сексуально», с половым влечением, значительно ниже, чем выше нормы. [*45]

Вместо того, чтобы быть настойчивыми и неудержимыми, «сексуальные преступники имеют один из самых низких показателей рецидивизма среди всех видов преступлений», и только преступники, совершившие убийства, были менее склонны повторять свои преступления: исследование в Нью-Джерси показало, что только 7 процентов сексуальных преступников ранее были арестованы за аналогичные преступления в прошлом. Более того, многие из преступлений были безобидными или добровольными, такими как гомосексуальность и эксгибиционизм.

Тэппан почерпнул боеприпасы из недавно опубликованного исследования Альфреда Кинси о сексуальном поведении человека. Как бы ни были сомнительны их методологии, отчеты Кинси убедительно показали, что «девиантные», «извращенные» или «неестественные» действия были чрезвычайно распространены: гораздо больше людей заявили, что они занимались гомосексуальными действиями, чем указывалось в любом предыдущем исследовании, и многие гетеросексуалы регулярно практиковали поведение, которое технически

квалифицировалось как тяжкое преступление — содомия. Как отметил Тэппан,

«Очень большое количество мужского населения Нью-Джерси занималось практиками, попадающими под перечень нашего действующего закона о ненормальных сексуальных преступниках, на основании которого они могли быть направлены в одну из наших государственных психиатрических больниц. ... Количество дел, которые могут рассматриваться в соответствии с этим законом в будущем, практически неограниченно».

[Страница 71]

Как отметил Плосков в 1951 году, если Кинси был прав, то каждый год на каждые двадцать обвинительных приговоров могло приходиться 6 миллионов актов содомии и извращенного секса. Законодательная комиссия Пенсильвании сослалась на оценку Кинси о том, что две трети всего мужского населения занимались извращенным сексуальным поведением. Если это правда, то в Пенсильвании было около 2,3 миллиона мужчин с сексуальными отклонениями, и только двести психиатров могли бы с ними справиться. Карпман отметил:

"По словам Кинси, 85 процентов молодого мужского населения могли бы быть осуждены как сексуальные преступники, если бы законы строго соблюдались": "сексуальные преступники составляют очень большую часть населения".

Айберт Эллис скептически спросил, следует ли называть каждого мужчину, когда-либо имевшего однополый контакт, сексуальным психопатом. [*46] Если бы почти все были извращенцами, то не было бы нормы, от которой можно было бы сказать, что кто-то отклоняется.

Парадокс

На первом этапе паники сексуальных преступлений, между 1937 и 1940 годами, специальное законодательство против сексуальных преступников появилось как ситуативный ответ на угрозу, изображаемую средствами массовой информации и правоохрательными органами, но предписания не имели какой-либо подробной теоретической основы.

После 1945 года постоянное накопление технических и социальных научных доказательств должно было указывать на необходимость осторожности в отношении проблемы сексуальных психопатов и связи между такими лицами и менее серьезными преступниками. [*47]

Более того, подводные камни в любых предлагаемых законах были очевидны большинству экспертов, столь же предсказуемы, как этапы

математического доказательства: ограничение мелких сексуальных преступников в профилактических целях налагало бы непропорциональное бремя на незначительных извращенцев, отвлекая внимание от действительно угрожающих случаев, и наблюдалась бы массовая гипердиагностика сексуальных психопатов. Но чем быстрее накапливалась критика в конце 1940-х годов, тем с большим энтузиазмом законодательные органы принимали новое законодательство о сексуальных преступниках. К 1960 году большинство американских штатов приняли законы о сексуальных психопатах, основанные именно на тех принципах, которые высмеивали судебно-медицинские эксперты.

Простейшим объяснением этого парадокса было то, что социальные и демографические тенденции создали избирательные округа с мощным интересом в требовании официальной защиты от предполагаемой угрозы. Одним из аспектов этого было чувство риска среди женщин, чьи мужья служили в армии. Военные годы 1941-45 и 1950-53 годов разрушили традиционные семейные структуры, устранив миллионы взрослых мужчин и приведя большое количество женщин в рабочую силу, чтобы заменить их. В период с 1940 по 1944 год доля женщин в рабочей силе выросла с 27 до беспрецедентных

[Страница 72]

35 процентов, и 3 миллиона женщин были заняты в военном производстве. Многие женщины чувствовали себя без защиты своих мужей, а необходимость в дневном уходе за детьми разлучила детей с нуклеарными семейными ячейками. [*48]

Возвышение сексуального преступника как медийного злодея усилило чувство угрозы для одиноких женщин во время войны. Ряд триллеров, таких как «Газовый свет» и «Опасный эксперимент», изображали изолированных женщин, которым угрожали сексуальные изверги, психопаты или другие смертоносные мужчины, а «Седьмая жертва» стала пионером образа женщин, преследуемых смертоносным сатанинским культом. Когда американские мужчины в огромных количествах вернулись из армии после 1945 года, процесс возвращения их жен к «надлежащей» роли в доме был значительно облегчен утешительным знанием того, что отказ от оплачиваемой работы способствовал защите детей от легиона сексуальных извергов. Это сообщение повторялось в течение следующего десятилетия женскими журналами, а также религиозными и семейными изданиями.

Хотя окончание войны в 1953 году восстановило нормальный гендерный баланс в американском обществе, именно в это время пик бэби-бума пришелся на то время, когда акцент сексуальных страхов решительно сосредоточился на опасности для детей. Именно тогда фраза «растление

малолетних» стала практически синонимом сексуального преступления в средствах массовой информации: тогда как Дж. Эдгар Гувер в 1947 году риторически спросил американскую общественность: «Насколько в безопасности ваша дочь?» название его статьи 1955 года было «Насколько в безопасности ваш ребенок?»

В *Reader's Guide* фраза «растление детей» впервые появилась в 1953 году в статье в *Better Homes and Gardens*, а семейные журналы стали служить главными средствами освещения проблемы растления, от *Parents*, *Ladies' Home Journal* и *National Parent Teacher magazine* до *Redbook* и *Good Housekeeping*, с их регулярными историями в духе «Как защитить своих детей от извращенцев». Программы самопомощи и общественной защиты детей стали процветающим поджанром в семейных журналах, достигнув пика в 1957 году. [*49] После этого количество историй о растлении сократилось до одной или двух в год, оставаясь на этом уровне до нового взрыва в конце 1970-х годов.

Законодатели и полиция столкнулись с огромным давлением, требующим что-то сделать с сексуальными преступлениями, и специальное законодательство, направленное против сексуальных психопатов, было естественным быстрым решением. В отчаянном общественном настроении 1937 или 1949 года, Потребовалось бы самоубийственное мужество, чтобы выступить против или хотя бы подвергнуть сомнению законопроект, якобы призванный защитить невинных от сексуальных извращенцев, даже если законодатель прекрасно знал, что эта мера будет более чем бесполезной.

(В конце 1940-х годов треть опрошенных американцев считали, что «тюрьма слишком хороша

[Страница 73]

для сексуальных преступников. Их следует публично высечь или сделать что-то похуже»). [*50]

Судебные иски в защиту женщин и детей были политически выгодны или даже необходимы, а возможность несправедливости в отношении несовершеннолетних правонарушителей едва ли стоила рассмотрения.

Кроме того, хотя мнение психиатров о проблеме психопатии отнюдь не было единым, этот период был отмечен резким ростом терапевтической профессии (как по численности, так и по престижу) и их влияния на принятие политических решений. Стимулируемые крупными грантами от частных компаний, таких как Фонд Рокфеллера, медицинские школы и университеты с 1930-х годов уделяли гораздо больше внимания психиатрическим исследованиям, особенно в области преступности и

насилия, а исследовательские центры развивались в нескольких городах.

Сводные цифры впечатляют:

- Американская психологическая ассоциация выросла с 2739 членов в 1940 году до 30 839 к 1970 году;
- Американская психиатрическая ассоциация выросла с 2423 членов до 18 407 за тот же период.

Как отмечает Джордж Чонси, психиатры приобрели статус во время войны благодаря

"решающей роли, которую они сыграли в отборе и управлении миллионами людей, мобилизованных на военную службу". [*51]

После 1945 года психиатры и психологи доминировали в следственных комиссиях, которым было поручено формулировать ответы на проблему сексуальных преступлений, и их язык и предположения сильно влияли на представителей других профессиональных групп, включая юристов, судей, полицию и духовенство. Возможность определить угрозу сексуальной психопатии как находящуюся в сфере компетенции психиатрии, придавала престиж, который распространялся на многие сферы жизни и поведения. После этого психиатры заняли ключевую роль в системе образования как источник советов для родителей и учителей, стремящихся защитить детей, находящихся на их попечении, и предотвратить воспитание новых психопатов и правонарушителей.

Принятие популярного понятия психопатии также означало значительное расширение использования медицинских концепций и терминологии в системе уголовного правосудия. В конце 1940-х годов полицейские агентства импортировали психиатрических экспертов и ученых, чтобы обеспечить ориентацию по всему миру сексуальных извращений и преступлений, и были призывы институционализировать этот контакт. Как образно предупредил Уитмен в 1951 году, «Полицейская академия без психиатра — как ружье без прицела».

Взросшая роль психиатров и психологов иногда приводила к созданию целого ряда терапевтических учреждений на полпути между тюрьмами и психиатрическими больницами. Чонси замечает, что

«во имя защиты женщин и детей от сексуальных отклонений психиатры [Мичиганской] комиссии настоятельно рекомендовали

[Страница 74]

общественности поддержать расширение существующих психиатрических учреждений и развитие новых, даже если они были лишь косвенно связаны с проблемой сексуальных преступлений». [*52]

Государственные следственные комиссии этих лет выступали за полную перестройку уголовного правосудия, чтобы передать полномочия от адвокатов и исправительных администраторов психиатрам и терапевтам. Все это было не только вопросом профессионального интереса, поскольку многие психиатры искренне желали продвигать терапевтическое вмешательство как благожелательную альтернативу карательным предположениям преобладающей системы. Несмотря на все сомнения, достаточное количество психиатров поддержало новые законодательные меры, чтобы разрешить установление нового режима для определения и сдерживания сексуальных психопатов.

4. Законы о сексуальных психопатах

[Страница 75]

"Он сейчас в тюрьме, отбывает наказание, а суд начнется только в будущую среду. Ну, а про преступление он еще и не думал!"

"А если он не совершит преступления?" — спросила Алиса.

"Тем лучше", — сказала Королева — "Не правда ли?"

-ЛЬЮИС КЭРОЛЛ, *АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ*

Его половая жизнь, например, полностью регулировалась двумя новоязовскими словами: «злосекс» (половая аморальность) и «добросекс» (целомудрие). «Злосекс» покрывал все нарушения в этой области. Им обозначались блуд, прелюбодеяние, гомосексуализм и другие извращения, а кроме того, нормальное совокупление, рассматриваемое как самоцель. Не было нужды называть их по отдельности, все были преступлениями и в принципе карались смертью.

Он знал, что такое «добросекс», то есть нормальное сожительство мужчины и женщины с целью зачатия и без физического удовольствия для женщины. Все остальное — «злосекс».

-ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ, 1984

Проблема компульсивного сексуального преступника получила художественное выражение в фильме 1952 года *Снайпер*; в котором дидактический пролог объявляет, что:

"Среди проблем, с которыми сталкивается полиция, особое место занимает проблема сексуального преступника, виновного только в прошлом году в преступлениях, жертвами которых стали 31 175

женщин.. Адекватные и понимающие законы не существуют. Правоохранительные органы беспомощны. Здесь в одном случае история человека, чьим врагом была женская половина человечества".

История изображает снайпера на крыше, который атакует женщин в символической попытке убить свою мать, и подобно реальному Хейренсу, он оставляет записку, умоляя полицию поймать его прежде, чем он выстрелит вновь. Согласно критике фильма, **неуравновешенные преступники получают серию коротких сроков тюремного заключения, только чтобы быть**

[Страница 76]

выпущенными, прежде чем они получают адекватную терапию, последствием чего становится выход действительно опасных преступников на улицы. Даже спустя так много лет, столько зловещих историй, пример на который фильм ссылается, чтобы подтвердить эту точку зрения - это всё ещё Альберт Фиш, которому здесь приписывается шестнадцать убийств.

Снайпер был манифестом позитивистских взглядов на незначительные сексуальные отклонения как на симптом потенциально смертоносной патологии, требующей лечения общего состояния, а не наказания за конкретное преступление. Психиатр, который представляет голос разума в фильме, призывает официальные власти не «наносить удары слепо, но действовать разумно» и требует нового закона:

"Пусть каждый общественно опасный сексуальный преступник, как только его поймут, за первое правонарушение, будет помещен в психиатрическую больницу. ...Те, кого можно вылечить, будут уведомяны. Те, кто не может -- ну, по крайней мере, они никогда не выйдут, чтобы попробовать это снова".

Работая с рационализацией социальной защиты и защиты общества, большинство американских штатов как раз в это время принимали законы, чтобы остановить предполагаемую волну насилия, совершаемого сексуальными психопатами, и эти меры обычно поддерживались судами. Законы знаменовали собой амбициозный эксперимент по интеграции терапевтических и уголовных мер реагирования на отклонения, но их действие продемонстрировало пагубные опасности такого сочетания и, следовательно, предлагает поучительные параллели с современными законами против сексуальных хищников. Проще говоря, законы были слишком склонны преследовать мелких нарушителей общественной морали, в то время как нет никаких доказательств того, что они

выполнили свою рекламируемую функцию предотвращения зверского насилия.

Вращающаяся дверь

В 1930-х и 1940-х годах было широко распространено мнение, что существующая система правосудия с треском проваливалась в борьбе с сексуальными преступлениями. Подавляющее большинство правонарушений просто не регистрировалось, и даже когда это происходило, не было никакой уверенности в том, что отчет приведет к аресту, или что за арестом последует обвинительный приговор.

Тогда, как и сейчас, перегруженные суды и перегруженные работой прокуроры были вынуждены заключать сделки о признании вины, сводя серьезные сексуальные преступления к тяжкому преступлению меньшей степени или преобразуя тяжкое преступление в проступок. [*1]

В записях о сексуальных преступниках часто содержались такие расплывчатые обвинения, как «подрыв нравственности», которые охватывали невероятно широкий спектр действий, от сексуального домогательства до несексуального поведения, такого как азартные игры (таблица 4.1).

[Страница 77]

Таблица 4.1 Дела о нравственном ущербе, Нью-Йорк, 1930-1939 гг.

Специфическое поведение	Число случаев	Процент от общего количества
попытка сношения	322	23
сношение	226	16
ласкание	205	14
Засовывание пальца в женские половые органы	163	12
обнажение при девочке	103	7
мастурбация преступника жертвой	96	7
анальное совокупление	90	6
мастурбация жертвы преступником	69	5
оральное совокупление	57	4
сношение в присутствии ребёнка	38	3

сон в комнате с девочкой	28	2
другое	19	2
<i>общее</i>	<i>1,416</i>	

Источник: *Отчет и анализ сексуальных преступлений в городе Нью-Йорке за десятилетний период 1930-1939 гг.* (Нью-Йорк: Комитет мэра по изучению сексуальных преступлений, 1940 г.). С. 54-55.

Примечание: жертвы во всех случаях были моложе шестнадцати лет. Из-за ошибки округления сумма процентов превышает 100 процентов.

Подозреваемые признали себя виновными в этом преступлении, чтобы не столкнуться с более серьезными обвинениями, которые, если бы обвинение было склонно к этому, могли бы преследоваться как изнасилование, сексуальное насилие или содомия.

«Это особенно серьезно, потому что именно в группе, нарушающей моральный облик, находятся многие из ненормальных сексуальных преступников, которые имеют склонность к сексуальным играм с маленькими детьми», [*2]

Неполадки в практике прокуратуры затрудняют использование уголовных обвинений для оценки фактического поведения человека.

Изнасилование представляло собой похожую картину, хотя эта правовая категория включает как насильственные действия, так и нарушение возраста согласия. В Нью-Йорке в 1930-х годах обвинения в изнасиловании часто заканчивались осуждением за нападение второй или третьей степени, в то время как не менее 80 процентов дел об изнасиловании по закону были преобразованы в обвинения в проступках. Более половины мужчин, арестованных за изнасилование в штате Нью-Йорк в 1948 году, были оправданы или их дела были отклонены, и только одна десятая от первоначального общего числа была в конечном итоге осуждена за тяжкое изнасилование. В 1948 году в штате Нью-Йорк было зарегистрировано 1674 ареста за сексуальные преступления: 776 были оправданы или обвинения были отклонены, а еще 561 признали виновными в проступках или незначительных обвинениях. Только одна пятая арестованных была в конечном итоге осуждена за тяжкое преступление, за которое они были арестованы. [*3]

[Страница 78]

Те, кого обвиняли в менее тяжких преступлениях, могли вообще выпасть из системы. В 1930-х годах треть всех обвинений в непристойном поведении в Нью-Йорке заканчивалась оправданием или DOR, освобождением под залог самого обвиняемого (что отражало решение не продолжать дело).

Преступления против детей были особенно склонны к снятию обвинений. Из трех тысяч обвинений за десятилетие в нанесении ущерба нравственности несовершеннолетнего более половины заканчивались оправданием или DOR. Этот высокий показатель отражал нежелание обвиняемых заключать сделки о признании вины, тем самым требуя, чтобы прокуроры либо продолжали дело в суде, либо сдавались на ранней стадии. Прокуроры часто предпочитали не продолжать, чтобы не столкнуться с трудностями поиска подтверждений и использования показаний детей, поскольку дела такого рода были в лучшем случае рискованными и могли быть самоубийственными. [*4]

Трудности использования детей-свидетелей были слишком хорошо знакомы. Когда в 1936 году Американская ассоциация юристов назначила комиссию для изучения вопроса доказательств в случаях инцеста и растления, председателем был не кто иной, как Джон Генри Вигмор, который с начала века выступал против доверия к детям, особенно к маленьким девочкам, в сексуальных делах.

Отчет комиссии завершался суровым предупреждением о принятии показаний, возникающих из «эротического воображения ненормального ребенка привлекательной внешности», и приводились «тысячи наблюдаемых случаев» ложных обвинений.

В 1938 году Бертрам Полленс выступил с критикой общественной истерии по поводу сексуальных преступлений на том основании, что сенсационное освещение стимулирует фантазии детей, которые могут выдать свои фантазии за настоящие преступления и ложно обвинить невиновных взрослых. Десять лет спустя Кинси заметил, что

«несколько пожилых мужчин отбывают срок в исправительных учреждениях», потому что их обвинили в правонарушении маленькие девочки, которые разделяли «общественную истерию по поводу прикосновений незнакомого человека». [*5]

Враждебное отношение к закону может иметь плачевные последствия для детей-свидетелей в судах. Говард Уитмен описал, как

"умный адвокат может превратить их показания в фарш. Можно сбить с толку детей на свидетельском месте, напугать их, запутать их, подорвать их доверие, показав, как дети "воображают вещи" и как на них влияют старшие".

В деле Фреда Стробла 1949 года сомнения в надежности детей-свидетелей позволили преступнику, обвиненному в многочисленных случаях сексуального насилия, сослаться только на "подозрение в непристойном обнажении и растлении малолетних". Несмотря на то, что дело Стробла было "настолько очевидным случаем педофилии, насколько это возможно", его освободили под залог, но через несколько месяцев снова арестовали за убийство девочки-первоклассницы. [*6]

[Страница 79]

Лица, фактически осужденные за серьезные сексуальные преступления, как правило, были теми, у кого не было связей или юридического представительства для заключения благотворительных сделок; в то же время некоторые серьезные и упорные преступники получили относительно мягкие результаты, будучи осужденными за проступки, обозначения которых даже не были явно сексуальными.

Для тех, кто придерживался теории эскалации сексуальных преступлений, это была опасная ситуация. Компulsive или психопатические преступники совершали многочисленные деяния все большей тяжести, которые либо не были замечены, либо не привели к существенным приговорам, пока последовательность не достигла кульминации в вспышке убийств.

Дело Альберта Фиша дало многочисленные ранние предупреждения в виде множественных арестов, некоторые за кражу, но другие за сексуально ориентированные преступления, такие как написание непристойных писем. В 1930 году психиатры определили, что, хотя у Фиша действительно была «психопатическая личность» «сексуального типа», он не был неменяемым, и он был освобожден всего через несколько месяцев. В следующем году, когда Фиша арестовали за отправку непристойных писем, следователи обнаружили кошку-девятихвостку, которую он регулярно использовал против себя, но за очередным кратковременным периодом психиатрического наблюдения последовало досрочное освобождение.

Похожую историю можно было проследить у Сальваторе Оссидо, жителя Бруклина, совершившего убийство ребенка в 1937 году. У него было несколько судимостей и арестов за сексуальные действия в отношении

молодых девушек; первое правонарушение закончилось тюремным заключением, но последующие привели к незначительным штрафам или сделкам о признании вины, и он был освобожден под залог, когда убил девушку.

В случаях, подобных Фишу и Оссидо, поведение, такое как домогательство к девушке или подрыв нравственности, действительно было предшественниками более серьезных преступлений. Опасность усугублялась, если у преступников были записи в нескольких юрисдикциях, поскольку записи никогда не собирались ни одним центральным агентством. «Неоднократно арестованный, но освобожденный сексуальный преступник — это особое пугало». [*7]

Необходимость длительного заключения была предложена такими случаями, как случай пятидесятилетнего мужчины, описанного Полленсом в 1938 году. Известное уголовное прошлое преступника началось в 1910 году с тюремного заключения за непристойное нападение и плотское насилие над ребенком. Он был арестован снова в 1921, 1925 и 1936 годах, каждый раз отбывая тюремное заключение и будучи условно-досрочно освобожденным, только чтобы снова совершить преступление; его нынешний приговор будет держать его в заключении примерно до 1941 года, когда он снова получит право на условно-досрочное освобождение. Как пишет Полленс, этот человек «опасен, когда находится на свободе, и ... должен быть заключен в учреждение на неопределенный срок».

Уитмен сообщает о похожем навязчивом случае мужчины, который получил год тюремного заключения в 1942 году за непристойное поведение с двумя маленькими девочками. Освобожденный в 1943 году, он вскоре получил тридцать дней

[Страница 80]

тюремного заключения за эксгибиционизм. В 1944 году он получил испытательный срок за растление пятилетней девочки, а затем еще один год тюрьмы за непристойное поведение с большим количеством маленьких девочек. Мужчину снова арестовывали каждый год с 1946 по 1949 год, когда его наконец заключили на неопределенный срок как сексуального психопата. Один мужчина со склонностью к ласкам гениталий маленьких девочек получил шестимесячные сроки тюремного заключения в 1923 и 1931 годах, но его третье правонарушение в 1937 году привело всего к штрафу в пятьдесят долларов. [*8]

Другие исследования предоставили доказательства компульсивно опасных преступников. В 1948 году группа психиатров под руководством

Дэвида Абрахамсена оценила потенциальную опасность 102 сексуальных преступников в тюрьме Синг-Синг в Нью-Йорке, обнаружив, что восемнадцать из них

«имеют такую психологическую структуру, что предрасположены к совершению насильственных преступлений и, вероятно, совершат новые акты насилия в случае освобождения».

Однако по действующему законодательству они не могли быть задержаны после окончания срока их заключения, и некоторые из них уже были освобождены к моменту публикации отчета группы в 1951 году.

Защита общественности требовала более раннего признания и вмешательства, даже если это означало радикальные изменения в общепринятых принципах вынесения уголовных приговоров. Вращающаяся дверь, через которую так регулярно проходили преступники, должна была быть надежно закрыта. Как заметил судья Нью-Йорка, вынося приговор растлителю малолетних в 1937 году,

«Сексуальные извращенцы — это пагубные враги общества, которых следует изолировать на максимально долгий срок, чтобы защитить наших малышей».

В 1949 году газета St. Louis Post-Dispatch выступила за принятие специального закона для штата Миссури:

«Прилагаются значительные усилия для раннего выявления туберкулеза, рака и других заболеваний. Не следует ли прилагать столь же значительные усилия для выявления и лечения случаев опасных сексуальных извращений до того, как у них появится возможность заявить о себе в своих собственных ужасных выражениях?» [*9]

Законы о сексуальных психопатах, 1937-1940

Новое законодательство по борьбе с сексуальными преступлениями берет свое начало в панике 1937 года, когда судьи, полиция и законодатели соперничали друг с другом в поиске наиболее эффективного способа остановить извращенцев. Некоторые выступали за моралистические решения, такие как введение запретов на непристойную или неприличную литературу; другие поддерживали кастрацию и стерилизацию. Чикаго и Нью-Йорк создали центральные «секс-бюро», реестры для отслеживания сексуальных преступников против детей. Комитет мэра Нью-Йорка предложил, чтобы все обвиняемые в сексуальных преступлениях подвергались тщательному расследованию, прежде чем им будет предоставлено признание в

совершении проступка в данном случае, чтобы незначительные наказания не выдавались преступникам

[Страница 81]

с сильной тенденцией совершать сексуальные преступления. Комитет также рассмотрел более строгие меры в отношении небольшой категории постоянных преступников, некоторые из которых могут быть потенциальными убийцами:

«Особенно вероятно встретить таких людей среди обвиняемых в более аномальных типах сексуальной активности, таких как плотское насилие над детьми, содомия и инцест»,

отметил комитет в своем отчете, в примечательном заявлении, учитывая набор разнообразных действий, охватываемых термином содомия.

Комитет рекомендовал закон о сексуальных психопатах,

«который позволил бы содержать осужденных сексуальных преступников, которые не являются достаточно безопасными для нахождения на свободе, в исправительном учреждении даже после истечения срока наказания. Это позволило бы сохранить опеку над ненормальными сексуальными преступниками, которые не являются ни психически неполноценными, ни безумными, но которые из-за конституционных склонностей к ненормальным методам удовлетворения сексуальных страстей опасны для нахождения на свободе». [*10]

Внедренное законодательство о сексуальных психопатах основывалось на позитивистском прецеденте законов о дефектных правонарушителях, что означало наблюдение за сексуальными преступниками с целью определения их психического состояния и опасности и, при необходимости, помещение извращенцев на неопределенный срок в специальное учреждение для опасных дефектных. Новая система возникла на специальной основе в 1937 году.

В Нью-Йорке мэр Ла Гуардиа приказал провести психиатрическое обследование всех мужчин, осужденных по обвинениям в непристойном поведении, нарушении нравственности несовершеннолетних, содомии и попытке изнасилования. После освобождения каждый мужчина предстанет перед мировым судьей, а затем будет отправлен в психопатическое отделение больницы Белвью для дальнейшего наблюдения с возможностью помещения в учреждение для душевнобольных или психически неполноценных. [*11] Эта чрезвычайная

мера была основана на мнении, что единичное уголовное деяние может быть симптомом сексуальной психопатии и, как таковое, оправдывать долгосрочное заключение.

Штаты начали применять те же принципы в законодательстве, смоделированном по образцу новаторского закона Мичигана 1937 года. Согласно этому закону, лицо, осужденное за сексуальное преступление, могло быть идентифицировано как «сексуальный дегенерат или извращенец или [страдающий] от [а] психического расстройства с выраженными сексуальными отклонениями и тенденциями, опасными для общественной безопасности». Суд осмотрел человека с помощью двух врачей, и диагностированный психопат должен был быть на неопределенный срок помещен в психиатрическую больницу. В следующем году эта мера была объявлена неконституционной Верховным судом штата: решение *Frontczak* установило, что, хотя слушание дела о психопатии принимало форму уголовного разбирательства, оно не имело необходимой защиты суда присяжных и

[Страница 82]

нарушало принцип двойной ответственности — два ограничения, которые часто упоминались в таких случаях до сих пор. [*12] Получив надлежащее предупреждение, Illinois приняли первый прочный закон в 1938 году, избежав конституционных ловушек, обеспечив, что заключение может происходить без уголовного осуждения, и опираясь в большей степени на процедуры слушания по невменяемости, чем на процедуры уголовного суда.

Однако человек, помещенный в психиатрическую больницу как психопат, все равно после освобождения столкнется с уголовными обвинениями за деяние, которое изначально привлекло к нему внимание властей. После того, как закон был признан конституционно обоснованным, он широко использовался в других штатах.

В 1940 году Верховный суд США заслушал дело Чарльза Э. Пирсона, который был признан психопатической личностью в соответствии с законом Миннесоты о сексуальных психопатах 1939 года. [*13] Пирсон жаловался, что разбирательство нарушило надлежащую правовую процедуру и что определения психопатии в законе были капризными или субъективными. Были признаки судебной нервозности по поводу гарантий надлежащей правовой процедуры, но суд согласился с утверждением государства о том, что психопатическая личность была правильно определена, поскольку в законе был тщательно перечислен «основные условия, требующие доказательств прошлого поведения, указывающих на возможные последствия... столь же поддающиеся доказательству, как и многие критерии, постоянно применяемые при

судебном преследовании за преступления». Конституционность законов не оспаривалась еще четверть века.

Расширение, 1945-1957

После Второй мировой войны последовало больше законодательных инициатив. Законы о сексуальных психопатах были приняты в Массачусетсе и Вашингтоне в 1947 году, а в 1949 году — еще в шести штатах. К 1950 году законы были приняты в пятнадцати штатах и округе Колумбия, а дальнейшие меры рассматривались в Мэриленде (принят в 1951 году), Пенсильвании (1952 год) и других местах.

В конечном итоге, двадцать девять штатов приняли законы, направленные против психопатов под разными названиями, включая сексуально опасных лиц, психически неуравновешенных сексуальных преступников и дефектных правонарушителей. [*14] Новые законы иногда накладывались на старые законы о дефектных правонарушителях, создавая неопределенность относительно надлежащей юрисдикции.

Законы обычно принимались в ответ на общественную панику, как, например, «истерия маа», которая произошла в Индиане после серии убийств там в 1947 году.

Газеты и радио полностью информировали общественность с помощью сенсационных и порой сенсационных отчетов об убийствах, создавая впечатление, что сексуальные извращенцы таятся в каждом подъезде». Первоначально губернатор

[Страница 83]

приостановил условно-досрочное освобождение всех рецидивистов, совершивших повторные правонарушения. Долгосрочные меры включали запрет на сделки о признании вины с сексуальными преступниками, чтобы избежать их преждевременного освобождения, использование неопределенных сроков наказания и предварительного заключения для таких преступников, а также предоставление большей роли психиатрам, обследующим «лиц, подозреваемых в сексуальной неадаптированности».

К 1949 году в Индиане появился Закон о сексуальной психопатии. Похожая последовательность событий произошла в Миссури в 1948-49 годах. Защитники прав детей в Сент-Луисе сформировали комитет, чтобы настаивать на принятии специального закона для контроля над

сексуальными психопатами, и эта кампания переместилась в столицу штата, где закон был принят в 1949 году. В Вашингтоне, округ Колумбия, движение началось в 1946 году, в тот момент, когда «сексуальные преступления превращали национальную столицу в болото ужаса», а Washington Post утверждала, что округ стал «убежищем для сексуальных дегенератов». Закон Миллера, принятый в 1948 году, предусматривал направление сексуальных психопатов на лечение в больницу Святой Елизаветы до тех пор, пока они «не восстановятся в достаточной степени, чтобы не представлять опасности для других лиц». [*15]

Закон Нью-Йорка 1950 года предоставил судьям право по своему усмотрению выносить полностью неопределенные приговоры в случаях, связанных с «изнасилованием или содомией, включающими применение силы и насилия, или против маленьких детей, или ... тяжкое преступление, включающее сексуальную цель». Лица были «карантинированы», слово, которое снова намекало на медицинскую модель, на которой основывалась эта мера. Закон учреждал клиники для изучения и лечения заключенных, содержащихся в таких условиях; перед вынесением приговора требовалось психиатрическое обследование, и хотя каждые два года проводились дополнительные обследования, чтобы определить, оправдано ли освобождение, теоретически заключение могло быть пожизненным.

В Пенсильвании законодательная комиссия 1951 года рекомендовала немедленно создать диагностический центр и изолировать сексуальных преступников. Новый закон о сексуальных преступниках стал первым законом в истории штата, который санкционировал наказание «от одного дня до пожизненного». [*16]

Защита детей часто была мотивом, приводимым для оправдания таких законов. В Массачусетсе в 1957 году стимулом для принятия закона послужило то, что двое мальчиков были избиты и убиты мужчиной, освобожденным из тюрьмы после отбытия срока за сексуальное преступление. Законодательный орган немедленно отреагировал всеобъемлющим законом о сексуальных преступниках, который требовал, чтобы обвиняемый в сексуальном преступлении наблюдался психиатрами в течение шестидесяти дней. Преступник, признанный «сексуально опасным лицом», был отправлен в специальное лечебное учреждение в Бриджуотере, где он оставался от одного дня до пожизненного срока или до тех пор, пока не будет признан не представляющим «сексуальной опасности».

Еще в 1963 году в Орегоне был принят

новаторский закон, который пытался решить известные трудности использования показаний детей в суде. Человек, признанный сексуально опасным для детей, мог быть подвергнут гражданскому преследованию на неопределенной основе, и в Государственной больнице Орегона было построено специальное учреждение для правонарушителей, первое в своем роде в стране. [*17]

Рост числа решений, связанных с лишением свободы, во многом соответствовал другим практикам той эпохи, когда психически неуравновешенных и девиантных людей обычно помещали против их согласия в специальные больницы или приюты.

Население государственных психиатрических больниц выросло со 160 000 в 1910 году до 270 000 к 1930 году и достигло пика в 550 000 в середине 1950-х годов, что было намного выше темпов роста населения в целом.

Это увеличение стало возможным благодаря слабым стандартам приверженности, и полиция и врачи превысили свои полномочия, чтобы заключить в тюрьму тех, кто был проблемным или неудобным, а не опасным. Суды редко вмешивались, доверяя благоразумию и честности вовлеченных медицинских специалистов; это была едва ли область, где можно было применить язык прав.

Ограничения полномочий больниц и психиатров были предприняты только после случайных журналистских разоблачений, таких как кампания, последовавшая за фильмом 1948 года «Змеиная яма». [*18] Если так мало заботы уделялось защите гражданских прав невинных душевнобольных, маловероятно, что сексуальные преступники получают больше внимания.

Хотя отдельные законы различались, все они были основаны на принципе компульсивной природы психопатии и теории эскалации сексуальных преступлений. Как медицинская проблема, этот вопрос должен был решаться с помощью принципов гражданской приверженности. В нескольких штатах для помещения в психиатрическую больницу не требовалось предъявления уголовного обвинения: истец мог подать в прокуратуру, утверждая, что данное лицо является сексуальным психопатом; если суд соглашался, обвиняемый помещался в психиатрическую больницу до вынесения обвинительного приговора. Обычно не было необходимости признавать человека виновным в конкретном преступлении, в котором его обвиняли.

В законах использовались похожие формулировки для определения психопатии. В Иллинойсе человек был «не психически больным или слабоумным в такой степени, которая делала бы его уголовно безответственным», но был предрасположен к «совершению сексуальных преступлений», был «не в силах контролировать свои сексуальные побуждения».

В Массачусетсе и округе Колумбия «сексуальный психопат должен был продемонстрировать неоднократное неправомерное поведение в сексуальных вопросах, свидетельствующее об отсутствии способности контролировать сексуальные побуждения и вероятности нападения или иного причинения травм, потерь, боли или другого зла объектам своего желания».

[Страница 85]

Висконсин обычно определял психопата как

«невменяемого за сексуальное поведение и, следовательно, опасного для себя и других из-за,

- (1) эмоциональной нестабильности, или,
- (2) импульсивности поведения, или,
- (3) отсутствия общепринятых стандартов здравого смысла; или,
- (4) неспособность оценить последствия своих действий; или,
- (5) сочетание вышеперечисленного».

Хотя большинство штатов явно идентифицировали сексуальное неподобающее поведение в своих описаниях того, кто будет считаться правонарушителями, некоторые забросили более широкую сеть: Мэриленд, например, нацелился на «постоянное усугубленное антисоциальное или преступное поведение». Вермонт требовал тюремного заключения «лиц, которые из-за психопатической личности нарушают уголовные законы штата или виновны в грубом безнравственном поведении». [*19]

Стандарты, применяемые при оценке психопатического состояния, напоминали о свободных критериях определения дефективных и кандидатов на стерилизацию. То, какие действия считались психопатическими, варьировалось от штата к штату, но они, как правило, включали

«изнасилование, усугубленное изнасилование, непристойные вольности, содомию, определенные половые акты с несовершеннолетними, инцест или попытки совершить некоторые из этих актов».

Действия даже не обязательно были тяжкими. Закон о сексуальных преступниках Нью-Джерси 1949 года был амбициозным, требуя психиатрического обследования для любого лица, осужденного за «изнасилование, содомию, инцест, разврат, непристойное обнажение, произнесение или демонстрацию непристойной литературы или изображений, непристойные сообщения женщинам любого характера или сексуальное насилие или попытку совершить любое из вышеупомянутых преступлений».

Этот список был сокращен в следующем году до «изнасилование, сексуальное насилие, содомия или нарушение нравственности несовершеннолетнего» или попытки совершить то же самое. [*20]

Длинный список деяний в первоначальном статуте Нью-Джерси указывает на широкий охват такого рода законодательства. Из трехсот заключенных, обследованных в первый год после принятия закона 1949 года, лишь немногие были вовлечены в насильственные или принудительные преступления, и многие были арестованы за добровольные действия (таблица 4.2). Когда в Мичигане была создана комиссия для расследования деятельности «сексуальных преступников» в период с 1949 по 1951 год, этот термин применялся не только к сексуальным убийцам, но и к садистам-мазохистам, гомосексуалистам, педофилам, насильникам, эксгибиционистам, вуайерам и, возможно, ко всем, кто был слишком «незрелым», чтобы соответствовать ожидаемым социальным и сексуальным нормам. Юридические описания этих преступлений затрудняют определение того, обязательно ли сексуальные отношения с несовершеннолетними включали то, что последующие поколения называли бы жестоким обращением с детьми, поскольку возрастные диапазоны не указаны ни для преступников, ни для жертв. Законы Огайо и Нью-Гэмпшира применялись к насильникам без различия между насильственным и [Страница 86]

Таблица 4.2

Обвинения против первых лиц, допрошенных в соответствии с Законом штата Нью-Джерси о сексуальных преступниках 1949 года

	Число	Процент от общего количества
сексуальное насилие	21	7
силовое изнасилование	8	3
растление	61	20
кровосмесительные отношения	11	4

некоитальные сексуальные отношения с несовершеннолетним	51	17
демонстративные сексуальные действия	89	29
распространение непристойных материалов	8	3
гомосексуальные отношения	49	16
другие сексуальные преступления	2	1
Всего	300	100

Источник: Альберт Эллис и Ральф Бранкейл, Психология сексуальных преступников (Спрингфилд, Иллинойс: Чарльз К. Томас, 1956), стр. 11.

изнасилованием несовершеннолетней, в то время как содомия включалась независимо от возраста другого участника. [*21]

Не каждый человек, привлеченный к ответственности по этим законам, был помещен в психиатрическую больницу как сексуальный преступник, но даже действия, приведшие к госпитализации, включали в себя множество добровольных или незначительных правонарушений (Таблица 4.3). [*22]

В Индиане в период с 1949 по 1956 год в соответствии с законом штата о сексуальных психопатах были госпитализированы 160 человек. Шестьдесят из них совершили преступления, которые можно классифицировать как «преступления, связанные с насилием в отношении личности», категория, включающая нападение и избиение, изнасилование, растление и похищение, но многие другие преступления были гораздо менее опасными (Таблица 4.4). Различные «аморальные» действия составляли почти две трети от общего числа госпитализаций и более половины инцидентов, связанных с детьми. Хотя некоторые «психопаты» могли быть причастны к насилию, нет никаких оснований полагать, что их задержание как-либо способствовало тому, чтобы насильники или убийцы детей не оставались на свободе.

В Индиане, как это часто бывало, бесчисленное количество людей, представляющих минимальную опасность, были названы сексуальными психопатами. В одном из штатов первая группа сексуальных психопатов в 1940-х годах включала следующие случаи: «публичная мастурбация (без

- " публичная мастурбация (без непристойного обнажения),...
- преследование белой женщины негром (без нападения или приближения к «жертве»), ...
- неагрессивный гомосексуал, осужденный за выдачу фальшивых чеков, ...
- трое мужчин, которые занимались гомосексуализмом с молодыми мужчинами (включая фелляцию и содомию), ...
- половые отношения с (опытными) малолетними девушками".

Таблица 4.3

Обвинения, выдвинутые против заключенных, совершивших сексуальные преступления, в государственной тюрьме Нью-Джерси, Трентон, 31 мая 1950 года

	<i>Number</i>	<i>Percentage of total</i>
сексуальное насилие	35	10
силовое изнасилование	83	23
растление	8	2
кровосмесительные отношения	24	7
некоитальные сексуальные отношения с несовершеннолетним	113	32
демонстративные сексуальные действия	36	10
распространение непристойных материалов	1	0
гомосексуальные отношения	50	14
другие сексуальные преступления	9	2
Всего	<i>359</i>	<i>100</i>

Источник: Альберт Эллис и Ральф Б. Ранкале. Психология сексуальных преступников (Спрингфилд, Иллинойс: Чарльз К. Томас, 1956). стр. 11.

В Мичигане в 1940-х годах мужчина, совершивший правонарушение в виде непристойного обнажения, ходатайствовал перед судом об освобождении после семи лет тюремного заключения. Николас Н. Киттри удачно резюмирует это определение психопата или неполноценного правонарушителя как «рецидивиста со склонностью к привычным преступлениям (с акцентом на сексуальных преступлениях)». [*23]

Гомосексуалы слишком легко подпадали под новое законодательство из-за включения содомии в списки преступлений, заслуживающих статуса психопата. Как отметили критики законов, «Если основная функция этих законов заключается в том, чтобы изолировать опасных, их цель не достигается, поскольку некоторые из самых опасных мужчин — это те, кого отвергают как сексуальных психопатов просто потому, что они не поддаются лечению, в то время как некоторые из наименее опасных (например, гомосексуальные преступники против взрослых) остаются».

В 1942 году мужчина из Мичигана совершил гомосексуальный акт с другим мужчиной по обоюдному согласию. Поскольку он вряд ли отказался бы от своей девиантной «карьеры», если бы остался на

свободе, его заключили «до полного и окончательного выздоровления» от его преступных наклонностей, условие, которое делало заключение фактически пожизненным. [*24]

Одной из положительных черт законов было то, что, несмотря на всю шумиху, с

[Страница 88]

Таблица 4.4

Обвинения против заключенных, совершивших сексуальные преступления, в тюрьме штата Нью-Джерси, Трентон, 31 мая 1950 г.

содомия	60
публичная непристойность	23
содействие совершению правонарушений несовершеннолетними	13
подглядывание в окна	7
инцест	3
нарушение общественного порядка	1
противоестественные действия с женой	1

Источник: цитируется в книге Фреда Коэна "Закон о лишении свободы" (St. Paul, Minn: West Publishing, 1980). стр. 676-77.

которой они были приняты, они использовались мало. [*25] В период с 1949 по 1956 год в Индиане ежегодно заключалось около двадцати трех человек, что было много по сравнению с другими юрисдикциями. В Миннесоте ежегодно заключалось около тридцати пяти человек сразу после принятия закона в 1939 году, но к концу 1940-х годов это число сократилось примерно до десяти человек в год. В Иллинойсе за все десятилетие 1940-х годов было заключено всего шестнадцать человек. Только Калифорния сохранила свой первоначальный энтузиазм, заключив 435 обвиняемых за первое десятилетие действия закона, или в среднем около сорока случаев в год, и закон оставался в полной мере действующим до 1970-х годов. По всей стране общее число «психопатов», заключенных ежегодно в 1950-х годах, редко превышало пару сотен.

Те, кого считали психопатами, как правило, были непропорционально белыми. Очевидно, это не означало, что чернокожие сексуальные преступники игнорировались или с ними обращались снисходительно, но их относительное отсутствие в списках сексуальных психопатов может означать, что более состоятельные преступники использовали эти законы как средство обеспечения более мягких режимов лечения. Или это может означать, что полиция была более чувствительна к

преступлениям, связанным с белыми женщинами и детьми, уделяя мало внимания актам растления или эксгибиционизма, совершенным чернокожими преступниками в отношении чернокожих жертв. Какова бы ни была причина, расовый дисбаланс был постоянным и удивительным с учетом преобладания чернокожих в тюремном населении в целом. В начале 1970-х годов из числа растлителей малолетних, обследованных в Государственной больнице Атаскадеро в Калифорнии, только 5 процентов были

[Страница 89]

черными, в то время как 3 процента были латиноамериканцами и 7 процентов были американскими индейцами; 85 процентов заключенных были белыми. [*26]

Законодательство о сексуальных преступниках подчеркивало недееспособность; как резюмировал один администратор Висконсина закон этого штата, «сексуального психопата сажают в тюрьму, и это конец». Хотя гражданские процедуры, используемые для этой цели, подразумевали, что преступники будут лечиться, терапия не была общедоступной. В 1958 году суд Мичигана отметил, что

«лицо, заключенное в соответствии с этим исправительным и корректирующим законодательством, фактически отбывает потенциально пожизненное заключение в нашей крупнейшей тюрьме штата, с ним обращаются во всех отношениях так же, как с другими заключенными там преступниками».

В первые годы непредоставление лечения открывало один из немногих правовых путей для оспаривания этих актов. В 1953 году Апелляционный суд США постановил, что сексуального психопата нельзя просто держать «без лечения в палате для безнадежно безумных». [*27]

С этими ограничениями некоторые юрисдикции действительно предприняли благонамеренные усилия по лечению сексуальных преступников. В 1951 году Висконсин инициировал специальное учреждение для сексуальных преступников в Уопане, и подразделение

заявило о высоком уровне успеха в реабилитации, используя такие методы, как интенсивная групповая терапия. Аналогичные усилия предпринимались в Массачусетсе, Вашингтоне и Калифорнии, все из которых надеялись использовать свои специальные учреждения для изучения преступников с целью разработки политики профилактики. Нью-Йорк предлагал групповую терапию и индивидуальную психотерапию в стенах Синг-Синга, а в 1950 году Нью-Джерси открыл свой показательный исследовательский центр в Менло-Парке.

Опыт Калифорнии был совершенно иного порядка. Как и в случае со стерилизацией, штат стал национальным лидером в экспериментальной пенологии. Государственная больница Атаскадеро, которую Калифорния открыла в 1954 году, была специально разработана для содержания и лечения «психически больных сексуальных преступников», и, как и Уопане, «больница» заявила о значительных успехах. В период с 1954 по 1957 год почти две трети из 1414 сексуальных психопатов, лечившихся в этом учреждении, были выписаны, поскольку считалось, что они больше не представляют угрозы для окружающих. Находясь на испытательном сроке, большинству освобожденных преступников удалось избежать повторного ареста по дальнейшим обвинениям в сексуальных домогательствах, что подтверждает заявления об их успешной реабилитации. К началу 1970-х годов в Атаскадеро содержалось пятьсот преступников, из которых, возможно, 10 процентов были растлителями малолетних. [*28] Для своих сторонников Атаскадеро представляло собой высшую форму терапевтической пенологии и самую оптимистичную модель.

Спрос на лечение подогревался либеральными и гуманистическими активистами, хотя, оглядываясь назад, мы могли бы задаться вопросом, не предлагали ли терапевтические

[Страница 90]

практики того времени перспективу причинения вреда, а не пользы.

С 1930-х годов психиатрическая практика экспериментировала с интервенционистскими и плохо понятыми стратегиями лечения психически больных и сексуально девиантных пациентов, включая электрошок и психирургию. В то время как большинство заключенных психопатов никогда не получали сомнительных преимуществ медицинского вмешательства, многие гомосексуалы действительно получали такое внимание, включая химиотерапию и электрошоковую терапию, а некоторые были кастрированы или стерилизованы.

В 1950 году на конференции по сексуальным преступникам было рассказано об успехах школы для умственно отсталых в Канзасе, где лечение некоторых девиантов включало кастрацию:

"Многие из этих людей, с которыми так обращались, были очень порочными гомосексуалистами и очень жестокими в нападениях на маленьких детей. Они были очень нестабильны и создавали беспорядок при каждой возможности. После кастрации они стабилизируются, и те, кого нельзя условно-досрочно освободить, становятся хорошими полезными гражданами в учреждении. Они утратили свое чрезмерное половое влечение". [*29]

Критика

Законодательство о сексуальных психопатах можно было атаковать с нескольких совершенно разных и взаимно противоречивых направлений. Юридические и политические консерваторы рассматривали законы как нарушение традиционных принципов правосудия и как зловещее вторжение психиатрических или психологических оправданий в принятые стандарты вины и ответственности.

Уставы также могли предоставить опасным преступникам возможность избежать надлежащих уголовных санкций. Проблемы с законом и порядком могли бы объяснить, почему законодательство было менее популярно на Юге и Западе: только пять из одиннадцати штатов бывшей Конфедерации приняли уставы к 1960-м годам. Это важный комментарий к политическим электоратам, выступающим за реформу законов о сексуальных преступлениях, которые часто инициировались более социально прогрессивными юрисдикциями Среднего Запада и более промышленными и городскими штатами. Хотя позже их критиковали как репрессивные, в то время законы рассматривались как желаемый прогресс в использовании гуманных принципов терапии и медицины в лечении правонарушителей. Психиатры сами критиковали неудовлетворительное смешение гражданских и уголовных принципов в уставах, что привело к странному виду принудительной терапии. В округе Колумбия отказ сотрудничать с терапевтом в целях диагностики считался неуважением к суду. Психиатрические обследования, на основании которых определялась психопатия, часто демонстрировали слабое понимание надлежащих диагностических методов, обычно состоящих из импрессионистских заключений психиатров, основанных на их

[Страница 91]

беседах с обвиняемыми лицами.

Психиатры, нанятые полицией или тюрьмами, были печально известны тем, что давали своим работодателям то, что они хотели, обычно предлагая шаблонные отчеты, а не подробные индивидуальные комментарии. Когда подозреваемый отрицал или подвергал сомнению предполагаемые факты в данном случае, психиатры, как правило, рассматривали это как решающее доказательство психопатических тенденций, как демонстрацию того, что обвиняемый был компульсивным лжецом со слабым пониманием реальности.

Они редко рассматривали возможность того, что подозреваемый на самом деле был вынужден признаться или подвергся третьей степени, что было особенно вероятно, когда мужчина обвинялся в изнасиловании или убийстве ребенка. Если диагноз был настолько субъективным, то излечение вряд ли можно было объективно оценить, хотя многие законы требовали, чтобы заключенные предъявляли доказательства того, что они «выздоровели» от своей психопатии, прежде чем их могли освободить. [*30]

Некоторые терапевты были встревожены проституцией медицинской терминологии и использованием полупонятного психиатрического языка в качестве основы социальной политики. Реагируя на Бенджамина Карпмана, психоаналитик Мелитта Шмидеберг раскритиковала тенденцию называть

«каждого сексуального преступника психопатом, и я считаю, что растет противодействие общему использованию этого названия со стороны многих других компетентных врачей».

Ее коллега Эмиль Гутхейл согласился, заявив, что термины «сексуальный психопат» и «сексуальная психопатия», которые имеют популярное происхождение, «не имеют законного места ни в одной психиатрической и научной классификации».

Когда Абрахамсен проанализировал «психопатических» сексуальных преступников в тюрьме Синг-Синг, он пришел к выводу, что большинство из них следует правильно описывать как страдающих неврозами, психозами или алкоголизмом: «Диагноз психопатии может быть поставлен только после исключения всех других психиатрических состояний», а не на основе грубых оценок, предлагаемых ручными врачами суда.

Теория эскалации также подвергалась сомнению, и Манфред С. Гуттмахер был среди тех, кто отрицал, что «серьезное преступное сексуальное поведение постепенно развивается из менее серьезных сексуальных преступлений». Гуттмахер считал, что серьезное сексуальное насилие, скорее всего, предвещается кражей со взломом, чем «жалкими примерами индивидуальной неприспособленности», такими как гомосексуальность, вуайеризм, эксгибиционизм и трансвестизм.

Фактически, как предположил Абрахамсен, грабеж и кража со взломом вполне могут быть сублимированными сексуальными преступлениями: грабеж можно считать символом изнасилования и наоборот [*31] Обширное уголовное досье Уильяма Хайренса состояло исключительно из «несексуальных» действий, таких как кража со взломом и хранение оружия.

Хотя горстка психиатров протестовала, что законодательство игнорирует

[Страница 92]

прозрения поведенческой науки, другие могли бы выдвинуть столь же правдоподобное утверждение, что индивидуальные права приносятся в жертву терапевтическим модам и жаргону. Статуты также не предусматривали обычной правовой защиты для лиц, столкнувшихся с нечетко определенными обвинениями: только в Иллинойсе процедуры включали присяжных, и это вызывало презрение психиатров. Но опасности были очевидны.

Что, кроме субъективных мнений полиции и судов, решало, что представляет собой «неправомерное поведение в сексуальных вопросах» или «отсутствие обычных стандартов здравого смысла»? Применялись ли одни и те же обычаи и стандарты ко всем классам, регионам и расам?

В некоторых статутах упоминалась «вероятность ... причинения психопатом травм, убытков, боли или другого зла объектам его желания», но что считалось «другим злом»? Учитывались ли грубые выражения, вызывающие эмоциональную боль?

В 1947 году губернатор Нью-Йорка Томас Дьюи наложил вето на закон о сексуальной психопатии на том основании, что спецификации закона для сексуальных преступлений были слишком расплывчатыми и позволили бы попираť права надлежащей правовой процедуры. Эдвин Сазерленд утверждал.

«Концепция сексуальной психопатии настолько расплывчата, что ее нельзя использовать в судебных и административных целях без опасности того, что закон может нанести обществу больший вред, чем сексуальные преступления, которые он призван исправлять».

Пол Таппан согласился:

«Сексуальная психопатия... не является достаточно четкой диагностической сущностью, чтобы оправдать законодательство. ... Были созданы некоторые чрезвычайно опасные прецеденты для вынесения судебных решений лицам без обычной надлежащей правовой процедуры».

Таппан писал о

«тенденции прокуроров рассматривать законы просто как полезный инструмент, который можно использовать или избегать в соответствии с их собственным удобством».

В результате законы оказались недействительными в большинстве штатов, в которых они были: они были «полностью аннулированы» в четырех штатах и «полностью неэффективны еще в шести». [*32]

В отличие от некоторых более поздних критиков, Таппан не критиковал использование психиатрического вмешательства как такового. Он протестовал против ненадлежащего смешения гражданских и уголовных процедур в законодательстве и неправильного использования психиатрических ярлыков для достижения квазиуголовных последствий. Законы о сексуальных психопатах представляли собой не необычное вторжение психиатрии в уголовное правосудие, а неадекватное принятие психиатрических идей и методологий. Фактически, он предложил полностью перенести проблему сексуальных преступлений в терапевтическую сферу:

«Психиатрически девиантного сексуального преступника следует рассматривать как страдающего психическим расстройством и ... процедура распоряжения должна быть неопределенной мерой пресечения, как предусмотрено законом для лиц с психическими заболеваниями. Очевидно, что выявление сексуального преступника с психическими отклонениями и оценка его опасности для общества являются функциями, ответственность за которые в значительной степени лежит на эксперте-психиатре». [*33]

[Страница 93]

Будучи техническим консультантом Комиссии Нью-Джерси по делам о сексуальных преступниках-привычках, Таппан оказал большое влияние на идеи, распространяемые в докладе комиссии 1950 года, который свободно цитировался законодательными органами и специалистами.

Законодательная комиссия Пенсильвании, которая исследовала «проблему сексуальных преступлений», пришла к выводу, что конкретные законы о сексуальных преступниках в целом были безуспешными не только потому, что законы были сформулированы в нечетко определенных терминах, а возможности диагностики и лечения преступников были неадекватными, но и потому, что такое законодательство представляло неотъемлемую опасность для гражданских свобод человека:

«Любой закон, ограничивающий гражданина из-за того, что он не подчиняется, представляет собой посягательство на его гражданские свободы и отмену конституционных гарантий».

Моррис Плосков согласился, что законы

«начинаются с неопределенных и неуловимых критериев психического отклонения. Хуже того, они не дают четкого определения сексуального проступка, к которому применяются законы».

Акты не обеспечивали достаточных гарантий против ненадлежащего заключения, в то время как лечебные учреждения отсутствовали. Пожизненное заключение следует рассматривать только для очень небольшого числа крайне опасных жестоких насильников и сексуальных садистов, а также для компульсивных педофилов: «Именно из этих двух групп лиц выбираются потенциальные сексуальные убийцы». [*34]

Хотя эти недостатки в законодательстве стали очевидны примерно к 1949 году, новые законы продолжали приниматься вплоть до 1960-х годов. Но аргументы критиков сохраняли прочную опору в научной и профессиональной литературе, и со временем они достигли статуса новой ортодоксальности в совершенно иных социальных и политических обстоятельствах конца 1960-х годов.

К этому моменту не только были отменены законы о психопатах, но и стали олицетворением некомпетентно составленного законодательства о панике. На протяжении многих лет законы о сексуальных психопатах приводились в качестве образцового примера провального законодательства, принятого политиками, потворствующими

необоснованным общественным страхам, но не способного ни сократить преступность, ни задержать действительно опасных преступников.

5. Либеральная эпоха, 1958-1976 гг.

[Страница 94]

Все законы, которые можно нарушить, не причинив никому вреда,
вызывают смех

...

Тот, кто пытается все делать по закону, будет разжигать преступность, а
не уменьшать ее.

-БАРУХ СПИНОЗА

В качестве реакции на панику 1940х и ранних 1950х годов, психиатры и учёные следующих двух десятилетий недооценивали степень и серьёзность проблемы сексуальных преступников. В профессиональной литературе, реальная проблема описывалась как заключающаяся не в отклоняющемся сексуальном поведении самом по себе, а в общественной истерии окружающей его.

Либеральные терапевты и ученые стремились успокоить общественное беспокойство, опровергая заявления об изнасилованиях, инцесте и сексуальном насилии, в то время как наиболее часто используемые учебники и руководства того периода утверждали, что законы о сексуальных преступлениях непропорционально часто применялись против расовых меньшинств. Эти эксперты признавали, что сексуальные преступления были симптомами проблемных личностей, но они отвергали стереотип о смертельно опасном сексуальном преступнике как продукт сенсационной прессы, поддерживаемой и поощряемой циничными бюрократами правоохранительных органов. С середины 1960-х годов юристы и законодатели усилили эту позицию, резко ограничив

[Страница 95]

полномочия принудительного гражданского заключения и дискреционного наказания, которые ранее были основой официальной политики в отношении сексуальных извращенцев. Это было частью общего социального и интеллектуального движения, которое отразилось в модных концепциях, таких как декриминализация, декарцерация и деинституционализация. К 1975 году реабилитационное мышление, которое когда-то направляло исправительную идеологию, было полностью дискредитировано, одно из многих ортодоксальных учений, погибших в социальных потрясениях тех лет. Даже если война с

сексуальными преступлениями считалась стоящей, правовых средств для этого теперь совершенно не хватало.

Сексуальное преступление как суд Линча

На первый взгляд, газеты и журналы этого периода казалось сообщали о сексуальных преступлениях с тем же жадным очарованием, какое они имели в предыдущие годы, но продолжающийся объем новостных сообщений замаскировал реальное изменение в содержании, и драматическое сокращение беспокойства о сексуальных угрозах для женщин и детей. Акцент сместился на обвинения в расизме в преследовании сексуальных преступлений, развитие, которое будет критическим в формировании преступников, как на севере, так и на юге.

В любой типичный год с 1920х по 1950е года, значительная часть сексуальных преступлений, освещенных в крупных газетах включала в себя чернокожих преступников и белых жертв, обычно в южных штатах, так что «нападение со стороны Негра» стало почти журналистской формулой. В ранние годы расовая угроза выглядела самоочевидной.

В 1921 году, чернокожий мужчина из Западной Вирджинии, обвинённый в нападении на восьмилетнюю белую девочку, был обвинён, осужден и приговорён к концу следующего дня после нападения, в случае, о котором сообщили *New York Times*, как о поразительном примере эффективности судебной системы; триумфальный заголовок провозгласил «Негр получил быстрое правосудие».

Северная чувствительность изменилась после дела «Мальчиков Скоттсборо» в 1931 году, когда девять молодых афроамериканцев в Алабаме были ложно обвинены в изнасиловании двух белых девушек.

[1] Все кроме одного из обвинённых были приговорены к смерти, несмотря на свидетельство докторов, которые обследовали женщин, что никакого насилия не произошло, и несмотря на процессуальные нарушения, которые привели Верховный Суд США к двум историческим решениям, отменившим приговоры.

После Скоттсборо, либеральное мнение было глубоко скептическим о справедливости обвинений в межрасовом сексуальном насилии, и идея, что ложные обвинения были сделаны невротическими или зловердными белыми женщинами была популяризована в романе Харпер Ли *Убить Пересмешника* (1960) и фильм, который он вдохновил. Даже в случаях, когда черные мужчины были справедливо обвинены, жесткие наказания, которые они

получали, отражали чрезвычайную чувствительность белого южного общества к преступлению сексуальных табу. «Негр признан виновным всеми белыми присяжными» стало заголовком настолько же стандартным, как когда-то «Негр напал на девочку».

Последствия признания виновным были зачастую смертельными, для южных штатов регулярно казнивших насильников до законодательного запрета смертной казни в середине 1960х. Между 1920 и 1960 годами, одни только обвинения в изнасиловании привели к 445 законным казням, или 10 процентов всех казней в Соединённых Штатах, и самые суровые наказания за сексуальное нападение обычно встречались на Юге.

В 1940е годы, почти 15 процентов всех казней стали результатом этого преступления, и обвинения в изнасиловании приводили к пятидесяти военным казням в 1940х и 1950х. Также между 1920 и 1960, 142 человека, большинство из которых - чёрные, подверглись линчеванию в случаях, включающих в себя реальные или предполагаемые сексуальные преступления. [*2] В среднем, за каждый год с 1920х по 1950е, шестнадцать мужчин были казнены в Соединённых Штатах за сексуальные преступления, будь то законно или другим способом; основное большинство было афроамериканцами, и большинство из них погибли на Юге.

Северное отвращение к правосудию на юге достигло новых высот в конце 1940х и начале 1950х, когда множество печально известных случаев привели к публикации живой литературы об ужасах прошлого и настоящего. В течение четырёх лет с 1949 по 1952, индекс *New York Times* перечислил 233 статьи с заголовком «сексуальное преступление», но 100 из них, или 43 процента, были получены от случаев только в шести южных штатах, обычно случаи, в которых чёрный мужчина был обвинён в сексуальном нападении на белую женщину; 87 получены от нескольких противоречивых случаев в Миссисипи, Флориде и Вирджинии.

В одном из дел во Флориде, четыре афроамериканца, обвинённые в изнасиловании белой женщины, были под угрозой линчевания толпой, которая действительно убила одного из подозреваемых. В 1951 году, семь чёрных мужчин были казнены за изнасилование белой женщины в Мартинсвилле, Вирджиния. Другие печально известные случаи включали в себя Вилли МакГи младшего, который был казнён за изнасилование в 1951 году, и обвинение в 1952 году мужчины из Северной Каролины за то что он «пялился» на белую девочку. [*3]

Судебные ошибки Американского Юга были порицаемы не только северными либеральными СМИ, но также и прессой со всего мира. Существенно, что эти сообщения совпали с разгаром паники на тему сексуальных психопатов в остальной части страны: южные сексуальные преступления воспринимались как качественно другие, не в последнюю очередь в их тенденции привлекать международную критику и дискредитировать американский престиж в новых национальных государствах Африки и Азии. Страхи глобальной стигмы усилили либеральные призывы закончить несправедливости и внесли вклад в движение десегрегации, предписанному

[Страница 97]

федеральными судами с 1954 года. В течение следующего десятилетия, когда национальные СМИ сообщали о случаях сексуальных преступлений, большинство процессов, о которых было сообщено, были на Юге. В *New York Times*, тридцать два из сорока девяти сообщений за 1959 год касались случаев в штатах бывшей Конфедерации, и акцент сообщений был на невиновности подсудимых и попытках спасти их от смертной казни. В 1961 году, этот показатель составлял девять историй из пятнадцати. [*4]

Не все судебные скандалы были ограничены Югом. В 1952 году, один из оригинальных «Мальчиков Скоттсборо» предстал перед судом в Олбани, Нью-Йорк, за нападение на тринадцатилетнюю девушку. Но вне зависимости от действительных обстоятельств отдельных инцидентов, существовало сильное восприятие, что подобные преследования возникали из-за служебной злобы.

Эти интерпретации обычно были представлены адвокатами защиты, предоставленными НАСПЦН (Национальной ассоциацией содействия прогрессу цветного населения) и зачастую принимались во внимание апелляционными судами. Подкрепляющим фактором скептицизма в отношении обвинений в сексуальных домогательствах стало количество случаев, когда обвинители в конечном итоге отказывались от своих обвинений или чьи обвинения были отклонены как надуманные.

В 1954 году, с двух мужчин из Нью-Йорка были сняты обвинения в изнасиловании после пяти месяцев заключения в тюрьме, за которым последовала дискредитация основного свидетеля и смущающий полицейский скандал. [*5]

И большинство людей думало что, даже если они доказаны, преступления, такие как изнасилования, были несомненно недостаточно

серьёзными чтобы заслуживать смерти: в течение 1950х, один из наиболее продолжительных и знаменитых случаев в системе правосудия включало в себя Кэрила Чессмена, который был арестован в 1948 году за серию жестоких ограблений с изнасилованием. Классический «сексуальный психопат», он получил смертный приговор, который был в конечном итоге исполнен в 1960 году. В последующие годы, однако, общественные настроения радикально изменились, и его красноречивые усилия по сопротивлению казни снискали ему широкую поддержку. [*6] Таким образом по крайней мере один сексуальный изверг прожил достаточно долго, чтобы восприниматься мучеником институционального зверства системы правосудия.

Освещение сексуальных преступлений в СМИ чрезвычайно подчёркивало тему чрезмерной официальной реакции и несправедливости. В течение десяти лет между 1954 и 1963 годом, *New York Times* предоставила в общей сложности 234 истории о сексуальных преступлениях, но 61 из них затрагивала темы несправедливых обвинений и расовой предвзятости на Юге. Если опустить южные случаи и заокеанские новости, это оставляет 135 историй за десятилетний период, или в среднем чуть больше одной за месяц.

Сообщения о настоящих сексуальных угрозах для детей были редкостью для газет в эти годы: только восемнадцать историй за всё десятилетие напрямую касались сексуального насилия над малолетними, и множество этих случаев включали в себя девочек в середине подросткового возраста, зачастую где был элемент согласия. В одном из дел 1960 года

[Страница 98]

были представлены сообщения о сексуальных преступлениях, совершенных в следующем году, в том числе о семнадцатилетней девушке, которая сняла порнографический фильм. Мало что здесь поддерживало представления о «проблеме» сексуальных преступлений, а тем более об эпидемии.

Типичный криминологический текст в 1959 году отмечал, что

«наиболее серьёзные [сексуальные преступления] ассоциируются с изнасилованием, в частности изнасилование с принуждением, или с нападениями на молодых девушек или пожилых женщин. Но вопреки общественному мнению, существует лишь немного подобных случаев. Большинство случаев относится к нарушению возраста согласия. ... Что касается насильственного изнасилования, то его сильно переоценили. Во

многих случаях женщина не оказывала особого сопротивления, а в других она «подставляла» мужчину. В других случаях женщина сообщала о мужчине только после того, как он ее бросал». [7]

Такое банальное игнорирование причин и последствий сексуального насилия, конечно, полностью противоречит современным интерпретациям и может показаться шокирующим, но такая точка зрения типична для нашей эпохи.

Изобретая растлителя детей

Это также были годы, когда термин *растление детей* или *растление* был выделен для обозначения незначительного сексуального вмешательства, а не актов принуждения или насилия. Термин был полезным. Так как он позволил СМИ делать различия между актами, рассматриваемыми как относительно безвредные, и теми действительно вредными или насильственными преступлениями, которые сохраняли обозначение сексуальных преступлений. Растление было лишь слабо связано со спектром сексуальных преступлений, и очевидно не вело к насилию или убийству.

В *Читательском путеводителе по периодической литературе*, слово *растлитель* впервые появляется с какой-либо регулярностью примерно с 1955 года, и в течение следующих двух десятилетий оно в основном встречается в журналах, ориентированных на родителей и женскую аудиторию. Слово изначально было эфемизмом, признанным подходящим для ушей леди, так как «растление» означало раздражение или беспокойство, хотя и без конкретики или жестокости изнасилования или даже сексуального насилия. В 1950 году Сазерленд презрительно отметил, что

"растление — это обтекаемое слово, которое может означать что угодно: от изнасилования до свиста в сторону девочки." [*8]

К концу 1960х, это обтекаемое слово стало стандартным термином для большинства ненасильственных сексуальных актов между взрослыми и детьми. Между 1937 и 1960 годами, *Читательский путеводитель* индексировал статьи, касающиеся сексуальных преступлений против детей, как сексуальные преступления, но заголовок «растление малолетних/растление детей» появился в 1963-64 годах и был отделен от старой категории. В течение нескольких лет, растление было отнесено к категории «дети и незнакомцы», прежде чем термин в конечном итоге получил независимое существование около 1969 года.

Первоначально небольшие записи, содержащие одно или два сообщения в год, истории о растлителях выросли

[Страница 99]

в объёме в течение следующего десятилетия, в то время как сексуальные преступления пропорционально сократились. Между 1971 и 1975 годами, только шесть историй появилось под рубрикой «сексуальные преступления», по сравнению с четырьмя под рубрикой «растление детей». Природа статей под заголовками о сексуальных преступлениях теперь изменилась, сфокусировавшись на очень серьёзных актах изнасилования и множественного сексуального убийства: в 1973 году, обе записи на эту тему описывали отвратительные серийные убийства в Хьюстоне, совершенные Дином Корллом. Сексуальные преступления были серьёзными; растление - нет.

В *New York Times*, категория «сексуальных преступлений» также фрагментировалась в 1960е годы. Старые заголовки включали в себя не только изнасилование и растление, но также преследования за аборт, гомосексуальность, непристойную литературу, и даже использование контрацептивов. Поддержка легализации такого поведения быстро росла, и выглядело нелепым описывать всё общим термином, таким тяжёлым как «сексуальные преступления». Было правдоподобно что, помимо актов самоочевидно опасных, таких как сексуальное убийство, большинство других типов сексуальных отклонений скоро будут выглядеть гораздо менее вредными, чем они были в непросвещенном прошлом. Изображение простых растлителей как сексуальных преступников было таким же преувеличением, как и применение этого ярлыка к гомосексуалистам или лицам, делающим аборт.

Слово *педофил* также изменило своё значение. Термин первоначально вошёл в общественное употребление во время паники на тему сексуальных преступлений в 1930х годах, когда общество и СМИ одинаково верили, что педофилы были очень опасными и потенциально убийственными, и *Time* перечисляло недавние сексуальные убийства как «ужасающие примеры педофилии».

Даже критики законодательства о психопатах, такие как Моррис Плосков, оправдывали долгосрочное заключение «компульсивных педофилов» с целью защитить жизни. Было совсем неочевидно, однако, что все растлители должны быть обозначены как педофилы, или должны быть помещены в контекст с печально известными сексуальными преступниками. Один урок отчётов Кинси заключался в том, что сексуально отклоняющийся эпизод не был автоматическим симптомом

фундаментально патологического состояния: если не каждый мужчина, который имел секс с другим мужчиной, был обязательно гомосексуалом, тогда, возможно, мужчина, имевший отношения с ребёнком, не обязательно был подтверждённым педофилом.

В книге *Сексуальные преступники: Анализ типов*, опубликованной в 1965 году, Пол Гебхард и его коллеги утверждали, что только одна четверть из их выборки гетеросексуальных преступников против детей могла быть классифицирована как настоящие педофилы, в отличие от обычных преступников. [9]

Растущее число терапевтов выступало за более мягкие взгляды на растление, и их взгляды постепенно получили поддержку. К ранним 1960м годам, немногие учёные бы не согласились с этими благожелательными тезисами о природе растления детей: что преступление было признаком незрелости или запутанности; оно вряд-ли могло привести к худшим поступкам; насилие или

[Страница 100]

компульсии были очень нечастыми элементами преступления, которое обычно было изолированным, одноразовым явлением; преступники могли быть успешно вылечены, после чего их рецидивизм был нечастым. Хотя они могли быть сексуальными психопатами, растлители были среди более безобидных представителей этой породы.

И даже в случаях, когда растлители могли быть однозначно признаны педофилами, насколько опасными они были?

Краффт-Эбинг впервые популяризовал термин *педофил*, приписывая такое поведение

«приобретенной умственной слабости»

в результате

«старческого слабоумия, хронического алкоголизма, паралича, умственной слабости вследствие эпилепсии, травм головы, апоплексии и сифилиса»,

и большинство преемников подчёркивали ментальную слабость и старость.

Хэвлок Эллис отмечал, что

«основной контингент [педофилов] до старого возраста представлен слабоумными»,

и Уильям Хили подчеркивал роль «старческой преступности» в возникновении сексуальных преступлений против молодежи.

Дэвид Абрахамсен считал, что

«наибольшее число сексуальных преступников — это те, кто импотенты, старые или дряхлые. ... Педофилия ... осуществляется импотентными мужчинами, обычно пожилыми».

Для Бромберга,

«педофилия, если ее тщательно рассмотреть, является не столько отвратительной сексуальной похотью, сколько признаком серьезного невротического конфликта у преступника». [*10]

Предполагаемые сексуальные изверги происходили из числа незрелых, слабоумных и старых людей, и даже тогда они были редкостью.

Хотя ссылки на педофилов встречались в психиатрической литературе, их редкость подразумевала, что это состояние считалось необычным. Энциклопедист Карпман действительно предложил дюжину исследований случаев такого поведения, но в 1960-х годах Иоганн В. Мор и его коллеги просмотрели стандартные психиатрические труды и обнаружили, что они либо вообще не затрагивали эту тему, либо упускали ее из виду в одном-двух абзацах:

"В ряде отчетов, где обсуждаются даже такие редкие явления, как зоофилия, копрофилия и некрофилия, педофилия вообще не упоминается."

Обзор психиатрической криминологии Бромберга (1948) посвятил только две страницы состоянию, и даже к 1960 году всё ещё не существовало книги, которая была посвящена исключительно педофилии, и только по одной в которых были затронуты темы инцеста и эксгибиционизма.

Классическая книга Альберта Хесса *Die Kinderschändung* (растление детей) была кратко упомянута в американских журналах после её публикации в Германии в 1934 году, но никогда не была переведена на английский. [*11]

Ещё в середине 1970х годов, стандартные психиатрические учебники редко упоминали педофилов.

Пренебрежение учёных было отражено в грубости определений. Только в середины 1950х годов литература создала таксономию для различения типов взрослых, которые сексуально заинтересованы в детях, проводя различие между эксгибиционистами и активными растлителями. Возраст был другой зоной неопределённости, и

[Страница 101]

академические исследования 1950х годов существенно расходились в их определениях педофилии: включала ли она активность с молодёжью до двенадцати, до шестнадцати или даже до двадцати? Стандартный полицейский текст, *Сексуальный преступник*, описывал педофилию как сексуальную активность с «ребёнком или подростком», при этом даже не уточняя, должен ли преступник быть старше жертвы.

Множество предполагаемых случаев включало в себя минимальную возрастную разницу между сторонами, во взаимодействиях, которые лучше было бы описать как юношеская сексуальная близость или сексуальные игры, а не отклонение. Только в 1955 году, Б.Д. Глюк предложил термин *гебефилия* (позднее - *эфебофилия*), чтобы разграничивать взрослых, заинтересованных подростками, а не препубертатными детьми. В 1960х годах, учёные требовали, чтобы существовало минимальное число лет в возрастной разнице между участниками, чтобы определить половой акт как отклоняющийся: современное определение требует чтобы

«человек с педофилией был от шестнадцати лет и старше, и по крайней мере на пять лет старше ребёнка» [*12]

Хотя подробные исследования случаев педофилии редки, те, что у нас есть, полностью отличаются от современных расхожих представлений об этом состоянии, его потенциальной опасности и шансах на успешное лечение.

Манфред Гуттмахер описывал шестнадцатилетнего мальчика из Балтимора, который сексуально надругался над пятилетней девочкой, акт, который психиатр воспринимал как форму подросткового эксперимента. Благодаря его настояниям, с преступником обращались снисходительно, и, по мнению Гуттмахера, он стал исправленным персонажем, ведущим продуктивную жизнь. Худшим результатом как для преступника, так и для жертвы было бы энергичное преследование дела в суде, что разрушило бы жизнь и будущие перспективы подростка и травмировало бы девочку. Отмечая преобладание пожилых

растлителей, мужчин в возрасте шестидесяти и семидесяти лет, Гуттмахер заметил:

«Большинство детских убийств, которые не являются делом рук садистов-психопатов, должны быть совершены мужчинами, которые действительно являются психотиками. Это не действия мужчин, которые подвергаются простым старческим изменениям, ... которые так часто являются по сути пассивными, неагрессивными личностями, с которыми можно обращаться снисходительно при минимальном надзоре» [*13]

Заявление Гуттмахера о том, что его пациент легко поддавался лечению, было типичным для того времени. Другие исследования также заявляли о превосходных результатах с различными методами терапии, включая групповую терапию и краткий психоанализ, который в одном эксперименте, как считалось, излечил семь из восьми педофилов: после преступной карьеры, начавшейся двадцать лет назад или больше, они теперь были «свободны от своих прежних желаний... использовать детей в качестве сексуальных объектов». Успешная психотерапия была даже заявлена для мужчины, который под

[Страница 102]

угрозой ножа заставил семилетнюю девочку сделать ему минет, но избежал уголовного наказания. И ремиссия, и излечение уверенно отмечались в литературе, где рецидивизм сексуальных преступлений был описан как «в целом низкий», с самыми низкими показателями, обнаруженными среди гетеросексуальных педофилов, и где эти случаи рассматривались как иллюстрация «бесполезности вынесения приговоров сексуальным преступникам к тюремному заключению». Аналогичным образом, «эксгибиционизм это не прогрессирующее опасное сексуальное преступление».

Для многих идея о том, что растление или эксгибиционизм могут перерасти в агрессивное поведение, была настолько абсурдной, что вряд ли заслуживала рассмотрения. [*14] Хотя рискованно спорить, основываясь на молчании, редкость расчётливых, компульсивных или садистских педофилов в профессиональной литературе предполагает, что этот тип был либо неизвестен, либо считался мифом сенсационных СМИ. Не рассматривалась даже какая-либо организация или деятельность секс-клуба. Комиксы и журнальные статьи были неправы, изображая растлителя как «незнакомца, который нападает на ничего не подозревающих детей в одиноких местах», и даже представление этого образа могло «иметь существенный вредный эффект, прививая ребенку параноидальное мироощущение». [*15]

Простое растление

Если преступники скорее заслуживали жалости, чем наказания, тогда нельзя было бы должным образом говорить об их *жертвах*, слово, которое часто появляется в кавычках. Поскольку педофилы страдали от задержки в развитии, их проступки отображали сексуальные игры между маленькими детьми, и включали ласкание, поглаживания или манипуляции.

«Сексуальное сношение нечасто среди педофилических преступлений», утверждала одна группа исследователей. «Проникновение и интравагинальные акты были редкостью среди половых актов с детьми». Другая группа пришла к выводу «Подавляющее большинство преступников, совершающих преступления против детей, физически не опасны, так как они не используют силу и поскольку они редко пытались совершить коитус».

Эти наблюдения резко контрастировали с выводами исследователей Прогрессивной эпохи, чьи тексты о широкой распространённости венерических заболеваний среди детей-жертв были фактически забыты. Кроме того, успехи в лечении заболеваний, передающихся половым путем, с начала двадцатого века привели к тому, что этот аспект проблемы теперь привлекал меньше внимания. [*16]

Хотя мнения врачей разделились относительно степени реальной или длительной травмы, полученной в результате растления, существовал общий скептицизм относительно последствий единичного инцидента ласки или эксгибиционизма. Когда Комитет мэра Нью-Йорка по изучению сексуальных преступлений оценил

[Страница 103]

последствия изнасилования на выборке в почти три тысяч жертв, они классифицировали ущерб в категориях «травмы», «заболевание» и «беременность», но в случаях, когда ни одно из этих состояний не наблюдалось, как было в случае 60 процентов жертв, категория была «никакого эффекта», подразумевая, что только ощутимый физический вред заслуживал внимания. Если насильники причиняли так мало вреда, тогда и от эксгибиционистов, фроттеров или вуайеристов не стоит ожидать худшего:

«Эти люди как правило не были склонными к нападению или опасными, однако во многом их поведение может раздражать, пугать или

шокировать женщин и детей, которые наблюдают его или подвергаются ему». [*17]

Новые взгляды на последствия сексуального вмешательства в жизнь детей объясняли исчезновение эмоционального слова *осквернитель* из общественного лексикона после начала 1950х годов. Во всех отношениях наука этой эпохи описывала тяжелое положение жертвы насилия языком, который современному уху кажется поразительно бессердечным.

Пол Таппан отвергал представления «что жертва сексуального нападения 'сломлена на всю жизнь'» как один из пагубных мифов, отвлекающих внимание социальной политики. Он утверждал, что *не должен* наносить длительного вреда опыт

«изнасилования, плотского насилия, дефлорации, инцеста, гомосексуальности или непристойного обнажения»:

«В некоторых случаях человек несёт физические шрамы после подобного опыта. Характерно, что гораздо больше вреда наносится, однако, благонамеренным окружением жертвы или публичными властями, чем агрессором. Это не оправдывает преступление, но только подчёркивает, что его неявный вред был сильно преувеличен, и что возможная травматизация личности почти всегда является результатом культурных и индивидуальных реакций на опыт, а не следствием внутренней ценности самого опыта. ... Молодой человек в нашем обществе, который не подвергался чрезмерной родительской и общественной истерии по поводу секса, может пережить опыт общественно неодобряемого сексуального насилия без неблагоприятных последствий».

Исследователи Кинси согласились:

«Эмоциональные реакции родителей, офицеров полиции и других взрослых, которые обнаружили, что ребёнок имел подобный контакт, могут расстраивать ребёнка более серьёзно, чем сам сексуальный контакт», и опасность была еще больше, учитывая «нынешнюю истерию по поводу сексуальных преступников». [*18]

Существовали даже сомнения о потенциальном вреде, вызываемом инцестом. То, что последствия этого поведения могут быть разрушительными и длиться всю жизнь было известно из литературных работ, такие как книга Скотта Фицджеральда *Ночь нежна* (1934), но

инцест признавался настолько необычайно редким, что едва ли заслуживал изучения.

В 1955 году, стандартный отчёт Самуэля Вайнберга утверждал, что «инцест крайне редок во всех типах обществ», и что немногие случаи, которые всё же происходили, были

[Страница 104]

как считалось, в значительной степени ограничены странными и изолированными субкультурами. Что касается вопроса вреда, Уорделл Померой, один из первоначальной команды Кинси, утверждал, что инцест между взрослыми и детьми может быть

«удовлетворительным и обогащающим опытом»,

дающим начало

«множеству прекрасно и взаимно удовлетворяющих отношений между отцами и дочерьми. ... Он не имеет никаких пагубных последствий».

Одной из причин, по которой инцест так редко упоминался в публичных записях, было то, что

«женщина слишком виновна или слишком любит преступника, чтобы предъявлять обвинения». [*19]

Хотя дети, подвергшиеся растлению, могут казаться расстроенными, это состояние предшествовало и даже способствовало насилию, а не следовало за ним как его видимое последствие. В 1964 году Мор и его соавторы пришли к выводу,

«Если исключить случаи насилия или применения силы, которые к счастью редки, размер ущерба — если таковой имеется — будет зависеть в первую очередь от эмоционального состояния ребенка и его безопасности в окружающей среде».

Излишнее официальное вмешательство могло спровоцировать злые последствия, и допрос и перекрёстный допрос в суде может нанести больше вреда, чем фактическое преступление. Эта традиция преобладала в профессиональной литературе в течение 1970х годов. В 1975 году, книга, стремившаяся разрушить мифы о гомосексуальности, в частности, подвергала сомнению идею о том, что растление детей приводит к гомосексуальному образу жизни:

«Соблазнение детей, хотя оно может быть травматическим, когда родители делают из него проблему, фактически бессильно в том, чтобы начать сексуальный паттерн». [*20]

В их тексте 1978 года, посвящённом насилию над детьми, Рут с. Кемпе и К. Генри Кемпе утверждали,

«Однократное растление со стороны незнакомца, особенно ненасильственного типа, похоже причиняет мало вреда нормальным детям, живущим с надёжными и уверенными родителями»;

Это было убедительное свидетельство, поскольку Генри Кемпе был одним из главных авторитетов в разработке современных концепций жестокого обращения с детьми.

Другой стандартный текст утверждал, что

«ранние сексуальные контакты похоже не имеют вредных эффектов для многих детей, до тех пор, пока семья, правоохранительные органы или общество не реагируют негативно».

Подразумевалось, что сбалансированные и зрелые семьи имеют обязанность вырастить ребёнка, который достаточно хорошо информирован, чтобы не быть расстроенным сексуальным нападением, когда ответственные родители знают лучше, чем рисковать благополучием их детей, вынося инцидент на рассмотрение полиции и судов: опасность лежит в создании проблемы из простого растления.

«Иррациональность в отношении секса привела к первоначальному преступлению; важно, чтобы родители и другие взрослые удерживали свои собственные иррациональности от причинения какого-либо дальнейшего вреда ребёнку». [21]

Еще больше минимизировало вред, причиненный растлением, распространенное мнение, что подростки способствовали сексуальным контактам со взрослыми. В отчете комитета мэра Нью-Йорка говорилось:

[Страница 105]

«Обычно в личности, окружении или семейном положении жертвы сексуального преступления есть что-то, что предрасполагает ее к участию в сексуальном правонарушении».

Ограниченная профессиональная литература о детях-жертвах утверждала, что многие из их активно искали

«привязанность, внимание и одобрение со стороны преступника, сопровождавшееся ощущением, что их собственные родители не полностью ценят их».

Мор и другие верили, что литература показывала

«факторы предрасположенности во многих жертвах, что делало их склонными к участию в сексуальных актах с взрослыми, путём от пассивной терпимости до активного соблазнения». [*22]

Опять же, это было в резком контрасте с литературой Прогрессивной эпохи, которая изображала городских детей как находящихся под постоянным риском от беспорядочного нападения со стороны их старших, но можно утверждать что улучшившиеся социальные условия и жильё так фундаментально изменили среду обитания большинства семей, что жертвы могли бы быть более обоснованно обвинены в непринятии соответствующих мер предосторожности, а в некоторых случаях даже в провоцировании нападения.

Не один исследователь писал, что соблазнительные или кокетливые дети не должны быть представлены как эксплуатируемые жертвы, безвозвратно запятнанные сексуальным контактом. В 1960 году Абрахамсен писал об изнасиловании:

«Жертва сама неосознанно ... может искушать преступника. ... Зачастую женщина неосознанно желает быть взятой силой. ... Мы иногда находим эти соблазняющие наклонности даже в молодых девушках, в их склонности к флирту или поиску довольно опасных или необычных мест, где их можно снять, тем самым подвергая себя более или менее неосознанно сексуальным нападениям».

Описывая несовершеннолетних жертв, Карпман высказал мнение:

«Обычно тот факт, что жертвой становится конкретная девочка, не случаен; в ее прошлом, личности или семейной ситуации есть что-то, что предрасполагает ее к участию. Часто жертвы являются жертвами только в юридическом смысле; отношение к ребенку как к нежеланной жертве не всегда верно; в некоторых случаях агрессором является ребенок. В некоторых случаях у родителей ненормально стимулируются сексуальные желания». «Некоторые дети, даже в раннем возрасте, подстрекают старших к сексуальному опыту, даже когда старшие подстрекают их», а преднамеренное подстрекательство со стороны своенравных девочек представляет собой «широко распространенную проблему».

В 1974 году, учебник по психиатрии процитировал «хорошо известный» факт что «девятилетняя девочка может быть способна на соблазнение». Мальчики были не лучше: одно исследование 1975 года сексуальных контактов мужчины с мальчиком примерно периода полового созревания, предполагая, как часто «'жертва' была провокатором». Австралийское исследование отношений между педерастом и сотнями его сексуальных контактов выявило широкий спектр взаимодействий и степеней соблазнения. [*23]

[Страница 106]

Молодёжная революция

Реакция на предшествующее беспокойство о взросло-детской сексуальности находилась под влиянием новых взглядов, как со стороны молодёжи, так и к ней, когда большая когорта бэби-бумеров вступала в свои подростковые годы. В 1960х годах, молодёжная культура уже была отчуждена от предположений своих родителей, была радикализована политическим протестом, обширным употреблением наркотиков, и драматичными сексуальными экспериментами.

Эта социальная среда была враждебна традиционному контролю над молодыми, и либеральное мнение благоприятствовало ослаблению ограничений в областях, таких как употребление наркотиков и сексуальное поведение. В результате молодые люди стали более сексуально осведомленными и активными в гораздо более раннем возрасте, и к началу 1970-х годов границы приемлемого сексуального поведения стали менее строгими, а отношение — более терпимым, чем когда-либо в истории Америки.

Эти взгляды распространились на возраст сексуального согласия и на сексуальные акты между взрослыми и детьми. Технически, сексуальный акт между двадцатилетним мужчиной и пятнадцатилетней девушкой считался изнасилованием по закону в большинстве штатов, но по современным стандартам едва ли это казалось грубым моральным нарушением. Кроме того, распространение движения за освобождение геев после 1969 года значительно снизило стигматизацию действий, связанных с мальчиками-подростками.

Возраст сексуального согласия стал очень мягкой границей, которая плохо соответствовала социальной или психологической реальности: если допустить, что восемнадцать не имеют смысла как возраст, в котором все люди повсюду могут быть объявлены половозрелыми;

насколько можно уменьшить эту цифру? Является ли даже возраст полового созревания подходящим правовым пределом?

С конца 1960х годов, штаты пытались примириться с новой ситуацией, понизив возраст сексуального совершеннолетия и смягчив законы о нарушении возраста согласия. Такие меры были приняты в Нью-Йорке, Пенсильвании, Висконсине и Иллинойсе, в то время как в 1970х годах в Нью-Джерси обсуждалось снижение возраста согласия до тринадцати. Признание того, что дети могут быть сексуально активными самостоятельно, подтвердило представление, встречающееся в профессиональной литературе: молодых людей, вступающих в сексуальные отношения со взрослыми, часто следует рассматривать как добровольных и осознанных участников, а не как жертв.

В популярной культуре, сексуальная активность между теми, кто был в середине подросткового возраста, воспринималась общепринятой и приемлемой, и взросло-детские отношения не обязательно должны были быть осуждены. Эта тенденция может быть прослежена от появления в 1955 году романа Набокова *Лолита*, который затрагивал тему одержимости взрослого мужчины соблазнительной двенадцатилетней девочкой, а сексуальные и педерастические преступные миры были исследованы в романах писателей вроде Уильяма С. Берроуза. [*24]

В кино, фильм 1956 года *Куколка* изображал сексуальную невесту-ребёнка, в то время как *Город без жалости* (1961) изображал шестнадцатилетнюю девушку

[Страница 107]

чье провоцирующее поведение вылилось в групповое изнасилование. Сам фильм *Лолита* был снят в 1962 году с четырнадцатилетней звездой.

Такие трактовки казались безобидными в сравнении с фильмами и романами, которые появились в разгар социальной и сексуальной революции конца 1960х годов. В 1969 году, фильм Арло Гатри *Ресторан Элис* показывал Ренни, юную девушку-подростка чей главный интерес в жизни — сексуальные переживания с рок-музыкантами. Ей «пятнадцать, скоро четырнадцать», но фильм не предполагает, что герой совершит серьезный моральный проступок, если поддастся ее искушениям.

Отражая мягкие стандарты цензуры тех лет, Рини появляется топлес большую часть своего появления на экране. Подростки-бопперы и несовершеннолетние девушки также фигурируют в бесчисленных рок-песнях тех лет: Grateful Dead записали "Good Morning, Little Schoolgirl", а

главный герой "Mexican Blues" группы оказался в кантине с четырнадцатилетней девочкой. Журналы альтернативной культуры часто публиковали откровенные обнаженные снимки молодых девушек-подростков, а рок-супергруппа Blind Faith воспроизвела фотографию топлес половозрелой девушки на обложке своего дебютного альбома 1969 года.

В течение 1970х годов, сексуально не по годам развитые девушки до возраста согласия регулярно появлялись в популярном кинематографе, снятые в фильмах вроде *Ночные ходы* (1975) и *Таксист* (1976). Фильм *Изгоняющий дьявола* (1973) изображает одержимую демонами молодую девушку, которая мочеиспускает и мастурбирует.

Актрисы-подростки, такие как Брук Шилдс и Джоди Фостер стали звёздами, изображая сексуально активную молодую женщину в гораздо более молодом возрасте, чем считалось приемлемым в более ранние или более поздние эпохи. Иногда они были изображены в состоянии полу- или полной раздетости. В 1970 году, австралийский фильм *Прогулка* показывает молодую австралийскую девушку-подростка купающейся голый в пруду, и молодая Мелани Гриффит снялась полуобнаженной в фильме *Ночные движения*. В фильме *Прелестное дитя* (1978) Брук Шилдс сыграла двенадцатилетнюю проститутку из Нового Орлеана.

Хотя фильмы этого периода никогда не пытались предложить полностью симпатичный портрет растлителя малолетних, характеристики были далеки от абсолютного зла, которое было бы обязательным в более поздние годы. Британское кино лидировало с серией исследований маргинальной сексуальности, которые часто были хорошо приняты в Соединенных Штатах; самой известной была новаторская драма *Жертва* с ее темой гомосексуализма (1961).

В ту же эпоху появились рассказы о сексуальных преступниках: «Никогда не берите сладости у незнакомца» (1960) был рассказом о пожилом растлителе малолетних, который непреднамеренно стал причиной смерти ребенка, которого он преследовал, а *Серьезное обвинение* (1959) касалось ложного обвинения в сексуальном домогательстве между мужчиной и

[Страница 108]

подростком. Номинированный на премию «Оскар» фильм *Знак* (1961) сочувственно изображал мужчину, пытающегося восстановить свою жизнь после отбывания тюремного срока за сексуальные домогательства

с молодой девушкой. Реабилитация рассматривается как возможная и желательная, если она не сорвана злобой неинформированной публики, подстрекаемой сенсационной прессой.

Растлитель снова стал козлом отпущения в британском фильме *Огненная колесница* (1970), сценарий которого написал Тони Паркер, опубликовавший серьезные криминологические исследования преступников. [*25] В этом фильме рассматривались трагические отношения женщины с мужчиной, который провел двадцать лет в тюрьме за преступления против мальчиков. Сценарий предполагал, что дети в этих случаях страдали гораздо больше от неуместного возмущения пуританских родителей и властей, чем от самого сексуального контакта, в то время как насильники подвергались эмоциональной манипуляции со стороны детей, являющихся объектами их привязанности.

В фильме *Голый государственный служащий* (1975) группа молодых парней пытается вымогать деньги у пожилого женоподобного гомосексуалиста; если он не заплатит, они угрожают, что подадут в полицию ложную жалобу на растление.

Концепция растлителя как жертвы кажется особенно актуальной в контексте системы правосудия. Сюжет фильма Сидни Люмета *Преступление* (1973) вращается вокруг убийства растлителя малолетних, которого до смерти избивает возмущенный полицейский детектив. Тяжелое положение сексуальных преступников в исправительном учреждении было подчеркнуто в пьесе Мигеля Пинеро 1975 года *Короткие глаза* (экранизированной в 1977 году), в которой показано, как самые дикие и неискушенные из «нормальных» преступников оправдывают свою собственную моральную праведность и мужественность, мстительно преследуя растлителя.

Другое либеральное, даже благоприятное изображение было найдено в фильме Сэма Пекинпы 1971 года *Соломенные псы*, в котором фигурировал «грязный извращенец» Генри Найлз, неуклюжий, похожий на ребенка персонаж, во многом смоделированный по образу Ленни из «О мышах и людях». Генри давно пользуется репутацией растлителя, и его невозможно удержать от «тусовки с девушками». Ни в коем случае не идеализированная фигура, он достаточно опасен, чтобы случайно убить девушку в ошибочной попытке защитить ее (его последние слова ей: «Нет, они могут причинить тебе боль!»). Хотя в каком-то смысле он сексуальный убийца, он гораздо более симпатичная фигура, чем деревенские жители, которые подвергают его остракизму, и сюжет вращается вокруг попытки защитить Генри от самосуда со стороны

местных бандитов. Несмотря на всю их риторику о защите детей, преследователи Генри предстают как истинные преступники, замешанные в изнасилованиях, убийствах и кражах со взломом. Более того, инцидент, предшествовавший финальному кризису, возникает из-за попытки девушки соблазнить Генри после того, как ее отверг более привлекательный мужчина постарше. В «Соломенных псах» растлитель изображен как по сути безобидный, если его не спровоцировать или не соблазнить заигрывающими соседями.

[Страница 109]

Более поздние изображения были менее тонкими, но их юмористическое качество предполагает тривиальный характер угрозы, которую представляют растлители. Рок-опера The Who «Томми» (1969) показала навязчивого, но в целом комичного растлителя в лице злого дядюшки Эрни, который «возился» сексуально с телом глухонемого героя; когда альбом стал основой фильма в 1975 году, Эрни превратился в нелепого злодея из комиксов, визуально напоминающего Честера Растлителя, фарсового демонического антигероя мультфильмов, появляющихся в журнале Hustler. [*26]

В популярной комедии «Аэроплан» (1980) пилот самолета ведет откровенный разговор с мальчиком препубертатного возраста, постоянно сводя разговор к гомоэротическим темам: хотя сцена показывает соблазнение маленького мальчика, зрители должны рассматривать ее как полностью комичную. На этом культурном фоне было трудно рассматривать растлителя как серьезную опасность, достойную драконовского законодательства.

Правовая среда

Между 1965 и 1975 годами, расовые и политические кризисы подняли фундаментальные вопросы о легитимности американского государства и его праве создавать и обеспечивать соблюдение закона. Академические дисциплины социологии и криминологии были радикализованы доктринами, считая, что ярлык, обозначающий отклонение, будь то *ментальный пациент, зависимый*, или *сексуальный преступник*, имел мало отношения к каким-либо присущим человеку качествам, которые он описывал, но скорее отображал ценности и интересы социальных групп, имеющих власть, чтобы нанести ярлык. Идеи, такие как теория девиации, интеракционизм, маркировка и весь подход, называемый новой криминологией, подорвал традиционные концепции объективной природы преступлений и болезней. Процитируем название радикального текста по криминологии, *Чей Закон? Какой порядок?* [*27]

Разрастающаяся академическая литература теперь подняла вопрос о преступлениях без жертв, термин, предполагающий, что действия не должны быть признаны преступлениями, до тех пор, пока они не угрожали причинением вреда лицам, не совершающим их добровольно и с удовольствием.

В 1967 году, Санфорд Кадиш опубликовал свою влиятельную статью, «Кризис чрезмерной криминализации», в то время как в 1970 году, президентская комиссия по непристойности отвергла обвинения, что порнографические материалы вызывают существенный вред. Исторические запреты на употребление алкоголя и наркотиков легли в основу радикального анализа американской тенденции принимать законы, стигматизирующие вещества и группы, которые их употребляют. [*28]

Такие исследования подтверждали необходимость широкомасштабной декриминализации, и даже если

[Страница 110]

законы не были действительно отменены, существовала общая тенденция относиться к ним как к по сути неисполняемым. Активности, такие как курение марихуаны или секс с несовершеннолетними широко воспринимались только как формально незаконные, в техническом смысле, что позволило сохранить в значительной степени неисполненные законы против супружеской неверности, гомосексуализма, блуда или наслаждения порнографией.

И судебные решения, и академические труды изображали существующие законы о сексе как реликт ханженства предшествующего поколения, которое стигматизировало множество активностей по согласию: отмена уголовных законов против ненасильственных растлителей, эксгибиционистов и других извращенцев происходила параллельно с либерализацией других пуританских моральных кодексов.

Господство либертарианской риторики бросалось в глаза в активности Верховного Суда и федеральных судов, которые между 1957 и 1975 годами наблюдали за общим смягчением законов, касающихся личного поведения и половой морали.

В 1957 году, дело *Rota*, расширило свободу слова до включения материалов, ранее воспринимавшихся как преступно непристойные и этот процесс предоставил американским СМИ большую свободу в исследовании сексуальных тем. В 1965 году дело *Гризволда* отменило

закон Коннектикута, запрещающий контрацепцию, на основании конституционного права на неприкосновенность частной жизни, которое, безусловно, распространялось и на другие сексуальные вопросы. В деле 1973 года Роу против Уэйда понятие неприкосновенности частной жизни было приведено для оправдания права на аборт.

Либеральная юридическая мысль была скептической в отношении официальных утверждений об объективной экспертизе, проводимой в наилучших интересах подозреваемого или заключенного. Это сомнение возникло из воспринимаемой несправедливости в отношении ответчиков из числа меньшинств в годы революции за гражданские права, поскольку многие вопиющие случаи злоупотреблений со стороны официальных лиц были связаны с бедными чернокожими ответчиками в южных судах и полицейских участках, особенно в случаях предполагаемых сексуальных проступков.

Расовая несправедливость обеспечила существенный интеллектуальный контекст для дел 1960х годов о надлежащей правовой процедуре, что стало продолжением великих решений о десегрегации. В серии громких дел Верховный суд заявил, что полиция, не уважающая права подозреваемых и обвиняемых, рискует лишиться доказательств, имеющих решающее значение для обвинения. Знаменитое дело *Миранды* 1966 года касалось классического сексуального преступника, мужчины с историей сексуальных нападений и подглядывания, которому теперь предъявлены обвинения в изнасиловании и похищении.

Осознавая злоупотребление дискреционными полномочиями, суды в эти годы утверждали необходимость надлежащей правовой процедуры в тех областях, которые позитивистская традиция классифицировала как терапевтические и медицинские по своей природе, а не карательные.

В ювенальной юстиции основополагающим принципом на протяжении первой половины века было то, что молодые правонарушители не нуждаются в защите надлежащей правовой процедуры, поскольку с ними не обращаются как со взрослыми преступниками. В результате,

[Страница 111]

неприятное правонарушение, которое не привело бы ни к чему худшему, чем небольшой штраф, если бы его совершил взрослый, могло бы привести к длительному заключению в исправительной школе, если бы его совершил подросток. Неформальное разбирательство по делам несовершеннолетних не имело всех гарантий, доступных обвиняемому по уголовным делам, включая юридическое представительство, право на

очную ставку со свидетелями, защиту от самообвинения и важнейшее право на суд присяжных из числа сверстников.

Дело *Гоулта* 1967 года бросило вызов фактически всем существующим практикам суда по делам несовершеннолетних, в то время как Верховный Суд потребовал применение соответствующих мер защиты для обвиняемого, который больше не мог маскироваться под клиента или пациента.

(Это дело, кстати, касалось мальчика, которого считали начинающим сексуальным преступником из-за его непристойных телефонных звонков соседу).

В течение следующего десятилетия федеральные суды и суды штатов утверждали необходимость применения гарантий надлежащей правовой процедуры ко всем правонарушителям, находящимся на грани безумия. Как заметил Киттри в 1971 году,

«После почти полувека барахтанья в семантике, суды наконец-то отбросили ложную рационализацию того, что некриминальные и некарательные ярлыки оправдывали отрицание процессуальных гарантий». [*29]

Теперь суды подорвали всю правовую основу, на которой система ментального здоровья действовала более столетия, и законы о сексуальных преступниках пали жертвой этого более широкого наступления.

В 1971 году, окружной суд США постановил в деле *Лессард против Шмидта* что человек, находящийся под угрозой недобровольного заключения в психиатрических учреждениях, имел право на обширную процессуальную защиту, включая право на адвоката, право на суд присяжных, и право знать, кто будет свидетельствовать против него или неё.

Характеризуя слушание как гражданское, суд не допускал допущения показаний с чужих слов или аннулирования права против самообвинения. В этом деле применялся критерий, согласно которому институционализации следует избегать, где это возможно, и что власти должны всегда использовать «наименее радикальную альтернативу», доступную для этого. В 1975 году Верховный суд постановил, что

«всё ещё не существует конституционной основы для недобровольного содержания [психически больных] если они ни для кого не опасны и могут безопасно жить на свободе». [*30]

В результате таких решений стало трудно применять расширенное принудительное заключение, за исключением случаев, когда люди представляли серьезную и непосредственную опасность для себя или общества.

Правовой активизм отражал растущую враждебность населения к психиатрическим злоупотреблениям, а влиятельная антипсихиатрическая школа критиковала терапевтические предположения как в конечном счете идеологические и эгоистичные. Радикальные критики оспаривали историческую зависимость от институциональных мер реагирования на отклонения, будь то для психически больных, заключенных или бедных. Даже если они были вдохновлены гуманными мотивами, психбольницы

[Страница 112]

неизменно становились репрессивными учреждениями, работающими для удобства или прибыли их администраторов, и их никогда не следует рассматривать как приемлемое долгосрочное решение социальных дисфункций. Упадок веры в терапевтические профессии совпал с трансформацией психиатрической практики, вызванной новыми препаратами для лечения психических расстройств, что со временем позволило освободить многие тысячи психически больных. В период с 1955 по 1981 год число пациентов в государственных психиатрических больницах сократилось с 560 000 до 138 000 и до 116 000 к 1984 году. [*31]

Критические точки зрения на психиатрию вошли в популярную культуру через самые продаваемые книги (и фильмы), такие как *Маньчжурский кандидат* Ричарда Кондона, *Пролетая над гнездом кукушки* Кена Кизи, и *Заводной апельсин* Энтони Бёрджесса.

Работы Кизи и Бёрджесса показали, как психиатрия приобрела огромные возможности для изменения человеческой личности в интересах группы или правительства, спонсирующих деятельность по модификации поведения. Все три истории в дальнейшем показали, что психиатрические техники могут потенциально быть использованы, чтобы вызвать невообразимую боль и страдания. В чьих интересах будут осуществляться такие полномочия и как их можно надлежащим образом согласовать с принципами права и конституционности?

Изображения поведенческой модификации в *Заводном апельсине* было тем более мощным, что, несмотря на её оруэлловские атрибуты, она отвечала актуальным тенденциям в исправительном мире.

В 1970 году, статья в *Psychology Today*, которая вышла под заголовком «Преступникам теперь можно промывать мозги», отмечала как терапевты могут сочетать

«сенсорную депривацию с наркотиками, гипнозом и хитрой манипуляцией награды и наказания, чтобы получить почти абсолютный контроль над поведением человека».

К 1973-74 годам, поведенческие эксперименты вошли в сферу национальной политики, когда разоблачения эпохи Уотергейта показали, что ЦРУ и другие агентства правительства США исследовали возможности контроля над разумом и модификации поведения. [*32]

Эти откровения подпитывали конспирологические спекуляции, и запрограммированные убийцы стали неотъемлемой частью популярной фантастики: в 1974 году, фильм *Заговор «Параллакс»* изображал тайную разведывательную группу, использующую техники модификации поведения, чтобы тренировать неуравновешенных людей и сексуальных преступников как политических убийц.

Как и с психиатрией, американские тюрьмы вступили в период серьёзного кризиса в десятилетии после 1965 года. Многие верили, что реабилитация преступников была мифом, и что средства, используемые в этих усилиях были в лучшем случае бесполезными, а в худшем - жестокими. Терапевтический идеал был основан на оптимистическом представлении, что отклоняющиеся личности могут быть исправлены или реформированы

[Страница 113]

в соответствии со стандартами нормальности и законопослушности, но в эпоху Вьетнамской войны и городских беспорядков, различия между нормальным и отклоняющимся, законным и криминальным, были более спорными и неопределёнными, чем они когда-либо были в истории страны.

Расовая напряженность превратила тюрьмы в поле битвы, и самое страшное кровопролитие произошло в нью-йоркском учреждении Аттика в 1971 году. Средства массовой информации разоблачали злоупотребления, распространенные в тюремных стенах, включая

расовые и религиозные преследования и культуру изнасилования заключенных. Суды играли интервенционистскую роль в борьбе с этими проблемами, вплоть до заявления о том, что тюремные системы целых штатов представляют собой жестокое и необычное наказание.

Серия разрушительных исследований подчёркивала репрессивные аспекты реабилитирующей или коррекционной модели. Книги вроде *Борьба за справедливость* и *Доброе и обычное наказание* Джессики Митфорд подчёркивало предрассудки якобы объективных администраторов, и требовало прекращения наказания на неопределённый срок и принудительного лечения. В 1974 году, расширенное исследование коррекционного лечения и реабилитационных программ было процитировано, как обнаружившее, что «ничего не работает»: исследование не нашло никаких документальных свидетельств существования какой-либо программы, которая достигла убедительных результатов в исправлении преступников. Новая ортодоксия поддерживаемая как консерваторами, так и либералами, делала акцент на справедливости, определенности приговора и ограничении дискреционных полномочий должностных лиц. [*33] В совокупности эти атаки практически уничтожили идеал реабилитации как достойный компонент американской социальной политики.

Отмена законов о сексуальных психопатах

Было немыслимо, чтобы с законами о сексуальных психопатах дела обстояли лучше, чем с другими аспектами позитивистской программы, и в 1970 году, влиятельная книга *Путеводитель честного политика по контролю за преступностью* ссылаясь на эти законы, чтобы проиллюстрировать банкротство реабилитирующих идеалов. [*34]

Суды теперь признавали законодательство о сексуальных психопатах несовершенно по ряду причин, включая отсутствие в них прав на надлежащую правовую процедуру и мер защиты. В дополнение, недавние случаи недобровольного заключения пробудили сомнения о том, может ли человек быть заключён в тюрьму на много лет, без перспективы освобождения, если надлежащее лечение было недоступным. Затем возник вопрос о том, существует ли вообще потенциальное лечение такого сомнительного с медицинской точки зрения состояния, как психопатия.

В 1967 году, том же году, когда происходило дело *Гоулта*, Верховный Суд слушал дело *Спехта против Паттерсона*, в котором участвовал мужчина из Колорадо, обвинённый в непристойных вольностях с

ребёнком. Подсудимому грозило уголовное наказание в десять лет за этот акт, но штат применил собственный закон о сексуальных преступниках, по которому он мог

[Страница 114]

быть приговорён к сроку «от одного дня до пожизненного заключения». Судебное решение зависело от психиатрической экспертизы, которая, несмотря на её весомые последствия, не давала обвиняемому права на очную ставку со свидетелями или доступ к адвокату. Суд отклонил оптимистические взгляды штата, что психиатр был объективным профессионалом, заботящимся об интересах каждого, а не враждебным обвинителем:

«Процедура заключения под стражу, как гражданская, так и уголовная, подпадает под действие пункта о равной защите Четырнадцатой поправки... и пункта о надлежащей правовой процедуре».

Назначение нового неопределенного приговора потребует

«нового установления факта [что осужденный представляет угрозу телесных повреждений для общественности], который не был частью предъявленного обвинения».

Как постановил апелляционный суд США в деле о процедуре сексуального психопата в Пенсильвании:

«На таком слушании требования надлежащей правовой процедуры не могут быть удовлетворены частичными или скудными процессуальными мерами защиты. Обвиняемый ... имеет право на полный набор соответствующих мер защиты, которые надлежащая правовая процедура гарантирует в уголовном судопроизводстве штата, ... включая право на очную ставку и перекрестный допрос свидетелей, показывающих против него». [*35]

Дело *Поттера* в этом же году было сосредоточено на мужчине из Иллинойса, обвинённом в публичной непристойности и повторяющемся эксгибиционизме. Во время психиатрического обследования, обвиняемый свободно говорил о своих девиантных тенденциях, и признался в предъявленных ему обвинениях, а также в других, так что медицинские эксперты надлежащим образом сообщили, что он является сексуально опасным лицом, подлежащим бессрочному заключению. Но перед его разговором с психиатрами, обвиняемый не получил своего рода предупреждение о своих правах, которое требовалось при

полицейских допросах после недавних дел, подобных делу *Миранды*. Федеральный апелляционный суд постановил, что психиатрическое обследование, поскольку оно неотъемлемая часть процесса, который приводил к получению человеком наказания, должно быть окружено соответствующими защитами, и дело *Миранды* таким образом вошло в кабинет психиатра. [*36]

Яркий пример этого конфликта между законодательными и терапевтическими стандартами произошёл в Мэриленде, где в 1951 году была принята амбициозная мера против дефективных правонарушителей и сексуальных преступников. В штате функционировало образцовое лечебное учреждение в Патаксенте, где большой штат сотрудников включал психиатров, психологов и социальных работников. [*37]

Учреждение было «тотальной терапевтической средой», в которой образ жизни каждого заключенного полностью зависел от его или ее сотрудничества и прогресса в лечении. Среднее число «пациентов» возросло со 186 в 1956 году до почти 500 в 1968 году, но времена были опасными даже для этого блестящего примера терапевтического идеала.

[Страница 115]

Последний кризис был инициирован Эдвардом МакНилом, который в 1966 году был приговорён к пяти годам заключения за нападение на полицейского офицера и за нападение с намерением совершить изнасилование. Он был отправлен в Патаксет для обследования как возможный дефективный правонарушитель, но поскольку он отрицал оба преступления, он воинственно отказывался сотрудничать с терапевтами.

Несотрудничающий не мог сделать прогресса в институциональной иерархии вознаграждений и привилегий, и до тех пор, пока ему не поставили диагноз, его нельзя было лечить, так что освобождение выглядело невозможным. Тем не менее, когда формальное уголовное наказание МакНила истекло, он подал прошение об освобождении из Патаксента, которое Верховный суд удовлетворил в 1972 году решением, которое подорвало весь закон штата о дефективных правонарушениях. Хотя суд и не отверг идею обязательного клинического наблюдения, он предупредил, что это не должно служить оправданием для бессрочного содержания проблемного человека.

После нескольких лет ниспровержения, законы о сексуальных психопатах получили смертельный удар в ходе дела *Дэви против Салливана* в 1973 году, когда окружной суд США отменил закон штата Алабама на основании того, что он устанавливал невозможно высокий

стандарт для освобождения, требуя «полное и постоянное восстановление» от психопатии. Более того, Суд продемонстрировал, что он был бы готов рассмотреть любой из возможных вариантов оспаривания любого существующего или будущего закона о сексуальных психопатах.

В решении подверглись критике слишком широкие и ненаучные определения закона, а также смешение в нем гражданских и уголовных элементов:

«Как уголовный закон, устанавливающий наказание для осужденных за сексуальные преступления, [закон] является неконституционным, поскольку он либо подвергает человека двум уголовным разбирательствам и, возможно, двум уголовным приговорам за одно предусмотренное законом преступление, либо, если не за одно правонарушение, то в одном из двух разбирательств только за преступление, заключающееся в наличии у него психического расстройства». [*37]

Юридические решения этих лет сместили фокус внимания судей на страдания и несправедливости в отношении преступников или пациентов, вовлечённых в сексуальные преступления, а не на жертв, которые послужили обоснованием для изначальных законов.

В 1968 году, федеральный судья Дэвид Базелон определил в деле *Миллард против Харрис*, что компульсивный эксгибиционист не может быть лишён свободы по соображениям общественной безопасности, поскольку такое поведение затрагивало только «необычно чувствительных взрослых женщин и маленьких детей»: эксгибиционизм или растление без проникновения не должно вызывать серьезного или долгосрочного ущерба.

Такое же впечатление возникает из психиатрических исследований, которые пытались оценить опасность уголовных преступников. В 1974 году федеральный судебный процесс привел к проверке заключенных, содержащихся в больнице для душевнобольных преступников в Огайо; цель состояла в том, чтобы выяснить, сколько из них были правильно диагностированы как

[Страница 116]

представляющие существенную угрозу им самим или обществу. Хотя мнения специалистов-психиатров по поводу определений и проявлений

опасности разошлись, особое разногласие возникло по вопросу о сексуальных преступлениях:

«чаще всего ... сексуальные нападения, которые не сопровождались серьёзными физическими травмами, не следует классифицировать, как опасные».

В одной из оценок утверждалось, что конкретный заключенный имел

«способность почти сразу же повторить сексуальные преступления, в которых он обвинялся»,

а именно, растление молодых девочек,

«но он не считается опасным нападающим, поскольку не предполагается, что он способен убить»;

поэтому было определено что,

«этот пациент не нуждается в дальнейшей госпитализации в учреждении строгого режима». [*39]

С точки зрения 1940х или 1990х годов, подобные замечания кажутся на удивление хладнокровными.

Законы о сексуальных психопатах предполагали, что нарушители должны лечиться у соответствующих специалистов, но в 1960-х и 1970-х годах наблюдался рост критики всего терапевтического режима в этих учреждениях, особенно инвазивных процедур, популярных в некоторых из них. Это включало электроконвульсивную терапию, так ужасно изображённую как форма пытки в фильме *Пролетая над гнездом кукушки*, антигерой которой был заключён в тюрьму за нарушение возраста согласия.

Другие аверсивные методы лечения включали в себя воздействие на пациентов неприятных химических или электрических раздражителей, пока они смотрят изображения антисоциального поведения. В этой модели *Заводного апельсина*, субъекта приучают ассоциировать такое поведение с реакциями боли или страха, испытываемыми во время терапии, и, таким образом, избегать агрессивных или сексуальных стимулов, вызывающих нежелательную реакцию.

В 1968 году в научной статье сообщалось о том, как болезненные электрические стимулы использовались для того, чтобы заставить гомосексуального педофила заменить его склонность к мальчикам от

шести до двенадцати лет на сексуальное предпочтение взрослых мужчин. Хотя эта идея имела правдоподобные медицинские основания, она включала в себя подвергание заключенных сильной боли, которая была бы юридически немыслима без обоснования терапии. [*40]

В новой правовой среде, «обработка» в основном воспринималась как жестокое и необычное наказание, если не пытка. В деле 1973 года *Кнехт против Гиллмана*, апелляционный суд США узнал, что заключенным тюремного медицинского учреждения в Айове давали дозы препарата апоморфин в качестве средства лечения дисциплинарных проблем, таких как ложь, ругань и неповиновение; хотя препарат давали якобы для того, чтобы заставить заключенных вести себя приемлемо, он вызывал рвоту и другие неприятные побочные эффекты. Однако суд применил теперь уже известное правило, что

«простая характеристика действия как лечения не освобождает его от проверки на соответствие Восьмой поправке»,

[Страница 117]

и тюремная практика была осуждена.

Также в 1973 году, суд штата Мичиган запретил использование психирургии для регулирования насильственных импульсов заключенных, тем не менее, в этом случае, заключенный сам согласился на процедуру; судьи задались вопросом, может ли заключенный в таких принудительных обстоятельствах дать действительное согласие.

В 1975 году осужденные растлители в Коннектикуте успешно подали в суд, чтобы отменить правило, согласно которому они могли добиться условно-досрочного освобождения только в том случае, если они пройдут болезненную аверсионную терапию, включающую электрошок в гениталии. Хотя номинально терапия была добровольной, она была связана с освобождением и, таким образом, на практике была обязательной. [*41]

Такие решения подорвали или сделали недействительными процедуры учреждений для дефективных правонарушителей и других лечебных учреждений в пенитенциарных системах по всей стране, оставив всю систему терапевтических учреждений и практик в юридическом подвешенном состоянии. Под натиском с самых разных направлений существующие законы и лечебные учреждения для сексуальных психопатов были подавлены. Некоторые законы были отменены, другие признаны юридически недействительными.

К началу 1970х годов, именно законодательное беспокойство о сексуальных преступниках воспринималось как насущная социальная проблема, а не сами преступники. Поскольку законы отражали устаревшие сексуальные предрассудки, они были одновременно нереалистичными и репрессивными.

Общее восприятие заключалось в том, что многие обвинения были ложными (и зачастую мотивированными расовыми предрассудками), в то время как преобладающие наказания были чрезмерно суровыми. В тех случаях, когда были обнаружены настоящие растлители или насильники, они были послушными людьми, которые не заслуживали существенного общественного или официального беспокойства. Они, конечно, не заслуживали жестоких физических пыток, которым их подвергали во имя терапии, и их действия не оправдывали существование сурового законодательства. Фактически, специальное законодательство изначально было подозрительным, поскольку оно усиливало официальную дискрецию в системе уголовного правосудия, и эта дискреция неоднократно злоупотреблялась. Администраторам нельзя и не следует доверять обширные дискреционные полномочия даже в отношении особо опасных преступников, и, очевидно, не в отношении просто неловких преступников, таких как растлители детей.

6. Революция сексуального насилия над детьми, 1976-1986 гг.

[Страница 118]

Сексуальное насилие над девочками — это процесс образования, который готовит их стать жёнами и матерями Америки.

- ФЛОРЕНС РАШ, 1971

Если вы подверглись сексуальному насилию, вы не одиноки.

Одна из трех девочек и один из семи мальчиков подвергаются сексуальному насилию

к тому времени, как достигают восемнадцатилетнего возраста.

Сексуальное насилие происходит с детьми любого класса, культуры, расы, религии и пола.

- ЭЛЛЕН БАСС И ЛОРА ДЭВИС, 1988

К 1974 году федеральные суды пришли к общему мнению, что растление малолетних не является серьёзной проблемой, но именно в этот момент другие социальные события стали предвещать очередной обратный поворот событий.

В 1974 году, феминистки были вовлечены в национальную кампанию чтобы увеличить беспокойство о распространённости изнасилований, в то время как профессионалы в области медицины и социального благополучия успешно привлекли внимание к проблеме избиения детей, или физического насилия. Первоначально, ни одна из проблем не была обязательно связана с темой растления, но в течение нескольких лет, беспокойство о сексуальной эксплуатации и обращения в семье в совокупности создали впечатление, что все американские дети подвергаются сексуальному риску.

Начиная примерно с 1977 года, зарождающаяся проблема, называемая *сексуальное насилие над детьми* постепенно присвоило себе общий термин *насилие над детьми*, и поток трудов о насилии, инцесте и сексуальной эксплуатации достиг масштабов наводнения к 1984 году. Защита детей

[Страница 119]

стала национальной социальной ортодоксией, пакетом базовых убеждений и предположений, который определял дискурс по целому ряду, казалось бы, не связанных между собой вопросов. Изменение отношения к жестокому обращению с детьми стало революционным и, возможно, необратимым изменением в американской культуре.

Факт, что миллионы американцев действительно сообщали, что они были вовлечены в нежелательные сексуальные переживания в свои ранние годы, означает, что новая конструкция проблемы не может быть описана как беспочвенная паника. Но эти утверждения были приукрашены статистикой, предполагающей невероятную частоту не просто растления, но наиболее экстремальных форм изнасилования и инцеста, процесс инфляции, осуществляемый посредством знакомого приема середины века — расширительного определения и уподобления всех незначительных форм отклонений наиболее опасным актам сексуального хищничества.

В 1984 году, как и в 1950-м, «растление несовершеннолетних» было признано оксюмороном, отвратительной тривиализацией национального кризиса. Более того, переосмысление проблемы насилия подпитывалось шокирующими историями об организованных педофильских сетях,

детской порнографии и серийных убийцах детей. Все эти явления существовали в ограниченном масштабе, но теперь все они рассматривались как обыденность и естественный этап в последовательности растления. Хотя новая проблема напоминала эру Прогрессивизма в ее взгляде на насилие как на проблему семей и общин, она также возвращала нас к панике середины века в ее возрожденном видении хищных растлителей.

Формулируя насилие над детьми

Либертарианская эпоха 1960х и ранних 1970х годов была неблагоприятной для новых утверждений о предполагаемых сексуальных опасностях, и беспокойство о благополучии детей первоначально фокусировалось на других аспектах проблемы. Современные концепции насилия на детьми выросли из признания, примерно с 1962 года, «избиения малышей», или насилия, направленного на детей в их домах, обычно со стороны членов их семей. [*1] Специалисты пришли к выводу, что физическое насилие — распространенное явление, затрагивающее семьи всех социальных слоев и представляющее смертельную опасность для молодежи.

К середине 1970х, эти взгляды были распространены в СМИ, требующих незамедлительного официального реагирования. Политически проблема имела широкую известность: все политические убеждения могли согласиться, что меры для защиты уязвимых детей были хорошей идеей, и либералы с симпатией отнеслись к кампании, направленной против пороков авторитарных структур в патриархальной семье.

В 1974 году, Вальтер Мондейл спонсировал Федеральный закон о профилактике и лечении жестокого обращения с детьми, который требовал сообщение и

[Страница 120]

расследование заявлений о жестоком обращении и обещание предоставить соответствующие средства штатам, которые выявят детей, подвергшихся жестокому обращению, и привлекут виновных к ответственности.

Федеральная мера имела решающее значение для последующих событий, поскольку она оправдывала создание государственных и местных агентств, единственным смыслом существования которых было расследование случаев жестокого обращения с детьми. Обязательная отчетность увеличила статистику жестокого обращения, в то время как

практика проведения расследований на основе конфиденциальных и анонимных отчетов открыла путь к большому объему необоснованных или злонамеренных обвинений. [*2]

В отличие от более ранних периодов, тот факт, что отчетность теперь применялась независимо от класса, открыл путь к обнаружению жестокого обращения с детьми в семьях среднего и высшего класса. Проблема была институционализована через ряд государственных и частных агентств. Национальный центр по борьбе с жестоким обращением с детьми и безнадзорностью (НЦБЖОДБ) был основан как подразделение Департамента здравоохранения и социальных служб в 1974 году, а частные группы, сформированные между 1970 и 1975 годами, включали Фонд защиты детей, Национальный комитет по предотвращению жестокого обращения с детьми, Анонимные родители, Объединённые родители и Общество молодых жертв.

Обнаружение *физического* насилия над детьми было необходимой предпосылкой к популяризации концепции сексуального насилия. Дискуссии о насилии против детей постоянно подчёркивали одни и те же темы: это была огромная проблема, которая могла угрожать любому ребёнку в любом типе дома; статистика, пусть и тревожная, показывала только вершущку айсберга, в то время как решения проблемы были сорваны общим отказом признать, что такие ужасающие акты могут произойти; скрытая эпидемия может быть вылечена только созданием специализированных групп или агентств, обладающих как волей, так и властью чтобы вмешаться.

Те же самые идеи постепенно применялись к сексуальным действиям, совершенным против детей, связь, впервые предложенная в конце 1960х годов Американской Гуманной Ассоциацией, которая опубликовала некоторые влиятельные исследования сексуальных преступлений против детей. Предупреждения, что «слишком долго потребности детей, подвергшихся сексуальному насилию, игнорировались», ассоциация указала на «огромный национальный уровень заболеваемости, во много раз превышающий зарегистрированный уровень физического насилия над детьми». Лексика для описания сексуального насилия над детьми также вернулась к старой фразе: сексуальное насилие было традиционным термином прокуроров для обозначения вмешательства в жизнь ребенка, не достигающего стадии пенетрации, но в новую эпоху этот термин переключался из юридического лексикона в общепотребительную речь. [*3]

Новые идеи достигли статуса массового социального движения, в результате активизма коалиции разрозненных групп по интересам. Хотя феминистки и гуманитарные группы сделали многое, чтобы переформулировать популярные представления о

[Страница 121]

сексуальных преступлениях и насилии на детьми, эти идеи также были привлекательны для консервативных и традиционно настроенных групп, которые по другим вопросам были глубоко несимпатичны женскому движению. И феминистки, и консерваторы оказались в полном согласии относительно опасностей, которые несет с собой неограниченная сексуальная распущенность, и необходимости борьбы с угрозами в отношении детей.

Политика морали

Моральный консерватизм быстро завладел силой и общественной поддержкой примерно с 1975 года, и достиг своего апогея когда Рональд Рейган был избран президентом в 1980 году. Возобновившийся интерес к эксплуатации детей совпал с непреодолимой политической тенденцией на восстановление традиционных ценностей и дисциплины, если понадобится, с помощью закона, и стигматизацию аморального поведения.

Для моральных традиционалистов, кампания против сексуальной преступности обеспечила эффективное оружие для противостояния тому, что они видели как скатывание к декаденсу, которое неконтролировалось начиная примерно с 1965 года, и которое символизировалось терпимостью к разводам, абортам, гомосексуальности, наркотикам и сексуальному промискуитету. Юридические ограничения сексуального поведения постепенно ослабевали, как и контроль за изображениями в СМИ ранее табуированных тем. Сексуально откровенные темы теперь появлялись в мейнстримном кино, в то время как материалы с жестким сексуальным подтекстом были доступны широкой публике. Либерализация вызвала ответную реакцию: серия судебных преследований за непристойность в 1976 году продемонстрировала обеспокоенность по поводу моральной распущенности, и федеральные правоохранительные органы начали тайные расследования организованной преступной деятельности в порноиндустрии. [*4]

Кампания против порока и недозволенной сексуальности приобрела общенациональную известность благодаря акценту на детской

порнографии. Либертарианцы обычно защищали сексуально откровенные материалы на том основании, что они были созданы и использованы согласными взрослыми, чьи действия не затрагивали никакую внешнюю сторону. Детская порнография подорвала эти аргументы, потому что дети не могли осмысленно согласиться на свое участие, и простое изготовление материала, таким образом, представляло собой вредное и преступное поведение.

Как заметила активистка Джудианна Денсен-Гербер,

«Не существует такого понятия, как согласие ребенка на сексуальную фотосессию: это по сути акт эксплуатации».

Моральные деятели и защитники благополучия детей нашли область, в которой была сильная общественная поддержка правового вмешательства, и либертарианцы могли предложить немного правдоподобных оправданий. Аналогичные аргументы также применялись к детской проституции, хотя и с несколько меньшей силой, поскольку большинство правонарушителей были подростками, а не маленькими детьми; но и здесь защита детей предлагала политически популярное обоснование для мобилизации против порока. В

[Страница 122]

начале двадцатого столетия нападения на порок были сосредоточены на похищенных женщинах, которых заставляли служить белыми рабынями, в то время как в 1970-х годах акцент сместился на молодых людей, не достигших возраста согласия, но в обоих случаях целью было свести к минимуму аргументы о том, что коммерческий секс может быть взаимной и согласованной сделкой. Неслучайно, что устойчивая басня о буквально убийственном жанре снафф-порнографии также родилась примерно в это время. [*5]

Общественная кампания против детской порнографии и проституции возглавлялась Денсен-Гербер, получившей популярность благодаря её работе в «Доме Одиссея» в Нью-Йорке, реабилитационном центре для молодых людей, страдающих наркозависимостью. Её внимание было сосредоточено на сексуальных угрозах в книге *За деньги или любовь*, в которой репортёр-расследователь Робин Ллойд поднял тревогу по поводу коммерциализованных сексуальных операций. При поддержке других активистов, включая социальных работников, религиозных лидеров и групп по улучшению сообщества, Денсен-Гербер оказала давление на офис мэра города Нью-Йорк и полицейский департамент.

В начале 1977 года, полиция отреагировала подавлением свободно обращающейся преступной культуры, которая возникла возле Таймс Сквер, где фильмы с детской порнографией и журналы были легко доступны во взрослых магазинах и где подпольная производственная индустрия использовала в качестве моделей многочисленных беглецов и уличных дельцов из этого района. Нью-йоркская кампания была перенята и в других городах, а сторонники «Одиссеи» организовали демонстрации против детской порнографии в Чикаго и Филадельфии. [*6]

Заявители успешно представили свои взгляды на национальном арене. После апреля 1977 года, проблема детской порнографии широко освещалась в СМИ, на телепрограммах, таких как *60 минут* (15 мая 1977) и в печатных источниках, таких как *Redbook* и *Parents*, *Newsweek* и *u.s. News* и *World Report*, *Ms.* и *Time*, и в большинстве крупных газет.

В апреле, *Time* с ужасом отметил сюжет одного из наиболее экстремальных порнографических произведений, находившегося, как утверждалось, в обращении:

«Восьмимиллиметровый фильм показывает десятилетнюю девочку и её восьмилетнего брата во время фелляции и полового сношения. Члены банды байкеров врываются в церковь во время службы Первого Причастия и насилуют шестерых маленьких девочек».

В следующем месяце, в новостном сообщении на NBC было экстравагантно заявлено:

«Было установлено, что до 2 миллионов молодых американцев вовлечены в быстрорастущий, многомиллионный бизнес детской порнографии».

Также в мае, серия в *Chicago Tribune* подробно описала всю субкультуру, связанную с детской порнографией и проституцией, познакомив многих читателей с жаргонными терминами, такими как «куриные ястребы», и насторожив основных

[Страница 123]

читателей, что особые зоны преступных районов были питательными для мужчин, ищущих детей и молодых подростков. Производство детской порнографии, как утверждалось, вовлекало до 100 000 детей в любой отдельно взятый момент, число, которое не имело известной основы, и

проблема была помещена в контекст с соблазнением и насилием над беглыми детьми и молодёжью:

«Детская порнография это национальный многомиллионный рэкет, который вовлекает тысячи молодых людей в жизнь проституции».

По словам Денсен-Гербер, дети-модели были «эмоционально и духовно убиты». [*7]

Политические действия последовали быстро. Этой весной, закон Килди-Мёрфи предлагал, чтобы производство, распространение и хранение детской порнографии было запрещено, и слушания в конгрессе по сексуальной эксплуатации детей последовали в мае и июне.

Сторона свидетелей включала в себя активистов-детозащитников, таких как Денсен Гербер, Кеннет Вуден и Ллойд Мартин, из нового отделения лос-анджелесского департамента полиции, занимающимся детьми, подвергшимися сексуальной эксплуатации. Противники порнографии основали региональную базу в Мичигане, дом представителей Дейла Килди и Джона Конйерса, которые возглавляли действия Конгресса по этому делу; также из Мичигана был прокурор Роберт Ф. Леонард, чьи показания предупреждали о национальном заговоре педофилов и дельцов детской порнографии.

Будучи избранным президентом Национальной ассоциации окружных прокуроров, Леонард смог донести свою обеспокоенность и вдохновить других прокуроров на активное участие в этом деле. Именно эти защитники прав детей, особенно Мартин и Денсен-Гербер, чаще всего цитировались в потоке материалов о детской порнографии и эксплуатации, которые в эти месяцы стали практически обязательными для крупных СМИ. [*8]

Слушания обеспечили превосходный контент для СМИ,

Слушания были прекрасно освещены в СМИ, и наиболее яркими были цитирования названий и сюжетов порнографических журналов и фильмов, само существование которых шокировало подавляющее большинство зрителей и слушателей. Свидетелям предоставили трибуну, с которой они могли рассказать о колоссальных масштабах индустрии детской порнографии и её связях как с организованной преступностью, так и с педофилией. Свидетели связывали коммерческую сексуальную эксплуатацию детей с сексуальным насилием над ними в семье, что подтверждалось обширной статистикой, полученной в то время от движения против изнасилований. Мартин утверждал,

«Ребёнок, который подвергся сексуальному насилию, зачастую обращается к проституции, порнографии, наркотикам или другой криминальной активности». [*9]

Эта связь объясняет, почему движение получило почти единодушную поддержку, не только со стороны моральных консерваторов, но и феминисток и либералов. Критика нового предложенного закона поступала только со стороны

[Страница 124]

Американского Союза Гражданских Свобод, который критиковал её чрезмерно широкое толкование, и от издателя журналов для взрослых Ларри Флинта. Закон прошёл в Палате представителей с перевесом голосов 401 против 0.

Как и в конце 1940х, детозащитное движение подогревалось анти-гомосексуальными настроениями, хотя и в значительно иной правовой среде. Гей-движение получило общественную видимость после протестов Стоунволла в 1969 году, и добилось существенных политических побед в следующем десятилетии, в то время как изображение гомосексуалов в СМИ становилось гораздо более благожелательным. [*10]

Между 1971 и 1976 годами, шестнадцать штатов отменили свои законы о содомии, и к 1980 году ещё шесть штатов или отменили эти законы, или признали их неконституционными. Во многих других штатах, законы о содомии оставались номинально в силе, но были предметом судебных решений, которые делали маловероятным, что они когда-либо будут исполнены.

Американская Психиатрическая Ассоциация отражала новое настроение в 1973 году, когда она удалила гомосексуальность из своего диагностического мануала душевных болезней, и закончила одобрение попыток «излечить» гомосексуалистов.

Хотя гей-движение могло насчитать множество достижений, серия политических событий между 1976 и 1978 годами угрожала возродить старый гомофобный стереотип. Нападение на эксплуатацию детей совпало с самой значительной консервативной кампанией, когда-либо предпринятой с целью обратить вспять социальный и политический прогресс, достигнутый гомосексуалистами, и эти два движения неизбежно способствовали друг другу.

К середине 1970х, некоторые юрисдикции предложили дальнейшее расширение прав геев путём запрета дискриминации по причине сексуальных предпочтений, но антигейские и религиозные активисты использовали кампании с референдумом, чтобы мобилизовать общественную оппозицию. За голосованием 1977 года, отменившим указ о правах геев в округе Дейд, штат Флорида, в течение следующих трех лет последовали избирательные баталии в Миннесоте, Канзасе и других штатах, в то время как в Калифорнии была принята мера, запрещающая пропаганду гомосексуализма в государственных школах.

Консерваторы, такие как Анита Брайант, подчёркивали угрозу для детей, и её зонтичная организация была названа Спасём наших Детей, и в дальнейшем была переименована в Защитим Детей Америки. Хотя организация и стремилась якобы спасти детей от всеобщего морального разложения, её подход раскрывал подтекст: она предполагала, что гомосексуалы будут развращать детей, совершая сексуальные домогательства, превращая жертв в таких же извращенцев, что и они, когда-то называя прозелитизмом. Лозунг, по-видимому, придуманный самой Брайант, гласил: «Гомосексуалы не могут размножаться, поэтому им приходится вербовать». [*11]

Брайант подчёркивала предполагаемую склонность гомосексуалов к детской порнографии и вовлечению в организованные сети педофилов, как утверждало движение Спасём наших Детей,

[Страница 125]

«Департамент полиции Лос-Анджелеса недавно сообщил, что 25 000 мальчиков семнадцати лет или моложе, в одном этом городе были вовлечены в сети гомосексуалов, чтобы обеспечить секс для клиентов - взрослых мужчин».

Другие утверждения заявляли, что антидискриминационные законы положат конец исключению гомосексуалов из организации Старших братьев, подвергая все большее число детей риску растления.

Эта «педофильская повестка» была особенно явной в калифорнийских дебатах. Во время слушаний в Конгрессе в 1977 году, Роберт Леонард сообщил о случае нескольких мужчин, которые вербовали сбежавших из дома мальчиков-подростков как «мужчин-проституток для службы богатым гомосексуалам». Газета *Chicago Tribune* проследила «общенациональную гомосексуальную сеть со штаб-квартирой в Чикаго [которая] занималась торговлей маленькими мальчиками». Неудивительно, что, как отметил Кеннет Вуден, «большинство людей

согласится, что детский секс и порнография это в основном явление, связанное с мужчинами и мальчиками». [*12]

Движение Брайант имело далеко идущие последствия. По иронии судьбы, одним из последствий стал мощный стимул для политического активизма геев, зримым символом которого стал исторический марш на Вашингтон в 1979 году. С консервативной точки зрения, кампания Брайанта стала важнейшим шагом в создании религиозной организации «Моральное большинство», основанной в 1979 году, и в дальнейшем способствовала значительному росту политического активизма христианских фундаменталистов. Педофилия занимала центральное место в антигейской риторике до середины 1980-х годов, когда её в значительной степени вытеснило ещё более эффективное оружие террора - СПИД. [*13]

Политика изнасилований

В то время как консерваторы внесли вклад в новое беспокойство по поводу сексуальных отклонений, также критической была роль феминисток с радикально отличающимися мнениями по существенным вопросам, таким как аборты, сексуальность и добродетели традиционной нуклеарной семьи. Для феминисток, движения против насилия над детьми было прямым следствием кампании против изнасилований, которая формулировала концепции и лексику, ставшую интегральной для детозащитной идеологии.

Ещё в 1965 году, жертва изнасилования Глэдис Шультц опубликовала в *Сколько ещё жертв?* протест против современной ей тривиализации сексуального преступления. Она утверждала, что преступления, такие как изнасилование, было намного более распространены, чем обычно считалось, что сексуальное преступление вызвало тяжелый физический и психический вред (включая и долгосрочную ментальную травму), и что жертвы зачастую включали в себя детей, также, как и женщин. Шультц использовала современные истории настоящих сексуальных извергов, чтобы защитить статью Дж. Эдгара Гувера 1947 года «Насколько в безопасности ваша дочь?»,

[Страница 126]

которая к этому времени стала восприниматься как почти юмористический пример разжигания паники. [*14]

Аргументация Шульц шла вразрез с общепринятыми взглядами на момент публикации ее книги, но в следующем десятилетии она стала общепринятой.

Развиваясь на волне социального радикализма в конце 1960-х годов, женское движение приобрело мощный общественный голос, и обеспокоенность проблемой сексуального насилия быстро росла: около 1972 года появились группы «Женщины против изнасилований» (ЖПИ), а в 1973 году Национальная организация женщин (НОЖ) создала целевую группу по борьбе с изнасилованиями.

Этот вопрос привёл феминистское движение к острому конфликту с гедонистическими и либертарианскими ценностями альтернативной левой культуры, из которой оно возникло. Для других радикалов сексуальное освобождение было безусловным благом, способствующим революционным преобразованиям общества. Однако для феминисток сексуальный гедонизм вёл к изнасилованиям и эксплуатации и непосредственно способствовал социальному угнетению; что касается порнографии и сексуальности несовершеннолетних, сексуальное выражение должно регулироваться для защиты обездоленных.

С точки зрения феминисток, изнасилование - это сексуальный терроризм, направленный против женщин как коллективной группы, подобно тому, как линчевание исторически применялось для подчинения целой расы. Изнасилования и сексуальные нападения были гораздо более частыми, чем можно было предположить по официальным данным, но перед лицом этого структурного кризиса полиция, СМИ и общественность были настолько недоброжелательны, что фактически поощряли эти преступления. Общественное мнение предполагало, что женщины регулярно выдумывали ложные обвинения, «напрашивались на это» своим безответственным поведением и практически не страдали от нападений.

Жертвы, сообщавшие в полицию об изнасилованиях, сталкивались с неловкими задержками в полицейском участке в ожидании врачей, которые должны были взять анализы, необходимые для доказательства. В суде жертвы подвергались навязчивым вопросам об их сексуальной жизни, цель которых была доказать их дурной характер и сексуальную безответственность. Не желая подвергать себя испытанию «второго изнасилования», многие женщины отказывались подавать заявления. [*15]

Серия книг, касающихся проблемы изнасилования оживила ранние идеи о серьёзности и распространённости сексуальной преступности, и

опасности преступников. Один из провокационных заголовков 1974 года был *Политика изнасилования: Перспектива жертвы*, Дианы Э.Х. Рассел: идея, что преступление, такое как изнасилование, может быть политическим феноменом была неотъемлемой частью феминистской идеологии, но эта книга отображала существенный сдвиг в общественном взгляде на сексуальную преступность. В отличие от сочинений 1940х годов, акцент делался на жертве, с точки зрения как её личных страданий, так и её мобилизации с другими жертвами как

[Страница 127]

Средство достижения социальных изменений. Феминистские темы были популяризованы национальными и местными группами давления, и кризисными центрами изнасилований, которые появились в большинстве городских агломераций. [*16]

Активисты против изнасилований обеспечили существенные изменения как в законе, так и в полицейской практике, продвигая реформы, которые исходили из предположения о правдивости показаний женщин-истцов. Между 1971 и 1975 годами, многие штаты изменили свои законы, чтобы отменить требования физического подтверждения в делах об изнасилованиях, и сократить способность стороны защиты предоставлять доказательства о предыдущей сексуальной истории женщины; специализированные подразделения полиции по расследованию дел об изнасилованиях были созданы в крупных городах. Суды также расширили определение изнасилования, чтобы включить недобровольные половые акты, совершённые парнями или мужьями. [*17]

Реформаторы создали новую среду, в которой жертвы были бы более подготовлены к сообщению о преступлениях и подаче жалоб в прессу, увеличив вероятность, что дела будут рассмотрены до вынесения обвинительного приговора: число изнасилований, о которых ежегодно сообщалось в Соединённых Штатах, выросло с 22,467 в 1965 году, до 55,400 в 1974, и более чем 76,000 в 1979; К 1990 году, число превысило 100,000.

Сексуальное насилие над детьми

Проблема изнасилований была важной для повторного открытия проблемы сексуальных преступлений против детей. В 1971 году, Флоренс Раш сделала историческую презентацию на Конференции по изнасилованиям Нью-йоркских радикальных феминисток, в которой он

объявил, что эти преступления были намного более распространёнными, чем предполагалось. Насилие

"разрешено, потому что это негласный, но заметный фактор в социализации и подготовке женщины к принятию подчинённой роли: чувствовать себя виноватой, пристыжённой, и терпеть, через страх, власть, которую мужчины имели над ней".

Раш была ключевой фигурой: старше большинства женских активистов (она родилась в 1918 году), она пережила более раннюю волну сексуальных преступлений и эру Кинси, и действовала как мост из того времени в 1970е годы. [*18]

Её работа с Обществом предотвращения жестокого обращения с детьми сделало её проводником из традиции социальных работников к новому феминизму, который может объяснить, почему новое движение склонялось к возрождению термина *насилие* в сексуальном контексте. Это может быть также первым зафиксированным случаем, в котором презентация сексуального насилия начиналась с рассказа о личной истории о виктимизации. В течение нескольких лет часто цитируемые высказывания Раш были наиболее доступным феминистским анализом проблемы растления малолетних, что сделало ее выступление таким же эпохальным для своего времени, как статья Трэвиса Гибба в 1890-х годах.

В ответ на наблюдения в женских приютах и кризисных центрах для жертв изнасилования

[Страница 128]

и отчасти из-за пристального внимания к детской порнографии и проституции, феминистская активность и исследования, начавшиеся в середине 1970-х годов, сосредоточили внимание на более молодых жертвах.

Теоретики, такие как Диана Рассел и Энн Берджесс, расширили сферу своих исследовательских интересов, перейдя от изнасилования взрослых женщин к виктимизации несовершеннолетних, а для Джудит Херман инцест между отцом и дочерью стал «парадигмой сексуальной виктимизации женщин».

К концу десятилетия появилась обширная литература по проблеме сексуального насилия над детьми, подобно тому как несколькими годами ранее резко возросло количество работ по изнасилованиям: в

1977 году было опубликовано лишь несколько книг о сексуальном насилии над детьми, написанных профессионалами или активистами, но вскоре последовал взрыв исследований и публикаций.

В период с 1978 по 1981 год появилось несколько новаторских книг, среди которых:

- *Сексуальное насилие над детьми и подростками*
- *Дети жертвы сексуального насилия*
- *Предательство невинности*
- *Самый тщательно оберегаемый секрет, и*
- *Инцест между отцом и дочерью.*

К середине 1980-х годов в обширной литературе обсуждались ранее игнорируемые или недооцениваемые вопросы, такие как последствия насилия для жертв, их лечение и реабилитация, а также создание эффективных программ профилактики и сдерживания. Растущая литература о растлителях или педофилах вновь подчеркнула компульсивный и опасный характер этого поведения. [*19]

Новое мировоззрение отражало меняющиеся акценты в терапевтических профессиях, и институциональная основа для изучения жестокого обращения с детьми возникла в специализированных клиниках и в некоторых университетских отделениях, занимающихся социальной работой и социальными проблемами. Из существующих традиций социальной работы, терапии и консультирования развилась своего рода самостоятельная профессия, занимающаяся проблемой жестокого обращения с детьми, и вскоре появились связанные с ней общества, конференции и журналы.

В 1976 году международный конгресс заложил основу для нового Международного общества по предотвращению жестокого обращения с детьми и пренебрежения ими, а его журнал «Child Abuse and Neglect» существует с 1977 года; и общество, и журнал во многом обязаны поддержке К. Генри Кемпе, который был ведущей фигурой в открытии проблемы жестокого обращения с младенцами. 1979 год ознаменовался первой в Америке национальной конференцией, посвященной теме сексуального насилия над детьми. [*20]

Исследования финансировались новыми официальными агентствами, а исследования Рассела о случаях изнасилований и инцеста финансировались как NCCAN, так и Национальным институтом психического здоровья. Федеральная поддержка усилилась при

администрации Рейгана, что еще раз подтверждает соответствие между консервативными программами и делом защиты детей.

В 1984 году недавно созданный Национальный центр по розыску пропавших и подвергшихся эксплуатации детей (NCMEC) стал ведущей силой в распространении экстремальных заявлений об

[Страница 129]

угрозе жизни и здоровью детей. В том же году Министерство юстиции США спонсировало национальный симпозиум по проблеме растления детей, а вопросы расследования и преследования случаев жестокого обращения с детьми стали приоритетными направлениями финансирования Национального института юстиции. [*21]

Поскольку проблема жестокого обращения с детьми стала предметом пристального внимания, выделение дополнительных ресурсов на это дело оказалось политически выгодным, и в 1986 году Закон о защите детей предоставил федеральные гранты на программы, направленные на улучшение судебного преследования по делам о жестоком обращении с детьми и пренебрежении ими.

Повышение осведомленности об этом явлении увеличило вероятность того, что о случаях сексуального насилия над детьми будут сообщать, что, в свою очередь, повысило осведомленность о проблеме и стимулировало официальные расследования и сообщения.

В Массачусетсе закон об обязательном сообщении о случаях жестокого обращения с детьми, принятый в 1983 году, привел к огромному увеличению числа дел, дошедших до сведения властей, — к концу десятилетия в отдельных округах этот показатель вырос в двадцать-тридцать раз. В период с 1976 по 1986 год количество ежегодных сообщений о жестоком обращении с детьми и пренебрежении ими по всей территории Соединенных Штатов выросло с 669 000 до более чем 2 миллионов, а в 1993 году — до 2,9 миллионов; однако более 60 процентов из них были признаны необоснованными.

Число сообщений о *сексуальном* насилии выросло в восемнадцать раз в период с 1976 по 1985 год. Американская ассоциация защиты Humane зафиксировала менее двух тысяч случаев сексуального насилия в 1976 году, но почти 23 000 в 1982 году. [*22]

Активисты предположили, что рост отражает реальное увеличение числа таких случаев. Глава Фонда защиты детей в 1994 году написал, что

«около трех миллионов [детей] в год, по сообщениям, подвергаются пренебрежению, физическому или сексуальному насилию, что *втрое больше*, чем в 1980 году»,

а сенатор Кристофер Додд охарактеризовал огромный рост числа сообщений как «тревожный показатель того, как наши дети страдают от социальных проблем».

В 1990 году Лига защиты детей Америки разместила в газете *New York Times* полностраничную рекламу, в которой сообщалось, что «с 1981 года число случаев жестокого обращения с детьми выросло на 80 процентов, сексуального насилия над детьми — на 277 процентов, а число смертельных случаев от насилия — на 36 процентов». [*23]

Слово *эпидемия* подразумевало неконтролируемое распространение и геометрический рост болезни.

То, что официальные данные игнорировали огромную, скрытую цифру незарегистрированных случаев насилия, было аксиомой. С самых первых дней движения против изнасилований опросы женщин и девочек подтвердили, что сексуальное насилие широко распространено и может проявляться в форме насилия в детстве, изнасилования на свидании или насильственного нападения со стороны незнакомца. В случае растления детей очень высокие оценки были обычным явлением задолго до того, как появились достоверные данные опросов, подтверждающие их, и большинство цифр были взяты из сомнительных исследований Кинси с их крайне нерепрезентативными выборками: в

[Страница 130]

1977 году журнал *Ms.*, ссылаясь на Кинси, утверждал, что «каждая четвертая девочка в Соединенных Штатах подвергнется сексуальному насилию в той или иной форме до достижения восемнадцатилетнего возраста».

Эти цифры постепенно получили подтверждение в более надежных эмпирических исследованиях. Опрос студентов колледжей Новой Англии 1979 года показал, что 19 процентов опрошенных женщин и 9 процентов мужчин подвергались сексуальному насилию до восемнадцати лет, и хотя эти цифры казались высокими, они были ничтожно малы по сравнению с более поздними оценками.

Влиятельное исследование Рассела показало, что 38 процентов девочек подвергались сексуальному насилию до восемнадцати лет, 28 процентов

— до четырнадцати. В 1985 году газета Los Angeles Times сообщила об опросе, показавшем, что «по меньшей мере 22 процента американцев стали жертвами сексуального насилия в детстве».

Это послужило основанием для следующего утверждения Лиги родителей США: «Подумайте о пяти детях, которых вы знаете. Один из них станет жертвой насилия в детстве». В итоге в СМИ пришли к единому мнению: насилие затронуло от 20 до 30 процентов детей в какой-то момент их жизни. В одном из пособий утверждалось, что «более сорока миллионов человек (или каждая шестая американка) подверглись сексуальному насилию», а психотерапевт Э. Сью Блум заявляла, что «вполне вероятно, что более половины всех женщин пережили сексуальную травму в детстве». В 1955 году инцест, по оценкам, затрагивал каждую миллионную американскую девочку; в 1986 году этот показатель был пересмотрен, и он достиг феноменальных 160 000 случаев на каждый миллион. [*24]

Исследования подвергались критике из-за несостоятельности определения насилия. Хотя феминистки справедливо критиковали юридические определения насилия, которые игнорировали действия, не являющиеся полноценным половым актом, новый подход превратил насилие в вопрос субъективного определения и размыл различия между насильственными или инцестуозными нападениями и такими действиями, как эксгибиционизм. Фактически, эти трудности напоминали проблемы литературы полувековой давности, которая аналогичным образом не проводила различия между степенями сексуальных преступлений и рассматривала все как одинаково травмирующие.

Формы сексуального насилия, перечисленные в книге-бестселлере *Мужество исцелиться* (часть нового жанра восстановительной литературы) включало в себя не только изнасилование и принуждение к оральному сексу, но также

- быть «принужденным слушать сексуальные разговоры»
- «когда тебя ласкали, целовали или обнимали так, что это вызывало у тебя дискомфорт», и
- ощущение, что тебя «окутали таким образом, что это показалось тебе неуместным»;

Если подобные действия происходили в семейной обстановке, они квалифицируются как инцест. Более того, читателям было сказано: «Насилие определяется вашим детским опытом — вашим телом, вашими

чувствами, вашей душой»; «некоторые виды насилия даже не являются физическими». [*25] Исходя из этих критериев, было бы удивительно, если бы о случаях инцеста и насилия не сообщалось в таком большом количестве.

[Страница 131]

Вопрос об определении всегда является центральным. Например, среди случайной выборки из 930 женщин в Сан-Франциско, интервьюированных в 1978 году, Рассел выявила 647 случаев «сексуального насилия над детьми», но она дала очень широкое определение поведения.

- «Инцестуозное» насилие было «любой формой эксплуатирующего сексуального контакта или попытки сексуального контакта, которая произошла между родственниками, вне зависимости от степени родства, до достижения жертвой восемнадцати лет
- Под «внесемейным» насилием понималось «одно или несколько нежелательных сексуальных контактов с лицами, не связанными кровным родством или браком, начиная от попыток ласки (прикосновение к груди или гениталиям или попытки таких прикосновений) до изнасилования, совершенных до достижения жертвой четырнадцатилетнего возраста, а также завершенных или попыток насильственного изнасилования в возрасте от 14 до 17 лет (включительно)».

Выводы основывались на субъективном восприятии того, что следует считать за «попытку» или «эксплуатирующее» поведение: хотя многие из упомянутых действий могли быть незначительными или спорными, данные Рассела были неверно процитированы, чтобы предположить, что 40 процентов детей подвергались изнасилованиям и самым ужасающим видам сексуального насилия, а одна шестая — инцесту. [*26]

Более того, исследование проводилось в городе, где в то время уровень феминистского самосознания был сравним лишь с немногими другими, а выборка населения была исключительно готова интерпретировать действия как насилие.

Эти оговорки остались практически незамеченными, когда результаты исследования Рассела были опубликованы и проникли в массовую культуру. В одной из недавних книг утверждается, что инцест является

«очень распространенной частью жизни многих детей: каждая третья девочка, каждый седьмой мальчик».

Данная цифра получена путем классификации всех сомнительных форм сексуальной активности внутри семьи как *инцеста*, термина, который в общепринятом употреблении по-прежнему обозначает половой акт.

НСМЕС заявляет:

«Многие виды сексуальной эксплуатации детей — изнасилования, домогательства, проституция, порнография — распространены в нашем обществе. По меньшей мере 22 процента американцев сообщают о том, что в детстве подвергались сексуальному насилию в той или иной форме — например, половому акту, ласкам, содомии или столкновению с эксгибиционистом». [*27]

Цифра в 22 процента точно отражает число американцев, которые в одном опросе сообщили о том, что подверглись той или иной форме насилия, хотя контекст подразумевает, что это доля людей, ставших жертвами изнасилования или содомии.

Несмотря на все свои недостатки, эти количественные утверждения получили подтверждение благодаря прецеденту физического насилия. Раньше бы яростно отрицали, что десятки тысяч детей становятся жертвами насилия в своих домах, но теперь этот факт был широко принят. Подобное отрицание могло бы первоначально помешать признанию опасности сексуального насилия, но и здесь

[Страница 132]

проблема подтвердилась бы. Практические последствия были ошеломляющими. Если 30 или 40 процентов всех детей подвергаются насилию, то эта цифра должна относиться к населению, попадающему в поле зрения любого учителя, врача или психолога, и, конечно же, ни одно учреждение не обнаруживало ничего подобного. Для некоторых это означало, что специалисты недостаточно активно выявляют случаи насилия, и что бесчисленные жертвы скрывают преступление как от внешнего мира, так и от самих себя; средством от этого всеобъемлющего отрицания стала разработка методов расследования и терапии, которые подтверждали бы количественные утверждения.

Пропавшие и убитые

Начиная с конца 1970-х годов, скандалы и новостные сообщения подкрепляли идею об общей опасности не только для нравственного благополучия детей, но и для их жизни в целом. В период с 1979 по 1981 год СМИ уделяли значительное внимание затянувшемуся делу об убийствах детей в Атланте, похищениям и убийствам юных Адама Уолша и Этана Патца, а также сексуальным убийствам детей и подростков, совершенным печально известными серийными убийцами, такими как Джон Уэйн Гейси и Рэнди Крафт.

Последние случаи стали заметными в антигейской полемике, поскольку сосредоточение внимания на «серийных убийцах-геях» приводило к смешиванию гомосексуалов с педофилами и убийцами детей. Страх перед убийствами детей слился с общей паникой по поводу пропавших и похищенных детей, в которой утверждалось, что тысячи детей ежегодно становятся жертвами похитителей.

В 1985 году директор Национального центра по розыску пропавших детей (NCMEC) заявил, что «по меньшей мере от двадцати до пятидесяти тысяч детей ежегодно похищаются в Соединенных Штатах и больше никогда не появляются на свет»,

хотя другие оценки указывают на цифру ближе к 1,5 миллионам. В 1982 году Сенат США объявил 25 мая Национальным днем пропавших детей. Влияние постоянного потока ужасающих историй подтверждается резким пиком новостных сообщений в 1982 году, касающихся предполагаемых случаев садизма на Хэллоуин, когда, как утверждалось, детские угощения были отравлены или испорчены. [*28]

Завышенные цифры получили подтверждение благодаря усилиям защитников прав детей, которые часто давали показания на официальных слушаниях. Среди главных активистов были Джон Уолш, отец Адама Уолша; сенатор от Флориды Паула Хокинс, которая рассказала, что в детстве подвергалась сексуальному насилию; и Кеннет Вуден, который в 1977 году выпустил новаторское разоблачение «Детская порнография» в программе *60 минут*. В течение следующего десятилетия роль Вудена как продюсера новостных программ, таких как *60 минут* и *20/20*

[Страница 133]

предоставила ему уникально мощную платформу для предупреждений об убийцах и похитителях детей. [*29]

При поддержке влиятельных сенаторов, таких как Пол Саймон из Иллинойса и Арлен Спектер из Пенсильвании, эти люди стали заметными представителями законодательства, направленного на защиту детей от убийств и сексуального насилия путем расширения роли федеральных властей в поиске пропавших и подвергшихся эксплуатации детей.

В период с 1981 по 1985 год федеральные слушания выявили якобы взаимосвязанные проблемы детской порнографии и педофилии, серийных убийств и пропавших детей (Таблица 6.1).

Таблица 6.1. Официальные расследования угроз в отношении детей, 1981-1984 гг.
1981

Ноябрь

Слушания по Закону о пропавших детях в Комитете Палаты представителей по гражданским и конституционным правам.

1982

Апрель-Декабрь

Слушания по делам пропавших без вести и подвергшихся эксплуатации детей проходят в Подкомитете по делам несовершеннолетних Судебного комитета Сената; председатель — Арлен Спектер. Среди свидетелей — Паула Хокинс и Джон Уолш.

1983

Февраль

Слушания по делу о похищении детей в подкомитете Спектера.

Июль

Слушания по делу о серийном убийстве в подкомитете Спектера. Среди свидетелей - Джон Уолш и Паула Хокинс.

Сентябрь

Первый арест в дошкольном учреждении Макмартин в Манхеттен-Бич, Калифорния. Дело о массовом насилии над детьми начинается в Джордане, Миннесота.

Октябрь

Министерство юстиции обнародовало мнение о том, что серийные убийства представляют собой серьезную и растущую опасность.

1984

Февраль-Март

Слушания по Закону о помощи пропавшим детям в рамках процедуры раскрытия информации в подкомитете Спектера.

Март

Аресты в рамках дела о дошкольном учреждении МакМартин привлекли внимание всей страны.

Репортажи Кеннета Вудена в программе ABC 20/20 посвящены убийствам и исчезновениям детей.

Весна-Лето

Внимание всей страны сосредоточено на расследовании массовых издевательствах в Джордане.

Апрель

Джон Уолш и Кеннет Вуден дают показания перед Комитетом Палаты представителей по вопросам людских ресурсов по Закону о помощи пропавшим детям.

Май

В суде перед подкомитетом Спектера проходят слушания по делам жертв сексуального насилия над детьми. Среди свидетелей - Ки Макфарлейн и Лаэль Рубин, обе участвовавшие в расследовании дела МакМартина, а также Паула Хокинс.

Август

Подкомитет Спектера начинает слушания по вопросам порнографии, жестокого обращения с детьми, растления детей и проблем поведения в отношении женщин.

Октябрь

Принят Закон о помощи пропавшим детям; создан Национальный центр по розыску пропавших и подвергшихся эксплуатации детей.

Ноябрь

Слушания по делу о детской порнографии и педофилии в постоянном подкомитете Сената по расследованиям.

[Страница 133 (продолжение)]

Уолш сравнил проблему пропавших детей с проблемой серийных сексуальных убийц:

«Мы обнаружили, что число случайных нераскрытых убийств женщин и детей в этой стране выросло с 600 в 1966 году до 4500 в 1981 году».

(В распространенном вскоре мифе серийные убийцы ежегодно убивали четыре-пять тысяч человек, что как минимум в десять раз завышало реальное явление.)

Каждый час, по словам Уолша, в Соединенных Штатах сообщалось о пропаже 205 детей (что составляло 1,8 миллиона случаев в год), и многих из них находили убитыми. Вуден, как известно, сказал своей аудитории в Конгрессе:

«С детьми в Америке обращаются как с мусором. Их насилюют и убивают, их юные тела выбрасывают в пластиковые пакеты, в мусоровозы и оставляют на городских свалках».

Спектер согласился: «Насилие над детьми достигло масштабов эпидемии». Обвинения подпитывали сами себя: череда свидетелей часто обеспечивала хорошие материалы для СМИ, что повышало осведомленность общественности о проблеме и, в свою очередь, увеличивало политические и бюрократические выгоды для отдельных лиц и учреждений, выдвигающих эти обвинения.

После десятилетия ожесточенной враждебности к расширению федеральных полномочий в сфере правоохранительной деятельности Министерство юстиции наконец-то заручилось поддержкой более активной межштатной роли в борьбе с этой угрозой со стороны серийных убийц и, возможно, со стороны лиц, совершающих «изнасилования, растление несовершеннолетних, поджоги и взрывы». [*30]

Хотя обычно обвинения выдвигались подкомитетом Сената по судебным делам, созданным самим Спектером, другие комитеты и следователи последовали его примеру, и заявления прозвучали еще до специального расследования порнографии, инициированного генеральным прокурором Эдвином Мизом в 1985 году.

К этому моменту в средствах массовой информации почти ежедневно цитировались очень высокие оценки масштабов похищения детей, насилия и серийных убийств. Лишь постепенно журналисты и ученые начали оспаривать эту статистику, часто сводя заявления к ничтожной доле от их первоначального масштаба. Оглядываясь назад, хорошо информированный эксперт ФБР заметил, что более ранние заявления можно было проследить до «средств массовой информации, спекулянтов и благонамеренных фанатиков». [*31]

[Страница 135]

Изнасилования отцами

Хотя мало кто сомневался в истинности поразительной статистики сексуальной эксплуатации, существовали разногласия по поводу личности преступников. На слушаниях в Конгрессе гнев был направлен против незнакомцев — педофилов и насильников, убийц и членов педофильских группировок — и именно эти цели были определены как консервативными активистами, так и правоохранительными органами.

Однако в профессиональной литературе фокус внимания сместился с незнакомцев на членов семьи, наиболее распространенным местом нападений которых были безлюдные парки и общественные туалеты, а также дома. Проблема заключалась в инцесте, а не в изнасиловании незнакомцами. Представления об опасности для интимной близости появились в профессиональной литературе еще в 1960-х годах, когда Гебхард и его коллеги заметили: «Вопреки общему мнению и родительским опасениям, кажется, что незрелая женщина более уязвима для взрослых друзей и знакомых, чем для мифических незнакомцев, скрывающихся в тени».

Как подтвердили исследования Американской ассоциации защиты Humane, педофилами были соседи или знакомые семьи, чьи действия отражали скорее оппортунизм, чем тщательное планирование или преследование. [*32]

Феминистки сделали эту доктрину интимной опасности центральной в своих анализах сексуальных преступлений. В 1975 году, Сьюзан Браунмиллер в своём классическом исследовании изнасилования, книге *Против нашей воли*, добавила раздел, посвящённый частоте «изнасилования отцами» как часть «абсолютной диктатуры отцовского правления», и в течение кризиса, вызванного детской порнографией в 1977 году, журнал *Ms.* опубликовал статью, озаглавленную «Инцест: сексуальное насилие начинается дома».

Разрушительные последствия инцеста были исследованы в книге 1979 года *Предательство невинности*, и также в целом ряде статей в журналах, вроде *Ladies' Home journal*. Примерно в это время 16 процентов опрошенных Рассел сообщили о случаях инцеста до восемнадцати лет — 4,5 процента от общего числа случаев были совершены отцами, остальные — в основном дядями, братьями и двоюродными братьями. В 1980-х годах в литературе, посвященной проблеме насилия, все чаще отмечалась деятельность символических отцов, включая священнослужителей и других мужчин, обладающих авторитетом и близких к семье. К 1984 году Кэтрин Брэди, пережившая инцест, могла сказать комитету Спектера:

«В Америке эпидемия инцеста... Каждая четвертая девочка в Америке, не достигнув тринадцати лет, подвергается сексуальному насилию со стороны отцов, отчимов и дядей». [*33]

Феминистские работы на тему изнасилования опирались на автобиографию как средство, позволяющее женщинам обсуждать свой опыт и помогать другим, пострадавшим подобным образом, и этот жанр

произведений выживших был подхвачен набирающим силу движением против инцеста и жестокого обращения с детьми. Книга Луизы Армстронг *Поцелуй папу на ночь* (1978) стала новаторским произведением в рамках движения «Выскажись об инцесте», и она

[Страница 136]

вышла в том же году, что и мрачный рассказ о физическом насилии и эмоциональном пренебрежении в фильме Кристины Кроуфорд *Дорогая мамочка*, экранизированном в 1981 году. Обе книги подчеркивали наличие жестокого обращения с детьми в среде среднего или высшего класса, где это редко замечалось органами защиты детей. Мемуары, рассказывающие об инцесте, теперь множились, среди них *Дни отца* Кэтрин Брэди (1979) и сборник эссе *Я никому не рассказывала* (1983). Эти работы подтвердили феминистскую точку зрения на патриархальную семью как на место гендерных конфликтов и эксплуатации, как на среду сексуального насилия и домашнего насилия. [*34]

Если до конца 1970-х годов невообразимо масштабная эпидемия сексуального насилия в семье оставалась незамеченной, то феминистское движение совершило подлинную революцию в своей атаке на повсеместную скрытность патриархального общества. Образы секретности и разоблачения нашли отражение в названиях книг, которые теперь стали появляться один за другим от издателей:

- *Самый охраняемый секрет* Флоренс Раш (1980)
- *Заговор молчания* Сандры Батлер (1978)
- *Секретная травма* Дианы Рассел (1986)
- *Скрытые жертвы* Роберта Гейзера (1979) [*35]

Для активистов «отрицание» было публичным скандалом, немногим менее ужасным, чем само сексуальное насилие.

Утверждения о распространении сексуального насилия перекликались с идеями конца 1940-х годов, но между двумя эпохами существовали существенные различия. Хотя наблюдатель из более раннего периода без труда мог бы понять сексуального психопата, подобного Джону Уэйну Гейси, большая часть современной литературы о сексуальных преступлениях подчеркивала деятельность не исключительно злых существ, а вполне обычных мужчин, которые часто были буквально частью семьи.

Представления о мотивации сексуальных преступников трансформировались. В прежние годы считалось, что насильники и

педофилы обладают не только аномально высоким сексуальным влечением, но и низким социальным статусом и плохими навыками межличностного общения, что мешало им удовлетворять свои желания посредством добровольного взаимодействия. Даже в 1940-х годах некоторые писатели рассматривали изнасилование и насилие как проявление власти, агрессии и жестокости, но это было сугубо мнением меньшинства до 1970-х годов, когда феминистки подчеркнули, что преступники мало чем отличаются от обычных мужчин в своих сексуальных желаниях.

Активисты отрицали, что изнасилование является сексуальным преступлением. При соответствующих обстоятельствах любой мужчина, подвергавшийся постоянному потоку сексуальных и женоненавистнических посланий со стороны общества и СМИ, мог стать самым жестоким эксплуататором. Для феминисток сексуальные преступления происходят не из-за отклонений в патологических личностях, а из-за патриархальных идеологий общества в целом,

[Страница 137]

и неприемлемо предполагать какую-либо степень попустительства или провокации со стороны жертвы. По мнению Рассела, распространенность насильственных преступлений

«указывает на критическую проблему в коллективной мужской психике, которая оказывается смертельно опасной как для женщин, так и для мужчин... Представление о мужественности в этой культуре, особенно в том, как оно применяется к мужской сексуальности, предрасполагает мужчин к насилию, изнасилованиям, сексуальным домогательствам и сексуальному насилию над детьми».

Действительно, «мужчины воспитываются с хищническим подходом к получению сексуального удовлетворения». [*36]

В 1951 году в своей обличительной речи Говард Уайтмен изобразил женщин и детей как людей, сталкивающихся с повсеместной угрозой со стороны сексуальных преступников, но ни один из десятков описанных им конкретных случаев не касался нападений со стороны близких людей: практически каждый случай был списан на бродягу или незнакомца, который был педофилом или психопатом.

В новой точке зрения женщины и девочки подвергались наибольшему риску со стороны мужчин, которых они не только знали, но, вероятно, имели с ними близкие отношения. Негативное представление о том, что

«каждый мужчина — потенциальный насильник», подтвердилось, когда Браунмиллер показала, как случайно выбранные мужчины становились сексуальными эксплуататорами, когда представлялась такая возможность (в её исследовании — во время войны или в тюрьме).

К 1991 году газета *New York Times* сообщала как общепринятый факт, что «немногие [насильники] являются сексуальными отступниками, движимыми ненавистью; большинство — обычные мужчины, действующие импульсивно». Вопрос о зарегистрированных сексуальных преступлениях заключался не столько в том, почему они происходили, сколько в том, почему так мало из миллионов случаев привели к официальному сообщению, аресту и осуждению.

К 1986 году Ширли О'Брайен могла написать: «По консервативным оценкам, сегодня в Соединенных Штатах насчитывается четыре миллиона педофилов».

Эта оценка расширяет значение термина *растлитель* от его обычного значения как мужчины, который неоднократно совершает насилие над детьми, до любого мужчины, когда-либо совершавшего подобное деяние; другие авторитетные источники расширили это определение еще больше. Доктор Джин Абель, эксперт по лечению сексуальных преступников, высказал мнение, что «педофилы составляют один процент населения; это означает наличие 1,8 миллиона педофилов в Соединенных Штатах». [*37]

Сексуальные маньяки были гораздо более распространены, чем мог себе представить даже Дж. Эдгар Гувер.

Мнения о потенциальном вреде, причиняемом сексуальным насилием, изменились столь же резко, как и оценки его распространенности. Хотя распространенная модель растления выходила далеко за рамки простого обнажения или ласкания и могла включать анальное или генитальное изнасилование, даже менее серьезные виды контакта считались губительными. Пренебрежительные комментарии, подобные тем, что высказывал Таппан, теперь казались бессердечными, поскольку новая точка зрения утверждала о разрушительных и пожизненных последствиях даже кратковременных или изолированных сексуальных домогательств, совершенных в отношении несовершеннолетних, хотя исследователи были далеки от единодушия в том, что такие действия

[Страница 138]

причиняют тот крайний, долгосрочный вред, о котором говорили активисты. Опять же, корни этих изменений можно найти в отчете Американской кардиологической ассоциации 1969 года, в котором утверждалось, что даже там, где жертвы якобы способствовали растлению, все еще наблюдались признаки серьезных долгосрочных последствий. [*38]

Изменение отношения к проблеме предполагает термин «выживший», применяемый к жертвам изнасилования, инцеста или сексуального насилия, подразумевающий, что они пережили испытание, сравнимое с катастрофой или убийством, и что этот опыт определит большую часть их дальнейшей жизни; до этого термин чаще всего использовался в контексте людей, переживших рак, тех, кто преодолел болезнь. Риторика выживания обезоруживала потенциальную критику в адрес жертвы и требовала общественного сочувствия; кроме того, описание человека как «выжившего» подразумевает, что другим не посчастливилось сохранить жизнь. После середины 1980-х годов, в рамках того, что можно рассматривать как вторую волну движения против сексуального насилия, оказание помощи жертвам инцеста стало рассматриваться как важнейшая обязанность терапевтических профессий.

Убеждение в длительном вреде, причиняемом насилием, способствовало повышению общественной и политической осведомленности о проблеме и ощущению неотложности в поиске решений. Считалось, что жертвы насилия подвержены высокому риску стать несовершеннолетними правонарушителями или взрослыми насильственными преступниками. Терапевты утверждали, что дети, подвергшиеся насилию, часто сами становятся насильниками или жёнами насильников, потворствуя преступлениям против нового поколения детей. Представление о том, что жертва насилия становится насильником, получило название «вампирической» теории, являющейся примером образа чудовищности и заразного зла, столь часто встречающегося в литературе о сексуальных преступлениях. [*39] Когда этот образ был связан с оценкой того, что серийные педофилы нападали на большое количество жертв за свою карьеру, последствия оказались ужасающими.

Импульс

Идеи, распространявшиеся в профессиональной и активистской литературе, получили широкое распространение благодаря многочисленным статьям в средствах массовой информации в период

стремительного изменения ценностей в медиапространстве. Во многих источниках новостей наблюдался сдвиг в сторону сенсационного освещения: крупные телеканалы начали предлагать новостные программы, созданные по образцу таблоидной прессы, ток-шоу, затрагивающие непристойные темы, и документальные фильмы о реальных преступлениях, стирающие границы между фактами и вымыслом, а местные новостные станции последовали примеру сетевых программ. В 1984 году высоко оценённый документальный фильм NBC *Тихий*

[Страница 139]

позор представил апокалиптическое разоблачение опасностей жестокого обращения с детьми, детской порнографии и проституции, и шоу было высоко оценено на слушаниях в Конгрессе за повышение осведомленности общественности об этих проблемах. [*40]

Телевизионные фильмы служат полезным индикатором меняющегося восприятия социальных проблем и угроз. В большей степени, чем кинопродукция, эти фильмы часто адаптированы к актуальным модным темам, и промежуток между конкретным инцидентом или возмущением и выходом телевизионного фильма, посвященного ему, может составлять всего несколько месяцев. Хотя критическая оценка этих фильмов неоднозначна, с пренебрежительными замечаниями по поводу их рабского отношения к «жертве месяца», огромная аудитория, которую они иногда привлекают, говорит о том, что продюсеры точно оценивают общественные вкусы. В 1970-х годах популярные телевизионные фильмы отражали современные страхи по поводу изнасилования (*Дело об изнасиловании*, 1974) и насилия над детьми (*Мэри Джейн Харпер плакала прошлой ночью*, 1977).

В различных вариациях проблема жестокого обращения с детьми оставалась неизменной для этого жанра на протяжении следующего десятилетия. Номинированный на премию «Эмми» фильм *Падший ангел* (1981) задал тон для последующих работ, рассказав о, казалось бы, доброжелательном друге семьи, который оказывается скрытым педофилом и детским порнографом.

В октябре 1983 года, передача *Адам* на канале NBC драматизировала дело Адама Уолша и подчеркнула актуальность исследования, показав в связанном с ним сюжете о судьбе пропавших детей. В начале 1984 года в фильме *Что-то об Амелии* исследовалась тема инцеста в внешне респектабельной семье среднего класса, которая была вновь затронута в фильме *Дети не говорят* (1985). Реакция общественности на эти

публикации была ошеломляющей, особенно на историю *Амелии*, что привело к тысячам телефонных звонков с сообщениями о пережитом насилии. [*41]

Почувствовав удачу, телеканалы продолжали освещать темы, связанные с насилием: фильм *Убийство ребенка в Атланте* (1985) напомнил зрителям об опасностях серийных убийств детей, а сексуальная эксплуатация сбежавших детей стала темой фильмов *Дети ночи* (1985), *Дети Таймс-сквер* (1986) и *Герои Южного Бронкса* (1986). Попытки выявить и задержать педофилов стали темой фильмов 1986 года *Когда ветка ломается* и *Крик ребенка*.

Кстати, ни в одном из этих произведений герой не принадлежал к традиционному составу полицейских или детективов: в обоих произведениях разоблачались случаи жестокого обращения с детьми, соответственно, детским психологом и социальным работником. В кинотеатрах популярным фильмом 1984 года был *Кошмар на улице Вязов*, в котором фигурировал демонический образ Фредди Крюгера, растлителя детей, убитого группой матерей-мстительниц, но вернувшегося из могилы, чтобы отомстить живым.

[Страница 140]

Изменение восприятия проблемы отражается в формулировках, используемых для сообщения о сексуальных преступлениях против детей. К концу 1960-х годов в *Readers' Guide* сексуальные действия против детей были отнесены к категории «растление детей», в то время как термин «насилие над детьми» обозначал физическое насилие и был связан с термином «жестокость по отношению к детям».

Категория жестокого обращения с детьми резко расширилась в 1977 году и одновременно приобрела отчетливо сексуальную тематику. В течение следующего десятилетия объем публикаций о жестоком обращении и растлении несовершеннолетних значительно вырос.

В период с 1984 по 1986 год было опубликовано 164 статьи о жестоком обращении с детьми и растлении несовершеннолетних, по сравнению с всего тремя или четырьмя за аналогичный период середины 1970-х годов. Характерными названиями статей только за 1984 год были:

- "Жесточайшее преступление (*Life*),
- "Эпидемия насилия над детьми" и
- "Скрытая эпидемия" (оба из журнала *Newsweek*),

- "Ужасающие факты о сексуальном насилии" (*Glamour*), и
- "Растление детей: печальные новые реалии жизни" (*Reader's Digest*). [*42]

В *New York Times*, заголовок «насилие над детьми» появился как отдельная подкатегория раздела «дети и молодёжь» в начале 1970х годов, и значительно расширился после переломного 1977 года. В 1983 году насилие над детьми стало отдельной темой, которой было посвящено полтора столбца в ежегодном указателе газеты. В следующем году эта тема разрослась до девяти столбцов — более трех страниц, насыщенных ссылками. К этому моменту сексуальное насилие над детьми стало одной из ведущих социальных проблем, освещаемых в средствах массовой информации, и уровень интереса к ней более или менее сохраняется до сегодняшнего дня.

Насилие над детьми широко обсуждалось в образовательных программах, и популярные журналы теперь возродили некогда популярный в 1950х годах жанр советов родителям, как защитить детей от растлителей. Памфлеты и книги по самопомощи были адресованы как детям, так и родителям, с названиями вроде *Больше никаких секретов*, *Это МОЁ тело*, *Сказать нет это НОРМАЛЬНО* и *Пожалуйста Скажи!*

В 1985 году, в пиковый год этих усилий, чрезвычайно популярные детские писатели Стэн и Джен Беренстейн выпустили книгу *Медведи Беренстейн узнают о незнакомцах*, а Винни-Пух столкнулся с подозрительными чужаками в диснеевском мультфильме *Слишком умный для незнакомцев*. Книга Кеннета Вудена *Приманки для детей* якобы раскрывала тактику, обычно используемую растлителями и похитителями, а название намекало на мощный образ детей как потенциальной добычи, нуждающейся в защите от охотников. Брошюры и отчеты поступали из официальных учреждений, таких как NSMCS, которые размещали фотографии пропавших детей на упаковках молока. Этот постоянный поток материалов не мог не повысить осведомленность родителей об угрозах. К середине 1980-х годов опросы общественного мнения показали значительно возросшую осведомленность об угрозах для детей, будь то сексуальное насилие, похищение или детская порнография. [*43]

[Страница 141]

Презумпция вины

Революционный поворот в социальных установках неизбежно имел юридические последствия. Новое предположение состояло в том, что обвинения в насилии никогда не были ложными и что обвинения почти всегда были оправданными; движение подошло близко к требованию презумпции вины обвиняемого, когда дело касалось сексуального преступления.

Например, в конце 1980-х годов юридические споры возникли вокруг женщин, участвовавших в спорах об опеке, которые утверждали, что их бывшие мужья жестоко обращались с их детьми, и поэтому отказывались разрешить мужчинам воспользоваться предоставленным судом правом на посещение детей.

В одном случае врач по имени Элизабет Морган была приговорена к нескольким годам тюремного заключения за неуважение к суду, отказавшись раскрыть местонахождение своей дочери. СМИ в основном изображали Морган как героиню, защищающую свою дочь, феминистку, узницу совести. Также восхвалялась Фэй Ягер, чья организация «Дети подполья» организовывала безопасные дома для детей, сбежавших из-под опеки отцов, предположительно склонных к насилию, и характеризовалась как современная «Подпольная железная дорога».
[*44]

Такие случаи иллюстрировали теперь знакомую тему: суды, и правоохранительные органы не могли оценить степень насилия над ребёнком, из-за их патриархальных предвзятостей и предположений, и неадекватная правовая система должна быть реформирована, или, в экстремальных случаях, ей следует противостоять, преследуя высшую цель защиты детей.

В разгар паники на тему насилия в середине 1980х годов, новое законодательство было принято на федеральном уровне, и уровне штатов, с мерами для защиты пропавших или изнасилованных детей, регистрации сексуальных преступников и расследования деятельности детских садов. Эти законы отображали мнение, что война с насилием над детьми требовала экстремальных мер и, возможно, жертвования свободами, особенно в суде.

Свидетельства детей были ключевыми в большинстве дел о растлении, но суды исторически подозрительно относились к их надёжности, как свидетелей. Как часто отмечалось в предшествующие десятилетия, маленькие дети были признаны негодными для дачи показаний, в то время как более взрослые подлежали перекрёстному допросу при враждебных и потенциально травмирующих обстоятельствах, что можно

было рассматривать как «второе растление». Вслед за крахом дела о массовом изнасиловании в Джордане в середине 1980х годов (Глава 8), эта несимпатичная среда рассматривалась как большое препятствие к успешному преследованию растлителей, и *New York Times* опубликовал тревожную статью об «опасности, которой подвергаются дети, выступавшие в качестве свидетелей на суде». [*45]

В то же самое время, среди экспертов по насилию над детьми, и детских адвокатов стало символом веры, что детские свидетельства были практически неизменно правдивыми. Исследования способности детей сообщать правду на разных стадиях

[Страница 142]

развития, как считалось, показали, что дети практически никогда не лгут, когда делают обвинения в сексуальном насилии, и что обвинения становятся ещё более убедительными, когда совсем маленькие дети, не имеющие знаний о сексуальности, дают подробные показания о действиях обвиняемого в растлении. Однако чем младше ребёнок, тем больше потребность в экспертной помощи для получения его показаний. Возникла совершенно новая профессиональная область терапевтов, специализирующихся на выявлении и лечении сексуального насилия, и эти специалисты сыграли беспрецедентную роль в сборе и представлении показаний детей. [*46]

В 1980-х годах новые законы штатов отменили обязанность несовершеннолетних свидетелей давать показания лицам, против которых они дают показания. Некоторые законы разрешали детям давать показания из-за экранов или с помощью систем видеонаблюдения, а некоторые стремились ограничить возможности адвокатов проводить враждебные допросы или перекрёстные допросы. [*47]

Хотя и предназначенные помочь детям-жертвам, эти специальные условия не могли не вызвать вопросов, почему именно дети должны быть защищены от подсудимых, чья вина была самоочевидной. Законы предлагали защиту «жертвам», предполагая, что виктимизация действительно произошла, что обычно должно было моментом, который должен был быть определён присяжными. В Джорданском деле, которое привлекло так много негативной огласки, адвокаты защиты выполняли свою надлежащую задачу по критике обвинения, которое теперь широко признано ложным почти во всех деталях.

Не менее спорным было получение показаний от ребёнка с помощью терапевтов, которые часто использовали такие приёмы, как игровая

терапия, в лучшем случае новый подход в юридической сфере, и наводящие вопросы регулярно задавались на таких сеансах. Мог ли ребёнок давать показания при непосредственной помощи терапевта? Или, как предлагали некоторые реформаторы, мог ли терапевт давать показания из вторых рук, вообще не приводя ребёнка в зал суда? С одной стороны, реформы обеспечивали гарантии для детей, подвергшихся жестокому обращению; с другой стороны, юридические манёвры разрушали защиту невиновных, обвиняемых циничными прокурорами на основании показаний тщательно подготовленных малышей.

Реформы были встречены неоднозначно в разделившемся Верховном суде, но достаточное количество новых законов выдержало проверку, чтобы существенно изменить правовую среду дел о жестоком обращении с детьми. В 1988 году суд рассмотрел дело *Кой против Айовы*, в котором мужчина, обвиняемый в растлении двух тринадцатилетних девочек, был осужден по закону, разрешавшему детям-жертвам давать показания из-за ширм. Большинство судей согласилось с тем, что это положение нарушает Шестую

[Страница 143]

поправку к Конституции, которая требует, чтобы обвиняемые были встречены со свидетелями, дающими показания против них. Судья Антонин Скалиа согласился с тем, что личная встреча может быть трудным опытом для жертв преступлений,

«Но в то же время это может запутать и опровергнуть ложного обвинителя или раскрыть личность ребенка, которого инструктировал злонамеренный взрослый».

Сомнения в законах о защите жертв были развеяны в решении 1990 года по делу *Мэриленд против Крейг*. Сандра Крейг была признана виновной в жестоком обращении с шестилетней девочкой после судебного разбирательства, в ходе которого девочка давала показания из-за пределов зала суда посредством видеонаблюдения и была осмотрена в том же месте как обвинением, так и защитой. Крейг обосновала свою апелляцию аргументами Шестой поправки, которые были успешно приняты в деле *Кой*, но Верховный суд постановил, что право на очную ставку не является абсолютным и ограничено «интересом государства в благополучии жертв жестокого обращения с детьми». Решение было принято в результате резкого разделения мнений в суде (пять голосов против четырех), при этом меньшинство утверждало, что предоставление исключения из конституционных гарантий является опасным прецедентом.

Два года спустя акцент снова сместился, когда в деле *Кой против Уайта* было вновь установлено, что, хотя ребенок может получить травму в ходе судебного разбирательства, это последствие не перевешивает необходимость справедливого судебного процесса. [*48] Эти колеблющиеся разногласия отражали фундаментальный конфликт по поводу предполагаемой угрозы эксплуатации детей и того, насколько интересы детей-свидетелей и жертв должны преобладать над правовыми принципами.

Движение за защиту детей добилось огромного успеха в утверждении своих взглядов как компонента социальной ортодоксии и завоевании признания практически во всех идеологических лагерях. События 1977 года показали, что никакая политика не будет считаться слишком жесткой в борьбе с таким огромным и безусловным злом, как жестокое обращение с детьми, или любой проблемой, которая может быть с ним правдоподобно связана, в то время как противодействие или оспаривание таких мер не принесет никакой политической выгоды..

В течение следующего десятилетия обеспокоенность по этому поводу усилилась еще больше. Новая обстановка открыла возможности для различных групп интересов, которые смогли использовать этот прочный консенсус в качестве основы для выдвижения требований по другим социальным вопросам. Другие формы поведения могли быть подвергнуты стигматизации и законодательной борьбе путем сопоставления с феноменом жестокого обращения с детьми и растления, будь то гомосексуальность, порнография или половое воспитание. Каждая из них рассматривалась в контексте уже сложившейся проблемы жестокого обращения с детьми. Традиционалистские группы считали, что растущая терпимость к гомосексуализму увеличит число случаев педофилии, так же как феминистки и активисты, выступающие против порнографии

[Страница 144]

считали, что откровенные сексуальные материалы спровоцируют мужчин на насилие над детьми. Обвинение по принципу «вины по ассоциации» в жестоком обращении с детьми не было циничным риторическим приемом, но на практике эти связи сделали угрозы детям основой для интенсивной активности в течение следующих двух десятилетий. Дебаты о таких опасностях, как детская порнография, педофильские сети и ритуальное или сатанинское насилие, всегда будут иметь эти всепроникающие моральные и политические подтексты.

7. Детская порнография и сети педофилов

Секс до восьми или слишком поздно.

- ЛОЗУНГ ОБЩЕСТВА РЕНЕ ГИЙОНА

Полагаю, что всё случившееся должно было ей представиться окончательно как беспредельное безобразие, со смертным ужасом.

-ПРИЗНАНИЕ СТАВРОГИНА В РОМАНЕ ДОСТОЕВСКОГО, *БЕСЫ*. 1871

Вопрос детской порнографии был критическим для переопределения взглядов на насилие и растление. Этот материал усиливал воспринимаемую угрозу от растлителей, которые больше не воспринимались как запутавшиеся личности, поддавшиеся извращённому импульсу: то, что они фотографировали или снимали фильмы с детьми в сексуальных контекстах, предполагало преднамеренный, повторяющийся и заранее спланированный характер этой деятельности. [*1]

Коммерческая выгода, полученная от предприятий, показывала, что растлители расчеловечивают детей, относясь к ним как к товару, который может быть куплен и продан: вот вам и хвастливые заявления о «мальчиколюбии» и «межпоколенческой близости».

Начиная с конца 1970х годов, детская порнография изображалась как настолько безусловная социальная угроза, что простое владение ей сурово наказывалось, до сих пор это клеймо сохранялось лишь для наиболее опасных, вызывающих зависимость наркотиков. Изменение сферы действия законов криминализировало все большее число лиц, позволяя полиции и СМИ изображать

постоянную волну преступлений. В реальности, детское порно никогда не производилось внутри страны в сколько-нибудь значимых масштабах после 1970х годов, и продолжающиеся аресты и конфискации могли поддерживаться только за счёт устойчивого расширения определения того, что было незаконным, и делания акцента на роли потребителей порнографии, чем на производителей или распространителей. Это расширение приравняло любого, кто был связан с использованием детской порнографии, пусть даже и слабо, к хищнической деятельности настоящих педофилов и группировок, занимающихся проституцией среди детей.

Предполагалось, что фотографии и видео могут распространяться или продаваться через широко распространённые преступные сети. Феномен сетей порнографии стал связан в общественном сознании с идеей педофила как организованного профессионального преступника, насильственного хищника, который потенциально способен на похищения и серийные убийства, и который обычно охотился группами. Скандалы ранних 1980х привели правоохранные агентства и СМИ к предположению, что детская порнография была зачастую работой организованных педофилов, и что педофилы, отдельные или в группах, растлевали большое количество детей, иногда похищая своих жертв. Хотя идея о сексуальных сетях и стала новым отклонением от стереотипа о растлителе, она приобрела огромную силу и продолжала владеть общественным сознанием еще долгое время после того, как самые крайние обвинения в отношении этих операций были опровергнуты.

Непристойные или неприличные изображения детей существовали фактически с изобретения фотографии. В ранние 1970е годы, порнографические изображения и снимки детей стали широко доступными в Соединённых Штатах: многие были импортированы из Европы, в особенности из Нидерландов и Скандинавии, но некоторые были произведены внутри страны, часто замаскированные как импорт, чтобы избежать внимания со стороны правоохранительных органов. Рынок был разделён между изображениями «куколок» (молодых детей между тремя и семью годами) и «лолит» (в возрасте примерно от девяти до четырнадцати): хотя большинство изображало наготу и показывало гениталии, некоторые показывали детей, вовлечённых в сексуальные акты, как друг с другом, так и с взрослыми. К середине десятилетия, типичные публикации, доступные в больших городах, включали в себя названия, такие как *Children-Love*, *Lollitots*, и *Nudist Moppets*. [*2]

После первоначальных разоблачений в 1977 году, нападения на детскую порнографию оставались основным продуктом СМИ в течение следующего десятилетия. Финансовый элемент усилил сенсационную привлекательность печально известных дел, таких как случившееся в дошкольном учреждении МакМартин (см. Главу 8) и добавил мотив, который был более понятен для общественности, все еще не желающей верить, что взрослые могут сексуально эксплуатировать детей. О детской порнографии СМИ представили шокирующие заявления и статистику,

[Страница 147]

многие из которых были получены на основе догадок и неопределённых оценок защитников детей.

Одно из самых мощных основано на утверждении Робина Ллойда о том, что 300 000 мальчиков в Соединённых Штатах были вовлечены в продажу

сексуальных услуг; Джудианна Денсен-Гербер предположила, что такое же количество несовершеннолетних девочек, вероятно, были вовлечены в проституцию или порнографию, в результате чего общее число жертв по всей стране составило не менее 600 000 человек.

Местные активисты создавали ещё более невероятные цифры, утверждая, что 120 000 детей в районе города Нью-Йорк были «вовлечены в некоторую форму сексуальной активности за деньги», Ллойд Мартин утверждал «что 3 000 детей до 14 лет и более чем 25 000 в возрастной группе от 14 до 17 были сексуально эксплуатированы по меньшей мере 17 000 взрослых в районе Лос-Анджелеса», цифры, которые значительно выросли в последующих пересказах. Мартин также говорил о тайной форме детской порнографии, в которой жертвы были убиты, и он предполагал, что недавно найденные тела могут быть результатами детских снафф-фильмов. [*3]

Эти спекулятивные идеи получили известность благодаря частому цитированию в рамках одной и той же небольшой группы защитников прав детей, и их часто неверно цитировали в антипорнографической литературе. В 1985 году в семейном журнале в разоблачении «позора нации» отмечалось

«резкое увеличение случаев сексуального насилия над детьми за последние пять лет в этой стране, по крайней мере половина из них связана с детьми, которых принуждают участвовать в создании порнографии. По одной из оценок полицейского управления Лос-Анджелеса, по крайней мере 300 000 детей в возрасте до 16 лет вовлечены в общенациональный детский порнографический рэкет».

Эту проблему связывали с «ещё более драматическим ростом числа пропавших детей» и «постоянно расширяющимися сетями распространения детской порнографии, которые получили беспрецедентную прибыль».

В 1986 году борец с порнографией Дональд Уайлдмон заявил, что

«ежегодно пятьдесят тысяч пропавших детей становятся жертвами порнографии. Большинство из них похищаются, насилуются, подвергаются насилию, снимаются для порножурналов и фильмов и, чаще всего, убиваются».

В 1988 году сторонники Национальной недели осведомленности о порнографии объявили, что «ежегодно 300 000 детей подвергаются сексуальному насилию с целью производства детской порнографии». В 1988 году авторы книги «Мужество исцеления» использовали данные Денсен-Гербер, чтобы утверждать, что

«от 500 000 до одного миллиона детей вовлечены в проституцию и порнографию в этой стране; высокий процент из них являются жертвами инцеста».

В серии исследований в *Christian Science Monitor* утверждалось, что от 100 000 до 300 000 детей работают проститутками в Северной Америке. [*4]

Активисты давали чрезвычайно высокие оценки масштабов индустрии

[Страница 148]

детской порнографии, и оценка Ллойда о том, что было доступно 264 названия журналов с детской порнографией, была пересказана спустя годы после того, как эта цифра перестала соответствовать действительности; в некоторых источниках утверждалось, что каждый месяц издавалось 264 журнала с детской порнографией.

Другая распространенная легенда гласит, что детская порнография — это индустрия с годовым доходом в 5 миллиардов долларов. Даже в середине 1970х годов, деятельность в сфере детской порнографии было бы правильнее охарактеризовать как, самое большее, многомиллионный бизнес, но утверждения о многомиллиардных доходах циркулировали до следующего десятилетия, когда они были высмеяны ведущим экспертом ФБР в этой области. [*5]

Правдивая или нет, такая статистика имела ужасающую силу, которая поддерживала общественный гнев, предлагая убедительное риторическое оружие борцам за нравственность, которые сопоставляли заявления о детской порнографии с нападками на другие формы откровенной литературы.

На слушаниях Комиссии Миза в 1985 году заявления об «особом ужасе детской порнографии» сопровождались утверждениями о том, как «обычная» взрослая порнография способствовала сексуальным преступлениям, растлению и детской проституции.

Один свидетель рассказал, как его собственная одержимость непристойными материалами привела к тому, что он растлил двух четырнадцатилетних девочек. Адаптируя эти утверждения, одна антипорнографическая реклама заявила, что

«полицейские записи показывают, что порнография напрямую связана или специально имитируется в 41 проценте расследованных сексуальных преступлений. ... В сообществах, где порнография была искоренена, случаи изнасилования и нападения сократились на целых 83 процента».

Другой утверждал, что 77 процентов растлителей мальчиков и 87 процентов растлителей девочек «признают, что имитируют сексуальное поведение, увиденное в порнографии». Поддерживаемые видными активистами, такими как отец Брюс Риттер из нью-йоркского Covenant House, моральные консерваторы эпохи Рейгана пытались изобразить «величайшие потребности бесправной молодежи» не как борьбу с бедностью или плохим образованием, а как моральное принуждение и «более сильное антипорнографическое законодательство». [*6]

Убеждение, что детская порнография представляет собой как прямой продукт, так и непосредственную причину преступности, позволяло легко заручиться поддержкой для подавления, и законодательство, принятое в эти годы, имело широкие последствия для общественного отношения к другим формам непристойности.

В 1970-х годах доступность сексуально откровенных материалов стала основным источником недовольства для моральных консерваторов, в то время как феминистки вели кампании против порнографии на том основании, что она унижает женщин.

В середине 1980-х годов феминистки и традиционалисты сформировали маловероятную коалицию для принятия антипорнографических постановлений в нескольких городах. [*7]

Комиссия по порнографии *Миза* высказывала мнения о деморализации и физическом вреде

[Страница 149]

вызываемом материалом, включая идею, что «порнография это теория, изнасилование это практика». Суды, однако, остались неблагосклонными к попыткам принятия строгого законодательства, и прочертили существенную разницу между просто неприличным или оскорбительным материалом, который был защищен конституционно, и непристойными предметами, которые могут преследоваться по закону. На практике, присяжных было трудно убедить, что конкретные примеры взрослых сексуальных материалов были фактически непристойными, и изображения наготы, сношений и многих типов сексуальных «извращений» поэтому продолжали свободно обращаться.

Однако терпимость судов и широкой общественности заканчивалась там, где речь шла о детях, и большинство выступало за запрет материалов, которые считались бы просто непристойными или даже лишь намекающими, если бы на них были изображены взрослые люди. Дискуссия о детской порнографии в значительной степени поддерживала утверждение борцов за нравственность о том, что этот материал напрямую провоцирует преступные действия — что

изображения побуждают потребителей к повторению действий с другими детьми и, возможно, к использованию порнографических изображений для соблазнения несовершеннолетних. Защита детей оправдывала возрождение и расширение законов против непристойности, которые в противном случае могли бы прийти в упадок.

Осознав политический потенциал этого дела, борцы против порнографии на протяжении 1980-х годов систематически расширяли сферу действия законодательства о защите детей как средство борьбы с «основной» секс-индустрией. Как спрашивала Кэтрин Маккиннон, если «речь» о детской порнографии может подлежать уголовному наказанию в соответствии с Первой поправкой, почему то же правило не должно применяться ко всей порнографии для взрослых? [*8] Если мы признаем, что одно является фактической причиной преступности, почему бы не другое?

Правовая среда, затрагивающая сексуальные изображения детей, становилась всё более суровой. Изначальный Акт о защите детей от сексуальной эксплуатации, принятый в 1978 году, запрещал производство или коммерческое распространение непристойного материала, включающего в себя лиц до шестнадцати лет. Несколько более поздних актов ужесточили наказания и расширили полномочия правоохранительных органов по поиску и пресечению распространения этого материала.

В 1984 году, сенатор Арлен Спектр спонсировал радикальный Акт о защите детей: получивший широкую огласку благодаря сенсационным слушаниям в его подкомитете, акт удалял требование, чтобы данное изображение отражало ребёнка, фактически участвующего в сексуальных действиях, открывая дорогу к преследованию материала, который был просто непристойным, а не неприличным, и практически исключая всю категорию из под защиты первой поправки. Он также повысил возраст несовершеннолетнего для этих целей с шестнадцати до восемнадцати, что в результате распространило статус ребенка примерно на 7 миллионов американских подростков. Суды поддержали постепенное расширение

[Страница 150]

ярлыка детской порнографии: в 1982 году, ключевое решение Верховного суда по делу *Нью-Йорк против Фербера*, отклонило конституционные возражения против особых стандартов непристойности, применяемые в отношении детской порнографии, и согласился, что правительство имело «неотъемлемые» и «преобладающие» интересы в защите детей.

К 1990м годам, детская порнография была определена как «визуальное изображение ... несовершеннолетнего, вовлечённого в действия сексуального характера», включая «развратную демонстрацию гениталий или лобковой области любого человека» — характеристика, которая в отношении взрослых привела бы лишь к обвинению в непристойности. [*9]

Хотя материалы сексуального характера с участием взрослых привлекали к ответственности только производителей или распространителей, сфера ответственности значительно расширялась в случаях, когда исполнителями были несовершеннолетние. Преступление совершалось любым, кто «сознательно получает или распространяет» или «сознательно владеет» изображениями, а также любым, кто их создавал или продавал.

В 1990 году, в деле *Осборн против Огайо*, Верховный суд согласился, что хранение в частном порядке дома, в данном случае фотографии «обнаженного подростка мужского пола», должно быть криминализировано. Хотя прецедент защищал хранение в частном порядке материалов непристойного характера, обвинительный приговор был оправдан с целью защиты «жертв детской порнографии» и уничтожения «рынка эксплуатации детей»; это решение подверглось широкой критике за его тревожные последствия для прав на неприкосновенность частной жизни. [*10] Как и в деле *Крейга* того же года, в решении была принята радикальная идея о том, что защита детей имеет приоритет над более старыми конституционными положениями.

Если детскую порнографию как таковую было практически невозможно оправдать, то единственным средством протеста или критики являются не сами законы, а их процессуальные недостатки или чрезмерное вмешательство в вопросы, лишь косвенно связанные с защитой детей.

Одно противоречие касалось знания ответчика о том, что порнографические изображения, которыми он владел, были изображениями несовершеннолетнего — в юридическом смысле, для доказательства совершения преступного деяния требовалось намерение или *mens rea*. Конечно, никаких сомнений не было, когда субъекты были малышами или младенцами, но когда субъект приближался к предельному возрасту восемнадцати лет, было трудно определить, было ли владение данной фотографией законным или нет.

Одной из самых популярных порнозвезд 1980-х годов была Трейси Лордс, которая позже призналась, что начала свою карьеру в возрасте пятнадцати лет; в тот момент ее ранние работы внезапно стали детской порнографией, и ретроактивная переклассификация привела к осуждению одного из дистрибьюторов ее фильмов. Но в 1992 году

федеральный апелляционный суд отменил законы, которые не требовали доказательства виновного знания о возрасте.

[Страница 151]

Хотя Верховный суд спас большую часть законодательства, судьи согласились, что правительство должно доказать, что ответчик знал, что он имеет дело с материалами для несовершеннолетних. [*11]

Не менее тревожным для вопроса о намерении был закон 1996 года, который определял детскую порнографию в терминах сексуальных изображений того, что было или *казалось* ребенком, в ответ на компьютерные технологии, которые синтезировали изображения нескольких лиц для создания «виртуального ребенка». Но казался ли он кому? Этот элемент субъективного определения давал прокурорам огромную свободу действий.

И если понятию «дети» было трудно дать определение для уголовных целей, то и порнографии тоже было трудно, и постоянно возникали дебаты по поводу изображения молодых людей в художественном или образовательном контексте.

Первой жертвой законов стало популярное пособие по половому воспитанию 1970-х годов *Show Me!*, которое издателю пришлось отозвать из-за фотографий обнаженных детей.

В 1990 году успешный семейный фотограф Джок Стерджес стал объектом расследования из-за его изображений обнаженных детей и семей. Изображения Стерджеса не только были сделаны без непристойных или похотливых намерений, но они были не более откровенными или более провокационными, чем те, которые можно найти в давней традиции западной живописи или скульптуры или, в последнее время, в большом количестве рекламных текстов, и официальные действия в этом случае повысили опасность того, что власти могут запретить практически любое подозрительное изображение молодого человека.

Французский винодел Мутон Ротшильд изъяс с американского рынка этикетку с рисунком обнаженной десятилетней девочки.

Замечательное открытие того, что порнография может распространяться на одетых людей, привело к делу *Нокс против Соединенных Штатов* (1993), в котором мужчина был заключен в тюрьму за хранение непристойных видеозаписей, изображающих полураздетых молодых девушек, с камерой, сфокусированной на «похотливой демонстрации» их гениталий. Когда Министерство юстиции предположило, что эти видео на самом деле не запрещены существующими законами, разгорелась

политическая буря, и консерваторы протестовали против того, что администрация президента Билла Клинтона защищает детскую порнографию. Отчаянно желая избежать видимости невнимания к этому вопросу, президент начал личную кампанию за строгое соблюдение даже в этой маргинальной области.

В 1995 году реклама Calvin Klein, изображающая одетых молодых людей в вызывающих позах, подверглась угрозе судебного преследования как детская порнография. К 1997 году внимание снова переключилось на образы Стерджеса, поскольку протестующие против морали вырывали страницы из экземпляров его книг на полках магазинов и требовали, чтобы Barnes and Noble и другие розничные торговцы были привлечены к ответственности за распространение детской порнографии. [*12]

Издатели, книготорговцы и библиотеки столкнулись с кошмарной ситуацией.

[Страница 152]

Как отметил юридический критик после решения по делу *Нокса*:

«В обычных книжных магазинах и библиотеках по всей стране имеются тысячи и тысячи изображений одетых детей, которые некоторые люди могут счесть порнографическими, эротическими или непристойными». [*13]

Show Me! по-прежнему доступен в сотнях библиотек, хотя его владение теоретически открывает учреждениям возможность судебного преследования по прихоти любой группы благопристойности или полицейского. Художественные достоинства или намерения также не обеспечивают той защиты, которую они могли бы обеспечить в случае с непристойностью для взрослых, и в печально известном деле 1997 года местная полиция очистила видеомгазины Оклахома-Сити от всех копий оscarоносного фильма *The Tin Drum*. Запрет на визуальные изображения может даже распространяться на каталоги почтовых заказов с фотографиями детей в нижнем белье. Можно утверждать, что каждый родитель, который когда-либо фотографировал своего обнаженного младенца, несет ответственность по закону.

Правовой статус детской порнографии создал благоприятную среду для следователей и прокуроров: поскольку поведение было практически повсеместно ненавистным, действия против него заслужили похвалу от начальства и СМИ, в то время как излишества допускались. Используя это общественное настроение в 1990 году, находящееся в боевой готовности подразделение Министерства юстиции по борьбе с непристойностью изменило свое название на более политически популярное: Отдел эксплуатации детей и непристойности. Здесь

судебные преследования имели гораздо больше шансов на успех, чем в почти невозможной области непристойности взрослых, поскольку все, что требовалось после 1984 года, — это доказать, что человек сознательно хранил непристойные или откровенные материалы с участием несовершеннолетних. Более того, наличие одного контрабандного предмета открывало путь для ордера на обыск, который вполне мог привести к появлению дополнительных незаконных материалов.

Несколько федеральных агентств стали проявлять инициативу в расследовании дел, в частности, Таможенная служба США и Почтовая служба. Число расследований, проведенных Отделом детской порнографии и защиты Таможенной службы, возросло с двенадцати за весь 1983 год до 220 за первые восемь месяцев 1986 года. В 1996 году Почтовая инспекционная служба могла объявить, что с 1984 года

"почтовые инспекторы провели более 2600 расследований, в результате которых были арестованы и осуждены более 2200 человек за торговлю детской порнографией через почту США".

Агентства хвастались случаями, в которых преследование непристойных материалов предотвратило фактическое растление детей, а специальная таможенная кампания в 1988 году, операция "Граница", была разрекламирована как приведшая к аресту двадцати четырех растлителей. [*14]

Методы, используемые федеральными агентствами, зачастую были опасно близки к провокации.

[Страница 153]

В 1992 году Верховный суд отменил обвинительный приговор фермеру из Небраски Кейту Джейкобсону, который заказывал по почте материалы гомосексуальной направленности для взрослых. Предполагая, что он, скорее всего, купит детскую порнографию, тайные агенты Почтовой службы засыпали его предложениями купить такие материалы; когда он наконец поддался, его обвинили в незаконном хранении. В этом случае не только федеральные действия были признаны провокацией, но Джейкобсон даже стал объектом сочувственного освещения в *60 Minutes* и в *Washington Post*, а редакционная статья *New York Times* обсуждала его дело в статье под названием «Провокация вышла из-под контроля». [*15]

Свобода, предоставленная правоохранительным органам, важна для нашего понимания степени преступной организации, фактически вовлеченной в торговлю детской порнографией, поскольку если бы существовали сложные или корпоративные предприятия, они,

безусловно, были бы обнаружены этими оперативными группами и специальными подразделениями. Однако, несмотря на все отдельные случаи, раскрытые в эти годы, было обнаружено мало доказательств существования крупномасштабных сетей, и большинство случаев касалось строго внутреннего производства местными предпринимателями, часто всего одним или двумя взрослыми. Одним редким исключением было предприятие, которым управляла женщина из Лос-Анджелеса, арестованная в 1982 году, — случай, который часто цитировался в антипорнографической литературе в течение многих лет после этого.

В 1985 году комитет Сената США установил, что

"то, что коммерческая детская порнография существует в Соединенных Штатах, составляет небольшую часть общего рынка порнографии и находится глубоко подпольно".

Даже самые ярые борцы с непристойностями сходились во мнении, что

«именно подпольная индустрия — кустарное производство — сегодня составляет большую часть детской порнографии»,

В середине 1990-х годов крупнейший синдикат, раскрытый федеральными властями, имел годовой оборот около полумиллиона долларов, что было ничтожной суммой по меркам азартных игр или наркоторговли. [*16]

Несмотря на всё это, те сообщения о случаях детской порнографии продолжили преувеличивать вовлечение преступных синдикатов, беспорядочно используя термины, такие как *сети педофилов* и *сети детской порнографии*, даже когда участникам не было предъявлено обвинение в каком-либо прямом контакте с детьми. Более того, полиция и СМИ говорили о «сетях» когда имели дело с неясными группами людей, чья единственная общая активность включала в себя переписку или обмен непристойными материалами, закупаемыми у одного поставщика или обслуживание одной и той же группы несовершеннолетних проституток.

Это иллюстрирует одно из крупнейших федеральных расследований последних лет, которое началось, когда мужчина, въехавший в Соединённые Штаты из Мексики, был арестован за перевозку детских

[Страница 154]

порнографических видео. Хотя фирма, организовавшая этот бизнес, распалась, почтовые инспекторы использовали её список рассылки для рассылки двух тысяч рекламных роликов с видео с участием детей от

семи до одиннадцати лет. Некоторые из них предлагали заказные видео; если они принимали доставку видео, власти получали ордера на обыск их помещений на предмет детской порнографии. Это расследование привело к сорока пяти арестам в рамках того, что заголовок в New York Time охарактеризовал как «Общенациональная сеть распространения детской порнографии», хотя большинство членов группировки никогда не встречались друг с другом, и их единственной связью был ответ на один и тот же почтовый заказ с предложением. [*17]

Отчасти потому, что сотрудники правоохранительных органов стремились оправдать реальную вредоносность торговли детской порнографией, упоминания о «сетях» стали неуклонно расти в течение десятилетия после 1977 года, продвигая идею о растлителе как о члене банды или синдиката.

Фактически, самая известная академическая работа по этой теме называется *Детская порнография и Сексуальные сети*, как будто эти два явления взаимозаменяемы или, по крайней мере, неразрывно связаны.

Доказательства организации и коммерциализации изначально появились в ходе расследований 1970-х годов, посвященных столичным сетям несовершеннолетних проституток и покровительствующим им спекулянтам. Молодые проститутки действовали через сутенеров и иногда служили моделями для создания порнографии. В той мере, в какой незаконные услуги и материалы распространялись через тайные клиентские сети, как поставщики, так и потребители несовершеннолетних сексуальных услуг участвовали в финансово мотивированной сети, но эти сети сильно отличались от более поздних образов педофильских сетей.

В сексуальных операциях с несовершеннолетними, раскрытых в 1970-х годах, участвовали молодые люди, участвовавшие в них по собственной воле, поэтому не было и речи о похищении или принуждении детей. [*18] Кроме того, такие сети выросли из ранее существовавшей организованной преступной деятельности в сфере проституции и порнографии; операции не были инициированы самими педофилами, чья роль сводилась к потреблению и покупке..

С конца 1970-х годов заявления о детских сексуальных сообществах стали уделять больше внимания тому, что инициативу в синдикации берут на себя сами педофилы. В 1977 году газета Chicago Tribune предположила, что детская порнография организована посредством

«детского сексуального рэкета», который «действует в национальном и международном масштабе, включая тысячи взрослых извращенцев, часто работающих друг с другом и обменивающихся детьми-жертвами».

Слушания в Конгрессе позволили защитникам прав детей привести предполагаемые примеры организованного растления. Ллойд Мартин сообщил о национальной сети педофилов, базирующейся в Новом Орлеане,

[Страница 155]

Имевшей корреспондентов по всей стране и ответственной за

«широко распространенное проникновение взрослых подозреваемых во все типы национальных молодежных групп и организаций, ориентированных на молодежь: по всей стране наблюдается мобильность, взаимодействие и общение между взрослыми, вовлеченными в эксплуатацию детей».

Прокурор Мичигана Роберт Леонард согласился с Мартином:

«Щупальца этой незаконной деятельности образуют подпольную сеть, простирающуюся от Нью-Йорка до Калифорнии и от Мичигана до Луизианы. Прокуроры в городах по всей стране обнаружили и собрали информацию, указывающую на высокую степень обмена и общения между теми, кто охотится на наших детей. Казалось бы, отдельные случаи такого отклонения при более пристальном рассмотрении раскрывают пугающий набор сложных взаимосвязей».

Летние лагеря, образовательные фонды и церкви, как утверждается, служили прикрытием для порнографии и растления. [*19]

В начале 1980-х годов заявления об организованном растлении были усилены поддержкой Теда Гандерсона, бывшего агента ФБР, которого часто цитировали писатели, исследующие мир секс-кругов. Отчасти благодаря его влиянию активисты по защите детей описывали синдицированные сети, характеризующиеся иерархией организации и разделением труда между теми, кто выполняет различные задачи от сбора разведданных, вербовки жертв и фотографии до сутенерства и, возможно, похищения и убийства. Группы могли действовать отчасти по финансовым мотивам, при этом прибыль от детской порнографии, проституции и шантажа служила для финансирования других операций и подкупа сотрудников правоохранительных органов.

Если бы она была подлинной, организованная сеть такого рода представляла бы собой грозный вызов общественному порядку и огромную угрозу для детей, которые могли бы стать мишенью, быть похищенными и поработоченными могущественным заговором. С точки зрения политики, гораздо легче мобилизовать ресурсы против угрозы, представленной в таких терминах, чем против изолированных неадекватных.

В художественной литературе образ педофилов, как хорошо организованных и высокопоставленных, был представлен такими авторами, как Джонатан Келлерман, Роберт Кэмпбелл, Джеймс Н. Фрей и особенно Эндрю Вакс. В романе Келлермана *Когда ломается ветка* фигурировала Gentlemen's Brigade, добровольная социальная группа, скрывающая сеть элитных растлителей малолетних и «тайных психов». В *Жестоком правосудии* Рона Хэндберга в качестве злодея был судья, который использовал порнографические видео, чтобы соблазнять подростков, и чьи обширные связи позволяли ему избегать обнаружения и заставлять критиков молчать, убивая их, если это было необходимо.

Идея вошла в массовую литературу в книге Лесли Мармон Силко *Альманах мёртвых*, которая изображала сети извращенцев и педофилов

[Страница 156]

среди англоязычных белых в правоохранительной бюрократии юго-западного города. [*20]

Ощущение опасности со стороны организованных педофилов во многом было связано с яростью, вызванной Североамериканской Ассоциацией Бойлаверов (NAMBLA), аутентичной группой по интересам, которая добивалась снижения или даже отмены возраста согласия, разрешая секс между мужчинами и мальчиками.

Она выросла из неформального, ранее существовавшего «педерастического подполья», и фактически «мальчишечество» это буквальный перевод греческого термина, который стал английским словом *педераст*. Решение создать формализованное движение кажется примечательным, учитывая неизбежную бурную реакцию общественности, но его следует рассматривать в историческом контексте.

Другие движения преуспели в обеспечении легализации сексуального поведения, которое всего несколько десятилетий ранее казалось слишком непристойным даже для того, чтобы поднимать этот вопрос в общественной дискуссии, процесс, проиллюстрированный общественным принятием аборт, сексуально откровенных визуальных или литературных материалов, контрацепции и гомосексуальности.

На первый взгляд не было причин, почему кампания по снижению или отмене возраста сексуального согласия должна быть менее успешной, особенно учитывая тот факт, что аргументы могут быть представлены в терминах гендерного равенства: некоторые штаты уже разрешали девушкам, не достигшим шестнадцати, быть сексуально активными.

Когда новаторская организация по защите прав геев, известная как Общество Маттачине, была основана в 1948 году, в разгар предшествующей «паники на тему извращенцев», её члены тоже казалось, были заняты бесполезным и опасным предприятием. Возможно, время также оправдывает тех, кто теперь стремился легализовать «любовь мужчины и мальчика», и кто прямо ссылался на прецедент Маттачине. Легализация гейского секса выглядела столь же немыслимо в 1956 году, насколько толерантность к педофилии выглядела в 1976: почему одна кампания должна провалиться там, где другая преуспела? Также были европейские прецеденты движения мальчиколобов, особенно в Нидерландах и Великобритании. [*21]

Формальная организация в Соединённых Штатах была прямым ответом на полицейские усилия по подавлению детской порнографии, что привело к циклическому процессу интервенции и протеста. Под давлением организаций, оправдывающих защиту детей и общественной пристойности, власти разыскивали сети, которые считались ответственными за детскую порнографию.

Кампания в свою очередь вызвало мобилизацию групп, ориентированных на педерастов, которые получили большую общественную видимость, приводя к усилению общественного беспокойства и полицейской бдительности. Совпадение во времени кампаний против прав гомосексуалов и детской порнографии в 1977 году сделало возможным поместить в контекст

[Страница 157]

юридические усилия против педерастов как часть общей антигейской реакции.

Эти два консервативных движения возглавляли такие известные фигуры, как «Анита Брайант, ... Джерри Фолвелл, Джудианна Денсен-Гербер, Национальная ассоциация окружных прокуроров, полиция и пресса». Активисты протестовали против «охоты на ведьм против гомосексуалистов в целом и любителей мальчиков в частности» и говорили о «помешательстве на детской порнографии и правах геев». [*22]

Эта точка зрения получила подтверждение благодаря действиям полиции и прокуратуры, чья давняя склонность к преследованию гомосексуалов была ограничена новой социальной обстановкой. Правоохранительные органы теперь обнаружили, что рейды против педофилов и распространителей детской порнографии не вызывали того общественного возмущения, которое можно было бы ожидать, если бы объектами рейдов были материалы непристойного характера для взрослых или взрослые гомосексуалы.

После весны 1977 года, акции правоохранительных органов усилились, и анти-порочный и анти-гейский активизм возродился, при этом подразделения по борьбе с пороками переименовываются в «отряды по борьбе с педофилией».

Торонтская газета *The Body Politic* подверглась обыску после публикации статьи, сочувствующей педерастии, что вызвало опасения по поводу возвращения к систематическим преследованиям прошлых лет. Под руководством популистской газеты *Toronto Star* средства массовой информации осудили издание, пропагандирующее гомосексуализм, используя такие термины, как «*демонасильники*» и «*разврат*», а последовавший за этим судебный процесс оставался актуальной темой в канадских юридических дебатах в течение нескольких лет. [*23]

Поворотным для дальнейшего развития стало дело, которое произошло в Ревере, Массачусетс, где в конце 1977 года, двадцать четыре мужчины были арестованы по подозрению в участии в сети сексуальных домогательств к детям. Хотя СМИ говорили об «изнасиловании детей», включая «накачанных наркотиками и изнасилованных» мальчиков от восьми до тринадцати лет, большинство преступлений включали в себя мальчиков-подростков, вовлечённых в проституцию, в то время как газета *Boston Globe* сообщила, что подозреваемые «были обвинены в детской порнографии», на том этапе, когда полиция еще даже не заявляла об обнаружении доказательств наличия порнографии. И было далеко не очевидно, что дело касалось какой-либо «группировки», подразумевающей заговор и организованную преступность, а не группы лиц, объединенных общей социальной и сексуальной средой.

В 1978 году полиция Бостона начала кампанию против гомосексуальных действий в общественных местах, независимо от того, участвовали ли в них несовершеннолетние мальчики или нет. Эти дела подняли важные вопросы как для сексуальной политики, так и для гражданских свобод. Сотрудники радикальной газеты *Fag Rag* сформировали Бостонско-Бойсеский комитет, ссылаясь на широко известные преследования в Айдахо в 1950-х годах. Группа защищала подозреваемых и возглавляла протесты против полицейских преследований. Активисты сделали дела в Массачусетсе громким делом для геев и либертарианцев, привлекая видных сторонников, таких как Гор Видал и Аллен Гинзберг. Жалобы на

[Страница 158]

злоупотребления со стороны властей теперь отошли на второй план по сравнению с более фундаментальным вопросом о правах мальчиколюбив, запертых в своем «шкафу внутри шкафа». [*24]

Движение в поддержку любви мужчин и мальчиков появилось в течение следующего года, и в декабре 1978 года, конференция, проведённая в

Бостоне, привела к формированию NAMBLA. Группа заняла видное место в общественном сознании, организовав протест против лечебного учреждения Бриджуотер, предназначенного для сексуальных преступников, и была вовлечена в либеральное движение, и движение за права геев.

Флаги организации были видны на марше геев и лесбиянок в Вашингтоне в октябре 1979 года, и в 1981-82 годах NAMBLA регулярно появлялась в демонстрациях гордости геев, а также на антиядерных протестах.

Сторонники отстаивали правомерность своего движения:

"NAMBLA была создана гей-сообществом и участвовала во всех крупных гей- и лесбийских маршах. Она проводила демонстрации в знак солидарности с людьми, больными СПИДом, и в поддержку лесбиянок, участвующих в делах об опеке. NAMBLA занимает прогрессивные позиции по вопросам вмешательства США в Центральную Америку, призыва в армию, репродуктивных прав, смертной казни, телесных наказаний и расизма».

Однако на пике своего развития движение никогда не насчитывало более пятисот членов по всей стране, а по некоторым оценкам, их число опускается до пятидесяти [*25]

Правовой климат для NAMBLA ухудшился в течение 1981, с арестом нескольких лидеров в штате Нью-Йорк в ходе полицейской операции Ястреб (как в слове цыплячьих ястребы). Как заметил лидер NAMBLA Дэвид Торстад, «охота на сети сексуальных домогательств витала в воздухе» после всемирной огласки убийств детей в Атланте, и первые крупные рейды против NAMBLA произошли всего через несколько недель после ареста Уэйна Уильямса по этим делам.

Внимание СМИ к педофилии усилилось после того, как двух членов Палаты представителей США обвинили в сексуальных отношениях с несовершеннолетними помощниками конгрессменов — возможно, это еще одно доказательство «элитной извращенности».

В течение 1982 года, NAMBLA столкнулась с большим числом рейдов, кульминация которых произошла в декабре, когда несколько мужчин и мальчиков-подростков были арестованы в Уэрхэме, Массачусетс, в доме, который был описан СМИ как конспиративная квартира, «секс-притон», штаб-квартира сексуальной сети, которая заманивала мальчиков в ловушку.

Когда членов и соратников NAMBLA допрашивали в Нью-Йорке, СМИ сообщали об обвинениях, что группа была вовлечена в одно из наиболее печально известных преступлений последних лет, исчезновение в 1979

году шестилетнего Итана Патца в Нижнем Манхеттене. В доме в Уэрхеме была найдена фотография, внешне похожая на Патца, что наводило на мысль о его похищении и, возможно, использовании в порнографических целях, хотя на самом деле изображение датировалось концом 1960-х годов. Пресса попыталась

[Страница 159]

связать группу с другими похищениями и исчезновениями маленьких детей, включая случай двенадцатилетнего мальчика из Айовы, Джонни Гоша, который был похищен на своём маршруте доставки газет. NAMBLA изображалась как «группа похитителей детей, порнографов и сутенеров», и возможно, детоубийц, с «международной сексуальной сетью» скрывающейся за квази-легитимным фасадом правозащитной организации. Сама по себе эта идея не была абсурдной (в Англии и Бельгии недавно были выявлены хорошо задокументированные сети педофилов, занимающихся похищением детей, распространением порнографии и убийствами), но в случае с NAMBLA доказательства были очень слабыми. [*26]

Хотя NAMBLA провела пресс-конференцию, чтобы опровергнуть все обвинения, клеймо, теперь прикрепленное к группе, было разрушительным. Сообщая о возвращении мальчика, которого якобы похитили, журнал *Time* описал «систематическую эксплуатацию слабых и незрелых сильными и психически неуравновешенными».

В марте 1983 года ФБР и другие ведомства сформировали целевую группу для расследования «похищения и продажи детей и их использования в порнофильмах, убийств детей и подростков похитителями».

Похищение Гоша и его предполагаемая связь с «организованными педофильскими операциями» получили национальную огласку во время слушаний в подкомитете Сената Арлена Спектера. Стремясь показать, что педофильские группы активно занимались похищением детей, семья Гоша и его сторонники выпускали информационные бюллетени и интервью от NAMBLA и Общества Рене Гийона, крошечной и полумифической группы, которая стала катализатором протестов против педофилии.

Комиссия Миза настоятельно призвала к созданию национальной целевой группы для изучения «возможных связей между сетями сексуальных домогательств, детской порнографией и организованной преступностью... [и] возможных связей между сетями сексуальных домогательств в отношении детей с участием множества жертв и преступников по всей территории Соединенных Штатов». [*27]

Хотя связь с громкими делами о похищениях не была установлена, репутация групп педофилов была запятнана подозрениями в насилии и изнасилованиях, а также предполагаемым проникновением в такие организации, как бойскауты.

В 1985 году в СМИ разоблачение детской порнографии возложило вину за её производство на «процветающую подпольную индустрию, управляемую в основном так называемыми группами «сексуальной свободы», которые открыто пропагандируют секс между взрослыми и детьми. Эти группы управляют обширной биржей и службой объявлений, которая распространяет детскую порнографию среди своих членов».

В очередной раз в качестве виновников были названы NAMBLA и Общество Рене Гийона. Даже Кеннет Ланнинг из ФБР, сдержанный и скептически настроенный комментатор, назвал NAMBLA «самой опасной организацией педофилов в США».

[Страница 160]

Впоследствии эта группа периодически разоблачалась, хотя сообщения враждебно настроенных агентов создают впечатление о группе с настолько слабой системой безопасности, что их трудно согласовать с обвинениями в серьезном преступном сговоре. Конспирологические темы были, однако, популяризованы в художественных работах, таких как роман Эндрю Вахсса *Наводнение*, опубликованный в 1985 году, который изображал злодея-педофила, насильствовавшего ребёнка в детском саду, и активного в производстве и продаже детской порнографии. Действие книги разворачивается в грязном и жестоком преступном мире подростковой проституции и незаконной порнографии, содержащем сцены реальных пыток и убийств. В одной из сцен фигурирует вымышленное Общество Границ, существующее для обсуждения «межпоколенческого секса, нового эвфемизма для обозначения растления детей». [*28]

В ретроспективе, создание формальной организации педерастов или педофилов было полностью контрпродуктивным ходом со стороны её участников, поскольку само существование NAMBLA дало конкретную форму наиболее мрачным страхам общества о масштабах организованного растления.

В течение следующего десятилетия группа еще больше изолировалась на радикальном фланге сексуального и политического активизма, а ее идеи считались опасной крайностью, с которой ни одна уважаемая группа или активист не могли позволить себе быть связанными.

Конечно, группа вызвала ярость консервативных правых, для которых она представляла собой естественную кульминацию социальных

устремлений геев. В эти годы консерваторы часто цитировали предполагаемый лозунг NAMBLA «Секс до восьми лет, иначе слишком поздно», хотя на самом деле эта фраза возникла в Обществе Рене Гийона.

Кампании против прав геев широко использовали предполагаемую связь с растлением детей и порнографией, часто цитируя и искажая заявления NAMBLA. А полемические материалы значительно преувеличивали масштабы таких организаций, заявляя нелепую цифру — десять тысяч членов — для Общества Рене Гийона. [*29]

Связь между геем и педофилом, которая оказалась столь мощной в риторическом плане в конце 1970-х годов, часто всплывала вновь в последующих попытках ослабить или отменить законодательство о правах геев, особенно на референдумах штатов в начале 1990-х годов.

В 1993 году христианские евангелисты распространили полемический антигомосексуальный фильм под названием *Гей-повестка*, в котором рассказывалось о самых странных и провокационных гомосексуальных парадах и публичных заявлениях, а присутствие NAMBLA на гей-парадах использовалось для стигматизации всего движения. В Луисвилле, штат Кентукки, в 1995 году в телевизионных рекламных роликах против геев, созданных Американской семейной ассоциацией, были показаны активисты-педофилы, марширующие с лозунгом «секс до восьми» на своих транспарантах.

[Страница 161]

Движение 1992 года в Орегоне было типичным по своей риторике: предложенная поправка к конституции штата стремилась запретить государственным или местным органам власти поощрять «гомосексуальность, педофилию, садизм или мазохизм», предполагая прямую связь между этими видами поведения и связывая гомосексуальность как с насилием, так и с преступлениями против детей. [*30]

Антигейская литература также утверждала, что движение за права геев имеет скрытую педерастическую повестку дня и что расширение прав для одной категории откроет двери для растлителей.

В 1994 году религиозные группы организовали яростную публичную кампанию по пересмотру Диагностического и статистического руководства Американской психиатрической ассоциации (DSM-IV), в частности, его перефразированного определения педофилии. Хотя суть языка мало изменилась в новом издании, протестующие утверждали, что фразеология ослабит стигматизацию состояния, в той степени, что

«взрослый может заниматься сексом с девятилетним ребенком, и если взрослого не беспокоит то, что он делает, то у него нет причин обращаться за профессиональной помощью».

Высказывались возражения, что это может стать первым шагом к исключению педофилии из списка психических расстройств, по аналогии с тем, что произошло с гомосексуализмом в 1973 году. Используя хорошо налаженные сети информационных бюллетеней и радиопередач, консервативные организации, такие как Focus on the Family, мобилизовали национальную поддержку против того, что неверно изображалось как попытка терапевтической профессии поддержать или легализовать педофилию. [*31]

Однако религиозные фундаменталисты были не так уж далеки от политического мейнстрима в своей неприязни к любой терпимости к «межпоколенческой» сексуальности. В 1992 году в либеральном районе Сан-Франциско разразился скандал, когда отделению NAMBLA разрешили проводить собрания в помещении публичной библиотеки Потреро-Хилл в течение двух лет. Обеспокоенность усилилась, когда выяснилось, что более десятка членов группы имели судимости за растление детей, и это дело получило широкое освещение в национальных СМИ.

Именно в Нью-Йорке в 1993 году вспыхнули общественные протесты, когда выяснилось, что учитель физики был членом NAMBLA. Это дело вновь привлекло внимание СМИ к организованной педофилии, а издание *U.S. News and World Report* предположило, что сторонники любви между мужчиной и мальчиком укрепляют свои позиции в преподавательской профессии.

В 1995 году, писатель Камилла Палья появилась на телевизионном ток-шоу в Нью-Йорке, где она раскритиковала общественную реакцию на NAMBLA и осуждала то, что она называла американским «иррациональным страхом педофилии». [*32] Хотя ток-шоу печально известны своим сенсационным тоном и темами, высказывания Пальи были настолько взрывными, что их вырезали из

[Страница 162]

версии, которая в итоге вышла в эфир, что вызвало бурные протесты по поводу цензуры.

Основное гей-движение разошлось во мнении касательно NAMBLA и педерастов, с первоначальной симпатией, быстро уступившей место глубокой враждебности. Торстад, один из членов-основателей NAMBLA, также был ранним лидером Коалиции прав геев и лесбиянок Нью-Йорка,

но был принуждён к выходу из коалиции в 1979 году, вслед за протестами против NAMBLA.

С самого начала своего существования NAMBLA была крайне непопулярна среди лесбийских групп, которые освистывали выступающих на митингах и маршах и осуждали «скандальную сексуальную эксплуатацию и надругательство над маленькими детьми со стороны взрослых».

Это отражало глубокое расхождение в идеологиях гей- и лесбийских групп. Лесбийский активизм был тесно связан с более широким феминистским мейнстримом, который рассматривал изнасилование, сексуальное насилие и эксплуатацию детей как часть систематического патриархального заговора с целью подчинения женщин и детей. Без полного согласия, которое становится возможным благодаря зрелости обоих партнеров, любое сексуальное взаимодействие между взрослым и ребенком неизбежно представляло собой изнасилование и не могло быть одобрено никакой либертарианской риторикой. В 1980 году Национальная организация женщин осудила «педофилию, порнографию, садомазохизм и публичный секс», в то время как Диана Рассел описала NAMBLA и Общество Гийона как «откровенно поддерживающие сексуальное насилие над детьми». [*33] Национальная встреча NAMBLA в Филадельфии в 1982 году столкнулась с протестами со стороны лесбийских и феминистских групп.

После скандала вокруг дела Итана Патца в 1982 году гей-газеты опубликовали интервью с членами NAMBLA, в то время как организация продолжала получать критическое освещение в основных гей-изданиях, таких как *Advocate*, а в 1991 году *Журнал гомосексуальности* опубликовал специальный том, посвященный «межпоколенческому сексу».

В книжных магазинах, ориентированных на геев, часто есть небольшие разделы на эту тему, хотя доступная эротика включает только письменные, а не визуальные материалы. Но отношения между NAMBLA и гей-организациями были крайне деликатным вопросом, поскольку признание любой общности целей, скорее всего, привело бы к тому, что всех гомосексуалов, защищающих с трудом завоеванные политические права и общественную респектабельность, стали бы клеймить «педофилами».

Вопрос роли NAMBLA (если таковая была) в гей-движении стал острым в 1994 году, когда Международная ассоциация геев и лесбиянок (ILGA) была отстранена от признания ООН из-за связи с группами педерастов или педофилов; действительно, правительство США потребовало исключения этой организации на том основании, что педофилия нарушает хартию ООН.

В том же году исполнилось двадцать пять лет

[Страница 163]

со дня Стоунволлских протестов — исторического события, отмеченного парадами и публичными собраниями, — но активисты гей- и лесбийской общин решительно выступали против участия NAMBLA как самостоятельно, так и в составе ILGA. Также в 1994 году NAMBLA получила еще один сокрушительный, хотя и нанесенный ею самой, удар, когда в документальном фильме *Цыплячий ястреб: мужчины, которые любят мальчиков* были показаны педерасты, откровенно обсуждающие свои сексуальные завоевания. Фильм получил в основном негативные отзывы как в гей-изданиях, так и в мейнстримных изданиях. [*34]

С политической точки зрения, двойная опасность педофилии и детской порнографии стала мощным оружием для консервативных интересов, которые могли сосредоточить общественное беспокойство об опасности для детей на этих формах опасности для незнакомцев, внешней угрозе, а не на подрывной доктрине массового внутрисемейного насилия.

Последовательные законы, принятые для регулирования детской порнографии, также продвигали консервативные представления о непристойности и непристойности, используя эти концепции для преследования взрослой секс-индустрии, которая, казалось, была невосприимчива к другим правовым проблемам. Хотя эти усилия привели к радикальным правовым изменениям, сопротивление было затруднено из-за широкого консенсуса, который они создали в СМИ и среди широкой общественности.

Это создавало трудности для либертарианцев, а также для групп по защите прав геев, ни одна из которых не хотела ассоциироваться, пусть даже отдаленно или неправдоподобно, с ненавистными педофилами и детскими порнографами. Создав врага, которого было буквально невозможно защитить, самое консервативное крыло движения за защиту детей, таким образом, обеспечило себе идеологическую победу, которая находит отклик и по сей день.

8. Дорога в ад

РИТУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ВОССТАНОВЛЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

[Страница 164]

И мы также молимся, чтобы ныне живущие страдающие люди честно и справедливо признали нас находящимися под властью сильного и всеобщего заблуждения,

совершенно незнакомыми и не имеющими опыта в подобных вопросах..

-- ИЗВИНЕНИЯ ПРИСЯЖНЫХ САЛЕМА, 1697

Кто преследует ваших детей ради Сатаны??

-- ПАТРИСИЯ ПУЛЛИНГ, 1989

Связь, которую СМИ связывают с детской порнографией и организованным насилием, усилила восприятие не только угрозы, исходящей от педофилов, но и необходимости разработки эффективных стратегий правоохранительных органов. И хотя защитники прав детей первоначально получили идеологическую выгоду от разоблачения организованного насилия, доверие к их идеям пошатнулось, когда выяснилось, что существование многих педофильских группировок было предположено на основе слабых доказательств и впоследствии опровергнуто.

В последние годы такая же участь постигла целый ряд дел, связанных с педофильскими группировками, занимавшимися «сатанинским и ритуальным насилием» (СРА). В конце 1970-х годов следователи стали готовы принимать показания детей как объективно достоверные, даже если они были получены с помощью сомнительных методов расследования. Нежелание сомневаться в показаниях жертв побудило следователей принимать за подлинность нелепые истории о странном насилии и пытках и

[Страница 165]

объяснять их единственным возможным, на первый взгляд, способом — предполагая, что эти зверства были делом рук ритуальных культов. Другие свидетельства зловещих практик возникали из воспоминаний, которые взрослые, пережившие насилие, восстанавливали во время терапии, и здесь также фантастические рассказы казались объяснимыми только в рамках более широкого повествования о культовых ритуалах.

Трудность заключалась в том, что обвинения в ритуальном насилии в конечном итоге будут рассматриваться в правовой среде с радикально иными взглядами на то, что представляет собой убедительные доказательства. В течение нескольких лет сторонники реальности ритуального насилия и достоверности восстановленных воспоминаний начали давать сбои по всем фронтам, что вызвало опасения, что этот провал подорвет доверие общественности к проблеме сексуального насилия над детьми в том виде, в каком она определялась с конца 1970-х годов.

В начале 1990-х годов СМИ продолжали сообщать о случаях насилия с тем же энтузиазмом, что и десятилетие назад, но теперь с существенным изменением восприятия. В новом жанре терапевт, расследующий дело, больше не изображался как бескорыстный борец с эксплуатацией детей, а как фанатичный охотник на ведьм, безответственно выдумывающий дикие обвинения, которые настраивают ребенка против родителя и преследуют невиновных.

1993 и 1994 годы ознаменовались наиболее резкой критикой того, как определялась и рассматривалась проблема сексуального насилия над детьми с середины 1970-х годов. Были созданы предпосылки для переосмысления проблемы насилия, по-прежнему признававшей уязвимость детей перед насилием, но теперь рассматривавшей преступников как изгоев и хищников.

Создавая ритуальное насилие

Феномен ритуального насилия возник из двух мощных тенденций в движении по борьбе с насилием над детьми, а именно: поиска педофильских группировок и новых методов допроса свидетелей-детей.

Дело 1982 года в Бейкерсфилде, штат Калифорния, началось с того, что одного мужчину обвинили в сексуальном насилии над двумя своими дочерьми, но дело разрослось до того, что семья стала частью сети взрослых, которые обменивали детей в сексуальных целях, включая изготовление детской порнографии. Обвинения были должным образом доказаны в ходе тщательного допроса нескольких юных «жертв», показавшего, что при определенных обстоятельствах детей можно было склонить к согласию о том, что насилие имело место, и к выдумыванию деталей, достаточно убедительных, чтобы убедить присяжных.

В течение двух лет появились утверждения о существовании еще семи групп, занимавшихся сексуальной эксплуатацией детей в Бейкерсфилде, и эти обвинения включали в себя вычурные истории о сатанинских ритуалах и убийствах детей. Некоторые комментаторы позже сравнивали эти процессы с охотой на ведьм, и здесь иронично, что паника в Бейкерсфилде утихла именно

[Страница 166]

по той же причине, что и в Салеме в 1692 году: когда у детей закончились взрослые, которых они могли бы правдоподобно обвинить, они начали направлять обвинения на самих следователей, полицию и социальных работников. [*1]

В начале 1980-х годов в воздухе витали опасения по поводу педофильских группировок, но также и представления о терапевтических методах борьбы с этой очевидной угрозой. Проблема заключалась в том, что дети могли рассказывать истории, которые звучали настолько невероятно, что их приходилось либо отвергать, либо интерпретировать каким-то новым образом.

Эта дилемма остро проявилась в деле, разразившемся в 1983 году, когда женщина, страдающая бредом, заявила, что ее сын подвергся сексуальному насилию в детском саду МакМартин в Манхэттен-Бич, Калифорния, и местная полиция начала расследование в отношении учителя по имени Рэймонд Бакки. Полиция передала эти заявления родителям других детей в детском саду, настоятельно рекомендуя им отвести своих детей на обследование в местное терапевтическое учреждение.

Затем охваченные паникой семьи слышали, что сотни детей рассказывали ужасающие истории о сексуальном насилии, включая увечья и убийства животных, а один десятилетний ребенок рассказал суду, что его и других детей отвезли в церковь, где «взрослые в масках и черных одеждах танцевали и стонали».

Бакки и шесть его коллег-женщин были арестованы в 1984 году. Следователи рассматривали обвинения в том, что детей вывозили в другие места, в некоторых случаях самолетом, что указывало на тесные связи этой «педофильской группировки». О том, что группа занималась детской порнографией, а также проституцией, подразумевали заявления детей о том, что их снимали на видео, и отчеты психотерапевтов, в которых упоминалась игра под названием «Голая кинозвезда».

Эти обвинения всплыли на поверхность всего через несколько месяцев после дела NAMBLA, в котором аналогичным образом сочетались обвинения в сексуальном насилии с рассказами о торговле детьми, порнографии и насилии. Комиссия Миза в своем анализе детской порнографии ссылалась на случаи ритуального насилия в дошкольных учреждениях, утверждая, что отсутствие непристойных фотографий доказывает хитрость преступников, а не слабость доказательств против них. [*2]

Отмечая необычайное ритуальное поведение, другие активисты утверждали, что сексуальная сеть была сатанинским культом и что, возможно, школа с самого начала задумывалась как место для вербовки и эксплуатации детей.

Эта интерпретация во многом обязана сенсационной книге 1980 года, которая оказала большое влияние на отношение к жестокому обращению с детьми в последующее десятилетие: в книге «Мишель помнит» психиатр описывает, как женщина во время сеансов терапии вспоминала о ритуальном сексуальном насилии, которому она подвергалась в детстве в Ванкувере в середине 1950-х годов; в конце концов она описала подпольный культ, который держал детей в клетках, подвергал их сексуальному насилию и пыткам, а также приносил в жертву животных.

[Страница 167]

Параллели между этой подвергшейся резкой критике книгой и рассказами с сеансов терапии МакМартина позволяют предположить, что подобные культы все еще действуют и продолжают нарушать детскую невинность в дьявольских целях. Одна группировка была обнаружена; сколько еще других все еще действуют под прикрытием других школ и детских садов? [*3]

Оглядываясь назад, анализ фиаско с МакМartiном показал, как был собран такой объем доказательств. Психотерапевты привыкли иметь дело со случаями явного и известного насилия, когда травмированные дети отказывались признать факт насилия и нуждались в деликатных методах лечения, направленных на преодоление их отрицания. [*4]

Это могло включать в себя неустанные допросы и, возможно, использование психологического давления, чтобы убедить детей в том, что признание в насилии получит одобрение взрослых и сверстников. Опасность заключалась в том, что признания всё равно будут поступать в случаях, когда никакого насилия не было, поскольку внушаемые маленькие дети (часто четырёх-пяти лет) будут искать одобрения взрослых, соглашаясь на намёки на предполагаемые события. Не имея знаний в области сексуальности, они придумывали самые шокирующие действия, которые только могли придумать, что объясняет, почему допросы часто сопровождалась рассказами о том, как учителя заставляли учеников заниматься или наблюдать за туалетными процедурами.

По мере того, как терапевты знакомились с рассказами о звёздах, кругах и одеждах, они включали эти и другие «ритуальные» элементы в последующие вопросы, после чего внушения легко подтверждались. Психологические данные, казалось, подтверждались спекулятивными типами педиатрических обследований, которые, как считалось,

доказывали, что многие дети-свидетели подвергались анальному и генитальному изнасилованию.

К сожалению, эти методы также могут приводить к большому количеству ложноположительных результатов, основанных на симптомах, которые имеют вполне нормальные и некриминальные интерпретации. Затем ошибочные терапевтические доказательства были полностью присвоены местными прокурорами, которые охарактеризовали их как достоверное описание, составленное опытными специалистами в области поведенческих наук, и использовали этот материал в качестве основы для своих громких обвинительных заключений.

Обвинения просочились в местные СМИ, которые сочли дело слишком серьезным и сенсационным, чтобы допускать презумпцию невиновности. В национальной прессе обвинительные заключения в отношении МакМартина породили множество громких новостей на протяжении всего 1984 года, и никто не сомневался в том, что в «кошмарном детском саду Калифорнии» действовала безжалостная преступная организация. Журнал *Time* опубликовал простой заголовок «Жестокое обращение», а *New York Times* процитировала детектива из Лос-Анджелеса, который объяснил, как педофильские группировки часто используют дошкольные учреждения и детские сады:

[Страница 168]

Они использовали детей, ... «не только для личного удовлетворения, но часто делились ими, зачастую за деньги, с другими педофилами. Нередко делаются видеозаписи или фотографии детей, которые продаются или бесплатно раздаются другим педофилам». [*5]

Несмотря на первоначальный энтузиазм, дело МакМартина вскоре обернулось катастрофой. Когда в 1986 году была создана новая оперативная группа окружного прокурора, она критически пересмотрела все обвинения и сняла обвинения со всех, кроме двух, первоначальных обвиняемых. Два громких судебных процесса, завершившихся в 1990 году, привели лишь к тупиковой ситуации по некоторым обвинениям и оправдательным приговорам по другим.

К этому времени СМИ стали более скептически настроены: программа CBS *60 минут* дважды публиковала материалы, сочувствующие обвиняемым по делу МакМартина, а *New York Times* выходила с заголовками типа «Вихрь паники» и «Система вышла из-под контроля». Хотя некоторые активисты продолжают предлагать «доказательства» даже самых нелепых обвинений (включая секретные туннели под

школой), дело МакМартина стало нарицательным именем некомпетентного расследования и жёлтой журналистики. [*6]

За делом МакМартина последовали десятки аналогичных случаев по всей стране, все они были связаны с причудливыми или ритуальными методами насилия и имели схожий контекст. Будь то

- Бэйкерсфилд (Калифорния),
- Джордан (Миннесота),
- Эдентон (Северная Каролина),
- Мартенсвилл (Канада), или
- Уэнатчи (Вашингтон),

дело начиналось, как правило, с ограниченного, правдоподобного утверждения: что небольшое количество детей подверглось насилию, часто в дошкольном учреждении или детском саду. В ходе последующего расследования допрос детей-«жертв» выявил доказательства того, что случаев насилия было гораздо больше, чем предполагалось изначально, и в конечном итоге многочисленные сообщения и слухи вовлекли десятки местных жителей в то, что можно было назвать только секс-группировками или культами. Предполагаемых жертв допрашивали до тех пор, пока они не подтвердили обвинения и не предложили свои собственные, изощёрённые версии событий.

И без того сенсационные обвинения ещё больше раздулись, и вскоре стали выдвигаться предположения о широко распространённых ритуальных убийствах. В конце 1984 года следователи по делам о злоупотреблениях в Джордане, штат Миннесота, обратили своё внимание на необоснованные обвинения в оккультных ритуалах и человеческих жертвоприношениях, и в течение следующего года журналисты часто публиковали расследования о деятельности убийств, совершаемых вымышленными группами или культами.

Растущий интерес полиции к оккультным темам подтверждается количеством статей на эту тему в профессиональной прессе в середине десятилетия, а также распространением обучающих семинаров, в то время как Тед Гундерсон стал признанным экспертом по опасности культов, практикующих жертвоприношения. К 1988 году вопиющие обвинения в ритуальном насилии над детьми и убийствах получили национальную огласку в телевизионной программе

[Страница 169]

Джеральдо Риверы под названием *Поклонение дьяволу: разоблачение подполья сатаны*, продюсером которой был Кеннет Вуден, и которая, что символично, транслировалась примерно в Хэллоуин. Истории о человеческих жертвоприношениях были популяризированы в таких книгах, как

- *Абсолютное зло* Маури Терри,
- *Култ, который убивает* Ларри Каханера, и
- *Окрашенный в чёрный* Карла Рашке. [*7]

В течение нескольких лет, вера в существование сатанинских культов и ритуального убийства получила более широкое признание в Соединённых Штатах, чем в любом другом обществе со времён Европы шестнадцатого столетия. Число новостных историй, затрагивающих сатанинское и ритуальное насилие резко возросло, как это, пусть и в упрощённой форме, следует из таблицы 8.1.

*Таблица 8.1
Газетные истории о ритуальном или сатанинском насилии, 1983-1995 гг*

	Заметки, сочетающие слово <i>Насилие</i> со словами:	
	<i>Ритуальное</i>	<i>Сатанинское</i>
1983	1	2
1984	4	1
1985	6	4
1986	11	5
1987	16	27
1988	14	12
1989	32	36
1990	171	173
1991	345	175
1992	202	153
1993	274	213
1994	364	352

1995	293	270
------	-----	-----

Источник:

база данных Lexis-Nexis "ALLNEWS",

Поиск слова *насилие* в пределах пяти слов от термина *ритуальное* или *сатанинское*.

За пределами Соединенных Штатов всплеск сообщений в 1990-91 годах отражает распространение обеспокоенности на другие страны, включая Великобританию, Канаду, Нидерланды, Австралию, Новую Зеландию и Южную Африку. [*8]

К концу десятилетия, тема СРН (Сатанинского ритуального насилия) имела внушительное присутствие в СМИ. Книги на тему продолжали множиться, большинство из них горячо признавали реальность проблемы. Многие из них якобы содержали

[Страница 170]

воспоминания переживших сатанинское насилие и эксплуатацию детей; многие были изданы самостоятельно, но немало и были опубликованы крупными коммерческими издательствами.

К 1994 году, выжившие жертвы ритуального насилия имели доступ к руководству по самопомощи, *Безопасный путь к исцелению*, и солидное издательство Routledge представило сборник эссе в авторитетном, профессиональном стиле под названием *Лечение жертв сатанинского насилия*. Ритуальное насилие обсуждалось в статьях популярных периодических изданий, таких как

- *Ms. Vanity Fair* и
- *Christianity Today*,

и эта тема получила широкое освещение в тематических выпусках изданий

- *Журнал заботы о молодёжи и детях*(1990),
- *Насилие над детьми и пренебрежение*(1991),
- *Лечение насилия сегодня* (1991),
- *Журнал психологии и теологии* (1992), и
- *Журнал психоистории* (1994).

В уважаемых психиатрических журналах также изредка появлялись статьи, часто с заголовками, предполагающими объективное существование феномена сатанинского ритуального насилия (СРН). В Лос-Анджелесе, Сан-Диего и других городах были созданы официальные рабочие группы по вопросам ритуального насилия. [*9]

Особо активными были группы по самопомощи, такие как

- ГОЛОСА в действии (Victims of Incest Can Emerge Survivors - Жертвы инцеста могут стать выжившими),
- Верьте детям,
- Анонимные пережившие инцест,
- Выжившие, и
- ВЗЛЁТ (Survivors of Abusive Rituals - Пережившие насильственные ритуалы).

Она предлагала брошюры, информационные бюллетени и видеоролики для национальной аудитории по почте, а позже и через Интернет. Были даже книги по самопомощи для детей, созданные по образцу программ предотвращения насилия 1980-х годов. Среди ресурсов были

- «Терапевтический комикс для жертв ритуального насилия» и
- *Не заставляй меня возвращаться, мамочка.* «Детская книга о сатанинских ритуальных злоупотреблениях». [*10]

В середине 1980-х годов феномен СРН уважительно освещался в новостных программах, таких как 20/20 на канале ABC и 1986 на канале NBC. Известные случаи массовых или ритуальных убийств были экранизированы в телевизионных фильмах, таких как *Знаете ли вы булочника?*, — рассказ о судебном преследовании в детском саду, показанный незадолго до Хэллоуина 1989 года, на заключительном этапе процесса над МакМartiном.

Три месяца спустя, когда дело МакМартина подошло к концу, в фильме *Невыразимые деяния* сообщалось о более раннем и успешном судебном преследовании хищника, работавшего в детском саду. Оба фильма пользовались долгой популярностью в повторных показах, которые продолжались еще долго после того, как первоначальная паника утихла.

Эта тема также затрагивалась в бестселлерах. В романе Эндрю Вахсса *Жертвоприношение* (1991) мальчик, превращенный в результате насилия в культе в «дитя сатаны», запрограммированного убийцу, страдающего множественным расстройством личности (МРЛ), в то время

как герой убивает членов сатанинского культа посреди церемонии жертвоприношения ребенка. В романе Эндрю Грили *Падение с высоты* (1993) ритуальное насилие аналогичным образом связывается с человеческими жертвоприношениями: злодей — католический священник, педофил и криптосатанист; сатанинский священник-педофил также появляется в романе Малахи Мартина *Дом, обдуваемый ветром* (1996). [*11]

[Страница 171]

Корни паники

Примерно к 1989 году, идея, что ритуальное насилие было довольно распространено, почти получила статус социального факта, и это примечательное предположение требует объяснения. В ответ на сенсационное освещение дела Мак-Мартина родители внезапно осознали опасность, таящуюся в том, что они считали безопасной средой детских садов и яслей.

По мере того как семьи становились всё более чувствительными к любым намёкам на насилие в учреждениях, множество дошкольных учреждений и детских садов переживали скандалы, основанные на слухах, которые раньше считались бы нелепыми. Эти инциденты, казалось, повышали вероятность того, что любой взрослый, работающий с маленькими детьми, может быть виновен в насилии, и это предположение побуждало следователей искать доказательства соучастия в организованном растлении, а также в распространении детской порнографии.

Дело в Манхэттан Бич имело существенное влияние на терапевтические профессии. Если тайные группировки сатанистов систематически насиловали детей, запугивая их и заставляя молчать и подчиняться, тогда было *безнадёжно* ожидать, что сообщения поступят от детей или родителей, которые позволили бы начать обычное полицейское расследование.

Подобные случаи возникали из-за случайных симптомов, на которые обращали внимание учителя, врачи или психологи, которые должны были пройти обучение и быть обязаны сообщать о своих подозрениях властям. Расследование должно было проводиться экспертами в области поведенческой терапии, которые понимали особые методы интервьюирования, символической коммуникации и игровой терапии, необходимые для того, чтобы вывести правду у очень юных жертв. В

середине 1980-х годов многочисленные учебные курсы и семинары обучали терапевтов и социальных работников новым методам.

Изменение отношения в терапевтических профессиях трансформировало стандарты оценки заявлений о жестоком обращении. До 1980-х годов прокуроры неохотно брались за дела, касающиеся маленьких детей, чья готовность рассказывать невероятные истории демонстрировала их неспособность излагать факты без прикрас. Возможно, это мнение должно было бы подтвердиться удивительными случаями, о которых сообщалось в течение этих лет — невероятные рассказы о встречах с мультяшными персонажами, истории о скрытых туннелях и летательных аппаратах (МакМартин), о том, как их жарили в микроволновых печах или подвешивали над бассейнами с аллигаторами (Эдентон). [*12]

Другие дети сообщали о нападениях и ножевых ранениях, которые должны были оставить серьезные раны, хотя при детальном

[Страница 172]

медицинском обследовании никаких травм обнаружено не было. Тот факт, что явно вымышленные истории не были сочтены достаточным основанием для дискредитации этих дел, отражал новую решимость верить показаниям жертв любой ценой.

Отказ от недоверия во многом был обусловлен прецедентом кампании против изнасилований, которая эффективно критиковала бесчувственность полиции и судов к взрослым жертвам. Специалисты в новой области изучения жестокого обращения с детьми утверждали, по аналогии, что дети никогда не лгут о случаях сексуального насилия и что, если ребенок признался в том, что подвергся насилию, этот факт необходимо принять и настойчиво подтвердить.

Психотерапевтов преследовал пример Зигмунда Фрейда, который отказался от своих ранних заявлений о широко распространенном и разрушительном характере сексуального насилия в детстве, позже заявив, что эти утверждения были выдумкой. Позорная работа Фрейда *Нападение на истину* стала ужасным предостережением об опасностях компромисса с профессиональными принципами. [*13]

Правде о насилии необходимо верить. Ложь может быть безобидной мелочью, не имеющей отношения к сути обвинения, но абсурдность этих рассказов может указывать на то, что изобретательные растлители намеренно совершали свои преступления в фантастических декорациях, чтобы дискредитировать показания детей.

Насильник мог сказать ребёнку, что его имя - Фред Флинстон или Билл Клинтон, или симулировать инцидент, включающий в себя поддельную микроволновую печь; более того, утверждали некоторые, чем фантастичнее история, тем больше вероятность того, что она указывает на реальность серьезных и систематических злоупотреблений. Идеология «Верьте детям» способствовала готовности принимать на веру, казалось бы, возмутительные истории о ритуальном насилии. Выражение скептицизма, с другой стороны, означало не только отрицание реальности виктимизации, но и молчаливое согласие.

Коалиция, борющаяся, чтобы разоблачить СРН, нашла сторонников среди

«социальных работников, терапевтов, врачей, исследователей виктимологии, полиции, уголовных прокуроров, Христиан-фундаменталистов, амбициозных политиков, анти-порнографических активистов, феминисток и СМИ»

Она также имеет корни в антикультистском движении, которое возникло в Соединённых Штатах в 1970х годах, и которое противостояло маргинальным религиозным группам, вроде Детей Бога или Церкви Объединения. Массовые самоубийства последователей Храма Народов в Джонстоуне, Гайяна, привлекло внимание к культовому насилию, также как и к сексуальному и физическому насилию, которому, как утверждается, подвергались дети в этом районе.

К началу 1980х годов, писатели-антикультисты формулировали мифологию, утверждающую, что наиболее опасными маргинальными движениями являлись подпольные сатанинские группы, совершающие человеческие жертвоприношения, и эти идеи получили огромную силу после обвинений по делу МакМартина.

[Страница 173]

Эти теории особенно привлекали евангельские христианские группы, для которых всплеск современного сатанизма подтверждал бы их пессимистические представления о скором наступлении последних времен и Апокалипсиса. [*14]

Между 1984 и 1992 годами, опасность, исходящая от сатанизма и ритуальной преступности, была центральной темой в книгах правых евангелистов, как подтверждает огромная секция под заголовком «Культы» в большинстве Христианских книжных магазинов. Феномен

СРН придал новую силу фундаменталистским нападкам на другие «дьяволические» феномены, соблазняющие молодёжь, включая религии Нью-Эйдж, рок-н-ролл, ролевые игры в стиле фэнтези, и празднование Хэллоуина. Это также подтвердило растущий интерес к «духовной войне», с её возрождением экзорцизма и духовного исцеления.

Антикультовые обвинения, оказали сильное влияние на некоторые группы психиатров, особенно на терапевтов, интересующихся долгосрочными последствиями травматических переживаний и связанными с ними темами подавленной памяти и множественного расстройства личности.

К концу 1980х годов, тысячи пациентов сообщали о воспоминаниях о насилии, которые можно было понять только в контексте своего рода ритуалистических, культоподобных групп, описанных в книге *Мишель помнит*, или рассматриваемых в продолжающихся случаях массового насилия. Утверждалось, что раннее жестокое обращение имело долгосрочные последствия в виде психической фрагментации.

Эти утверждения вызывали сомнения, поскольку заявления, сделанные на основе терапии, редко подвергались какой-либо фактической проверке, а резкий рост числа диагнозов МРЛ (множественного расстройства личности) породил подозрения в распространении модных веяний. До выхода в 1973 году широко разрекламированной книги *Сивилла* (экранизированной в 1976 году), диагноз МРЛ был крайне редким и обычно предварительным, однако к концу 1980-х годов ежегодно заявлялись о тысячах подобных случаев, зачастую с такой степенью фрагментации, которая просто не поддается осмыслению.

Утверждалось, что у пациентов были десятки или сотни отдельных личностей, некоторые из которых заявляли о знаниях и языковых навыках, которые сознательная личность никогда не смогла бы приобрести, а другие, по-видимому, опирались на опыт предыдущих воплощений. Множественное расстройство личности начинало больше походить на одержимость демонами, чем на подлинное расстройство личности, с «альтерами», появляющимися и исчезающими подобно демонам, описанным в древних историях об экзорцизме. [*15]

Но хотя обвинения казались фантастическими, считалось, что та же степень доверия, которая присуща детям, должна быть уместна и для взрослых, переживших насилие.

Первоначально фрагментация личности рассматривалась как защитный механизм, с помощью которого ребенок, подвергшийся насилию,

отгонял ужасающую реальность, но вскоре появились и другие объяснения. Теоретики МЛД предположили, что это состояние было создано преднамеренно как средство контроля над разумом или ментального программирования, с помощью которого субъектов можно было промывать мозги, чтобы они служили целям культа, возможно, в качестве запрограммированных рабов или убийц.

[Страница 174]

Идея контроля над разумом многим обязана конспирологическим спекуляциям 1960х и 1970х годов, когда тайные правительственные агентства были обвинены в найме запрограммированных убийц по схеме, изображённой в фильме *Маньчжурский кандидат*. В живом, хотя и нелепом фольклоре описывалась зловещая деятельность «доктора Грина», еврея, сотрудничавшего с национал-социалистами и впоследствии передававшего результаты немецких экспериментов по контролю над разумом ЦРУ и разведывательному сообществу США. Тем временем антикультовое движение утверждало, что члены маргинальных религиозных культов были обращены в свою веру посредством промывания мозгов или программирования.

В течение 1980х годов, темы МРЛ (Множественного расстройства личности), депрограммирования, и теории заговора взаимодействовали в кампании против ритуального насилия, и это странное сочетание объясняет, казалось бы, загадочное присутствие в библиографиях на тему СРН, работ, посвященных экспериментам ЦРУ по промыванию мозгов с помощью наркотиков и гипноза. [*16]

(По иронии судьбы, поведенческие технологии, которые когда-то считались подходящим методом лечения растлителей детей, теперь рассматриваются как мощная тактика, используемая самими насильниками).

Среди различных теорий заговора, выдвигаемых в некоторых работах, находящихся на периферии литературы о сексуальных группировках, одна из идей утверждала, что организованные педофилы могли быть достаточно связаны друг с другом, чтобы избежать наказания за свои действия. Это подтверждалось рассказами о детях МакМартина, которых перевозили в места, где их растлевали неизвестные лица, предположительно богатые педерасты.

Однако подобные обвинения достигли своего апогея в скандале в Небраске, который стал крупным политическим событием в этом штате в период с 1988 по 1991 год. Это дело началось с краха Franklin Savings and

Loan, когда расследования мошенничества и политических манипуляций привели к обвинениям в причастности некоторых из самых видных граждан штата к сети сексуального насилия над детьми, занимавшейся торговлей наркотиками, порнографией и проституцией.

Сообщалось, что в операции участвовали деятели Республиканской партии Небраски, а также лидеры бизнеса, банковского дела, правительства и СМИ. По имеющимся данным, детей перевозили в соседние города для сексуального насилия со стороны местных магнатов, а также членов NAMBLA. Операция, как утверждалось, имела разведывательные аспекты, включая торговлю оружием и шантаж со стороны ЦРУ. Ходили слухи о сетях гомосексуальной проституции, в которые были вовлечены чиновники администрации Буша, но центральной организацией был культ сатанистов, занимавшийся увечьями, жертвоприношениями и каннибализмом многочисленных детей.

Скандал в Небраске привлёк интерес со стороны обычных теоретиков заговора, но история также завоевала симпатии лидеров детозащитного движения,

[Страница 175]

таких как Джудианна Денсен-Гербер; и активисты привлекли к себе внимание всей страны в 1988 году, когда появились в скандально известном телевизионном разоблачительном репортаже *Сатанинское подполье*, ведущим которого был Джеральдо Ривера.

Несмотря на многолетние слухи, ни одно из обвинений, касающихся сексуального насилия или сатанинских ритуалов, не удалось подтвердить ни в малейшей степени. В конечном итоге большое жюри заявило, что раздутое дело в Небраске было «тщательно спланированной мистификацией», и в 1991 году женщина, которая была основным источником рассказов о насилии, была осуждена за лжесвидетельство. [*17]

Великая (Дис)симуляция

Миф о ритуальном насилии был очень живучим. Даже если бы утверждения о широко распространенных случаях насилия в детских садах страны были опровергнуты, все равно остался бы корпус «воспоминаний» о подобных зверствах в былые годы. Казалось, что дым доказывает существование хотя бы небольшого огня. Однако в начале 1990-х годов общественный скептицизм стал настолько сильным, что вся

система обвинений была подорвана, что вызвало сомнения в достоверности любых доказательств, основанных на аналогичных фактах.

Истории о ритуальном насилии привлекали критиков с момента их первого появления после дела МакМартина, поскольку *обвинения* предполагали наличие разветвленной сети заговора. Сторонники же предполагали, что

- что приношение детей жертв было повседневным событием в Северной Америке;
- что существовала подпольная альтернативная религия, остававшаяся незамеченной, и
- что её агенты проникали в школы, детские сады, церкви и полицейские участки;
- что сатанинские ритуалы были обычным явлением в детских садах;
- что женщины регулярно рожали детей для жертвоприношения;
- и что все эти явления систематически происходили в американском обществе на протяжении десятилетий, возможно, начиная с семнадцатого столетия.

Одна из выживших утверждала, что в детстве стала жертвой культа, возглавляемого общественными деятелями, бизнесменами и церковными чиновниками в «городке среднего класса на Среднем Западе» в середине или конце 1930-х годов. Известная под псевдонимом Аннетт, она

«подвергались ритуальным издевательствам, включавшим сексуальное насилие, пытки, убийства, фотографирование и систематическое промывание мозгов с помощью наркотиков и электрошока».

К двенадцати годам она стала «производительницей потомства», рожая детей для жертвоприношения культу. [*18]

Хотя её рассказ был опубликован как документальное произведение в чрезвычайно популярной книге о выздоровлении *Мужество исцелиться*, которая считается библией движения людей, переживших инцест, эта история выходит за рамки правдоподобия.

Несмотря на вопиющую жестокость этих сатанинских деяний, до 1983 года власти так и не обнаружили никаких признаков этой ужасной реальности. Вполне вероятно, что

[Страница 176]

непросвещенные полицейские могли не оценить значение костей животных, одежд и ритуальных костров, но было нелепо предполагать, что они могли игнорировать следы человеческих жертвоприношений. Столь же неправдоподобными были и другие предположения:

- что ни один перебежчик никогда не нарушал тайну культа;
- что ни один местный начальник полиции, прокурор или редактор газеты никогда не пытался сделать карьеру, разоблачая, должно быть, весьма серьезные подозрения в деятельности местных культов;
- и что сатанисты-насилыники добились успеха, превзошедшего возможности других влиятельных групп, участвовавших в

организованной преступности,
шпионаже,
незаконном обороте наркотиков,
заказных убийствах,
и терроризме.

Это герметичное молчание могло бы сохраниться только в том случае, если бы сатанисты были глубоко укоренены в местных предприятиях, официальных учреждениях, средствах массовой информации — если бы подозрительные смерти скрывались, например, сатанинскими похоронными бюро и информаторами, и если бы расследования извращались дьявольскими детективами и прокурорами. Всё это было крайне маловероятно.

Ещё одним недостатком было то, что для того, чтобы истории о ритуальном насилии в прошлые десятилетия были правдоподобны, требовались настоящие культисты или сатанисты, а найти виновных было практически невозможно до оккультного бума конца 1960-х годов.

Хотя книга *Мишель* и её подражатели изображали сатанинские культы, якобы ещё начала 1950-х годов, никаких подтверждений существования таких групп в то время не существует. При изучении истории проблемы сторонники ритуального насилия были вынуждены опираться на самые сомнительные антикультовые и антикатолические трактаты прошлых лет.

Кристин Оксана, автор книги *Безопасный путь к исцелению*, приводит в качестве прецедента «культ, разводивший младенцев для жертвоприношения», описанный вместе с прототипом туннелей, якобы вырытых под детским садом МакМартина, в тексте XIX века *Мария Монк*; Оксана не признает, что этот предполагаемый культ на самом деле был

обычным католическим монастырем, и вся история о Марии Монк считается ложной, а ее автор, вероятно, психически нездоровой, начиная с 1830-х годов.

Другие теоретики черпают вдохновение из порочного колодца американской параноидной теории, приписывая ритуальные преступления таким группам, как иллюминаты, масоны и евреи. Когда они описывают сатанинские ритуалы, они сообщают даты и события, которые не соответствуют опыту реальных оккультных групп и которые взяты без прикрас из средневековых руководств по охоте на ведьм, таких как *Молот ведьм*. По своему происхождению современная литература о ритуальном насилии напоминает спекуляции о еврейском ритуальном убийстве христианских детей и столь же бесполезна. [*19]

«Сатанизм», изображенный в антикультовой мифологии, на самом деле является литературной и синтетической выдумкой, в значительной степени заимствованной из триллеров, написанных в

[Страница 177]

1930-х годах английским писателем Деннисом Уитли, который первым интегрировал подлинные традиции ритуальной магии с фантазиями европейских охотников на ведьм. Книга *Мишель вспоминает* добавила несколько других элементов из фольклора колониальной эпохи в Западной Африке, когда группы, называемые «людьми-леопардами», якобы похищали, пытали, держали в клетках и убивали детей. Серия разоблачений опровергла заявления большинства лиц, утверждавших, что они являются выжившими или перебежчиками из таких групп. [*20]

В отсутствии настоящих сатанинских или ритуальных насильников, трудно убедительно говорить о предполагаемых преступлениях - строго говоря, невозможно доказать обратное. Но когда утверждение требует настолько существенного пересмотра консенсуса о реальности, бремя доказательств лежит на том, кто делает предположение, и подтверждений любого рода катастрофически не хватает. Движение СРН представляет собой раннее постмодернистское господство созданной иллюзии над якобы объективной реальностью — то, что Бодрийар назвал бы стадией чистой симуляции

В большинстве случаев судебные разбирательства в отношении детских садов и дошкольных учреждений заканчивались либо оправданием обвиняемых, либо осуждением некоторых лиц по обвинениям, не связанным ни с сатанинскими, ни с ритуальными элементами. Даже эти

обвинительные приговоры часто отменялись, когда апелляционные суды рассматривали способы получения показаний от детей.

В одном деле в Нью-Джерси, воспитательницу детского сада Келли Майклс обвинили в

- слизывании арахисового масла с [детских] гениталий,
- игре на пианино в обнаженном виде,
- принуждении детей пить мочу и есть фекалии;
- нападении на них столовыми приборами, мечом и кубиками Лего;
- принуждении их играть в «кошачью игру», где они все раздевались догола и лизали друг друга.;
- ампутации детских пенисов;
- поставлении на одного из них настоящей машины и дерева.

Хотя эти нелепые обвинения не были подтверждены медицинскими доказательствами, в 1988 году Майклс была признана виновной по 115 пунктам обвинения в жестоком обращении с детьми и приговорена к сорока семи годам тюремного заключения. Две книги, посвященные реальным преступлениям, изобразили ее как воплощение патологического зла, а журналистка Анна Куиндлен использовала этот случай как пример того, почему общественность должна «верить детям» в случаях жестокого обращения.

При обжаловании защита показала, как детей склоняли к даче изобличающих показаний и вознаграждали или обвиняли в зависимости от того, соответствовали ли их показания картине, которую искало обвинение. Приговор был отменен, но только после того, как Майклс отбыла несколько лет своего срока. Ее дело стало одним из многих, развалившихся в эти годы, когда стало ясно, насколько чрезмерно рьяные прокуроры и терапевты зашли, вытягивая фантастические истории из дошкольников. [*21]

[Страница 178]

Несмотря на многолетние обвинения и расследования, к началу 1990-х годов не было представлено ни одного дела, подтверждающего угрозу ритуального насилия, что вызвало вопросы о достоверности всего изображения предполагаемой угрозы. Крайне важно, что ведущий следователь ФБР по делам о сексуальных группировках, Кеннет Ланнинг, оставался крайне скептически настроен к обвинениям в «оккультных преступлениях», и те, кто изучал обоснованность таких

обвинений, вскоре столкнулись с этим враждебным, или, по крайней мере, критическим, источником.

В 1994 году исследование, спонсированное NCCAN, по обвинениям в ритуальных преступлениях практически полностью опровергло все обвинения. В ходе масштабного опроса психологов, социальных работников, прокуроров и полицейских управлений исследователи обнаружили лишь несколько случаев, когда «одиночные преступники или пары» использовали ритуальные атрибуты для запугивания детей и, возможно, для придания странного острого ощущения сексуальным действиям. Однако *ни в одном из двенадцати тысяч* расследованных инцидентов не было ни малейшего намека на «хорошо организованный межпоколенческий сатанинский культ, который годами сексуально растлевал и пытал детей в их домах или школах и совершил серию убийств». [*22]

Провал судебных процессов над МакМartiном в 1990 году вызвал общую реакцию в СМИ против случаев ритуального насилия, а также случаев массового насилия, в которых отсутствовали явные ритуальные элементы.

Между 1990 и 1994 годами, разоблачительные статьи появились в таких разнообразных журналах, как

- *New Yorker*,
- *Harper's*,
- *National Review*,
- *Vanity Fair*;
- *Redhook*,
- *Mother Jones*,
- *Village Voice*, и
- *Playboy*.

И пока издатели продолжали выпускать вылепленные фантазии о «переживших» ритуальное насилие, они также публиковали критические исследования, такие как

- *Злоупотребление невинностью* (исследование дела МакМартин),
- *Сатанинская паника*, и
- *Молчание Сатаны* (полный разгром движения, выступающего против СРН).

Визуальные СМИ были столь же враждебны. После 1987 года большинство новостных программ и журналов на телевидении решительно выступили против доверчивого освещения сатанизма и педофилии, отчасти из-за смущенной реакции на экстравагантность бульварных документальных фильмов и ток-шоу. В начале 1990-х годов массовые преследования по обвинению в насилии подвергались критике в

- передачах *60 Минут* и *48 Часов* на телеканале CBS,
- в передачах *Primetime Live* и *20/20* на ABC,
- и документальных в фильмах в программе *Frontline* на канале PBS.

К 1995 году аналогичная критика достигла широкой аудитории благодаря телевизионной документальной драме *Обвинение*, в которой критиковалась работа прокуратуры и медийная истерия по делу МакМартина. [*23]

В средствах массовой информации сложилось общее мнение, что дело МакМартина и подобные ему дела стали рассматриваться как «охота на ведьм», что особенно уместно, учитывая оккультный характер многих обвинений. Этот термин получил популярность благодаря пьесе Артура Миллера *Суровое испытание*, в которой рассказывалось о том, как осужденные за колдовство в Салеме стали козлами отпущения за страхи и репрессии всего общества.

[Страница 179]

Также в этом контексте подразумевался сетевой механизм распространения обвинений: предположение о виновности позволяло приписывать одному подозреваемому нелепые или абсурдные обвинения, доказывая наличие серьезного зла в обществе. В этой параноидальной обстановке малейшее отклонение от нормы или неподобающее поведение воспринималось как признак принадлежности к заговору, а доказательства вины легко предоставлялись свидетелями, чья достоверность обычно не принималась во внимание, включая детей и психически неустойчивых людей; даже сны и посещения духов становились приемлемым доказательством противоправных действий. Возникшие среди отдельных критиков массовых преследований за злоупотребления в середине 1980-х годов, насыщенные риторические термины «охота на ведьм» и «Салем» теперь стали общепринятым описанием подобных дел и свободно применялись к таким случаям, как дело Келли Майклс. [*24]

Наступление новых взглядов стало очевидным в 1994 году, когда пастор церкви пятидесятников и его жена были обвинены в растлении детей в городе Уэнатчи, штат Вашингтон. Власти предположили, что в сеть сексуального насилия над детьми, действовавших в этом районе несколько лет, могли быть вовлечены еще до ста человек. По словам следователей, расследовавших предполагаемые оргии и изнасилования целых групп детей:

«Детей было так много, что им приходилось стоять и ждать своей очереди, чтобы начать сексуальные действия со взрослыми».

Хотя дело началось с отсылок к трагедиям МакМартина и Джордана, ожидания СМИ в этот раз были совершенно иными, и пресса начала использовать такие слова, как «охота на ведьм», уже на ранней стадии разбирательства. Источниками, использованными для контекстуализации событий в Уэнатчи, были не теоретики борьбы с культами, которые могли появиться несколькими годами ранее, а скептически настроенные журналисты-расследователи, такие как Дебби Натан и Дороти Рабиновиц.

С того момента, как это дело привлекло внимание всей страны осенью 1995 года, предполагалось, что обвинения, вероятно, отражают злонамеренность или некомпетентность следователей; подобные представления встречались в умеренных СМИ, таких как *Time*, а *Reader's Digest* опубликовал статью под названием «Охота на ведьм в Венатчи». *Wall Street Journal* превратил это дело в сенсацию, предположив, что оно представляет собой «смесь невероятных обвинений и безудержного преследования».

Репортаж CNN обобщал мнение местных жителей, которые чувствовали, что

«Недобросовестный полицейский офицер и одержимые социальные работники создали атмосферу сексуальной истерии, в которой взрослых запугивали, вынуждая к признаниям, а детей склоняли к обвинениям, отчасти с помощью сомнительной терапии «восстановления памяти»».

[*25]

Изменение медийной обстановки не могло не повлиять на решения будущих прокуроров, размышляющих о том, как действовать в отношении аналогичных обвинений. Никто не хотел рисковать получить клеймо преследования «еще одного МакМартина» или, возможно, теперь «еще одного Уэнатчи».

Примечательно, что Уэнатчи был изображен как пережиток другой эпохи, как пережиток «истерии» или атмосферы «охоты на ведьм» мрачных дней 1980-х годов. Типичным примером нового исторического консенсуса стал документальный фильм, показанный в 1996 году на канале ABC в программе *Turning Point*, в котором рассказывалось о деле двух детей из Бейкерсфилда, чьи показания отправили их родителей в тюрьму в 1984 году, но которые спустя годы сообщили о вопиюще неправомерных способах получения доказательств насилия. Отзывы о программе отражали формирующиеся стереотипы исторической ретроспективы:

«истерия, ... мстительные обвинители, доверчивые социальные работники, рьяные следователи и прокуроры, и присяжные, готовые поверить самым нелепым рассказам из уст детей, ... крайне невероятным или даже невозможным событиям, почерпнутым из легко поддающихся манипуляциям детей». [*26]

В программе дело рассматривалось в контексте дел МакМартина и Майклса, отмечалось, что сотни людей были ложно осуждены в подобных инцидентах.

Восстановленные воспоминания и ложные воспоминания

В 1996 году, в статье, опубликованной в газете *San Francisco Chronicle*, обсуждалась «охота на ведьм», которая привела к заключению Джорджа Франклина под стражу по обвинению в убийстве, впоследствии отмененному в апелляционном порядке. На первый взгляд, дело Франклина казалось мало чем похожим на преследование настоящих ведьм и оккультистов в рамках расследований ритуальных злоупотреблений.

Через много лет после предполагаемого факта, он был обвинён в убийстве маленькой девочки, и подвергнут суду за преступление; обвинения были предъявлены, когда его взрослая дочь заявила, что восстановила воспоминания о событии. Но позиция стороны обвинения была слабой, поскольку дочь не смогла предоставить никаких доказательств, которые нельзя было бы получить из газетных сообщений того времени. [*27]

Тот факт, что к делу Франклина было применено обозначение «охота на ведьм», говорит о том, насколько тесно вопрос восстановленных воспоминаний стал связан с дебатами о ритуальном насилии, поскольку

оба вопроса зависели от того, насколько можно было доверять рассказам, полученным в ходе терапии. Если человека осуждали за преступление на основании «воспоминаний», будь то взрослого или ребенка, было ли это более справедливым или надежным, чем использование «призрачных» доказательств со смертельным эффектом в Салеме XVII века?

Вера в восстановленные воспоминания первоначально не имела ничего общего с утверждениями о сатанизме. Эта идея коренилась в основных фрейдистских убеждениях о силе детского опыта, связанного с сексуальностью, и подавлении воспоминаний в более позднем возрасте.

[Страница 181]

Эти предположения стали частью мощной терапевтической тенденции начала 1980-х годов, когда неудачи и тревоги, с которыми сталкивались взрослые пациенты, связывали с забытыми случаями раннего насилия — воспоминаниями, которые терапевт восстанавливал с помощью гипноза или внушения.

В 1987 году Джудит Херман опубликовала ставший классическим текст — исследование группы женщин, которые во время терапии восстановили воспоминания о сексуальном насилии в детстве. После того, как их признали пережившими инцест, такие пациентки могли столкнуться со своими проблемами и начать процесс исцеления своего «внутреннего ребенка», обычно через группы взаимопомощи других переживших насилие, следуя знакомой модели Анонимных Алкоголиков. Эта концепция была популяризирована в таких книгах, как *Мужество исцелиться* Эллен Басс и Лоры Дэвис. Полки книжных магазинов, и без того заполненные книгами о выздоровлении, расширились, чтобы удовлетворить потребности «тайно переживших» инцест, жертв «токсичных родителей». Хотя изначально книги этого жанра были ориентированы на женщин, позже они убедили мужчин, переживших насилие, что им тоже больше не нужно быть «жертвами». [*28]

Эти терапевты считали, что насилие, скорее всего, имело место, хотя у них не было никаких подтверждающих доказательств, за исключением нечетко определенных симптомов, которые другие могли бы принять за случайные черты характера.

Книга *Мужество исцелиться* заверяет читателей:

«Если вы не можете вспомнить какие-либо конкретные примеры... но всё ещё имеете ощущение, что что-то насильственное произошло с

вами, скорее всего так и было. ...Если вы думаете, что вы подверглись насилию, и симптомы проявляются в вашей жизни, тогда так и было».

Отрицание тут является фактором:

«Выжившие прилагают огромные усилия, чтобы отрицать свои воспоминания. Одна женщина убедила себя, что все это было сном».

Скептицизм не поощрялся: как писала Э. Сью Блум,

«если вы сомневаетесь, что подверглись насилию, преуменьшаете масштабы насилия или думаете: „Может быть, это мое воображение“, — это симптомы пост-инцестного синдрома».

Тот факт, что пациенты верили в то, что с ними совершили ужасные поступки, сам по себе имел огромное значение, в то время как скептицизм со стороны терапевта нарушал бы доверительные отношения, считавшиеся необходимыми для успешного лечения. Консультантам были преподаны основные принципы выздоровления:

«Будьте готовы поверить в невероятное... Никто не фантазирует о произошедшем насилии... Верьте пострадавшему».

Отчасти потому, что СРН (сатанинское ритуальное насилие) стало столь неотъемлемой частью терапевтической культуры середины 1980-х годов, элементы этой мифологии повлияли на рассказы, которые терапевты теперь извлекали из своих пациентов, и воображаемая реальность этой эпохи, таким образом, проецировалась на более ранние десятилетия, образуя кошмарную псевдоисторию, книга *Мужество исцелиться* включала влиятельный раздел о ритуальном насилии и убийствах, с подтверждающими ссылками на книги *Мишель помнит* и *Абсолютное зло*. [*29]

[Страница 182]

Хотя движение за выздоровление выражается в психологических терминах самопомощи, его сила и устойчивость обусловлены всепроникающим идеологическим и даже религиозным характером. В работе с жертвами инцеста используются древние темы, такие как утрата первоначальной невинности в результате сексуального греха и восстановление незапятнанного детского состояния. Это восстановление, столь же знакомое евангелической традиции, часто происходит в внезапный эмоциональный момент осознания, который по сути является опытом обращения.

Аналогия не совсем точна, поскольку жертва осознает не свое собственное потерянное и греховное состояние, а зло, ниспосланное ей насильником, но лежащая в основе структура утраты, возрождения и искупления верна. Также напоминающим религиозные системы является акцент на вере, на вере в свидетельства других, даже если это прямо противоречит здравому смыслу: детям, внешним или внутренним, нужно верить любой ценой. Как и во многих религиях, переживание инцеста подразумевает мировоззрение, неподвластное опровержению или даже оспариванию с точки зрения общепринятых стандартов доказательств или рациональности.

Число терапевтов, занимающихся лечением по восстановлению памяти, резко возросло с конца 1980-х годов. Принятие этих идей получило импульс, когда такие знаменитости, как Розанна Барр и Опра Уинфри, объявили себя пережившими инцест, что создало сенсационный образ, приведший к статьям в популярных журналах, таких как *Cosmopolitan* и *Lear's*. Уинфри спонсировала телевизионный документальный фильм под названием *Запуганные до молчания: разоблачение и прекращение жестокого обращения с детьми*, который транслировался по всем телеканалам в сентябре 1992 года, и, как сообщается, массовая общественная реакция привела к тому, что 150 000 зрителей обратились за помощью на *Национальную горячую линию помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения*.

Как и в 1970-х годах, обеспокоенность по поводу жестокого обращения с детьми отражала более широкую тревогу по поводу сексуального насилия в отношении женщин – темы, регулярно освещавшейся в средствах массовой информации в начале 1990-х годов, часто в контексте «преследования» женщин психически неуравновешенными мужчинами. [*30]

Осведомленность о широко распространенном сексуальном домогательстве достигла беспрецедентного уровня благодаря двум скандалам: слушаниям по утверждению кандидатуры Клэренса Томаса на должность судьи Верховного суда и делу «Тейлхук», в котором мужчины-военно-морские летчики совершали нападения на своих коллег-женщин. К 1991-92 годам проблема сексуального насилия оказалась в центре внимания американской гендерной политики.

Идея восстановления подавленных воспоминаний получила распространение благодаря телевизионным фильмам и ток-шоу, а также описаниям в романах, таких как «Тысяча акров» Джейн Смайли. История Эллен Франклин получила положительный отклик даже в программе «60

минут», обычно враждебно настроенной к терапевтическим заявлениям в области насилия. В ряде других случаев восстановленные воспоминания использовались для осуждения лиц за тяжкие преступления, включая убийство, а воспоминания

[Страница 183]

о виктимизации служили основанием для гражданских исков, предоставляя благодатную почву для адвокатов.

Законодательные органы отнеслись к этому с пониманием: в 1990 году Калифорния стала первым штатом, продлившим срок давности по делам о насилии с девятнадцати до двадцати шести лет, а также разрешившим подавать иски в течение трех лет после того, как человек любого возраста *вспомнил* о совершенном преступлении. Этому примеру последовали более двадцати штатов в течение следующих двух лет. Эта реформа значительно расширила возможности для гражданского судопроизводства, и в течение следующих трех лет было подано несколько сотен исков, большинство из которых касались взрослых женщин, подающих в суд на членов своих семей. В 1992 году «священник-педофил» Джеймс Портер был успешно привлечен к ответственности после того, как несколько бывших жертв вспомнили о пережитом насилии. [*31]

Некоторые учёные и психологи давно скептически относились к возможности восстановления якобы утраченных воспоминаний, подозревая как методы, используемые в терапии, так и вероятность того, что воспоминания будут точно отражать события, которые действительно произошли.

Эта критика была подкреплена группами давления, состоящими из людей, которые жаловались, что они пострадали из-за ложного обвинения в насилии. *ВОКАЛ (Victims of Child Abuse Laws - Жертвы законов о насилии над детьми)* возникла после процессов в Джордане в 1984-85 годах, и *Фонд Синдрома Ложных Воспоминаний (FMSF, ФСЛВ)* основанный в 1992 году, утверждал о наличии нескольких тысяч участников к середине 1990х годов.

После 1992 года средства массовой информации стали всё активнее атаковать концепцию восстановленных воспоминаний. Обвинение заключалось в том, что обеспокоенность по поводу сексуального насилия привела к созданию терапевтической индустрии, заинтересованной в выявлении сексуальных травм, в то время как сомнительные методы лечения порождали ложные обвинения.

Восстановительное движение подверглось нападкам в журнальных статьях и репортажах, распространяемых через синдикаты, и в таких известных СМИ, как *Time* и *Newsweek*; в 1993 году, *New York Times* осудила «машину переживших инцест».

Вновь, телевизионные новостные программы от *20/20* и *60 Минут* до *Primetime Live* были в авангарде критических репортажей, демонстрирующих скептицизм, который они усвоили во время дебатов на тему СРН. Истории, которые появлялись в таких программах, обычно следовали хорошо установленному паттерну. Обычно, женщина или девушка-подросток получала консультацию у терапевта по поводу личной проблемы, вроде расстройства пищевого поведения, только чтобы быть убеждённой через несколько недель или месяцев, что её реальная проблема может быть прослежена до ранней истории ритуального насилия, в которой приняли участие её родители. «Жертва» разрывала связи со своей семьей, которая в отчетах изображалась как растерянные пожилые невинные люди

[Страница 184]

совершенно не понимающие предъявленных им обвинений. Никогда не возникало сомнений в том, что воспоминания были сознательно или иным образом сфабрикованы во время взаимодействия терапевта и пациента и внедрены в процессе работы «фабрик памяти». [*32]

Двойная атака - на ритуальное насилие и восстановленные воспоминания - достигла впечатляющего масштаба между 1993 и 1995 годами. Вскоре появилась растущая научная литература, посвященная дебатам на тему памяти и синдрома ложных воспоминаний. Враждебно настроенная критика была опубликована в книгах в заголовках навроде

- *Миф о подавленном воспоминании или*
 - *Создавая монстров: ложные воспоминания, психотерапия и сексуальная истерия*
- в то время как название *Жертвы памяти* в полной мере отражало тему того, что терапевтическое рвение защитить детей нанесло вред невинным жизням.

Нападение на ложные воспоминания стало почти обязательной темой для всех крупных СМИ. В качестве основы для этих исследований часто использовались научные работы психолога Стивена Сеси, показавшие, как многократные опросы детей в течение длительных периодов времени порождают ложные, но правдоподобно звучащие воспоминания,

которые испытуемые с убеждением выдают за объективную реальность: при определенных обстоятельствах вопрос становился ответом.

Пресса сообщала об этом исследовании в уважительных тонах примерно с 1990 года, но публикации стали гораздо более частыми в течение критических 1993-94 годов, получая освещение на первой полосе в газете *New York Times*.

Результаты исследований Сеси легли в основу сюжета в программе *20/20*, в котором подчеркивалась неспособность экспертов отличить подлинные воспоминания от искусственно созданных. В программе *Primetime Live* на канале ABC было высказано предположение, что терапевты создают ложные воспоминания о ритуальном насилии у взрослых пациентов, эта тема также обсуждалась в специальном выпуске новостей CNN. [*33]

В то же время, в середине 1993 года средства массовой информации широко освещали развал дела Майклса и другие случаи судебных ошибок в делах о сексуальном насилии.

Один из странных случаев, получивших широкую огласку в то время, касался двух женщин, которые утверждали, что помнят ритуальное насилие со стороны своего отца, Пола Ингрэма, который признался, но затем отказался от своих показаний. Сага об Ингрэме подробно освещалась в журнале *Нью-Йоркер*, прежде чем легла в основу книги, а в 1996 году получила широкую известность благодаря телефильму *Забывтые грехи*.

Еще более влиятельным стало дело Стивена Кука, который в конце 1993 года дал показания о том, что в середине 1970-х годов он стал жертвой сексуального насилия со стороны двух католических священников: одним из них был Джозеф Бернардин, который впоследствии стал чрезвычайно популярным кардиналом Чикаго. [*34]

Несмотря на широкую огласку в национальных СМИ, Кук вскоре отозвал свои обвинения, признав, что его «воспоминания» были искажены во время терапии. Дело Бернардина

[Страница 185]

общественное негодование по поводу доверчивости СМИ, которые сообщали необоснованные и фантастические истории.

Против пострадавшего скептически настроенные комментаторы противопоставляли «отрёкшегося» — человека (опять же, обычно женщину), который осознал, что его заявления не отражают объективную реальность.

Новая враждебность к терапии проявилась в судебных делах, в которых неправомерно обвиненные родители успешно подавали в суд на терапевтов, выдвинувших такие обвинения, на основании халатности или клеветы. Сомнения в обвинениях в насилии усиливались широко освещаемыми случаями, когда обвинения в насилии цинично использовались в качестве оружия в делах об опеке над детьми — проблема, которая вызывала озабоченность с конца 1980-х годов. [*35]

После эпохи правовых реформ, основанных на принципе развода без установления вины, обвинения в насилии стали мощным средством для возвращения понятия вины и обеспечения преимущества в переговорах.

Новая атмосфера была навеяна двумя продолжительными репортажами по этой проблеме: оба были показаны в престижном документальном сериале PBS *Frontline* в 1995 году и сняты Офрой Бикель, которая ранее критически освещала дела в Эдентоне. В одной из программ рассматривались рассказы о пережитом сатанинском насилии и показывалось, как терапевты с удивительной скоростью предполагали наличие в том или ином случае элементов культа: на основании минимальных доказательств восьмилетнему мальчику был поставлен диагноз «запрограммированный убийца из культа», требующий длительного психиатрического заключения. Программа раскрыла поразительную прибыльность такого лечения, в рамках которого страховые компании платили несколько миллионов долларов за госпитализацию и лечение пациентов. Один психолог отметил, что диагнозы множественного расстройства личности (МРЛ) особенно часто ставились пациентам с богатыми страховыми планами. [*36]

Возможно, последним ударом по индустрии восстановления памяти стало растущее число пациентов, которые во время терапии рассказывали о насилии и похищениях инопланетянами и НЛО — опыте, который просто не мог произойти объективно; однако эти сообщения подкреплялись теми же аргументами, что и рассказы о насилии в детстве.

Как и в случае с пережившими сексуальное насилие, истории о похищениях повторялись по всей стране и даже по всему миру, и оба типа людей сообщали о поразительно схожих переживаниях, даже в

отношении одних и тех же предполагаемых шрамов или физических следов насилия. [*37]

Если бы события, связанные с НЛО, не происходили в буквальном смысле, почему вообще следует доверять сообщениям о ритуальном насилии или насилию любого рода? Вера в сексуальное насилие уже подразумевала признание существования реальных колдунов и ведьм: неужели нужно верить еще и в демонов из других миров? Граница между психиатрией и некромантией размывалась.

[Страница 186]

Обратная реакция

В 1994 году, сборник эссе был опубликован под заголовком *Обратная реакция: защита детей под огнём*. На первый взгляд, фраза может казаться странной, поскольку нынешний американский президент более откровенно прибегал к риторике прав и интересов детей, чем кто-либо из его предшественников, и не было уменьшения активности агентств по защите детей и службы по обеспечению безопасности детей.

В то время как может быть, не было обратной реакции против идеи защиты детей как таковой, было не удивительно видеть реакцию против элементов недавних кампаний и растущий скептицизм, вызванный надуманными заявлениями о ритуальном насилии и восстановленной памяти. Эти изменения не могли не вызвать вопросов о расследовании случаев насилия в семье. В связи с многочисленными ложными обвинениями родителей и близких людей, феминистская идея о повсеместности инцеста утратила тот консенсус, который она ненадолго достигла в 1980-х годах. Активисты, занимающиеся защитой детей, оказались в оборонительной позиции, вынужденные отрицать, что насилие над детьми — это «охота на ведьм», а Анна Куиндлен бросила вызов распространенному мнению о том, что «существует национальная истерия по поводу сексуального насилия над детьми». [*38]

Новое общественное настроение повредило изображению терапевтической профессии, которая получила так много выгоды от движения в защиту детей, и идея сатанинского ритуального насилия (CRN) получила поддержку от выдающихся представителей идеи «верить детям», вроде Дэвида Финкельхора и Роланда Саммита.

Глория Стейнем предлагала поддержку терапевтам, занимающимся лечением состояний множественной личности у переживших ритуальное

насилие, и оказывала финансовую поддержку проекту по раскопке «туннелей» МакМартина. Хотя защитница прав детей Фэй Ягер была героиней СМИ в конце 1980-х годов, к 1992 году она сама оказалась под судом по обвинению в жестоком обращении с детьми. Среди прочего, утверждалось, что она

"запугивала... детей, заставляя их утверждать, что их отец подвергал их сексуальному насилию и поклонялся дьяволу".

В конечном итоге Ягер была оправдана, но СМИ проявили необычайную враждебность к активистам, а журнал *People Weekly* прокомментировал «суд над линчевателем, мстителем за насилие над детьми». [*39]

В критике терапии памяти в СМИ обычно содержалась оговорка о том, что правдивость большинства жалоб на злоупотребления не вызывает сомнений, и что ложные обвинения вредны, поскольку могут привести к необоснованному скептицизму в отношении подлинных жалоб. Однако обвинения в неправомерных действиях и ложных обвинениях подкрепляли утверждения о том, что подозреваемые были несправедливо вовлечены в «охоту на ведьм».

Сообщения о неправомерных обвинениях стали всё чаще появляться в популярной культуре.

[Страница 187]

Это было темой романа Джейн Гамильтон *Карта мира*, также как и статей в журналах наподобие *Newsweek*. Как подзаголовок одной газетной статьи суммировал большинство этих историй

«Ложное сообщение о жестоком обращении с детьми: испуганные дети, рьяный социальный работник и судебный иск».

Такое восприятие способствовало новой тенденции судов ограничивать широкие полномочия, которыми обладали правоохранительные органы и социальные службы в 1980-х годах. [*40]

В период с 1992 по 1994 год федеральные апелляционные суды даже рассматривали некоторые дела, в которых расследования по делам о детской порнографии были признаны нарушающими права обвиняемых.

Когда в 1993 году в Массачусетсе дело о сексуальном насилии завершилось осуждением пожилой супружеской пары, Суза, реакция общественности резко контрастировала с тем, чего можно было ожидать

пять или десять лет назад, когда обвиняемых представили бы как воплощение зла, и могли бы возникнуть предположения о более широких связях или причастности к культу.

Журнал *Newsweek* изображал пару на обложке специального выпуска, посвящённого злоупотреблению детскими свидетельствами, под заголовком «Спешка в вынесении приговора». Пара появилась в программах Фила Донахью и *Today Show*, в каждом из которых их представили как жертв охоты на ведьм на почве сексуального насилия над детьми, и эта история была рассказана наряду с другими случаями судебных ошибок, такими как дело Майклса.

В 1977 году, СМИ единогласно решили, что сексуальное насилие над детьми было настолько всепроникающим злом, что никакая мера не была слишком экстремальной, чтобы противостоять ему; в 1993 году, те же источники обнаружили, что война с насилием над детьми могла включать зверства с обеих сторон, и вызвала серьёзный ущерб невиновным жертвам. [*41]

Сторонники защиты детей были встревожены.

В издании книги *Мужество исцелиться* 1994 года был опубликован ответный выпад против пагубных последствий негативной реакции, озаглавленный «Почитание истины»; но даже в этой книге сатанинское ритуальное насилие (СРН) теперь превратилось в «садистское ритуальное насилие», возможно, отражающее смущение по поводу сатанинских заявлений. Комментируя нападки на терапию памяти, Джудит Херман пожаловалась что,

«Мы вернулись к тому, с чего начали двадцать лет назад. Это мобилизация обвиняемых и их защитников, чтобы отвлечь внимание от преступников и переключить его на жертв и вопросы их достоверности».

Скептические статьи, подобные тем, что в большом количестве появились в 1993 году, осуждались как «реакция против переживших насилие», попытка «вернуться к исходной точке в нашем понимании инцеста». Герман был одним из многих сторонников обвинения в том, что «сторонники педофилии» сами влияют на дискуссию о ложных воспоминаниях, чтобы скрыть свои собственные злодеяния. Это обвинение обычно сопровождалось значительным преувеличением способности таких групп, как VOCAL и FMSF, влиять на средства массовой информации.

[Страница 188]

Роман Эндрю Вахсса *Ложные обвинения* изображает профессионального «разоблачителя» обвинений в насилии над детьми, который был шокирован, расследуя дело, в котором сеть педофилов была в самом деле вовлечена в зверства на протяжении многих лет. [*42]

Однако вынужденное опровержение одного из его ключевых свидетелей раздувается враждебно настроенными СМИ, которые представляют дело как салемскую охоту на ведьм, организованную злонамеренным «феминистским психологом». Таким образом, «Салем» становится ложным предлогом для отвлечения внимания общественности от реальных преступлений против детей, частью риторического арсенала самих педофилов.

Такие опасения оказались чрезмерными, поскольку как правоохранительные органы, так и СМИ продемонстрировали сочувствие к обвинениям в жестоком обращении с детьми, которое было бы немыслимо до 1970-х годов, но Герман и Вахсс были правы, обнаружив новый скептицизм в отношении насилия и особенно указав на инцест как на концепцию, наиболее пострадавшую от этого провала.

В обозримом будущем обвинения в насилии внутри семьи и в ближайшем окружении, вероятно, будут рассматриваться со скептицизмом, особенно если они предполагали какую-либо степень более широкой организации среди родителей, соседей и учителей или если доказательства были получены иными способами, помимо привычных реактивных методов работы полиции. Вмешательство социальных работников или терапевтов с большой вероятностью приводило к обвинениям в том, что это был еще один Салем или охота на ведьм.

В отличие от этого, подобного скептицизма не наблюдалось именно в те годы, когда правоохранительные органы выдвигали далеко идущие обвинения в адрес странствующих убийц и похитителей детей. Хотя проблема жестокого обращения с детьми как таковая все еще имела сильный резонанс, она достигала наибольшей силы, когда рассматривалась в контексте насильников и педофилов, которые нападали извне дома и семьи, в контексте того, что теперь стало известно как сексуальный хищник. Полвека спустя, в модернизированном и технологичном обличье, сексуальный маньяк вернулся, чтобы преследовать американскую общественную жизнь.

9. Полный круг

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЕКСУАЛЬНОГО ХИЩНИКА В 1990е ГОДЫ

[Страница 189]

Хронические сексуальные хищники пересекли осмотическую мембрану. Они не могут вернуться на другую сторону — на нашу. И не хотят. Если мы не убиваем их или не отпускаем, у нас остается только один выбор: назвать их монстрами и изолировать. ...

Я разговаривал со многими хищниками на протяжении многих лет. Они всегда удивляются тому, что мы на них не охотимся. И что, когда мы их ловим, в конце концов отпускаем. Наше отношение — это преднамеренное вмешательство в дарвинизм, угроза для нашего вида.

ЭНДРЮ ВАХСС

Не доверяйте никому, в ком сильно стремление наказывать.

ФРИДРИХ НИЦШЕ

После конца 1980х годов, растлители детей воспринимались как экстремально настойчивые в своих девиантных действиях, имея сексуальные контакты с очень большим числом детей в течение многих лет. Они были практически неостановимые, будь то посредством повторяющегося заключения или продолжительных программ лечения или терапии, поскольку их поступки проистекали не от временной или обратимой слабости характера, но от глубоко укоренившейся болезни или моральной порочности. И теперь, многие верят, что сексуальные преступники мобилизовали последние технологии в их безжалостном стремлении найти жертв, так что киберпространства стали потенциальным охотничьим угодьем, столь же опасным, как одинокий парк или поле. Беспокойство, что педофилы используют Интернет в качестве средства, чтобы соблазнить детей и распространять непристойные материалы, привело к созданию целого лексикона - *киберпорно, киберсталкеры* и так далее. Этот всплеск страха, приведший к принятию нового федерального законодательства в 1995-96 годах, является ярким свидетельством изменчивости идеи

[Страница 190]

о жестоком обращении с детьми и ее способности адаптироваться к меняющейся политической и технологической обстановке. Сегодняшняя паника по поводу сексуальных преступлений столь же сильна, как и в конце 1940-х годов, и она наделила хищника в национальной демонизации ролью, столь же заметной, как и роль его психопатического предшественника. Мы действительно прошли полный круг.

Переосмысление педофилов

В течение 1980х годов, законодатели и органы уголовного правосудия стали уделять сексуальным преступлениям гораздо больше внимания, чем раньше, а изменения в судебных процедурах упростили вынесение обвинительных приговоров. Поэтому неудивительно, что число привлеченных к ответственности преступников существенно возросло.

В 1988 году в тюрьмах страны находилось около 58 000 сексуальных преступников; к 1990 году это число увеличилось до 85 000, что составляет рост на 47 процентов всего за три года, и сексуальные преступники (независимо от определения) составляли одну шестую часть всех заключенных в федеральных и государственных учреждениях.

Среди штатов с наибольшей долей по всей стране были Вашингтон (30 процентов) и Колорадо (27 процентов). К 1993 году в Калифорнии за сексуальные преступления отбывали наказание 16 000 человек, в Техасе — 10 000. К середине десятилетия исправительные органы контролировали 234 000 сексуальных преступников, 60 процентов из которых находились на условно-досрочном освобождении или под надзором.

Хотя резкий рост числа известных и осужденных преступников в значительной степени стал результатом переориентации приоритетов правоохранительных органов, он подтвердил утверждения о том, что сексуальное насилие над детьми представляет собой вышедшую из-под контроля эпидемию. [*1]

В исследованиях теперь особое внимание уделялось роли рецидивистов, профессиональных сексуальных преступников. Показатели рецидивизма были достаточно тревожными, но интервью с заключенными педофилами свидетельствовали о том, что протоколы арестов отражают лишь очень малую часть картины. В крайних случаях осужденные педофилы рассказывали о своей карьере, в ходе которой они совершили насилие над несколькими сотнями детей, в основном без каких-либо юридических последствий.

Достоверность таких признаний вызывала споры, поскольку заключенные любого рода известны своей склонностью рассказывать истории, которые, как они знают, ожидают услышать их консультанты и терапевты, но, тем не менее, больше не казалось разумным повторять мнение о том, что растление - это единичный случай..

Новые представления отразились в языке, используемом как экспертами, так и широкой публикой, где термин *педофил* описывал практически любого, кто имел сексуальные отношения с несовершеннолетним, и содержал всё более зловещие коннотации

одержимости и насилия. Чем больше акт растления являлся симптомом врожденного расстройства личности, тем менее восприимчивым

[Страница 191]

к сдерживанию или исправлению был преступник. Эти значения особенно сильно ассоциировались с термином *серийный педофил* или *серийный растлитель*, который стал распространенным в конце 1980-х годов под влиянием известной фразы «серийный убийца». [*2]

Технически этот термин точен, поскольку человек, совершающий одно и то же преступление неоднократно, действительно совершает серию правонарушений, но на практике слово *серийный* подразумевает компульсивность и крайнюю опасность.

Хищники

В 1980-х годах штат Вашингтон стал пионером в разработке правовых механизмов борьбы с сексуальными преступниками, особенно в округе Кинг, Сиэтл, где специализированные подразделения вызывали как похвалу, так и критику за энергичное и активное расследование случаев жестокого обращения с детьми.

Институционализация движения за защиту детей создала контекст для яростной общественной реакции на ужасающую серию преступлений, реакция, которая достигла кульминации в принятии там в 1990 году закона о сексуальных хищниках.

Самым сенсационным делом был случай с Эрлом К. Шрайнером, который в мае 1989 года напал на семилетнего мальчика, изуродовав его гениталии и оставив умирать. Шрайнер накапливал впечатляющую криминальную историю с середины 1960-х годов, когда он был госпитализирован после предполагаемого убийства одноклассника мужского пола; Впоследствии он был приговорен к тюремному заключению за растление несовершеннолетних в 1977, 1987 и 1988 годах. В тюрьме Шрайнер сконструировал фургон, который, как сообщается, он планировал использовать для похищения, пыток и убийства детей, и сотрудники исправительных учреждений знали об этом. Тем не менее, его освободили. Вопрос заключался в том, почему преступника выпустили на свободу, когда так много доказательств указывало на то, что он был способен и стремился причинить еще больший вред. [*3]

Законодательное собрание штата Вашингтон находилось под огромным давлением общественности, требующей принять меры в отношении сексуальных преступников, ужесточить наказания и усилить тюремное заключение и надзор за преступниками, для которых лечение было

бесполезным. Законодательная комиссия предложила длительное тюремное заключение для особо опасных сексуальных преступников, которые наказывались бы не только за конкретное деяние, приведшее их к контакту с системой уголовного правосудия, но и за предполагаемую будущую опасность. Принятый в 1990 году закон предусматривал информирование общественности и длительное, даже неопределенное тюремное заключение.

Опасные сексуальные преступники были обязаны регистрироваться в полиции при переезде в жилые районы, чтобы соседи, включая школы, детские сады и приюты для женщин, могли быть должным образом предупреждены. Вторая составляющая закона предусматривала специальное содержание под стражей: после отбытия сексуальным преступником его наказания

[Страница 192]

за конкретное преступление государство имело право задерживать его после даты освобождения до слушания по вопросу о принудительной госпитализации, когда признание его будущей опасности могло привести к бессрочному заключению в центре строгого режима. [*4]

Следуя прецеденту законодательства о сексуальных психопатах, новая мера объединила гражданские и уголовные процедуры в законе, который отражал лучшие стороны обоих подходов, или, по крайней мере, элементы, наиболее выгодные для прокуроров. Само по себе принудительное лечение в психиатрических учреждениях дает возможность бессрочного заключения, но это рискованно, поскольку психиатрические учреждения иногда освобождают людей гораздо раньше, чем это было бы в случае отбывания уголовного наказания в 1980-х годах.

В ряде юрисдикций были приняты законы, разрешающие длительное заключение для сексуальных преступников, а в 1986 году Верховный суд одобрил меру штата Иллинойс, которая позволяла прокурорам выбирать, хотят ли они возбуждать гражданское или уголовное дело против конкретного обвиняемого.

В Вашингтоне этот принцип был развит законом, который фактически предусматривал уголовную санкцию, но оправданную с точки зрения гражданского медицинского дела. Тем не менее, конечный результат был суммирован заголовком в *New York Times*: в Вашингтоне «Стратегия в отношении сексуальных преступлений — это тюрьма, затем тюрьма». [*5]

Критики утверждали, что закон был не только суровым, но и неконституционным, имеющим обратную силу. Он применялся к

преступникам, освобожденным после вступления закона в силу, но осужденным до его принятия: другими словами, человек, осужденный за преступление 1985 года, содержался бы под стражей бессрочно в соответствии с положениями, которых не существовало на момент совершения им преступления. Закон также содержал элементы двойной ответственности, поскольку диагноз «опасный преступник» устанавливался в суде на основании доказательств, полученных в ходе расследования прошлых преступлений этого человека.

Это могло включать, например, заслушивание показаний женщин, изнасилованных мужчиной, который уже был осужден за эти преступления. Теоретически, свидетели возвращались в суд с совершенно другой целью - оценки будущей опасности подсудимого, но выглядело это так, как будто повторно рассматривались более ранние дела.

Несмотря на сомнения некоторых наблюдателей в его конституционности, закон штата Вашингтон привлек внимание других юрисдикций и цитировался, когда в других штатах или городах происходили громкие преступления, связанные с сексуальными преступниками. [*6]

К 1995 году аналогичные законы были приняты в Аризоне, Калифорнии, Канзасе, Миннесоте и Висконсине, а еще сорок штатов рассматривали сопоставимые меры, предполагая, что юридические сложности будут урегулированы.

Распространению законов о хищниках способствовали и другие печально известные преступления, совершенные в течение следующих двух-трех лет, и наиболее впечатляющим примером стал еще один случай

[Страница 193]

из Вашингтона, где в период с 1991 по 1993 год Уэсли Алан Додд находился на пике своей национальной известности. Твердо решив добиться казни, Додд постоянно представлял себя в самом худшем свете, хвастаясь безжалостностью своих преступлений и предупреждая, что судебная система никогда не сможет его контролировать, если он будет освобожден. В своих телевизионных интервью он казался одновременно красноречивым и совершенно хладнокровным, воплощением безжалостного и бескомпромиссного хищника, охотящегося на маленьких детей. Додд также вел дневник, в котором излагал свои гротескные фантазии о сексуальных и хирургических зверствах, которые он планировал совершить против будущих жертв; отрывки из дневника были показаны в телевизионных новостях, а его полная версия стала доступна в Интернете.

Подобно Эрлу Шрайнеру, Додд неоднократно сталкивался с полицией, судами и психиатрами, большинство из которых не смогли распознать его смертельный потенциал; до сих пор он не пережил ничего хуже, чем короткие сроки в тюрьмах или психиатрических учреждениях.

Дело Додда привлекло внимание всей страны с самого начала. Газета New York Times использовала эту историю в качестве основы для репортажа на первой полосе; в мае 1991 года программа *48 часов* на канале CBS показала душераздирающие интервью с Доддом и отрывки из его «дневника смерти»; а в следующем году программа «Фронтлайн» на канале PBS посвятила Додду сюжет о сексуальных преступниках под названием «Монстры среди нас». Додд снова дал интервью в сюжете CNN, показанном незадолго до его казни в январе 1993 года, после чего последовали исследования в жанре криминальной хроники. К моменту его смерти, едва ли будет преувеличением сказать, что Додд широко считался олицетворением зла, совершенным хищником. [*7]

Хотя слово *хищники* стало ключевым в законодательных дебатах середины 1990х годов, оно не имело юридического значения, и приобрело свои сексуальные коннотации лишь совсем недавно

(хотя это и напоминает термины, использовавшиеся Дж. Эдгаром Гувером много лет назад).

Это, конечно, метафора: хищное животное — это животное, которое выживает, охотясь и поедая других животных, и только по аналогии его деятельность сравнима с преследованием и сексуальной эксплуатацией другого человека человеком.

До 1990х годов, слово *хищник* появлялось часто в новостях, но обычно его можно было найти в сообщениях о финансовых операциях: корпорацию, агрессивно стремящуюся поглотить другую, — распространенный сценарий во время бума слияний в середине 1980-х годов, — часто называли хищником. Только примерно в 1990 году этот термин приобрел сексуальный или насильственный смысл, и даже тогда он был достаточно необычным, чтобы заслуживать кавычек и дополнительных пояснений. [*8]

До 1990 года это слово в сексуальном смысле обычно встречалось в художественной литературе

[Страница 194]

о преступлениях и в историях о реальных преступлениях, где оно широко использовалось в названиях книг и аннотациях, наряду с фразами, подразумевающими примитивизм, звериную жестокость и

охоту. Хищных монстров нужно «выслеживать», а следователи — «охотники за разумом».

Описание реальных сексуальных преступников, страдающих компульсивным сексуальным расстройством, как хищников, можно проследить до работ криминальных писателей Эндрю Вахсса и Джека Олсена.

- Вахсс регулярно использовал это слово в таком значении примерно с 1990 года в своих романах и газетных колонках, часто в контексте своих социально-биологических теорий: например, в отрывках, которые столетие назад имели бы большой смысл для теоретиков евгеники, он предполагает, что мы ставим под угрозу наше выживание как вида, если игнорируем предполагаемый «биологический императив» защищать детей от сексуальных преступников. В 1990 году он опубликовал статью с предостерегающим названием «Сегодняшний ребенок, подвергшийся насилию, может стать завтрашним хищником», новаторский пример использования слова *хищник* как синонима серийного растлителя.
- Книга Олсена 1991 года *Хищник* представляла собой исследование случая серийного насильника, действовавшего в штате Вашингтон, и, предположительно, популярность книги в этом регионе сделала её известной среди законодателей и представителей СМИ.

Хотя современное понятие «сексуальные хищники» зародилось в образном языке сенсационных криминальных писателей, оно все чаще стало ассоциироваться с преступлениями сексуального насилия и преследования

(еще один пример охотничьей метафоры, вошедшей в законодательный кодекс в эти годы).

Понятие хищника получило национальное распространение благодаря обширным сообщениям о законе штата Вашингтон, который в ноябре 1991 года был рассмотрен в специальном выпуске программы *48 часов* под названием «Хищники», и после этого вошло в обиход.

- В 1991 году «хищник» был приговорен к тюремному заключению за избиение и похищение нескольких женщин в Колорадо.
- В 1993 году развернулись дела судьи из Теннесси, который стал хищником из-за своих сексуальных нападений на женщин, а
- также нападения на школу в Калифорнии со стороны хищного растлителя. В 1996 году мы начали слышать о «киберпространственном хищнике». [*9]

К тому времени этот термин стал неотъемлемой частью новостных заголовков: в 1994 году упоминаний о сексуальных хищниках было больше, чем за предыдущие восемь лет вместе взятых. Если в 1985 и 1986 годах термин *сексуальный хищник* ни разу не появлялся в крупных

газетах, то вскоре ситуация изменилась. Хотя в 1987-1989 годах он встречался лишь несколько раз в год, оно появлялось

- в среднем 140 раз в год в 1990-92 годах.
- В 1993 году этот термин был использован 321 раз, а затем частота его применения резко возросла:
- В 1994 году было зафиксировано 865 упоминаний о сексуальных хищниках,
- в 1995 году, 924 упоминания.

В прессе широко освещались истории об опасных растлителях и хищниках, которые часто появлялись в непосредственной близости от других статей о ложных обвинениях в случаях

[Страница 195]

ритуального насилия или восстановления воспоминаний: один тип угрозы постепенно приобретал всё большую популярность в СМИ, в то время как другой терял свою привлекательность.

В 1992 году СМИ описали случай Эдди Савитца, который заманивал сотни мальчиков в свою квартиру в Филадельфии, и ситуация усугублялась тем, что у «дяди Эдди» был СПИД. В действительности, фетишистские действия, которыми наслаждался Савитц, не несли риска передачи болезни, но наличие СПИДа значительно усиливало потенциальный вред от насилия.

В другом широко обсуждаемом случае Дэвид Ли Томпсон признался в растлении многочисленных маленьких девочек как минимум в пяти штатах в начале 1990-х годов, и хотя его действия не были связаны с насилием, его фантазийные сценарии включали убийство детей.

В отличие от этого, дело Льюиса Лента начала 1994 года действительно включало в себя похищение и убийство детей в Новой Англии и Нью-Йорке. Глубина общественного негодования по поводу сексуальных преступников проявилась, когда калифорнийка Элли Неслер стала популярной героиней после того, как убила мужчину, обвиненного в растлении ее маленького сына. Первоначально история была представлена как история матери, добивающейся справедливости против жестокого насильника, которому потакал закон, но она освещалась всеми крупными телевизионными новостными программами и ток-шоу и вдохновила на создание наклеек на бамперы автомобилей, прославляющих «Л. И. Лоу», то есть «Закон Элли». [*10]

В 1992 и 1993 годах общественное беспокойство по поводу сексуального насилия со стороны духовенства достигло своего пика, причем

некоторые случаи касались настоящих серийных педофилов, таких как священник из Массачусетса Джеймс Портер. Однако в действительности подавляющее большинство священнослужителей, чья репутация была подорвана, имели дело с подростками, а не с маленькими детьми, и популярность фразы *священники-педофилы* является убедительным свидетельством того, насколько далеко продвинулось слово *педофил* в качестве общего термина для любого взрослого, имеющего сексуальные отношения с несовершеннолетними. На самом деле, следует еще раз подчеркнуть, что *педофилия* относится

только к сексуальным домогательствам в отношении детей до полового созревания.

Тема жестокого обращения с детьми прочно укоренилась в массовой культуре с конца 1970-х годов, но теперь изображения, как правило, более резко фокусировались на одиоком хищнике, обычно педофиле, которого представляли в самых мрачных тонах. Один из ранних примеров можно увидеть в телевизионном фильме 1989 года *Я знаю, что моё имя Стивен*, основанном на реальной истории мальчика, похищенного и удерживавшегося в течение нескольких лет в 1970-х годах; *Пагубное влечение* (1991) — это история мальчика, похищенного порнографом.

Впервые в этом жанре серийные растлители и педофилы стали героями нескольких книг, посвященных реальным преступлениям, а дела, произошедшие десять лет назад или более, были возобновлены, чтобы соответствовать новым общественным настроениям.

В 1991 году дело об убийстве Гейси конца 1970-х годов стало темой телефильма *Поймать убийцу*. Крайние случаи сексуального насилия со стороны священнослужителей рассматривались в

[Страница 196]

в телефильмах *Суд* (1990) и *Мальчики из Сент-Винсента* (1994), а также в журнальных статьях и телевизионных документальных фильмах. Образы хищничества нашли яркое выражение в образе садистского злодея из фильма 1991 года *Мыс страха*, «психопата», заключенного в тюрьму за изнасилование молодой девушки. [*11]

В течение этих лет новостные и документальные программы сообщали о хищниках с тем же рвением, с каким ранее разоблачали инцест и жестокое обращение с детьми в дошкольных учреждениях.

В программе *48 часов* только в 1991 году были показаны длинные сюжеты о

- Уэсли Додде («Серийный убийца», май)
- изнасиловании и насильниках («Преступление в темноте», сентябрь)
- Вашингтонском законодательстве о сексуальных преступниках («Хищники», ноябрь).
- История Льюиса Лента была освещена в эпизоде с пугающим названием «Охотник на детей».

Акцент на педофилах вдохнул новую жизнь в страх перед похищением детей, и в 1994 году законодательное собрание штата Нью-Йорк обязало все государственные школы штата предоставлять ученикам с детского сада по восьмой класс уроки, направленные на развитие

«навыков осведомленности, информации, уверенности в себе и поддержки в предотвращении похищения детей».

Программы профилактики жестокого обращения с детьми, которые в 1980-х годах подчеркивали, что любой взрослый может быть причастен к «неприятным прикосновениям», теперь вновь акцентировали внимание на роли незнакомцев, давая уроки по побегу и уклонению от похитителей. [*12]

«Американский ребёнок»

В 1993 году шокирующее уголовное дело уникальным образом продемонстрировало опасность, исходящую от странствующих сексуальных преступников. История Полли Клаас началась в октябре 1993 года, когда двенадцатилетняя девочка устроила вечеринку с ночевкой с друзьями в своем доме в Петалуме, штат Калифорния. Мужчина ворвался в дом и, угрожая ножом, похитил Полли; после масштабных поисков ее тело было найдено, и вскоре после исчезновения стало ясно, что она была убита.

Случайное насилие вторглось в, казалось бы, безопасную обстановку — в домашнюю среду, с которой могла себя отождествить любая семья среднего класса, — и, по сути, Петалума представляла собой архетипичный американский образ жизни в таких фильмах, как *Американские граффити*. «Ангел по имени Полли» никоим образом не была виновна в своей трагической гибели, а «убийство американского ребенка» широко освещалось на телевидении и в газетах, в том числе в нескольких длинных статьях в бестселлере *People Weekly*, а также в изданиях *Time*, *Newsweek*, *McCall's* и *Redbook*.

Преступником был Ричард Аллен Дэвис, преступник с длинной криминальной историей, начавшейся еще в подростковом возрасте, который провел в тюрьме четырнадцать из предыдущих двадцати лет.

Несмотря на многочисленные судимости за такие преступления, как похищение людей, сексуальное насилие, кража со взломом и незаконное хранение оружия, он был «человеком, который постоянно оставался на свободе».

[Страница 197]

В январе 1994 года в программе ABC *Primetime Live* были перечислены многочисленные случаи, когда Дэвис мог быть приговорен к длительному тюремному заключению, история о том, «как система подвела общество — и маленькую девочку по имени Полли Клаас». [*13]

Сочетание образов жестокого убийцы и невинной жертвы создало мощную комбинацию. Кампания за ужесточение наказаний для рецидивистов обрела своего лидера в лице отца Полли, Марка Клааса, который регулярно появлялся в СМИ на протяжении 1994 года, утверждая, что дети «плачут о защите».

Был создан *Фонд Полли Клаас* для оказания помощи в поисках пропавших детей, и он лоббировал принятие в Калифорнии законопроекта *Памяти Полли Клаас для рецидивистов*, который предлагал ужесточить сроки наказания для насильственных преступников.

В том году в Калифорнии подавляющим большинством голосов был одобрен закон Калифорнии «три удара», согласно которому многочисленные обвинительные приговоры за тяжкие или насильственные преступления влекут за собой длительное, а возможно, и пожизненное заключение.

Еще один скандал разразился в начале 1994 года, когда стало известно, что осужденный серийный насильник должен быть освобожден условно-досрочно в район залива Сан-Франциско. Местные жители систематически отказывались его принять, и этот вопрос стал одним из главных в политике штата. Вскоре после этого освобождение еще одного сексуального преступника было отложено, когда государственные чиновники вмешались в ситуацию с тюремными властями. Решение было найдено, когда условно-досрочное освобождение Кристофера Хаббарта было отменено на основании его «тяжелой парафилии», что перекликалось с вашингтонским принципом гражданского заключения преступников после отбытия ими уголовного наказания. [*14]

Дело Хаббарта было упомянуто губернатором Питом Уилсоном при продвижении нового закона штата о сексуально опасных преступниках (SVP Act), который потенциально может затронуть около четырехсот человек, освобождаемых каждый месяц.

Год спустя после убийства Клааса произошла еще одна ужасная история с огромными юридическими и политическими последствиями. На этот раз преступником был Джесси К. Тиммендекуас, осужденный за нападения на детей в 1979 и 1981 годах, которого судья описал как «патологического, повторяющегося сексуального преступника». Тем не менее, он был освобожден после семи лет заключения в исправительном учреждении для сексуальных преступников в Авенэле, штат Нью-Джерси, и вместе с двумя другими сексуальными преступниками поселился в пригороде. В июле 1994 года он похитил и задушил семилетнюю Меган Канку. Возмущение, последовавшее за этим делом, вышло далеко за рамки критики какого-либо конкретного ведомства, и законодатели Нью-Джерси в течение месяца после убийства внесли ряд законопроектов,

«спешив проголосовать, не проведя предварительно обычных слушаний и даже не проработав некоторые детали». [*15]

[Страница 198]

В Нью-Джерси был принят закон, смоделированный по образцу закона штата Вашингтон, согласно которому штат должен был регистрировать и отслеживать осужденных за сексуальные преступления в течение десяти лет после освобождения, а за второе сексуальное преступление полагалось обязательное пожизненное заключение. Центральным элементом нового закона было оповещение общественности, в соответствии с которым власти уведомляли соседей и школы о наличии в районе особо опасных преступников. Этот закон стал известен как «Закон Меган», и этот термин закрепился в недавно опубликованных словарях.

Даже если бы у законодателя были основания голосовать за этот закон, потребовалась бы безрассудная смелость, чтобы поставить под сомнение законопроект, тесно связанный с погибшим ребенком. Пока законодательное собрание штата обсуждало этот вопрос, на плакате были фотографии других убитых детей с такими заголовками, как

- "Свобода насиловать",
- "Защитим наших детей от насильственных хищников", и
- "Сексуальный преступник обвинен в удушении девочки".

Законопроект получил поддержку благодаря активной личной кампании матери Меган, Морин Канка [*16]

Идея оповещения населения быстро приобрела статус общенационального движения. К середине 1996 года этот принцип был закреплен законодательно в тридцати пяти штатах и находился на

рассмотрении в большинстве оставшихся юрисдикций, а осужденные преступники были обязаны регистрироваться в полиции во всех штатах, кроме Массачусетса.

Штаты разделились на те, которые требовали «активного» оповещения, при котором полиция уведомляла соответствующие группы, считавшиеся подверженными риску, и «пассивного» оповещения, при котором частные лица должны были проявлять инициативу в поиске информации о преступниках: двадцать четыре штата приняли активные меры, одиннадцать — пассивные. Оповещение приобрело федеральный статус в законе о борьбе с преступностью, подписанном в 1996 году, фактически ставшем общенациональным законом Меган, требующим от штатов предупреждать население о переезде осужденных за сексуальные преступления лиц. [*17]

Федеральная активность в этой области отражала устойчивую политическую тенденцию. Хотя защита детей, безусловно, занимала важное место среди идеологических приоритетов президента Клинтона, она также стала политически необходимой. В течение первых двух лет своего пребывания в должности Клинтон подвергался резкой критике со стороны консервативных сторонников традиционной морали и семейных ценностей, и президент риторически отвечал, защищая интересы детей.

Эта дискуссия стала особенно острой в 1993 году, когда Клинтон боролся за допуск геев в армию США, одновременно отбиваясь от обвинений в том, что администрация поддерживает извращенцев и хищников. [*18]

Решимость президента не отставать в вопросах защиты детей отчасти объясняет его яростную активность в конце 1993 года, когда Министерство юстиции, казалось, смягчило

[Страница 199]

суровость законов о детской порнографии. После выборов 1994 года, которые оказались катастрофическими для его партии, Клинтон еще больше стремился представить себя как здравомыслящего человека в таких вопросах, как семья, мораль и ценности, и в течение следующих двух лет Белый дом стал ярким сторонником таких мер, как законы о сексуальных хищниках и законы о защите детей в Интернете.

Президент Клинтон поставил себя в авангард движения против сексуальных хищников. В январе 1994 года он упомянул инцидент с Полли Клаас в своем послании о положении дел в стране — момент, который, как утверждал один комментатор, «тронул сердца каждого родителя в этой стране».

К 1996 году президент проводил кампанию за создание национального реестра сексуальных преступников и педофилов, как это было предусмотрено в двухпартийном законопроекте, соавторами которого выступили сенаторы Джо Байден и Фил Грэм. В соответствии с этим законом полиция по всей стране получила бы доступ к базе данных, содержащей информацию обо всех преступниках, независимо от юрисдикции, в которой они совершили свои преступления — своего рода федеральный объект, предусмотренный слушаниями комитета Спектера десятилетием ранее.

Клинтон стремился к тому, чтобы

«полицейский в Кливленде мог получить информацию обо всех известных сексуальных преступниках в Кливленде, независимо от того, совершили ли они свои преступления в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе... Нет большего права, чем право родителя воспитывать ребенка в безопасности и любви. Вот почему закон должен преследовать тех, кто охотится на американских детей, куда бы они ни пошли, из штата в штат, из города в город».

В радиообращении президент заявил:

«Опасные преступники не остаются в пределах границ штатов, поэтому и инструменты правоохранительных органов для их остановки тоже не должны оставаться в пределах штатов».

Во время избирательной кампании 1996 года демократы показали телевизионный рекламный ролик, в котором Марк Клаас использовал домашние видеозаписи, чтобы рассказать историю Полли, а затем похвалил активность Клинтона:

«Когда дело касалось защиты детей, у президента хватило смелости изменить ситуацию». [*19]

Закон Меган предусматривал участие общественности в надзоре за сексуальными преступниками — один из самых амбициозных и, возможно, тревожных аспектов жесткой политики. Ранее предложения о наблюдении за бывшими заключенными возлагали на полицейские управления или другие ведомства ответственность за ведение учета их местонахождения и обеспечение периодической отчетности. В 1990-х годах активисты, борющиеся с преступностью, привлекли широкую общественность к поддержанию надзора за преступниками, который имел мало прецедентов в англо-американском праве, по крайней мере, со времен, когда воров, прелюбодеев и богохульников клеймили или иным образом калечили, чтобы их можно было идентифицировать по совершенным преступлениям.

Отступление от установленных законом норм было признано оправданным ввиду крайнего вреда, причиняемого правонарушителями, и их невосприимчивости к исправлению

[Страница 200]

или лечению, а также повсеместной опасности, которую они представляли для детей страны. Считалось, что сексуальный преступник, каким бы ненасильственным ни было его преступление, представляет гораздо более непосредственную угрозу, чем грабитель, разбойник, убийца, мошенник или представитель корпорации, загрязняющей окружающую среду, на которых не распространялись подобные ограничения.

Идея предупреждения общественности возникла спонтанно, в результате причудливых решений местных судов в 1980-х годах. Когда в 1987 году в Орегоне дважды осужденного за растление детей приговорили к тюремному заключению, условия его условно-досрочного освобождения требовали переезда в новый дом в другом районе, где он должен был повесить на входной двери табличку с надписью «Опасный сексуальный преступник — детям вход воспрещен».

Местное отделение Американского союза гражданских свобод провело предсказуемую аналогию с *Алой буквой* Натаниэля Хоторна; однако стигматизирующие практики позже получили законодательную силу. Согласно закону Луизианы о «алой букве», освобожденный из тюрьмы сексуальный преступник был обязан лично уведомлять соседей о своей судимости; в городских районах это означало рассылку информации о себе и своем преступлении всем, кто проживал в радиусе трех кварталов. Бывшие заключенные должны были носить специальную одежду и указывать свой статус с помощью табличек на своих домах или специальных наклеек на бамперах своих автомобилей. Некоторые группы давления сознательно стремились к более точному возрождению «алой буквы», предлагая физически пометать или клеймить преступников и призывая к автоматическому пожизненному наблюдению за всеми сексуальными преступниками. [*20]

Алая буква казалась примитивной по сравнению с новыми технологиями, появившимися в следующем десятилетии в виде компьютеров и Интернета. В 1994 году в Индиане был принят Закон Закари, названный в честь ребенка-жертвы по имени Закари Снайдер; этот закон требовал от лиц, совершивших сексуальные преступления против детей, регистрироваться во всех местных правоохранительных органах в населенных пунктах, где они проживали, в течение десяти лет после освобождения, а на веб-сайте был размещен общештатный реестр осужденных.

В других юрисдикциях это было воспринято как образцовый пример. Современный находящийся в сети «журнал» выставял напоказ

«Имена, фотографии и информацию о преступлениях каждого сексуального преступника, известного властям, начиная со штата Миннесота, включая тех, кто должен быть освобожден из тюрем каждый месяц, и тех, кто меняет имя или пол. ... Имеется около 350 фотографий сексуальных преступников, освобожденных из тюрем Миннесоты в 1995 году».

В штате Калифорния теперь доступен CD-ROM, содержащий имена и данные шестидесяти четырех тысяч лиц, совершивших сексуальные преступления.

Хотя идея оповещения пользовалась популярностью, юридические соображения сместили акцент в деятельности борцов с преступностью на более пассивные способы обмена информацией. Первоначально предполагалось, что сотрудники полиции или члены других групп

[Страница 201]

будут посещать соответствующие дома в районе, сообщая жителям, что их новый сосед является сексуальным преступником. В рамках пересмотренной модели информация не будет предоставляться свободно, но останется доступной любому желающему, обратившемуся в офис, получив доступ к компьютерной базе данных или позвонив по телефону, чтобы узнать информацию о судимости конкретного лица.

Закон Меган в штате Нью-Йорк разрешал разглашать имена и адреса осужденных за сексуальные преступления через местные полицейские управления и по телефонным номерам, чтобы защитить детей от «опасных педофилов и сексуальных извращенцев». Однако федеральный судья предотвратил внедрение таких процедур уведомления, которые позволили бы обнародовать местонахождение около пяти тысяч преступников, находящихся на условно-досрочном освобождении или под надзором в штате. [*21]

Информирование общественности вызывало споры, поскольку оно провоцировало самосуд и делало реабилитацию практически невозможной. Эти проблемы нельзя было списать на неожиданность, поскольку они были тщательно предсказаны в предыдущие эпохи.

Дело Фреда Стробла 1949 года побудило законодательное собрание Калифорнии принять жесткие меры, требующие от всех сексуальных преступников регистрации в окружных шерифских управлениях. Стоит процитировать высказывания журналиста Говарда Уитмена, особенно

учитывая, что он сам окончательно осознал всю серьезность угрозы сексуальных преступлений:

«Это была старая идея клеймения, только вместо старой алой буквы Новой Англии она приняла форму черного списка. Мало кто думал о том, чтобы реабилитировать этих людей или даже защитить общество от них. Основной упор делался на то, чтобы заклеить их и занести в реестр, как в гестапо, чтобы потом преследовать и подавлять, когда этого потребует общественное мнение. ... Почему бы не сжечь их на костре? Это экономит транспортные расходы».

Эти слова до сих пор несут отголосок. Как заметил адвокат, защищающий преступников из Луизианы: «Вы обрекаете этих людей на полную неудачу. Никто не может жить в доме стаблечкой «Привет! Я изнасиловал ребенка».

Бывшие заключенные в штате Вашингтон «подвергались преследованиям, выселениям, увольнению с работы, а в одном случае — поджиганию дома из-за испуганных соседей».

Когда одного из растлителей освободили,

«Друзья и родственники его жертв использовали информацию и фотографии, полученные от полиции, чтобы изготовить тысячи листовок с предупреждением о его освобождении, а затем расклеили их и раздали в школах и на паромных терминалах. Местные новостные программы показывали фотографию этого человека в своих вечерних выпусках, а школьников отправляли домой с экстренными уведомлениями, предупреждающими их родителей о нем». [*22]

[Страница 202]

Что такое сексуальный преступник?

Как и в 1940-х годах, до сих пор ведутся споры о том, что именно представляет собой «опасный» сексуальный преступник, и власти проявляют осторожность, клеймя несовершеннолетних сексуальных девиантов.

Ранние примеры законодательства Нью-Джерси включают случай, когда двенадцатилетний мальчик признался в сексуальных домогательствах к своему восьмилетнему сводному брату во время принятия ванны — инцидент, который в большинстве юрисдикций не стали бы рассматривать как уголовное дело. Ребенок получил трехлетний испытательный срок, но по его окончании был обязан зарегистрироваться и отслеживаться как сексуальный преступник в течение следующих пятнадцати лет.

В штате Нью-Йорк лица квалифицировались как сексуальные преступники, совершившие любое из тридцати отдельных преступлений, семь из которых были мелкими правонарушениями. Первый мужчина, получивший такой статус в штате, совершил изнасилование шестнадцатилетней девочки, за что был приговорен к шестидесяти дням домашнего ареста; это было его единственное сексуальное преступление. Хотя он не был педофилом, серийным или каким-либо другим, и не соответствовал ничьему определению сексуальной опасности, мужчине было предписано зарегистрироваться, чтобы местные жители могли отслеживать его местонахождение. [*23] Он был вынужден покинуть свой дом, расположенный недалеко от начальной школы — запрет, отражающий принцип закона, согласно которому все сексуальные преступники представляют опасность для детей.

Единственной защитой этой системы было то, что незначительные сексуальные преступления являются предвестниками более серьезных проблем, но сможет ли даже такой широкий поиск выявить потенциально опасных преступников?

Как отмечалось еще в 1940-х годах, судимость не обязательно дает точное представление о реальном характере человека. Когда в 1981 году нападавшего на Меган судили за удушение и нападение на семилетнюю девочку, первоначальные обвинения включали пять тяжких преступлений, включая похищение и покушение на убийство, но они были сведены к гораздо менее серьезному обвинению в «попытке сексуального контакта и попытке причинения тяжких телесных повреждений». Это сокращение произошло из-за трудностей с привлечением свидетелей-детей и желания семьи избежать участия своего ребенка в судебном процессе. Поскольку мужчина был осужден только за эти менее тяжкие преступления, даже если бы на момент его суда действовал закон о педофилах, не очевидно, что он соответствовал бы критериям для включения в этот список. Законы о специальных правонарушителях угрожали преследованием относительно мелких преступников, в то время как по-настоящему опасные оставались бы безнаказанными. Чем больше все меняется, тем больше все остаётся прежним.

Накопились юридические проблемы. Первоначальный закон штата Вашингтон подвергся критике за смешение подходов гражданского и уголовного правосудия: хотя в нем использовалась терминология принудительной госпитализации, критерии для присвоения статуса «сексуального хищника» существенно отличались от общих законов о принудительной

[Страница 203]

госпитализации, которые требовали конкретного подтверждения психического заболевания. Все, что требовалось, — это доказательство того, что человек был

«признан виновным или обвинён в преступлении сексуального насилия»

и страдал от

«психической аномалии или расстройства личности, которое делает человека склонным к совершению хищнических актов сексуального насилия»

Используя простой факт предъявления обвинения, вместо факта обвинительного приговора, для обоснования наказания предполагает совершенно иные допущения, чем те, которые применяются в обычном уголовном процессе.

Закон Калифорнии о специальных мерах по предотвращению сексуального насилия также подвергся критике за путаницу в гражданских и уголовных процедурах:

«Для достижения своей цели закон допускает бессрочное заключение на основании расстройств, которые не достигают уровня психического заболевания. Он применяет свои положения, если лицо, устанавливающее факты, считает, что обвиняемый, вероятно, совершит повторное преступление в любой момент времени, без требования наличия какой-либо текущей опасности. Он допускает пожизненное заключение, даже если лечение не имеет потенциала для успеха».

В Канаде юридические сомнения перевесили первоначальный энтузиазм по поводу специального законодательства, который аналогично возник после убийства мальчика условно-досрочно освобожденным растлителем, но предложенный закон был отозван как, вероятно, неконституционный. [*24]

Новые законы, по-видимому, нарушали принципы *обратной силы закона*, устанавливая наказания, которые не имели юридической силы на момент совершения преступления, в некоторых случаях требуя регистрации правонарушителей, чьи действия были совершены за годы или десятилетия до этого. Другие суды с пониманием относились к жалобам на двойное наказание за одно и то же преступление.

В августе 1995 года федеральный судья отменил закон штата Вашингтон на том основании, что информирование общественности подразумевало дополнительное наказание, налагаемое после того, как правонарушитель отбыл свой срок, и суды в Нью-Джерси, на Аляске и в

Нью-Йорке пришли к тому же выводу. Федеральный судья в Нью-Джерси отметил, что, кроме того,

«даже не принимая во внимание потенциальную возможность подстрекательства к самосуду, распространение этой информации может серьезно нарушить жизнь [правонарушителей] и снизить их способность к трудоустройству». [*25]

К середине десятилетия принятые в Соединенных Штатах меры находились в состоянии полной правовой неразберихи. В Висконсине и Вашингтоне законы о сексуальных хищниках были поддержаны верховными судами штатов, но закон Вашингтона был признан неконституционным окружным судом США. Также спорным был закон Канзаса о сексуально насильственных хищниках 1994 года, согласно которому сексуальный преступник, отбывший наказание, подлежал отдельному гражданскому суду присяжных для определения того, остается ли он опасным и страдает ли от «психического расстройства», вызвавшего его преступное поведение; Если бы такие условия были обнаружены, его бы поместили в психиатрическую больницу под гражданскую опеку и обследовали

[Страница 204]

каждый год, с возможностью пожизненного заключения. Закон был отменен верховным судом штата в 1996 году на том основании, что «психическая аномалия» не имеет психиатрической основы и что людей, не страдающих психическими заболеваниями, можно помещать в психиатрическую больницу неконституционным образом.

Обвиняемый, Лерой Хендрикс, был классическим «хищником», совершавшим преступления против детей на протяжении более четырех десятилетий и постоянно рецидивировавшим после освобождения из различных учреждений.

Именно это дело, «Канзас против Хендрикса», было обжаловано в Верховном суде, и в 1997 году судьи получили возможность вынести решение по спорному закону о «хищниках». Пятью голосами против четырех суд поддержал закон штата Канзас, разрешив содержание под стражей после отбытия срока наказания на основании опасного «отклонения от нормы».

Совпадение это или нет, но решение было объявлено всего через неделю после осуждения и вынесения смертного приговора Джесси Тиммендекуасу за убийство Меган Канка. В заключении, написанном судьей К. Айренсом Томасом, суд согласился с утверждением штата о том, что слушания по делу «хищника» фактически не являлись уголовным разбирательством и, следовательно, не угрожали двойным

наказанием за одно и то же преступление, хотя в особом мнении, написанном судьей Стивеном Брейером, было высказано согласие с утверждением ответчика о том, что он подвергается двойному наказанию, налагаемому неконституционным законом, имеющим обратную силу.

Последствия этого решения были неопределенными. Томас предположил, что принцип «аномальности» оправдывает задержание тех, чье состояние не соответствует истинному психическому заболеванию, что может открыть путь для широкого расширения практики полукриминального принудительного лечения; другие судьи предупредили, что будущие законы будут тщательно проверяться. Каким бы ни был долгосрочный результат, возрожденные законы о сексуальных психопатах выдержали первое решающее испытание. [*26]

Крах первоначальных законов о сексуальной психопатии в начале 1970-х годов был ускорен общими сомнениями в способности учреждений приносить больше пользы, чем вреда. Институциональные меры реагирования на отклонения вновь обрели популярность в 1980-х годах, и законы о сексуальных хищниках отражали принципы, которые вновь стали пользоваться доверием в системе правосудия.

Наиболее очевидное возрождение произошло в тюрьмах и исправительных учреждениях. Общее число заключенных в начале 1970-х годов составляло около 330 000 человек, но вскоре эта цифра резко возросла; к середине 1990-х годов она превысила 1,5 миллиона, что стало самым высоким показателем тюремного заключения среди развитых индустриальных стран.

Хотя и менее драматичное, схожее возрождение более старых практик произошло в сфере душевного здоровья. В ответ на чрезмерное использование принудительной госпитализации в середине XX века суды и законодательные органы затруднили назначение препарата

[Страница 205]

Депо-Провера, и он подал иск с требованием обязать государство предоставить средства, с помощью которых можно было бы контролировать его желания.

Аналогичный случай произошел в Техасе с Ларри Доном Маккуэем, который утверждал, что надругался над сотнями детей. Приговоренный к тюремному заключению в 1989 году, он начал длительную кампанию, чтобы предотвратить свое освобождение по истечении срока, предупреждая:

«Я обречен в конечном итоге насиловать, а затем убивать своих бедных маленьких жертв, чтобы они не донесли на меня».

Он умолял, чтобы, если его освобождение нельзя предотвратить законным путем, его кастрировали. [*29]

В более жестких реалиях 1990-х годов необходимость контроля над сексуальными преступниками приобрела дополнительную остроту, и вновь возросла готовность экспериментировать с решениями, которые ранее считались крайними. Законы о стерилизации начала XX века были вновь введены в обиход в связи с требованиями мер, предписывающих снижение или устранение сексуальных влечений у преступников, а принятый с большой помпой в 1996 году закон Калифорнии требовал «химической кастрации» для рецидивистов, совершивших сексуальные преступления. Любому, дважды осужденному за растление детей, периодически вводили препарат, подавляющий половое влечение, если только сам преступник не соглашался на хирургическую кастрацию; аналогичные положения могли применяться и за первое преступление, если оно было достаточно серьезным. Губернатор Уилсон утверждал, что цель состоит в том, чтобы «контролировать девиантное поведение тех, кто преследует нашу молодежь», а спонсор законопроекта заявлял, что «нет преступления более опасного, чем растление детей». Хотя суды в других штатах выражали сомнения по поводу этой процедуры, общественное настроение делало вероятным, что подобные предложения могут стать обычным явлением. [*30]

Педофилы онлайн

Хотя законодательство, принятое в 1990х годах возродило дебаты далёкого прошлого, одна из главных спорных тем касалась совершенно нового средства массовой информации, о котором и не мечтали во время предыдущих паник: Интернета. Образ педофилов, охотящихся онлайн, восходит к 1983 году, когда в ходе расследования по делу NAMBLA было высказано предположение, что насильники использовали компьютеры для распространения информации о потенциальных жертвах в дополнение к порнографическим изображениям и фантазиям. В 1986 году Комиссия Миза по порнографии особо подчеркнула необходимость контроля за распространением детской порнографии через компьютерные сети. [*31]

Начиная с конца 1980-х годов, в СМИ появились сообщения о педофилах, использующих Интернет для совращения детей, принимая облик молодых людей в анонимных чатах, которые были столь популярны в этих сетях. Утверждалось, что «онлайн-педофилы» ведут разговоры сексуального характера

[Страница 207]

с детьми и подростками с целью организации встреч или похищений: как предупреждало одно из онлайн-руководств для родителей,

«У педофилов появилась новая площадка для привлечения детей — Интернет».

Страх вызывала безликость средства передачи информации, не позволявшая получить никаких визуальных подсказок об истинной личности отправителя сообщения. Потенциальная угроза усиливалась символическими ассоциациями фраз *Сеть* и *Паутина* — оба средства использовались для охоты, заманивания в ловушку и установления границ. И эти образы существовали еще до бурного развития домашних компьютеров: еще в 1977 году в предупреждениях о национальной угрозе организованной педофилии говорилось о «паутине, раскинувшейся по всей стране», а ритуальное насилие называлось «дьявольской паутиной». [*32]

Всплеск инцидентов «киберпреследования» высветил случаи использования педофилами компьютеров для приближения к одиноким детям, предоставленным самим себе. В 1989 году двое мужчин из Вирджинии были обвинены в использовании компьютера для организации встречи с мальчиком с целью сексуального насилия над ним и, возможно, убийства в порнографическом фильме. Эта попытка была раскрыта, когда мужчины неосознанно связались с полицейским через интернет.

Федеральные расследования были активизированы предполагаемой связью между использованием интернета педофилами и исчезновением мальчика из Мэриленда в 1993 году, и защитники детей теперь стали искать педофилов в интернете. Полиция сообщила о попытках разоблачить ориентированные на педофилов форумы (BBS), и самопровозглашенные «Ангелы-хранители» сформировали своих «Киберангелов».

Полицейский из Сан-Хосе, штат Калифорния, заявил: «Нам действительно не требуется много времени, чтобы связаться с педофилом, обычно всего две-три минуты... Они там, поджидают, чтобы напасть на этих детей».

Статьи появились в *Newsweek* и *USA Today*, а *Washington Post* вышла с заголовком, предупреждающим читателей об нововведении: «растление детей с помощью компьютера». [*33]

В СМИ пик сообщений о педофилии в интернете пришелся на 1995 год, когда жителю Джорджии было предъявлено обвинение в «поиске в интернете детей для сексуального насилия», а житель Флориды

соблазнил и изнасиловал пятнадцатилетнюю девочку из Мэриленда, с которой познакомился в электронной переписке.

Газета *New York Times* посвятила первую страницу статье о заключенном педофиле, который использовал компьютерную систему в исправительном учреждении для ведения подробных досье на ряд детей, проживающих в близлежащих населенных пунктах Миннесоты. В одном из случаев двое мужчин из Техаса были обвинены в нападении на мальчиков, с которыми они познакомились через «компьютеризированную сеть сексуального насилия» — поразительное и все более распространенное сочетание слов. [*34]

Этот технологический аспект объясняет возобновление всплеска обвинений в организованной педофилии. В период с 1986 по 1988 год фраза «педофильская сеть» была зафиксирована всего четыре раза в средствах массовой информации

[Страница 208]

проанализированных Lexis-Nexis, в то время как суммарное число упоминаний за четыре года (1989-1992) составило девять; но после этого частота участия возросла с

- восемнадцати ссылок только в 1993 году до
- тридцати в 1994 году и
- двадцати девяти в 1995 году.

Опасения по поводу «киберпреследования» вскоре слились с опасениями по поводу «киберпорнографии», или передачи порнографических изображений через компьютерные сети, хотя существовала некоторая путаница относительно того, что именно подразумевает киберпорнография.

Обсуждения детской порнографии в Интернете обычно затрагивали две совершенно разные проблемы, а именно,

- изображения сексуальных действий с участием детей и также
- воздействия на детей материалов для взрослых.

В разгар споров о цензуре в 1995 году сторонники ограничений добились большого успеха, представив всю проблему как подвид детской порнографии, что давало возможность регулировать Интернет в соответствии с более низкими правовыми стандартами, преобладавшими

в этой области, а также контролировать как просто непристойные, так и откровенно непристойные материалы.

Как и в предыдущих дебатах, количество доступной детской порнографии было значительно преувеличено и представлено как более важная составляющая более широкого рынка секс-услуг, чем это было на самом деле. Кроме того, порнографические материалы рассматривались как неразрывно связанные с реальными преследованиями, так что преследование и непристойность воспринимались как две стороны одной медали. Хотя в некоторых случаях эти два вида деятельности связаны, нет уверенности в том, что сексуальные фантазии и реальное поведение настолько неразрывно связаны.

Большая часть споров касалась Usenet, объединения тысяч онлайн-дискуссионных групп, посвященных всем мыслимым аспектам популярной культуры, хобби, политики и науки. Хотя группы сексуального характера составляли небольшую долю Usenet, они позволяли передавать любые виды текста, рассказов или фантазий, а бинарные технологии обеспечивали передачу визуальных изображений. Материалы сексуального характера стали широко доступны с расширением доступа к Интернету в 1994 и 1995 годах; подавляющее большинство изображений показывало взрослых участников, занимающихся действиями, ничем не отличающимися от тех, что можно найти в любом журнале для взрослых, но интернет-порнография вызвала множество опасений по поводу создания целой среды, неподвластной контролю правительств, законов и норм приличия.

Средства массовой информации теперь предупреждали об опасности, представляющей угрозу общественной безопасности и нравственности. Одна из статей из журнала *Spectator* была зачитана целиком в Сенате Чарльзом Э. Грасслэем, республиканцем из Айовы, который долгое время занимался борьбой с непристойностью и организованной педофилией. [*35]

В статье *Spectator*, осуждающей «электронную помойку порока», описывались истории, встречающиеся в специализированных интернет-группах. Одна из таких историй, написанная пользователем «Blackwind», описывает

[Страница 209]

«Шестилетний мальчик по имени Кристофер, среди прочих унижений, подвергается кастрации — о чем подробно и с любовью сообщается — после чего его расстреливают. Другая жертва — семилетняя девочка по имени Карен, которую неоднократно насилуют не менее девяти мужчин, а затем ей отрезают соски и перерезают горло».

Согласно этому сообщению, в группах Netnews регулярно публиковались

«истории о том, как отцы насиловали своих трехлетних дочерей, или как матери делают минет своим сыновьям, еще не достигшим половой зрелости, или как девушки вступают в половые отношения с лошадьми, или как делают клизмы девственницам».

«Alt.sex.intergen», «межпоколенческая» группа, описывалась как «доска объявлений для педофилов».

Онлайн-сервисы, такие как America On-Line (AOL) и CompuServe, подверглись критике за непреднамеренную передачу экстремистских и, возможно, незаконных порнографических материалов.

В 1993 году в четырнадцати штатах были арестованы сорок человек за распространение детской порнографии в интернете в рамках федерального расследования под названием «Операция Longarm». Агенты таможни США провели обыск в предполагаемой штаб-квартире «всемирной компьютерной сети распространения детской порнографии», и федеральное правительство заявило, что компьютеры представляют собой ключевой фронт в войне с детской порнографией.

В 1995 году в районе Цинциннати были арестованы сто человек за загрузку детской порнографии через AOL, и этот сервис упоминался в неприятных контекстах. Сервисы осознали необходимость действовать открыто, чтобы противостоять ограничительным мерам, и AOL и другие крупные сети сотрудничали с NCMEC, спонсируя предупреждения о безопасности детей на информационном шоссе. [*36]

Виртуальная паника

К началу 1995 года проблема киберпорнографии приобрела политическую силу, чему способствовали реальные случаи сексуальных хищников, перешедших в электронную эпоху. Крупная законодательная инициатива была предпринята сенатором Джеймсом Эксоном из Небраски, консервативным демократом, который сотрудничал с Чарльзом Грасслэйем по финансовым вопросам. [*37]

Эксон предложил внести поправки в существующий Закон о пристойности в сфере коммуникаций (Communications Decency Act, CDA), чтобы регулировать «непристойные» или оскорбительные материалы в Интернете, предусматривая штрафы и тюремные сроки для любого, кто сознательно распространяет эти материалы среди лиц моложе восемнадцати лет. По многим причинам законопроект Эксона считался чрезмерно карательным и представлял угрозу для всей развивающейся технологии. В случае принятия закон открыл бы возможность для преследования за материалы, которые были бы просто оскорбительными

для некоторых, а применяемые моральные стандарты могли бы соответствовать стандартам наиболее консервативных и склонных к оскорблениям сообществ. Это ограничило бы обсуждение практически любых сексуальных или

[Страница 210]

спорных вопросов в Интернете и криминализировало бы высказывания, обычно защищаемые Первой поправкой к Конституции. Законопроект также рассматривал Интернет как разновидность вещания, так что любой, кто передает сообщение, признанное оскорбительным или непристойным, будет нести такую же ответственность, как и телестанция.

Сторонники интернета утверждали, что более подходящей аналогией может служить издательский мир, где свобода слова хорошо защищена, или, возможно, телефонная связь, которая передает информацию беспристрастно, не неся ответственности за ее содержание или последствия.

Весной 1995 года предложение Экона казалось обреченным на провал, но оно не только сохранилось в измененном виде, но и было фактически принято в качестве закона в конце года. Этот поворот был достигнут благодаря мощному альянсу моральных активистов в Конгрессе и исполнительной власти, чья летняя кампания против киберпорнографии заставила умеренных неохотно восприниматься как противники мер по защите детей.

Поворотный момент наступил, когда Экон представил своим коллегам по Сенату синюю книгу с экстремальными порнографическими изображениями, якобы загруженными из интернета. Активисты, выступающие против порнографии, обратили внимание законодателей на аналогичные изображения, изображающие бондаж, зоофилию и педофилию. Как отметило издание *Time*,

«немногие сенаторы хотели участвовать в голосовании, транслировавшемся по национальному телевидению, которое впоследствии могло бы выставить его сторонником порнографии»,

и законопроект был принят с лёгкостью: восемьдесят четыре голоса против шестнадцати. [*38]

Это движение получило поддержку благодаря статье студента из Университета Карнеги-Меллона, в которой сообщалось, что значительная часть наблюдаемого использования Интернета связана с экстремальными порнографическими материалами. Изучая группы Usenet, Мартин Римм утверждал, что существует

«беспрецедентная доступность и спрос на такие материалы, как садомазохизм, зоофилия, вагинальный и ректальный фистинг, эротизированное мочеиспускание... и педофилия».

Ральф Рид, лидер Христианской коалиции, подчеркнул, что

«это зоофилия, педофилия, растление детей».

Исследование стало крупным новостным событием, и журнал *Time* опубликовал обширную статью под заголовком «На экране рядом с вами: киберпорнография», которую Грассли незамедлительно зачитал в протоколе Сената. [*39]

В репортаже о «первом исследовании онлайн-эротики» журнал отметил, что

«она популярна, распространена и удивительно извращена»,

цитируя результаты исследования Римма, согласно которым

«в тех группах новостей Usenet, где хранятся оцифрованные изображения, 83,5% фотографий были порнографическими».

Изображения содержали не только обычную наготу и гетеросексуальный половой акт, но и

«педофилию (обнаженные фотографии детей), гебефилию (молодых людей) и то, что исследователи называют парафилией — набор «девиантных» материалов, включающий изображения бондажа, садомазохизма, мочеиспускания, дефекации и сексуальных актов с животными на скотном дворе».

[Страница 211]

Журнал *Time* использовал исследование Римма в качестве основы для статьи о предполагаемых компьютерных угрозах в адрес детей, сообщив, что десятилетний мальчик, часто посещавший один из чатов, получил

«Электронное письмо от незнакомца, содержащее загадочный файл с инструкциями по его загрузке. ... На экране компьютера появилось 10 миниатюрных изображений, на которых были показаны пары, занимающиеся различными видами содомии, гетеросексуальными половыми актами и лесбийским сексом».

Журнал *Newsweek* сопоставил проблему порнографии с киберпреследованием:

«Наиболее тревожными являются рассказы о сексуальных хищниках, использующих Интернет и коммерческие онлайн-сервисы, чтобы тайно похитить детей из-за их клавиатур. До сих пор родители считали, что никакого физического вреда не может быть причинено, когда их дети находятся в безопасности в спальне или гостиной, работая за семейным компьютером. Но затем появились новости о таких случаях, как случай с тринадцатилетней девочкой из Кентукки, найденной в Лос-Анджелесе после того, как ее якобы заманил взрослый виртуальный друг». [*40]

Несмотря на первоначальный ажиотаж, исследование Римма вскоре утратило популярность. Хотя журналы *Time* и *Grassley* ссылались на его авторитет как на «исследование Карнеги-Меллона», оно не было проведено какой-либо официально признанной исследовательской группой, а являлось работой одного студента. Тайное наблюдение за использованием компьютеров могло представлять собой нарушение научных протоколов, регулирующих исследования с участием людей, а другие СМИ также показали, что представленные в исследовании данные были вводными в заблуждение. [*41]

Большинство исследованных изображений были взяты не из интернета в целом, а с некоторых платных BBS-платформ для взрослых, ориентированных на определенный рынок тех, кто предпочитает получать порнографические материалы; на самом деле, опасность того, что изображения могли быть случайно получены ничего не подозревающими подростками, была невелика.

В целом, объем порнографии в интернете составлял, возможно, доли процента, а не огромную долю, как утверждалось. Эти возражения вскоре привели к осторожности в отношении исследования Римма, и Судебный комитет Сената отозвал приглашение выступить в качестве главного свидетеля по предлагаемому законопроекту.

Но освещение работы Римма в СМИ, тем не менее, позволило активистам использовать предполагаемые данные — что более 80 процентов интернет-трафика связано с порнографией — цифру, которая приобрела статус общественного факта.

К июлю все было готово для проведения слушаний в атмосфере, гораздо более благосклонной, чем это могло бы быть несколькими месяцами ранее. Без Римма главным свидетелем по вопросам угроз в отношении молодежи стал Барри Кримминс,

«активист по защите прав и безопасности детей, ... а также взрослый, переживший сексуальное насилие в детстве». [*42]

Кримминс утверждал, что AOL предлагала «многочисленные отвратительные комнаты», посвященные инцесту, педофилии и извращениям.

[Страница 212]

Он утверждал:

«В американских компьютерах происходит масштабная волна преступлений. Распространение детской порнографии создало анонимный «Супермаркет педофилов». В результате происходит фактическая декриминализация детской порнографии. Спрос на детскую порнографию — это также спрос на насилие над невинными детьми... Онлайн-сервис America OnLine стал неотъемлемым звеном в сети торговцев детской порнографией».

Саморегулирование провалилось:

«AOL — ключевое звено в сети торговцев детской порнографией, которая экспоненциально выросла за последние несколько месяцев».

Кримминс призвал к срочному принятию карательного законодательства:

«У педофилов огромная фора. Люди должны видеть, как их соседей (участвовавших в этих преступных действиях) забирают, сажают в тюрьму и клеймят как «извращенцев». Если это будет сделано публично и без лишних слов, это должно серьезно переломить ситуацию, которая губит жизни бесчисленных невинных детей. Эти меры должны также включать серьезные карательные меры против таких компаний, как AOL».

Стратегия Кримминса, по-видимому, была воспринята федеральным правительством всерьез. В сентябре того же года пользователи AOL стали объектом крупной операции под прикрытием, получившей название Невинные изображения, которая завершилась пятнадцатью арестами и 120 обысками домов и офисов по всей стране. Обвинения касались как детской порнографии, так и сексуального домогательства к детям в интернете; СМИ представили аресты и рейды как решительную борьбу с эксплуатацией детей и педофильскими группировками. Аналогичные вмешательства имели место и в следующем году, когда федеральные агенты оставляли провокационные сообщения, пытаясь выявить или поймать потенциальных педофилов в интернете. [*43]

Хотя расследование в отношении AOL длилось два года, поразительно, что осуждение этих действий федеральных властей последовало так скоро после скандала в Конгрессе по поводу киберпорнографии. В соответствии с политикой администрации Клинтона в отношении защиты

детей, дело Innocent Images показало, что исполнительная власть не уступила законодательной власти в своем рвении в этой области.

Федеральное правительство имело личную заинтересованность в регулировании Интернета, выходящую за рамки более очевидной политики морали. После взрыва в Оклахома-Сити в апреле 1995 года расследования показали, что Интернет свободно использовался экстремистскими группами для распространения радикальной и расистской пропаганды, а также методов ведения партизанской войны и изготовления бомб. Это привело либеральных законодателей к тому, что они стали выступать за слежку или подавление коммуникаций, направленных на разжигание насилия, — аргумент, идентичный требованию Экона о регулировании материалов в Интернете, пропагандирующих незаконные действия.

Более того, в то время Министерство юстиции настойчиво

[Страница 213]

требовало юридических ограничений на использование технологий шифрования, которые могли бы помешать федеральным агентам перехватывать электронные сообщения, касающиеся наркоторговли, шпионажа или организованной преступности. Таким образом, в интересах администрации было противостоять чрезмерно строгим толкованиям Первой поправки в контексте электронных коммуникаций и использовать опасения по поводу детской порнографии в других целях. В разгар полемики вокруг шифрования в СМИ сообщалось, что международные сети педофилов и распространителей детской порнографии использовали ту же программу шифрования, которая тогда стала объектом внимания Министерства юстиции. [*44]

Какова бы ни была причина, совокупность действий Конгресса и Министерства юстиции коренным образом изменила характер дебатов и открыла путь к успеху законопроекта Экона. В рамках масштабного пересмотра регулирования телекоммуникаций президент Клинтон подписал закон, запрещающий компаниям сознательно передавать материалы сексуального характера несовершеннолетним через компьютеры; размещение непристойных или «явно оскорбительных» материалов сексуального характера, которые могут быть просмотрены лицами моложе восемнадцати лет, стало бы серьезным уголовным преступлением.

Закон о приличиях в сфере телекоммуникаций (CDA) немедленно столкнулся с юридическими проблемами, и важнейшие положения закона были отменены коллегией федеральных судей, которые сочли его «глубоко противоречащим» принципам Первой поправки. В 1997 году Верховный суд США единогласно согласился с тем, что Интернет имеет

право на самые высокие стандарты конституционной защиты, и таким образом положения CDA были решительно отклонены.

Согласно этому закону, термин *непристойность* мог применяться к произведениям искусства или академическим дискуссиям, затрагивающим темы сексуального или спорного характера, включая

«дискуссии о тюремных изнасилованиях или безопасных сексуальных практиках, художественные изображения, содержащие обнаженные фигуры, и, возможно, карточный каталог библиотеки Карнеги».

Потенциальные последствия были пугающими:

«Чтобы лишить несовершеннолетних доступа к потенциально вредной речи, Закон о защите детей фактически подавляет значительную часть речи, которую взрослые имеют конституционное право получать и обращаться друг к другу».

Судьи стремились ограничить распространенную тенденцию использовать идеологию защиты детей как бесконечно адаптируемый предлог для посягательства на свободу слова:

«Независимо от силы интереса правительства» в защите детей,

«уровень дискуссии, достигающей почтового ящика, просто не может быть ограничен тем, что подходит для песочницы». [*45]

Вскоре после казни Уэсли Алана Додда изучение его дела завершилось угрожающим отрывком:

[Страница 214]

«До тех пор, пока таких хищников, как Додд, не удастся эффективно устранить из нашей среды, общество должно помнить, что прямо сейчас существуют и другие Уэсли Аланы Додды, скрывающиеся в тени и ожидающие подходящего момента для нападения».

Как бы гиперболично это ни звучало, миллионы людей, обеспокоенных угрозой, исходящей от странствующих педофилов, приняли это утверждение за истину, точно так же, как полвека назад оно мгновенно нашло бы отклик у наблюдателей. Примечательно, насколько резко эта точка зрения отличалась от акцента движения за защиту детей в 1985 году, когда в случаях насилия широко обвиняли не неизвестных монстров, которые бродили «из штата в штат, из города в город», а знакомых мужчин в соседней комнате. [*46]

Изменения были еще более заметны в дебатах о киберпорнографии, которые основывались на образе эфемерного педофила, проникающего в семейный дом, эту крепость безопасности, невинности и домашнего уюта: обучение нас тому, кого мы должны бояться, также подразумевает, кому мы должны доверять.

Перефразируя *Newsweek*, какой физический вред может быть причинен, когда наши дети находятся в безопасности в своей спальне или гостиной? [*47] Чуть более десяти лет назад феминистские писательницы утверждали, что спальня и гостиная являются именно тем местом, где чаще всего происходит сексуальное насилие, и что преступниками часто являются отцы и братья жертв. В 1990-х годах это восприятие почти исчезло, как и более старые представления, такие как представление о пассивном, неагрессивном педофиле, поскольку представления о сексуальной угрозе для детей претерпели еще одно кардинальное изменение.

10. Цикл паники

[Страница 215]

Мы, за исключением немцев, в первую очередь склонны к стандартизации законом жизни и морали наших граждан. ...

Нам нравится принимать законы, обязывающие человека делать то, что, по нашему мнению, он должен делать ради собственного блага.
-- РАЙМОНД Б. ФОСДИК

Более того, законы о сексуальных психопатах основаны на распространённом в Америке заблуждении, что простое принятие закона решит социальную проблему.
-- МОРРИС ПЛОСКОУ

~~~

Легко понять, почему группы или индивиды, которые воспринимают детей, как находящихся под угрозой, должны быть настолько активны в попытках защитить их, и преследовать и осуждать их эксплуататоров. Но активисты детозащитных движений, хотя и искренние в их усилиях помочь уязвимым, все они добились различных успехов, привлекая внимание к проблеме растления, и в каждой последующей кампании можно выделить одни и те же профессиональные группы и идеологические течения.

Тем не менее, эта преемственность активизма не отразила никакой стабильности в том, как этот вопрос понимался в разное время. За последнее столетие обеспокоенность сильно колебалась как по степени страха, проявляемого в любой момент времени, так и по направлению, с которого, как считалось, исходили угрозы: характер сексуальных угроз детям воспринимался совершенно иначе в 1915 году, чем в 1930 году, а проблема жестокого обращения с детьми в 1984 году была сформулирована совершенно иначе, чем в 1994 году.

[Страница 216]

Конструкции растлителя были столь же изменчивы. Интерпретации иногда предпочитали довольно безобидную модель (пассивная, скорее жалкая фигура 1960х годов), когда в другие времена - модель, диаметрально противоположную первой (сексуальный маньяк 1950х или серийный педофил 1990х).

Почему общественность так непостоянна в своих страхах? И почему заявления разных активистов получали большую или меньшую поддержку общественности в разное время?

Урок, по-видимому, заключается в том, что часто можно обнаружить в исследованиях социальных проблем: заявления об опасности подобны товарам на конкурентном рынке, которые приобретают или теряют популярность в зависимости от того, насколько хорошо продавцы находят отклик у потребителей, которых они хотят привлечь.[*1]

Сами продукты, хотя и могут быть упакованы с большей или меньшей степенью сложности, остаются относительно неизменными: их успех в завоевании доли рынка зависит от состава и вкусов потребителей, которые меняются со временем.

Проблемы возникают и исчезают, развиваются и мутируют в зависимости от таких взаимосвязанных факторов, как демографические изменения, меняющиеся гендерные ожидания, экономические трудности и расовые конфликты, а также социальные, политические и религиозные идеологии, построенные на этих основополагающих реалиях. Любое представление о детстве или об опасностях, с которыми сталкиваются дети, нельзя понять без учета этих меняющихся основ.

Некоторые заинтересованные группы на протяжении многих лет постоянно активно участвуют в движениях за защиту детей. В каждый период мы, как правило, наблюдаем энергичную защиту со стороны обществ защиты детей, социальных работников, психиатров и терапевтов, женских групп, прокуроров, сотрудников правоохранительных органов и представителей средств массовой информации.

Для каждой из этих групп мотивация защиты детей, несомненно, была связана с глубоко укоренившимися социальными и религиозными идеологиями, убеждениями, восходящими к библейским представлениям о социальной помощи как о защите вдовы и сироты. С начала XIX века усилия по социальным реформам обычно концентрировались на улучшении положения детей, исходя из предположения, что это лучший способ решения таких проблем, как преступность и бедность.

Первоначально организованная через добровольные общества, такие как Нью-Йоркское общество по предотвращению жестокого обращения с детьми, социальная работа профессионализировалась в эпоху прогрессивизма, заложив основу для современной системы государственных социальных служб. Расходы на социальное обеспечение со стороны федеральных и государственных органов резко возросли в годы, когда проблема жестокого обращения с детьми стала выявляться на национальном уровне: с менее чем 12 процентов валового национального продукта в 1965 году до более чем 20 процентов десять лет спустя.

[Страница 217]

В начале XX века и с конца 1970-х годов социальные организации, как частные, так и государственные, играли ведущую роль в привлечении внимания к сексуальным угрозам для детей, и в результате получили дополнительные ресурсы. Число клинических социальных работников в Соединенных Штатах выросло с 25 000 в 1975 году до 80 000 в 1990 году, и многие из них занимались проблемами и вопросами, касающимися детей. [*2]

Феминистки представляли собой еще одну устойчивую группу сторонников. Как в 1880-х, так и в 1980-х годах, освещение угроз в адрес детей позволило феминисткам привлечь внимание к повсеместному насилию и эксплуатации со стороны мужчин и, таким образом, выявить проблемы, которые можно было решить только путем структурных изменений в гендерных отношениях. [*3]

Акцент на проблеме насилия над детьми имел ценный риторический эффект и в других кампаниях — например, в противодействии давно устоявшемуся мнению о том, что женщины, подвергшиеся изнасилованию или избиению, по крайней мере частично виноваты в своих страданиях. И изнасилование, и избиение часто изображались, пусть и абсурдно, как взаимные и добровольные действия между взрослыми, но смещение фокуса сочувствия на уязвимых детей значительно уменьшило тенденцию обвинять жертву.

Феминистки также были заинтересованы в привлечении внимания к насилию в семье, и этот аспект проблемы выходил на первый план в периоды политической организации женщин, как в эпоху прогрессивизма, так и в 1970-х и 1980-х годах.

Слабость организации в 1940-х и начале 1950-х годов может объяснить идеологическую форму проблемы сексуальных преступлений в эти годы, когда основное внимание было сосредоточено на незнакомцах и сексуальных маньяках, которые охотились на идеализированную семью, а проблема инцеста глубоко ушла в подполье на сорок лет после исследования Голдбергов в 1935 году. Но даже в эпохи, когда не существовало явно политического феминистского движения, женщины часто становились лидерами в кампаниях по борьбе с сексуальными преступлениями и преступностью среди несовершеннолетних, начиная с обществ защиты детей конца XIX века и заканчивая гражданскими комитетами конца 1940-х годов. Во второй половине XX века феминистская идеология в значительной степени определяла свое мировоззрение с точки зрения борьбы с сексуальной виктимизацией и лежащей в ее основе «культурой изнасилования».

Для психиатров и терапевтов область сексуальных отклонений предоставляла беспрецедентные возможности для демонстрации их экспертных знаний. Движение против сексуальных психопатов помогло закрепить успехи психиатрической профессии, достигнутые во время войны, и к 1950-м годам терапевтические предположения стали частью общепринятых норм образованного общества. Это способствовало распространению тенденции к медицинской интерпретации социальных проблем, будь то насилие, наркомания или неуспеваемость в образовании. В 1980-х годах терапевты вновь извлекли выгоду из расширения своей роли в расследовании случаев жестокого обращения с детьми, поскольку как

[Страница 218]

случаи с детьми дошкольного возраста, так и восстановленные воспоминания открыли целую область юриспруденции, которая была бы немыслима без методологий этой профессии. Проблема жестокого обращения с детьми подтвердила и укрепила растущий престиж терапевтических профессий: с 1970 по 1993 год число членов Американской психологической ассоциации увеличилось более чем вдвое, с 30 839 до 75 000, а число членов Американской психиатрической ассоциации выросло с 18 407 до 38 000. К концу 1980-х годов в Соединённых Штатах более 250 000 психологов работали на различных должностях. [*4]

В каждую эпоху также энергичная реакция на «волны преступности» способствовала продвижению интересов чиновников и политиков,

отстаивающих принципы правопорядка. Решительные действия против сексуальных преступников, как правило, приносят правоохранительным органам благоприятную огласку и бюрократические вознаграждения, а блестящий пример Дж. Эдгара Гувера часто служил образцом для его преемников.

Начальники полиции и прокуроры обычно стремятся показать, что они могут бороться с преступностью и защищать наиболее уязвимых членов общества, а успешное судебное преследование по всем вопиющим случаям насилия обеспечивает известность ответственному должностному лицу и может даже облегчить путь к политическому продвижению.

С точки зрения традиционных политических разногласий, этот вопрос привлекает как консерваторов (обеспечение соблюдения закона и морали), так и либералов (защита женщин и детей). Это измерение приобрело большее значение с конца 1970-х годов, когда феминистское движение, зародившееся на левом фланге, начало кампанию против сексуальных преступлений, которые традиционно волновали сторонников морализаторского правого крыла: порнография и сексуальные преступления, таким образом, стали идеальной политической темой. Политики на местном и национальном уровнях извлекли выгоду из заметной бдительности в этой области, как это показали сенаторские кампании Арлена Спектера и Пола Саймона в середине 1980-х годов и Джеймса Эксона и Чарльза Грэсли десятилетие спустя.

Религиозные и моралистические группы давно используют риторику защиты детей для продвижения своих целей, поскольку повышение осведомленности общественности в этой деликатной области давало потенциальный бонус в виде привлечения внимания к другим связанным проблемам. На протяжении последовательных дебатов о сексуальных преступлениях антигомосексуальная повестка дня редко оставалась глубоко за поверхностью риторики, наиболее заметно это было в начале 1950-х и в 1977 году и, в меньшей степени, в 1993-94 годах. В сфере контроля за непристойностью современный акцент на детской порнографии позволил властям заручиться общественной поддержкой, которая не оказывалась в отношении материалов для взрослых, что оправдывает расширение деятельности ведомств и целевых групп, которые не были бы допущены, если бы их рассматривали как вмешательство в частные, основанные на согласии удовольствия взрослых.

[Страница 219]

Наряду с этими основными группами существовали и другие, которые становились более активными в определенные периоды, например,

когда общее расширение гражданского судопроизводства в 1980-х годах вовлекло юридическую профессию в дело защиты детей. Совершенно новая отрасль профессии развилась благодаря искам, поданным от имени жертв против родителей или против таких учреждений, как школы и церкви, обвиняемых в халатности и неспособности предотвратить насилие. [*5]

Конечно, перечисление стольких заинтересованных групп не должно подразумевать, что их интерпретации проблемы защиты детей были идентичными или даже совместимыми, и между лежащими в основе предположениями соответствующих групп существовали серьезные естественные противоречия. Хотя феминистки, социальные работники, моральные традиционалисты, терапевты и другие могли извлечь выгоду из привлечения внимания к угрозам для детей, каждой из них необходимо было акцентировать внимание на определенных аспектах проблемы, а не на других.

Например, в 1980-х годах как феминистки, так и евангелические группы в целом требовали подтверждения утверждений о ритуальном насилии, хотя они сильно различались в своем анализе истоков проблемы. Для религиозных активистов сексуальное насилие над детьми было оружием для нападков на секуляризм и оставление детей в детских садах, в то время как проводилась явная аналогия между предполагаемой частотой жертвоприношений детей и общественной терпимостью к легальным абортам: все эти подходы, конечно же, были анафемой для феминисток. Аналогичным образом, психиатры и терапевты часто объединялись с правоохранительными органами, подчеркивая масштаб и серьезность угрозы со стороны сексуальных преступников, хотя уроки, которые каждая сторона извлекала из этой проблемы, сильно различались. В каждую эпоху острой обеспокоенности по поводу сексуальных опасностей для детей тактические союзы между различными сегментами движения за защиту детей часто были непрочными, а иногда и напряженными.

Несмотря на их порой конфликтные отношения, этот впечатляющий круг заинтересованных групп мог извлечь выгоду из заявлений об угрозах детям, и число бенефициаров увеличивалось по мере развития каждого кризиса. Конкретная кампания могла начинаться с заявлений полиции и групп по защите нравственности в одном населенном пункте, а сообщения об этих обвинениях впоследствии подхватывались средствами массовой информации и распространялись по всей стране с четким посылом о том, что эти предполагаемые события являются проявлением серьезной проблемы сексуальных преступлений. [*6]

Подобные репортажи позволяют СМИ занять позицию борца за права детей, восхваляя официальную активность и осуждая отсутствие

активности как пренебрежение к жертвам. Все больше и больше ведомств подталкиваются к действиям, и часто создаются новые агентства со специальной функцией искоренения эксплуатации детей, по аналогии с обществами по борьбе с жестоким обращением и пороками

[Страница 220]

эпохи прогрессивизма или службами защиты детей, основанными в 1970-х годах. Полицейские органы получают расширенные полномочия и ресурсы, примером чего является рост отрядов по борьбе с порнографией в современной Таможенной службе и Почтовой службе.

Эти бюрократические структуры заинтересованы в оправдании своего «крестового похода» путем постоянного предоставления статистических данных, указывающих на рост частоты случаев насилия и домогательств, в то время как федеральные агентства особенно стремятся подчеркнуть межгосударственный и международный аспекты проблемы и ее конспирологические стороны.

По мере усиления официальных мер растёт и число случаев выявленного и преследуемого неправомерного поведения, что в свою очередь увеличивает ещё больше ощущение распространяющейся эпидемии. Статистические данные и результаты исследований приобретают достоверность в той мере, в какой соответствуют ожиданиям общественности, и зачастую их упрощают или даже искажают, придавая им легко запоминающийся формат, который повторяется до тех пор, пока не станет аксиомой:

- "от 500,000 до 1 миллиона детей вовлечены в проституцию и порнографию в этой стране";
- "каждая четвёртая девочка - жертва инцеста";
- "80 процентов интернет-трафика приходится на извращённый секс"

Через несколько лет восприятие проблемы становится настолько хорошо укоренившимся, что её реальность и значимость похоже не вызывает вопросов, и на этой стадии акцент оригинального вопроса незаметно изменяется, отражая слегка иные опасения.

В середине 1970х годов, к примеру, резкий рост книг, посвящённых изнасилованию подтвердил значимость проблемы и градус общественного беспокойства, но литература вскоре исчерпала очевидные аргументы, которые могут быть приведены. Авторам и исследователям приходилось преследовать более специализированные аспекты проблемы или другие направления, которые выглядели естественным образом проистекающим из неё, так что следующее

десятилетие было отмечено выявлением случаев изнасилования, затрагивающих определённые группы населения (очень молодые или пожилые люди, этнические меньшинства) или происходящих в определённых ситуациях (изнасилование на свидании или со знакомым, изнасилование в браке, изнасилование в учреждениях закрытого типа).

В свою очередь, некоторые темы развивались самостоятельно и порождали дальнейшие исследования второстепенных аспектов этих проблем. Так, изучение сексуального насилия над детьми привело к исследованиям насилия со стороны авторитетных лиц, таких как насилие со стороны священнослужителей в школах и детских садах, или виктимизация мальчиков. Построение проблемы — это кумулятивный, поэтапный процесс, в котором каждая проблема в некоторой степени строится на основе предыдущих, в контексте постоянно растущего объёма общедоступных знаний.

Объясняя самоуспокоение

Проблемы развиваются, но они также и угасают, и вопрос о причинах этого представляет собой отдельную загадку. Если защита детей — такое бесценное

[Страница 221]

Идеологическое оружие, почему оно должно вообще быть отброшено или потерять свою силу? Можно подумать, что восходящая спираль заявлений никогда не ослабнет, и что, однажды начавшись, паника вроде той, что была в конце 1940х годов, продолжится беспрепятственно до настоящего дня, чего конечно же не произошло.

С нашей современной точки зрения легко понять, почему общества должны быть крайне обеспокоены спасением детей, но почему некоторые сообщества *не* разделяют этой обеспокоенности? И почему общества с кажущейся быстротой переключаются с одного набора приоритетов на другой, радикально отличающийся? Иными словами, объяснение требует не того, что паника по поводу сексуальных преступлений 1910-х, 1940-х или 1980-х годов должна была произойти, а того, почему к этой проблеме относились с таким относительным безразличием в течение промежуточных десятилетий.

С этим связан вопрос о том, почему паника возникает именно тогда, когда она возникает.

Привлекательное объяснение заключается в том, что скрытые страхи перед угрозами сексуального насилия мобилизуются сенсационными сообщениями о конкретных печально известных преступлениях. Формирование проблемы сексуальных преступников в 1936-37 годах во

многим было обусловлено освещением дела Альберта Фиша, так же как угроза жестокого обращения с детьми в начале 1980-х годов была вызвана сообщениями об инцидентах, подобных убийствам детей в Атланте, а недавняя тревога по поводу сексуальных хищников была сформирована ужасающими карьерами Эрла Шрайнера и Уэсли Додда.

Недостаток этого объяснения заключается в том, что аналогичные события в другое время не вызывали подобных реакций, что говорит о том, что, хотя искра и была зажжена, пороха не было. В конце 1920-х годов около двадцати убийств детей, совершенных Гордоном Стюартом Норткоттом в Южной Калифорнии, привлекли внимание всей страны, но, что примечательно, не вызвали никакой общей паники по поводу сексуальных преступников; Не менее сенсационными были и убийства, совершенные Эдом Гейном в 1957 году, преступления, которые легли в основу фильма «Психо».

В 1973 году около тридцати сексуальных убийств, приписываемых Дину Корллу, получили всемирную известность, но не было предпринято никаких попыток сопоставить инцидент в Техасе с другими случаями растления или сексуальных преступлений в других местах или принять соответствующие законы: власти Хьюстона называли жертв не мальчиками, а проститутками и «мужчинами-проститутками». [*7]

Этот инцидент фактически совпал с масштабной либерализацией законов, касающихся сексуальных отклонений, и никак не повлиял на замедление или срыв этого процесса. Гротескные случаи могут широко освещаться в СМИ, но их можно успешно представить в контексте конкретной проблемы только тогда, когда они изложены таким образом, чтобы это было понятно широкой публике.

Также не похоже, что всплески обеспокоенности являются естественной или рациональной реакцией на новые открытия в социальных науках, такие как многочисленные свидетельства, внезапно

[Страница 222]

появившиеся в конце 1970-х годов, о распространенности сексуального насилия над детьми и инцеста.

Исследования виктимизации, безусловно, способствовали революции в сфере насилия над детьми, но они не были ни единственной, ни необходимой причиной этой трансформации. В конце концов, в 1935 году масштабы проблемы насилия были изложены Голдбергами в удивительно современных терминах, которые в полной мере учли как нападения со стороны незнакомцев, так и инцест, и представили свои ужасающие примеры в деликатной и запоминающейся форме, в то время

как в 1953 году исследование Кинси показало, что этим опытом подвергается около четверти всех американских девочек.

Тем не менее, идея широко распространенного сексуального насилия со стороны близких и соседей практически игнорировалась, поскольку она не вписывалась в преобладающие социальные идеологии, и работа Голдбергов оставалась малозамеченной до 1970-х годов. [*8]

Игнорирование результатов исследований Кинси не было вызвано обоснованными сомнениями в достоверности его выборов, поскольку подобные сомнения не помешали немедленному принятию его оценок распространённости гомосексуального поведения среди мужчин. В середине 1960-х годов аналогичные книги, стремящиеся доказать «эпидемию» изнасилований и сексуального насилия, не оказали никакого влияния на политиков, поскольку эти работы не отвечали потребностям или ожиданиям своей аудитории. Важно отметить, что эти утверждения не получили влияния, несмотря на недавний пример дела бостонского душителя и несмотря на громкую пропаганду ФБР.

Схожие события и открытия провоцировали паническую реакцию в одну эпоху, но не в другую, и действия и аргументы, которые получали широкую поддержку в одно десятилетие, теряли свою актуальность в другое, когда идеология защиты детей может вступать в противоречие с другими конкурирующими взглядами и системами ценностей.

На протяжении всего двадцатого века риторика защиты детей пользовалась мгновенной и мощной поддержкой, основываясь на таких концепциях, как защита невинности, защита будущего нации, противодействие хищникам и так далее. В то же время действия, предпринимаемые для достижения этих достойных целей, в один год могут быть восхвалены, а в другой — подвергнуты резкому осуждению.

Сотрудников агентства, занимающегося преследованием сексуально активных подростков, могут клеймить как пуритан, назойливых типов, зануд или охотников на ведьм; терапевтическое вмешательство в случаях незначительных сексуальных отклонений может быть подвергнуто нападкам, используя терминологию романа «1984», как промывание мозгов или психиатрическая тирания. В зависимости от преобладающей идеологической среды, преследование преступных группировок, занимающихся проституцией, может рассматриваться либо как похвальная кампания против зловещих извращенцев, либо как отвлечение ценных ресурсов против безобидных гедонистов.

Таким образом, риторика защиты детей может пользоваться большим успехом, но только до тех пор, пока ей не бросают вызов или не вытесняют противоположные идеологии

[Страница 223]

либертарианства, сексуальной свободы и экспериментов, а также недоверия к государству и его учреждениям. Подобные конкурирующие ценности часто подразумеваются в повествованиях, чтобы представить «проблему сексуальных преступлений».

В 1990-х годах характерной историей могла бы быть история преданных своему делу почтовых инспекторов, которые, стремясь искоренить незаконную детскую порнографию, вовремя отслеживают педофила, чтобы предотвратить его насилие над очередной юной жертвой. В другую эпоху история могла бы быть совершенно иной по тематике и акцентам: возможно, главным героем был бы мужчина, много лет заключенный под стражу как сексуальный психопат после того, как его признали виновным в гомосексуальной связи по обоюдному согласию, или, возможно, это был бы чернокожий южанин, ложно обвиненный во вмешательстве в сексуальную связь с белым ребенком, а затем линчеванный фанатичной толпой. Эти конкурирующие нарративы приобретают наибольшее значение, когда они способствуют формированию судебного отношения к сексуальным преступлениям, которое, как мы видели, за последние сто лет или около того претерпело впечатляющие изменения.

Меняющийся рынок для утверждений

Пытаясь объяснить, почему скорее преобладает один набор ценностей, чем другой, мы обнаруживаем, что демографические факторы всегда играют роль. Действительно, история американских законов о сексуальных преступниках тесно связана с меняющимся демографическим балансом населения с точки зрения возраста и этнической принадлежности.

В начале столетия, беспрецедентная в истории по масштабам массовая иммиграция внесла вклад в быстрый рост городов, таких как Нью-Йорк и Чикаго, и высокая рождаемость в основном молодых мигрантов предвещала трансформацию американского населения.

В первые два десятилетия двадцатого столетия, американская рождаемость составляла целых тридцать на тысячу (почти в два раза больше нынешней цифры), и население страны росло более быстрыми темпами между 1890 и 1915 годами, чем в какую-либо последующую эпоху. Страх перед изменением этнического баланса воодушевил американцев старой закалки, которые начали движение за социальные

реформы, призванное цивилизовать этот новый и в основном городской класс путем «спасения» его многочисленной молодежи, а также стали пропагандировать евгенические идеи.

Конец массовой иммиграции в 1924 году сопровождался резким снижением рождаемости и доли детей в общей популяции, падение, ускоренное экономической катастрофой начала 1930х годов. К 1935 году, рождаемость была менее девятнадцати на тысячу, и медианный возраст популяции вырос с двадцати пяти лет в 1920 году, до двадцати девяти лет в 1940 году.

С тех пор в демографической истории преобладает огромная когорта поколения бэби-бумеров: рождаемость между 1946 и 1957 годами была обычно в районе двадцати пяти на тысячу, и доля детей

[Страница 224]

в населении страны достигла более высокого уровня, чем за многие годы до или после. Родительское беспокойство привело к требованиям законов, чтобы защитить эту группу от растления, так что акцент на сексуальной угрозе сместился с нападений против женщин в сторону угрозы для маленьких детей. Но когда эти дети выросли, их требования личной и сексуальной свободы возложили невыносимое бремя на сексуально ограничивающие законы, и в частности, на возраст сексуального согласия, создавая расслабленное отношение 1960х и 1970х годов.

Когда эти подростки стали родителями, бабушками и дедушками в следующие десятилетия, медианный возраст населения резко вырос, с двадцати восьми лет в 1970 году, до тридцати трёх лет в 1990 году. В сравнении с поколением их родителей, многие взрослые бумеры обнаружили, что у них было меньше домашней стабильности и меньше прямого контроля над их собственными детьми. Эти тенденции создали потенциал для новой паники на тему насилия в 1980х и 1990х годах.

Между тем, у самих молодых людей было меньше права голоса: американцы в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет составляли почти 8 процентов населения в 1970 году, но только 5,3 процента в 1990 году. В каждую эпоху аудитория для заявлений была существенно разной, и проблемы воспринимались по-разному. [*9]

Демографический цикл, описанный здесь, имеет более широкое значение. Беспокойство на тему сексуальных преступлений было слабее всего в периоды сравнительно высокой терпимости к сексуальным экспериментам, включая 1920е годы, и в особенности сексуальную революцию, начавшуюся в ранних 1960х годах.

(Хотя на второе движение повлияли новые репродуктивные технологии, такие как противозачаточные таблетки, оно тесно коррелировало с сексуальным взрослением поколения бэби-бума.) К началу 1980-х годов сексуальная революция пошла на спад под натиском таких болезней, как герпес, а позднее и СПИД, и стал очевиден новый консерватизм. Этот цикл также помогает объяснить, почему волны беспокойства по поводу социальных опасностей, таких как наркомания, часто коррелируют со страхами перед сексуальными преступлениями: страх перед наркотиками также достиг пика в критический 1914 год, когда федеральное правительство фактически запретило кокаин и опиатные наркотики, и в 1936-37 годах, когда было введено национальное регулирование марихуаны. Позднее поколение бэби-бума с таким же сочувствием относилось к запрещенным наркотикам, как и к сексуальным экспериментам, а употребление наркотиков пользовалось широкой популярностью среди среднего класса с конца 1960-х до начала 1980-х годов. Терпимость к наркотикам сохранялась немного дольше, чем легкомысленное отношение к сексу с несовершеннолетними, но и здесь эпоха Рейгана ознаменовала внезапный и жестокий переход. [*10]

В 1982 году Министерство юстиции объявило войну наркотикам, столь же бескомпромиссную, как и современная кампания против жестокого обращения с детьми, и оба движения за нулевую

[Страница 225]

терпимость набрали полную силу, когда вскоре после этого Эдвин Мииз стал генеральным прокурором. В то время как защитники жертв жестокого обращения с детьми сосредоточили свой гнев на группах педофилов и насильников, борцы с наркотиками проявили аналогичное рвение в демонизации наркобаронов, как иностранных, так и внутренних, при этом крэк-кокаин играл ту же роль «абсолютного зла», что и детская порнография в сексуальных вопросах. Оба движения были частью общего стремления очистить американскую жизнь от упадка 1960-х годов; оба стремились восстановить механизмы права и контроля, которые практически рухнули в те либертарианские годы; оба успешно апеллировали к стареющей аудитории поколения бэби-бумеров.

Казалось бы простая фраза *защита детей* многогранна, и имеет сложные риторические последствия для контроля со стороны семьи и личной ответственности. На первый взгляд, слово «защита» подразумевает, что дети находятся в опасности и нуждаются в защите сверх того, что они обычно получают от семьи и традиционных сетей поддержки; но, кроме того, защищать — значит также утверждать контроль, и заявлять, что молодые люди — «дети», значит утверждать, что они ограничены и должны быть ограничены в своих законных полномочиях для самостоятельной деятельности. По определению, это

означает отказ такому человеку в полном праве на выбор, подобающем взрослому.

В случае с ребенком четырех или семи лет такое решение кажется вполне разумным, но что насчет подростка постарше? В каком возрасте детство уступает место автономии? Кампании по защите детей часто включают в себя восстановление контроля, который был каким-то образом утрачен (возможно, в результате политических или социальных потрясений), и это достигается путем расширения определения детства, чтобы оно охватывало подростков и молодых людей. Предотвращение сексуальных актов в отношении молодежи может быть способом регулирования сексуальных действий среди этой группы населения. Рынок утверждений в определённую эпоху обусловлен представлениями о том, насколько молодые люди отклонились от надлежащей дисциплины и какие угрозы они представляют для социального и сексуального порядка.

Замечания о том, что молодежь утратила уважение к старшим, можно найти в записях почти каждой эпохи, и их не обязательно следует воспринимать как отражение реального изменения нравов, но отношения между поколениями действительно претерпевают трансформацию в определенные периоды, и эти тенденции совпадают с колебаниями в идеологии защиты детей. Это наиболее очевидно проявилось в конце «молодежной революции» в 1970-х годах, за которой вскоре последовали кампании по повышению морали в 1977 году, но подобные последовательности происходили и раньше в американской истории.

Традиционные семейные обычаи плохо прижились в новом мегаполисе в годы массовой иммиграции, и

[Страница 226]

первое десятилетие XX столетия было отмечено потоком отчаянной литературы о судьбе неуправляемого подрастающего поколения с его культурой банд и повсеместной безнравственностью. Возможно, этот молодой низший класс станет пехотинцами политической революции; говоря красноречивым языком того времени, они присоединятся к «опасным классам».

Паникующий средний класс отреагировал на этот феномен созданием ювильной юстиции и агентств социального благополучия, возложив на них ответственность за установление надлежащих стандартов дисциплины, принятых в англосаксонской протестантской среде, в отношении многоязычных захватчиков. [*11]

Угроза сексуальных преступлений подкрепила движение за защиту детей, предоставив самое сильное идеологическое обоснование для дискреционных и реабилитационных механизмов в системе правосудия, а также для евгенического контроля. Угрозы женщинам и детям доказали необходимость восстановления надлежащего семейного контроля и надзора, возвращения детей с улиц в дом.

Требование защиты вновь возникло в связи с разрушением семейной жизни, вызванным Второй мировой войной и, в меньшей степени, Корейской войной. Социальные потрясения этих лет неизбежно изменили сексуальные нравы, приведя к увеличению числа внебрачных и добрачных сексуальных контактов, а также к появлению новых возможностей для обоих полов обнаружить или выразить гомосексуальные импульсы. [*12]

Для молодёжи снятие родительского контроля открыло новые возможности для преждевременных экспериментов, которые с похотливым ужасом обсуждались в книгах и журналах. В годы войны произошло «беспрецедентное» открытие массовой подростковой преступности (которая в действительности мало чем отличалась от ситуации, наблюдавшейся примерно тридцать лет назад), и самым скандальным был рост преступности среди девочек.

К 1943 году «Девочки победы» «продавали себя за сущие копейки любому солдату», как выразился один наблюдатель: «В Портленде Юнион-Депо кишело двенадцатилетними девочками, предлагавшими себя морякам; в Индианаполисе и Кливленде автобусные и железнодорожные вокзалы процветали среди пятнадцати- и шестнадцатилетних девочек... жаждущих обслужить солдат... Крупные порты отправления кишели хихикающими полупрофессионалками в коротких носках; Центральный парк Манхэттена, печально известная улица Тёрк в Сан-Франциско, Мичиган-авеню в Чикаго - все они были пропитаны духом преждевременного секса. Гражданские парни, слишком молодые для службы, устраивали оргии, когда и где могли найти девушек».

В журнальной статье предупреждалось: «В притонах, где продают марихуану, вы видите их... четырнадцати- или пятнадцатилетних, маскирующихся под девушек постарше и подбирающих солдат, гражданских, кого угодно в штанах».

Увлечение «Девочками победы» способствовало росту проституции среди девочек в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет и увеличению числа внебрачных рождений, однако проституция среди мальчиков того же возраста также отмечалась в Нью-Йорке и других крупных городах. [*13]

Угроза со стороны хищников способствовала восстановлению семейной дисциплины и ограничению сексуальной активности молодежи. Подчеркивание исключительно ужасного характера незаконных сексуальных действий против детей и подростков укрепляло основополагающее послание о том, что возраст согласия является священным и не должен нарушаться ни насильственно, ни добровольно.

Объяснения сексуальных преступлений, предлагаемые в разные эпохи, обычно косвенно содержат рецепт «правильного» воспитания детей, семейной структуры, гендерных ролей и личного поведения.

В десятилетие после 1945 года дети получали консервативное послание от культуры, которая считала, что отклонение от надлежащих ролей предвещает последующую девиантность или психопатию. Особой опасностью представляла женственность: мальчик, который сегодня не занимается спортом или даже не играет с куклами, через десять или двадцать лет может стать скрытым педофилом. [*14]

Угроза сексуального насилия или убийства сыграла свою роль в укреплении семейных структур и подкреплении узких представлений о мужественности. В брошюрах и лекциях предупреждалось, что безопасность можно найти только дома и в семье, а внешний мир — опасное место, куда молодежь рискует попасть и где выжить может только при постоянной осторожности: «Никогда не разговаривайте с незнакомцами» стало неотъемлемой частью кредо послевоенной семейной идеологии.

Строгий акцент на мужественности и патриархальной семье не был точно воспроизведен в более поздних предупреждениях, но и там сексуальная угроза со стороны посторонних использовалась для ограничения поведения молодежи. Движение против детской порнографии укрепило сексуальные границы, которые резко разрушились за предыдущее десятилетие, а также вновь навязало идеологию социальной дисциплины. Это нашло выражение в формирующемся определении детской порнографии как изображения лиц моложе шестнадцати (позже восемнадцати) лет; подразумевалось, что молодым людям не место в каком-либо сексуальном контексте или их изображение.

Определение подростков как детей подразумевало, что они должны или могут подвергаться соответствующей родительской и социальной дисциплине, особенно в сексуальных вопросах. Этот свод законов превзошел самые смелые ожидания борцов за нравственность, создав опасную среду, в которой эротические действия с участием лица младше восемнадцати лет автоматически считаются преступлением. В многих штатах шестнадцатилетняя девушка может выйти замуж и родить детей,

но если ее муж сделает ее откровенную фотографию, он будет заниматься детской порнографией.

Риторика насилия также расширила медицинские и девиантные ярлыки, включив в них сексуальное поведение несовершеннолетних, которое до недавнего времени обычно считалось безобидной игрой.

[Страница 228]

С конца 1980-х годов школа психотерапевтов популяризировала идею об опасности, исходящей от «детей, которые совершают насилие над детьми», — подростков или детей младшего возраста, признанных насильниками на основании их сексуального поведения со сверстниками.

Тот факт, что эти действия могут быть незначительными по большинству стандартов, подтверждается случаем девятилетнего мальчика, чья преступная деятельность заключалась в том, чтобы заглядывать под юбки девочек и прикасаться к своей сестре в сексуальных целях, но обязательная отчетность о случаях насилия требует доведения такого поведения до сведения властей. Школы также были крайне чувствительны к случаям, которые могли привести к дорогостоящим судебным разбирательствам, и некоторые из них подвергались насмешкам в СМИ, когда налагали суровые наказания на маленьких детей, чьи преступления ограничивались поцелуями с одноклассниками.

Все большее число подростков оказывались в судах по делам несовершеннолетних как сексуальные преступники или «сексуализированные дети», нуждающиеся в длительной и дорогостоящей поведенческой терапии: сейчас несколько сотен программ предлагают лечение для правонарушителей младше двенадцати лет, а один критик описывает зарождающуюся «проблему» как «следующее сатанинское ритуальное насилие». [*15]

Терапевтические тенденции подкреплялись консервативными моралистическими требованиями, согласно которым школы должны учить полному воздержанию как единственно приемлемой форме подростковой сексуальности. Всё это явление напоминает рассказы Доша и других авторов середины века о молодых сексуальных преступниках, виновных лишь в интимных экспериментах; оно также напоминает, в более отдалённом контексте, врачей XIX века, которые делали карьеру, консультируя семьи о том, как отучить детей от мастурбации.

В каждом случае идеал детства полностью исключал сексуальный аспект: единственным хорошим ребёнком был не «сексуализированный» ребёнок.

Изменение гендерных ожиданий было столь же важным, как и вопросы контроля со стороны поколений, в формировании восприимчивости к заявлениям. Защита и воспитание детей всегда были центральной составляющей традиционной роли женщин, поэтому, если дети подвергались насилию, это означало, что женщины не справились со своими обязанностями и должны были активно защищать своих детей.

Активистки выражали обеспокоенность по политическим или морализаторским причинам, но их впечатляющий успех показывает, что они смогли использовать уже существовавшие и плохо определенные чувства недовольства и вины среди женщин, которые беспокоились о том, что не выполняют свои обязанности. Это навязчивое ощущение того, что дома не все в порядке, стало еще сильнее, когда движение женщин на рынок труда произошло не внезапно, а повлекло за собой изменение давно устоявшихся ролей, как это было в 1940-х или 1970-х годах.

В десятилетие после 1945 года психиатры рассматривали сексуальные отклонения как результат отступления от идеала нуклеарной семьи, в которой оба пола знали и уважали свои соответствующие роли, а матери не «доминировали» над

[Страница 229]

другими членами семьи. Возвращение к послевоенной «нормальности» требовало скорейшего восстановления гендерной иерархии. [*16]

Некоторые утверждали, что женщины больше не могли оставлять своих детей в детских садах, как это было в годы войны, поскольку ребенок, лишенный надлежащего примера для подражания, мог вырасти извращенцем или психопатом. Психопатия служила важным обоснованием утверждения о том, что место женщины — дома, а не на «женской земле» улиц.

Показатели, отражающие независимость женщин, снова ускорились в начале 1970-х годов, и это во многом объясняет повторное возникновение сексуальных преступлений, произошедшее вскоре после этого.

Доля женщин, работающих вне дома, теперь росла так же быстро, как и во время Второй мировой войны: в 1970 году около 43 процентов женщин в возрасте шестнадцати лет и старше были заняты на работе, к 1980 году эта цифра выросла до 52 процентов, а в начале 1990-х приблизилась к 60 процентам.

Новая независимость совпала с устремлениями, вдохновленными феминистским движением, и эти факторы способствовали росту числа разводов с начала 1970-х годов.

В 1958 году в Соединенных Штатах на каждый развод приходилось примерно четыре брака; к 1970 году это соотношение составляло три к одному, а к 1976 году оно достигло уровня примерно два к одному, на котором оставалось в течение следующих двух десятилетий. В 1970 году супружеские пары с детьми составляли более 40 процентов всех американских домохозяйств, но к 1990 году — только 26 процентов. [*17]

В воспитании детей гораздо чаще использовались детские сады, и для детей младшего возраста; но при всей риторике независимости путаница культурных посланий привела к тому, что многие женщины испытывали двойственные чувства по поводу «оставления» своих детей на произвол судьбы. Это создало благодатную почву для новых панических настроений, которые во многом перекликались с опасениями предыдущего поколения. В 1980-х годах общественность была слишком готова принять реальность угроз, исходящих от похитителей и распространителей детской порнографии, скрывающихся в таких местах, как детские сады и церкви.

Киберпаника здесь показательна с точки зрения влияния меняющейся социальной и технологической среды. И в случае ритуального насилия, и в случае киберпреследования сексуальная опасность была сосредоточена на нечетко определенных страхах перед тем, что дети могут выйти из-под контроля своих родителей. У этих двух проблем было много общего, включая квазирелигиозное или даже демоническое представление о педофиле. На первый взгляд, киберпаника кажется совсем другой, чем страх перед культами, поскольку насильники основывали свои действия на самых сложных технологиях. Однако демонические образы здесь были еще более явными: дети общались с безликими существами, которых они принимали за таких же невинных, как они, но которые на самом деле искушали их к развращению или физическому уничтожению: как заявило издание *Newsweek*, молодежь могла быть

[Страница 230]

"тайно похищена... от своих клавиатур" [*18]

Как и в случае с бандами, занимавшимися ритуальным насилием, эта идея была бы мгновенно понятна жителям Массачусетса семнадцатого столетия. Защита от внешних хищников требовала как твёрдого восстановления родительского надзора в доме, так и энергичных действий со стороны правоохранительных органов.

Глобализация

Любые объяснения успеха или неудачи заявлений об эксплуатации детей должны учитывать международный аспект. Если мы можем говорить о «рынке» утверждений, тогда, в социальной политике, как и в коммерции и индустрии, двадцатое столетие стало свидетелем наступления глобализации в беспрецедентных масштабах.

Процесс уже шёл полным ходом в Викторианские времена, когда американцы заимствовали научные труды из Европы, с целью создать свои собственные дисциплины социологии, психологии и криминологии, и когда раннее беспокойство по поводу сексуальной эксплуатации детей было во многом ответом на деятельность английских моральных активистов, в особенности Джозефины Батлер и У. Т. Стета.

Иронично, однако, что ещё в 1901 году, Стет сам предсказывал, что «американизация мира» (название одной из его книг) будет «тенденцией двадцатого столетия», и с этого времени Соединённые Штаты преобладают в экспорте идей.

В большинстве развитых стран, с учетом местных культурных, правовых и политических различий, наблюдается чувствительность к вопросам защиты детей, весьма схожая с той, что имела место в Соединенных Штатах, и зачастую это происходит под прямым влиянием США.

Это подтверждается распространением идеи сексуальных психопатов в 1940х годах: Канада, например, приняла уголовный закон о сексуальных психопатах в 1948 году. Между 1948 и 1954 годами, американская паника по поводу пагубных сексуальных эффектов комиксов ужасов, получила распространение во ряде других стран, включая Британию, Францию, Австралию, Новую Зеландию и Канаду, где американские эксперты вроде Фредерика Вертама пользовались большим спросом для дачи показаний перед следственными комиссиями. [*19]

Это влияние стало намного более сильным, когда беспокойство возродилось в середине 1970х годов. В Великобритании, радикальная трансформация взглядов была явной в ключевом 1977 году, когда разразилась кампания против детской порнографии и британская организация *Обмен Информации о Педофилах* была разгромлена и демонизирована. В 1986 году новые исследования масштабов сексуального насилия над детьми способствовали тому, что эта проблема оказалась в центре общественных дебатов, и вскоре страна, вслед за Соединенными Штатами, пережила серию масштабных панических акций, связанных с массовым насилием, инцестом, педофильскими группировками и даже сатанинскими и ритуальными преступлениями. [*20]

На каждом этапе британская мысль формировалась под влиянием американских посланников, приносивших новейшие трансатлантические знания по этим вопросам. Хотя хронология несколько отличается, схожие закономерности можно проследить во всех англоязычных странах и в странах, культурно находящихся под влиянием Соединённых Штатов, таких как Израиль.

Австралия иллюстрирует ту же закономерность. В конце 1970-х годов громкий случай серийного педофила вызвал яростную обеспокоенность и нападки на гомосексуальность, которая рассматривалась как связанная с растлением детей. В 1984 году штат Новый Южный Уэльс начал крестовый поход против жестокого обращения с детьми, который впоследствии распространился по всей стране. Был создан Совет по защите детей, выделены новые ресурсы для департаментов социальных служб, приняты строгие законы об обязательном сообщении о случаях насилия, и проведена масштабная информационная кампания. Число зарегистрированных случаев сексуального насилия, как и ожидалось, резко возросло.

Как и в Великобритании и других странах, Австралия последовала американской тенденции, сместив акцент с инцеста на сексуальные нападения со стороны незнакомцев, и к 1995 году федеральный парламент начал расследование «организованной преступной педофильной деятельности», изучая «педофильские сети» и другие тайные группы, а также их участие в детской порнографии и секс-турах. В исследовании широко использовались данные американских властей, цитировались слушания в Конгрессе, документы ФБР и эксперты, такие как Кеннет Ланнинг. [*21]

После ужасающего скандала с сексуальными убийствами в Бельгии в 1996 году общественное мнение в ряде европейских стран начало связывать педофилию с похищениями и серийным насилием и вскоре стало требовать жёстких контрмер, включая борьбу с непристойным контентом в Интернете.

В Южной Африке серия убийств детей, возможно, носивших ритуальный характер, вызвала национальную тревогу по поводу угрозы насилия и привела к призывам к созданию национального реестра сексуальных преступников, совершающих преступления против детей. Страхи перед сатанинским и ритуальным насилием являются ещё одним ярким показателем распространения американских идей в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке и Нидерландах.

К началу 1990-х годов формирующийся в Америке акцент на злоупотреблениях со стороны духовенства стал перениматься в этих

странах, а также в Великобритании, Ирландии и Австрии. Независимое канадское расследование дела о «священниках-педофилах» показывает, что паника отчасти была реакцией на местные условия, но формирующееся представление о местных проблемах формировалось и интерпретировалось американскими экспертами и делегациями, американскими академическими журналами и профессиональными текстами, а также вездесущей американской популярной культурой. Япония и другие страны, которые медленно или неохотно принимали импортированные американские нормы в этих вопросах, все чаще подвергались сильному международному давлению. [*22]

[Страница 232]

Распространение идей из Соединенных Штатов отражало подавляющую мощь национальных СМИ и огромные масштабы их академической среды, но американские взгляды не были бы столь влиятельными, если бы они не находили отклика у населения других стран.

Эти идеи о сексуальном насилии над детьми распространялись, потому что они привлекали местную аудиторию, которая была сформирована социальными условиями, очень похожими на те, что существовали в Соединенных Штатах. К ним относились схожие демографические циклы, резкое повышение статуса и экономической независимости женщин, сокращение числа полных семей, рост политического феминизма и повышенная чувствительность к сексуальному насилию. В этих других странах также наблюдались социальные потрясения военного времени, за которыми последовали соответствующие демографические взрывы, и у них были свои не сильно отличающиеся воспоминания о радикализме в 1960-х и 1970-х годах.

Постоянная проблема?

Если говорить о волнах или циклах американского беспокойства о сексуальных преступлениях, подразумевается регулярный, и даже предсказуемый процесс, и на первый взгляд эта модель кажется хорошо работает. Пики интереса, по-видимому, происходят примерно каждые тридцать пять лет: требование к законодателям контролировать или наказывать растлителей и извращенцев наиболее очевидны примерно в 1915, 1950 и 1985 годах; спады интереса следуют в конце 1920х годов, и снова в начале 1960х.

Но здесь паттерн ломается. Далекий от обозначения новой эпохи безразличия, 1995 год характеризуется фурором по поводу законов о сексуальных хищниках, и страхом киберсталкеров. Цикл сломался в современную эпоху, когда насилие над детьми стало частью нашего устойчивого социального ландшафта, метанарративом, способным объяснить все социальные и личные болезни.

Долговременное качество современных представлений о насилии над детьми связано с необратимыми социальными изменениями, которые вовлекли беспрецедентное число женщин в экономику и общественную жизнь

(и не просто, как в 1940е годы, на время чрезвычайного положения в стране).

Растущая литература исследует многосторонние эффекты феминизации американской культуры и политики. Женщины-избиратели всё больше и больше выглядят как ключевые избиратели на национальных выборах, и женщины-потребители являются мощным рынком, который розничные торговцы и рекламодатели имеют в виду, когда они разрабатывают свою продукцию. Поскольку схожая тенденция затрагивает восприятие социальных проблем, общество в 1990х годах стало гораздо более чувствительным к сексуальному насилию и эксплуатации, включая не только изнасилование, инцест и насилие над детьми, но также сексуальные домогательства на рабочем месте, когда всего лишь двадцать лет назад они считались чем-то обыденным и были источником юмора.

[Страница 233]

В этом контексте сексуальная угроза детям, вероятно, останется центральной социальной проблемой, как бы она ни переосмысливалась; даже в 1993-94 годах, когда движение за восстановление памяти подвергалось критике, ответом было не отказ от угрозы насилия, а перенаправление внимания на незнакомых хищников. Когда журналисты и другие комментаторы нападали на недобросовестных терапевтов, они обычно делали это, подчеркивая вред, причиненный женщинам, отказывающимся от своих показаний, и их семьям, приглашая преимущественно женскую аудиторию сочувствовать этим «жертвам памяти». Любое движение, способное пережить такой полный провал, как дело о ритуальном насилии, должно быть практически нерушимым.

Социальные изменения были усилены институционализацией идеи защиты детей во многих аспектах общественной жизни, не в последнюю очередь в расширении деятельности социальных служб. Хотя эти структуры могут подвергаться критике за отдельные злоупотребления властью, немыслимо, чтобы какое-либо федеральное или региональное правительство в обозримом будущем сократило аппарат защиты детей до уровня 1950-х или 1960-х годов, поскольку это повлекло бы за собой политически опасные обвинения в мягком отношении к растлению детей.

Другой аспект можно найти в академическом мире, где темы инцеста и насилия являются основой исследований на кафедрах социальных и

поведенческих наук, но также в различной степени встречаются в гуманитарных науках, особенно в областях литературы, социальной теории, культурологии и женских исследований.

Еще одним фактором стало значительное расширение индустрии здравоохранения за последние два десятилетия; терапевтическая помощь и консультирование стали одними из самых быстрорастущих форм занятости в современной экономике. Существует множество клиник и лечебных программ, занимающихся всевозможными личными проблемами, которые когда-то считались бы моральными или юридическими вопросами, включая злоупотребление наркотиками, алкоголизм, расстройства пищевого поведения и, конечно же, жестокое обращение с детьми.

Если раньше анализ и консультирование были доступны только людям со средствами, то с распространением страхового покрытия на средний класс произошла демократизация терапии. Моральные вопросы были медиализированы и институционализированы, породив огромную группу людей, крайне заинтересованных в том, чтобы эти вопросы оставались в центре общественного внимания. Психиатрическая система заинтересована не только в том, чтобы «существующие» проблемы продолжали рассматриваться как серьезные, угрожающие и поддающиеся только предлагаемым ею медицинским решениям, но и в том, чтобы продолжать вовлекать в свою орбиту другие проблемы.

Это во многом объясняет постоянное появление новых синдромов и диагнозов, от восстановленной памяти и множественной личности до «сексуализированных детей».

[Страница 234]

Современное движение за защиту детей также отличается от своих предшественников тем, что первым стало уделять особое внимание опыту жертв (а не просто использовать изображения безликих детей для вызывания сочувствия).

Со времен движения за права жертв изнасилований 1970-х годов жертвы сексуального насилия с энтузиазмом откликались на призывы к самоутверждению и мобилизации в последующих движениях выживших, тенденция, достигшая своего пика с движением выживших после инцеста в начале 1990-х годов.

Впервые в истории, возможно, миллионы людей, в основном, но не исключительно женщины, сформировали свою самоидентичность на основе опыта сексуального насилия. Сети выживших стали мощной группой интересов, протестующей против любого ослабления бдительности общества в отношении насилия и разворачивающей

яростные атаки на терапевтов или писателей, которые осмеливались говорить о «ложной памяти».

Средства массовой информации оказывали группам выживших уважение и авторитет, подобающие любому, кто пережил травматическое испытание; Стало трудно оспаривать их точку зрения, не выглядя при этом бессердечным или наивным. Поддержка со стороны движений пострадавших значительно укрепила позиции терапевтов и консультантов, с которыми они создали прочный фронт.

Ряд недавних событий делает вероятным, что современные формулировки проблемы жестокого обращения с детьми не исчезнут в ближайшем будущем.

Одной из них является расширение положений, в соответствии с которыми страховые компании или организации по поддержанию здоровья оплачивают всю или часть стоимости услуг в области психического здоровья, используемых их клиентами; закон 1996 года требовал от работодателей устанавливать такие же щедрые лимиты расходов на страхование психического здоровья, как и на страхование физического здоровья. Расширенное покрытие даст терапевтам и учреждениям финансовый стимул проводить более тщательные и всесторонние расследования жалоб пациентов, а также, возможно, госпитализировать тех, кто раньше лечился амбулаторно. [*23]

Перспективы развития такого рынка огромны, поскольку новый закон затронет около 23 миллионов американцев. Расширение психиатрической помощи также произойдет в новой правовой среде, поскольку решение Верховного суда 1996 года распространило на терапевтов и других специалистов в области психического здоровья привилегию конфиденциальности, аналогичную той, которой обладают юристы и священнослужители.

Это затруднит защиту от обвинений в жестоком обращении с детьми путем требования видео- или аудиозаписей сеансов терапии, которые могут показать, что компрометирующие материалы были получены ненадлежащим образом. Большее количество судебных преследований может основываться на показаниях, данных во время сеансов терапии, в то же время будет сложнее защищаться от таких исков. Несмотря на нынешнее отношение СМИ, иски о жестоком обращении, возникающие в результате терапии памяти, вполне могут получить второе дыхание.

[Страница 235]

Еще одна недавняя тенденция — использование законов о сексуальных преступлениях в качестве инструментов для снижения государственной ответственности за социальное обеспечение, что фактически возрождает

старый принцип: американские колонии использовали преследование за внебрачных детей, чтобы избежать финансового бремени, которое в противном случае легло бы на них, если бы обвинение в содержании внебрачных детей не могло быть «принесено в качестве доказательства» конкретному мужчине.

В 1990-х годах обеспокоенность по поводу расходов на социальное обеспечение привела к возобновлению использования правовых санкций для снижения нагрузки на государственный бюджет (например, путем преследования и судебного преследования «отцов-неплательщиков», которые не платят алименты на детей), а риторика защиты детей и обеспечения соблюдения семейных обязательств побудила юрисдикции пытаться предотвратить подростковую беременность с помощью уголовного права.

Эта идея получила импульс благодаря исследованиям, которые якобы показали, что поразительное количество беременностей является результатом связей между молодыми девушками и мужчинами старшего возраста; поскольку такие связи следует рассматривать как форму жестокого обращения с детьми, они должны быть наказуемы в соответствии с уголовным законодательством. В действительности ситуация была гораздо менее ужасающей, чем первоначально предполагали статистические данные, поскольку многие из зарегистрированных случаев подростковой беременности касались девушек восемнадцати или девятнадцати лет, которые во многих случаях были замужем за мужчинами немного старше себя. Более того, большинство детей, рожденных пятнадцатилетними или шестнадцатилетними девушками, были рождены от юношей сопоставимого возраста.

Тем не менее, образ матерей-подростков как «жертв насилия со стороны взрослых мужчин» быстро закрепился в общественном сознании: количество судебных преследований по обвинению в изнасиловании несовершеннолетних резко возросло в Коннектикуте, Вашингтоне и Флориде и, вероятно, станет гораздо более распространенным явлением, чем когда-либо за последние полвека. Губернатор Массачусетса Уильям Уэлд заявил, говоря о девушках младше шестнадцати лет: «Изнасилование несовершеннолетних — это не преступление без жертв. Маленькие девочки, которых взрослые мужчины принуждают к сексу и материнству — опыту, к которому они ни в коем случае не готовы, — являются жертвами преступления. Их следует защищать со всей силой закона».

Иногда финансовые цели такой политики выражены явно: например, в Коннектикуте предлагаемый законопроект предусматривает отказ в предоставлении социальной помощи матери, отказавшейся содействовать преследованию отца своего ребенка. Нынешние дебаты о

том, следует ли в таких случаях сажать мужчину в тюрьму или принуждать его к браку с молодой матерью, вызывают ощущение дежавю. Один из округов Айдахо еще дальше возвращается к более ранним истокам нравственного права, вновь вводя преследование за прелюбодеяние — решение, получившее широкую огласку на национальном уровне. [*24]

Как и в случае с детской порнографией, рассмотрение проблемы с точки зрения моральной защиты детей способствует возрождению правовых концепций, которые еще совсем недавно находились на грани исчезновения.

[Страница 236]

Остается неясным, окажут ли меры, разработанные для небольшого числа сексуальных преступников, гораздо более широкое влияние на политику в отношении других преступников, несовершеннолетних правонарушителей и психически больных. Программы лечения сексуальных преступников представляют собой точку опоры крайне позитивистского идеала в тюрьмах и, возможно, модель, которую можно было бы распространить более широко.

Это может вскоре стать вопросом первостепенной важности: нынешние демографические тенденции (эффект «бэби-бумеранга») означают, что в течение десятилетия или около того в Соединенных Штатах произойдет значительное увеличение числа людей в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет, и это, предположительно, будет сопровождаться самым сильным всплеском насильственных преступлений с начала 1980-х годов.

В этот момент возникнут призывы к жестким мерам для обеспечения общественной безопасности, и если суды разрешат арсенал методов, предлагаемых сейчас для сексуальных хищников, они вполне могут быть распространены на «обычных» насильственных преступников. Искушение будет тем сильнее, если методы коррекции поведения будут рассматриваться как единственное средство дисциплинирования заключенных в и без того переполненных исправительных учреждениях. Официальные меры реагирования на сексуальных преступников представляют собой вопиющие исключения из обычных конституционных гарантий, но эти исключения могут в будущем выйти за рамки их нынешнего применения.

Хищники в перспективе

Хотя убеждение в том, что дети уязвимы перед опасными сексуальными преступниками, прочно утвердилось как основной компонент социальной идеологии, нет единого мнения о том, кто является виновниками этой

угрозы и что ими движет, и, следовательно, нет единого мнения о наилучших способах предотвращения.

Мы снова сталкиваемся с давно знакомым парадоксом: хотя многие данные свидетельствуют о том, что насилие чаще всего происходит в домашней обстановке или в районе проживания, где виновниками выступают члены семьи или соседи, концепции проблемы возлагают вину на внешние силы — на извергов и психопатов, педофилов и хищников. И из всех возможных ответов на эту проблему — психологических, образовательных, социальных или ориентированных на социальное обеспечение — официальные действия неизбежно примут форму уголовных санкций, налагаемых системой уголовного правосудия на этих посторонних лиц.

Американцы предпочитают «справедливое решение» не из-за какой-либо национальной тенденции быть примитивными, но потому что намного легче идентифицировать проблему как работу индивида или группы, которая может быть подвергнута какой-либо форме официальных санкций. Выявление первопричин проблемы — сложная задача, как и осуществление существенных изменений в законодательстве или социальной политике, необходимых для достижения реальных результатов. По сути, достаточно просто убедить массовую

[Страница 237]

аудиторию в серьёзности проблем может быть сложно, если эти проблемы не будут рассмотрены лично или контекстуализированы таким образом, чтобы сделать их понятными.

Конец 1980х годов здесь является наглядным примером. В то время как паника на тему ритуального насилия была в самом разгаре и СМИ яростно гонялись за несуществующими сатанинскими бандами, разворачивалась совершенно реальная волна преступности поразительных масштабов в виде краха сберегательных и кредитных учреждений, когда корпоративные мошенники украли суммы, исчисляемые сотнями миллиардов долларов, подрывая экономики целых городов и штатов и сея финансовый хаос, который не будет разрешён в течение десятилетий. Суммы невообразимы, и именно в этом проблема.

Аудитория, потрясенная ограблениями банков на несколько миллионов долларов, мало представляла себе, какие деньги были украдены из сберегательных счетов, и тем более обычная публика (или большинство журналистов) не понимала, какие технические уловки были использованы. Сторонники, желавшие привлечь внимание к катастрофе, должны были сделать это, представив ее в контексте, который был бы понятен и одновременно морально неправилен для неспециалиста.

Это означало установление всех возможных связей с известными и стереотипными преступниками, такими как организованная преступность, недобросовестные агенты разведки и наркоторговцы, и обвал среди сберегательных счетов Небраски стал «настоящим» преступлением только тогда, когда его можно было связать с модным пугалом сатанинских секс-сетей. Проблема сберегательных и кредитных учреждений мало продвигалась в национальном масштабе до тех пор, пока корпоративная преступность не обрела лицо (в буквальном смысле) в лице Чарльза Китинга и сенаторов, чью поддержку он якобы купил; Китинг быстро стал общенациональным козлом отпущения за всю катастрофу.

Подобное непонимание сопровождало и современные утверждения о том, что 40 или 50 миллионов американцев стали жертвами сексуального насилия в детстве. Даже если сомнения в методах опроса уменьшили эту цифру в десять или двадцать раз, основные выводы оставались буквально невообразимыми, пока проблема не обрела лица в образе воспитательниц детского сада МакМартин, а позже и сексуальных хищников, убийц Полли Клаас и Меган Канка.

В знакомом антропоморфном процессе, формирующем нашу реакцию на другие проблемы, вопрос сексуальных преступлений персонализируется, и, будучи идентифицированным, монстров можно победить, поймать и убить. Как сказал Мэтью Стадлер, это

«утверждает видение преступления, в которое законодатели отчаянно хотят верить: место, где сексуальное насилие можно изолировать и лечить, где зло, скрывающееся в стране, можно обуздать и искоренить. Хищник стал не чем иным, как символом глубочайшего зла». [*25]

Имея конкретную форму, проблема может быть встречена способами, которые законодатели понимают, а именно, принятием ещё более строгих законов и началом демагогической войны ставок,

[Страница 238]

чтобы ввести самые строгие наказания за поведения.

В 1980х годах, целью было принять специфические и конкретные меры, которые будут с гордостью цитироваться в СМИ и среди избирателей, желательно с запоминающимися названиями, объявляющими о цели защиты и мести за детей. Кто может проголосовать против чего-то, названного Законом Меган? В таких условиях даже предлагались настолько радикальные законы, что суды признавали их неконституционными, поскольку судьи могли остаться с клеймом неспособности защитить детей.

К сожалению, предложенные решения не обязательно имели что-либо общее с изначальной проблемой насилия, и были основаны на ложном понимании природы сексуальных преступлений против детей.

Законодательные органы, как правило, придерживались мифа о профилактике, выдвинутого давным-давно газетой *New York Times*:

«моральных дегенератов легко обнаружить, не дожидаясь, пока акты насилия отнесут их к категории преступников». [*26]

Как показывает пример с возобновлением действия законов о нарушении возраста согласия, эти меры подразумевают сомнительную веру в возможность сдерживания подобных преступлений. Законы о хищниках и им подобные не только неэффективны, но и исключают возможность обсуждения других подходов к проблеме жестокого обращения с детьми.

В середине 1990х годов, наиболее активные федеральные законодатели, выступающие за законы о хищниках и регуляцию Интернета, с той же решительностью продемонстрировали намерение сократить программы социального благополучия таким образом, что это приведёт к увеличению бедности детей и их семей, несмотря на предсказуемое влияние на молодёжную преступность, злоупотребление наркотиками и домашнее насилие. В конце концов, разве Конгресс уже не занимался проблемой «реального» насилия над детьми?

Хищники, психопаты и педофилы представляют собой очень незначительный компонент реальных сексуальных проблем, с которыми сталкиваются дети, в то время как даже сексуальные угрозы должны быть рассмотрены в ряду многих других опасностей, проистекающих из физического насилия, ущерба среды и бесчисленных последствий всеобщей бедности.

В течение двадцатого столетия, однако, такие опасные посторонние лица привлекли непропорционально большую долю внимания со стороны официальных лиц, именно потому, что они представляют собой наиболее лёгкую мишень для любого, кто хочет, хотя и искренне, защитить детей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AJO	American Journal of Orthopsychiatry
AJP	American Journal of Psychiatry
BG	Boston Globe
CAN	Child Abuse and Neglect
JAICLC	Journal of the American Institute of Criminal Law and Criminology
JH	Journal of Homosexuality
JSH	Journal of Social Hygiene
LAT	Los Angeles Times
NCAVC	National Center for the Analysis of Violent Crime
NCMEC	National Center for Missing and Exploited Children
NYT	New York Times
SFC	San Francisco Chronicle
WP	Washington Post
WSJ	Wall Street Journal
WWW	World Wide Web

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Создание фактов

CHAPTER I: CREATING FACTS

1. Peter Berger and Thomas Luckmann, *The Social Construction of Reality* (New York: Doubleday Anchor, 1967).
2. E. Olafson, D. L. Corwin, and Roland C. Summit, "Modern History of Child Sexual Abuse Awareness: Cycles of Discovery and Suppression," *CAN* 17 (1993): 7-24; compare David Finkelhor, "Sexual Abuse: A Sociological Perspective," *CAN* 6 (1982): 95-102.
3. Joel Best, ed., *Images of Issues*, 2d ed. (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1995); Thomas J. Bernard, *The Cycle of Juvenile Justice* (New York: Oxford University Press, 1992); James B. Gilbert, *A Cycle of Outrage* (New York: Oxford University Press, 1986); Joseph Gusfield, *The Culture of Public Problems* (Chicago: University of Chicago Press, 1981).
4. Best, *Images of Issues*, p. 6.

5. Edwin Sutherland, "The Diffusion of Sex Psychopath Laws," *American Journal of Sociology* 56 (1950): 142-48, and "The Sexual Psychopath Laws" *Journal of Criminal Law and Criminology* 40 (1950): 534-54; Nicholas N. Kittrie, *The Right to Be Different* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971); George Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," in William Graebner, éd., *True Stories from the American Past* (New York: McGraw-Hill, 1993), pp. 160-78; John D'Emilio, "The Homosexual Menace," in Kathy Peiss, Christina Simmons, and Robert A. Padgug, eds., *Passion and Power: Sexuality in History* (Philadelphia: Temple University Press, 1989), pp. 226-40; Estelle B. Freedman, "Uncontrolled Desires," *Journal of American History* 74 (1987): 83-106. Compare Erich Goode and Nachman Ben-Yehuda, *Moral Panics* (Oxford: Blackwell, 1994), pp. 18-19; Kenneth Plummer, *Sexual Stigma* (London: Routledge Kegan Paul, 1975); David Finkelhor, *Child Sexual Abuse* (New York: Free Press, 1984), p. 3; Paula S. Fass, *Kidnapped: Child Abduction in America* (New York: Oxford University Press, 1997).
6. Although see Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," p. 175. For constructionist studies, see Joel Best, *Threatened Children* (Chicago: University of Chicago Press, 1990); Debbie Nathan and Michael Snedeker, *Satan's Silence* (New York: Basic, 1995); Martin L. Forst and Martha-Elin Blomquist, *Missing Children: Rhetoric and Reality* (Toronto: Lexington, 1991); Lela Costin, Howard Krager, and David Stoesz, *The Politics of Child Abuse in America* (New York: Oxford University Press, 1996).
7. Stan Cohen, *Folk Devils and Moral Panics* (Oxford: Blackwell, 1972); Goode and Ben-Yehuda, *Moral Panics*; the quotation is from Stuart Hall et al., *Policing the Crisis* (London: Macmillan, 1978), p. 16.
8. Philip Schlesinger and Howard Tumber, *Reporting Crime* (Oxford: Clarendon, 1994); Helen Benedict, *Virgin or Vamp* (New York: Oxford University Press, 1992); Keith Soothill and Sylvia Walby, *Sex Crime in the News* (London: Routledge, 1991); Stanley Cohen and Jock Young, eds., *The Manufacture of News* (London: Constable, 1973).
9. M. Ames and D. Houston, "Legal, Social, and Biological Definitions of Pedophilia," *Archives of Sexual Behavior* 19:4 (1990): 333-42; Gene Abel, Judith Becker, and Jerry Cunningham-Rathner, "Complications, Consent, and Cognitions in Sex Between Children and Adults," *International Journal of Law and Psychiatry* 7 (1984): 89-103; DSM-IV: *A Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 4th ed. (Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 1994), pp. 527-28; James R. Kincaid, *Child-Loving* (New York: Routledge, 1993). For the word pederast, for instance, see Mark Vane, "Pederast with AIDS Virus Sentenced to 98-295 Years," *Washington Times*, November 15, 1990; Arlo Wagner, "Pederast Priest Sentenced to Eight Years," *Washington Times*, October 9, 1991.
10. *Uniform Crime Reports 1994*, pp. 287-88; Costin, Krager, and Stoesz, *Politics of Child Abuse*; Robert Hanley, "Study Says Megan Slaying Fits Pattern for Such Cases," *NVT*, June 23, 1997.
11. James O. Finckenauer, *Scared Straight! and the Panacea Phenomenon* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1982).
12. Compare Patricia Healy Wasyliw, *Martyrdom, Murder, and Magic* (New York: Peter Lang, 1996); R. Po-chia Hsia, *The Myth of Ritual Murder* (New Haven: Yale University Press, 1988).

13. Louise Armstrong, *Rocking the Cradle of Sexual Politics* (Reading, Mass.: Addison Wesley, 1994).
14. Richard A. Posner and Katharine B. Silbaugh, *A Guide to America's Sex Laws* (Chicago: University of Chicago Press, 1996).
15. Jay R. Feierman, ed., *Pedophilia: Biosocial Dimensions* (New York: Springer Verlag, 1990); William Kraemer, ed., *The Forbidden Love* (London: Sheldon Press, 1976). For concern about genital mutilation, see Celia W. Dugger, "Tug of Taboos," NYT, December 28, 1996.
16. For the historical context, Sander J. Breiner, *Slaughter of the Innocents* (New York: Plenum, 1990); Jack McIver Weatherford, *Porn Row* (New York: Arbor House, 1986), pp. 161-76; Lloyd De Mause, *The History of Childhood* (New York: Psychohistory Press, 1974). Louis XII's early years are discussed in Philippe Aries, *Centuries of Childhood* (London: Penguin, 1973), pp. 98-100.
17. Jan Hoffman, "Of Lust, Liaisons, and Laws," NYT, October 23, 1994.
18. Charles G. Chaddock, "Sex Crimes," in Allan McLane Hamilton and Lawrence Godkin, eds., *A System of Legal Medicine*, vol. 2 (New York: E. B. Treat, 1894), p. 543.

2. Конструируя сексуальную преступность 1890–1934 гг.

CHAPTER 2 : CONSTRUCTING SEX CRIME, 1890-1934

1. Benjamin Karpman, *Case-Studies in the Psychopathology of Crime*, vol. 2 (Washington, D.C.: Medical Science Press, 1947-48), pp. 517-635.
2. Group for the Advancement of Psychiatry, Committee on Psychiatry and Law, *Psychiatry and Sex Psychopath Legislation* (New York, 1977), pp. 847-48; Louis Crompton, "Homosexuals and the Death Penalty in Colonial America," JH 1 (1976): 277-93.
3. Robert F. Oaks, "Things Fearful to Name," in Charles O. Jackson, ed., *The Other Americans* (Westport, Conn.: Praeger, 1996), pp. 24-36; Anthony E. Simpson, "Vulnerability and the Age of Female Consent," in G. S. Rousseau and Roy Porter, eds., *Sexual Underworlds of the Enlightenment* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1988), pp. 181-206; Lawrence R. Murphy, "Defining the Crime Against Nature," JH 19 (1990): 49-66; Martin Killias, "The Historic Origins of Penal Statutes Concerning Sexual Activities Involving Children and Adolescents," JH 20 (1991): 41-46; Jonathan Ned Katz, *Gay/Lesbian Almanac* (New York: Harper Colophon, 1983), pp. 42—49, 78-83. The word abuse occurs in the context of sexual assault in the King James Bible of 1611, which contains a passage referring to a woman "abused" by a group of thugs (Judges 19:25).
4. George E. Worthington and Ruth Topping, *Specialized Courts Dealing with Sex Delinquency* (1925; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969); Morris Ploscowe, *Sex and the Law* (New York: Prentice-Hall, 1951), pp. 149, 201-2; Murphy, "Defining the Crime Against Nature"; Morris L. Ernst and David Loth, *American Sexual Behavior and the Kinsey Report* (New York: Educational Books, 1948), pp. 128-31.

5. Joseph Words, "SexTaboos, Sex Offenders, and the Law," AJO 9 (1939): 555-64. For Massachusetts statistics, see the Wickersham Commission, The National Commission on Law Observance and Enforcement (Washington, D.C.: GPO, 1931), no. 13, p. 295. The quotation about carnal abuse is from Albert Ellis and Ralph Brancale, The Psychology of Sex Offenders (Springfield, 111.: Charles Thomas, 1956), p. 14.
6. David J. Pivar, Purity Crusade: Sexual Morality and Social Control, 1868-1900 (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1973), pp. 139—46; Lynne Kocen and Josephine Bulkley, "Analysis of Criminal Child Sex Abuse Statutes," and Donna Wulkan and Josephine Bulkley, "Analysis of Incest Statutes," in Josephine Bulkley, ed., Child Sexual Abuse and the Law (Washington, D.C.: National Legal Resource Center for Child Advocacy and Protection, 1981), pp. 1-20, 52-66; Charlton Edholm, Traffic in Girls (Chicago: Women's Temperance Publishing Association, 1893), pp. 66-67; Martin J. Costello, Hating the Sin, Loving the Sinner (New York: Garland, 1991), pp. 1-40; Report and Analysis of Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939 (New York: Mayors Committee for the Study of Sex Offenses, 1940), p. 22.
7. W Travis Gibb, "Indecent Assault upon Children," in Allan McLane Hamilton and Lawrence Godkin, eds., A System of Legal Medicine, vol. I (New York: E. B. Treat, 1894), p. 651; Arthur W. Towne, "Young Girl Marriages in Criminal and Juvenile Courts "JSH8 (1922): 287-305; Ploscowe, SexandtheLaw, pp. 149, 179, 183; Herbert E. Gernert, "The Age of Consent Laws," Vigilance 20:1 (1912): 8-13. For the Tennessee case, see Clyde Thomas Nissen, "Rape—Age of Consent Statute," JAICLC 25 (1934-35): 777-78.
8. Michelle Oberman, "Turning Girls into Women," Journal of Criminal Law and Criminology 85 (1994): 15-79; Michelle Oberman, "Statutory Rape Laws," ABA Journal 82 (August 1996): 86-87.
9. Towne, "Young Girl Marriages"; Ploscowe, Sex and the Law, pp. 150, 182; the 1961 case is in Costello, Hating the Sin, Loving the Sinner, p. 58.
10. John D'Emilio and Estelle B. Freedman, Intimate Matters (New York: Harper and Row, 1988), pp. 216-21; Margaret Werner Cahalan and Lee Anne Parsons, Historical Corrections Statistics in the United States (Rockville, Md.: Bureau of Justice Statistics, 1986), pp. 10-11.
11. Michel Foucault, introduction to The History of Sexuality, vol. 1 (New York: Pantheon Books, 1978); Katz, Gay/Lesbian Almanac, pp. 144-45; David F. Greenberg, The Construction of Homosexuality (Chicago: University of Chicago Press, 1988).
12. Bert Hansen, "American Physicians' Discovery of Homosexuals, 1880-1900," in Charles E. Rosenberg and Janet Golden, eds., Framing Disease: Studies in Cultural History (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1992), pp. 104-33; George Chauncey, Gay New York (New York: Basic, 1994), pp. 37-38, 89-90, 185. The quotations about the Philadelphia, Missouri, and Chicago cases are from Katz, Gay/Lesbian Almanac, pp. 179, 233, 367, 423; Jonathan Ned Katz, Gay American History (New York: Meridian, 1992), p. 40. The Philadelphia vice investigation is from The Vice Commission of Philadelphia (Philadelphia, 1913), p. 23. For the Crane anecdote, see Milton Rugoff, Purity and Passion (London: Rupert Hart-Davis, 1972), p. 270.

13. Pivar, *Purity Crusade*, pp. 139-46. The hypothetical court case is from Edholm, *Traffic in Girls*, pp. 68-69; the "human gorillas" remark is on p. 9. The analogies of the leper and the beast are from Benjamin O. Flower, "Wellsprings and Feeders of Immorality," *Arena* 11 (1895): 167, 171. The smallpox comparison is used by Helen H. Gardener in "The Shame of America: A Symposium," *Arena* 11 (1895): 196; Frances E. Willard describes the "frightful indignities" in *ibid.*, p. 200. Compare Helen H. Gardener, *Have Children a Right to Legal Protection?* (Boston: Arena, 1895). Prostitution among children and young teenagers was often mentioned in the antvice exposés at the turn of the century; see, for example, John Regan, *Crimes of the White Slavers* (Chicago, 1912), pp. 33-73.
14. Richard von Krafft-Ebing, *Psychopathia Sexualis*, translated by Charles G. Chaddock (Philadelphia: F. A. Davis, 1893); Richard von Krafft-Ebing, *Psychopathia Sexualis*, translated by Franklin S. Klaf (New York: Scarborough, 1978); Katz, *Gay/Lesbian Almanac*, p. 256; Charles G. Chaddock, "Sex Crimes," in Hamilton and Godkin, *A System of Legal Medicine*, 2:543-47.
15. Lela Costin, Howard Krager, and David Stoesz, *The Politics of Child Abuse in America* (New York: Oxford University Press, 1996), pp. 46-60; Elizabeth H. Pleck, *Domestic Tyranny* (New York: Oxford University Press, 1987), pp. 69-87; Linda Gordon, *Heroes of Their Own Lives* (New York: Viking, 1988); Ruth Rosen, *The Lost Sisterhood* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982); Steven M. Schlossman, *Love and the Delinquent* (Chicago: University of Chicago Press, 1977); Anthony M. Platt, *The Child Savers*, 2d ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1977). The remark about the "horrible abuses" of young girls appears in Christian Carl Carstens, "The Development in the Work of Children's Protection," *Survey*, November 12, 1910, p. 256; Gibb's conclusion is in Gibb, "Indecent Assault," p. 656.
16. Gibb, "Indecent Assault," pp. 649-52; compare Terry L. Chapman, "Inquiring Minds Want to Know," in Russell Smandych et al., eds., *Dimensions of Childhood* (Winnipeg: University of Manitoba Press, 1991), pp. 183-204.
17. Henry M. Boies, *Prisoners and Paupers* (New York: G. P. Putnam's, 1893), p. 99. The remark about "defilement" is in Ernest K. Coulter, *The Children in the Shadow* (New York: McBride and Nast, 1913); compare Louise De Koven Bowen, *Safeguards for City Youth at Work and Play* (New York: Macmillan, 1914), pp. 131, 137. The observation about "lodgers coming in tipsy," is from Albion Fellows Bacon, *Beauty for Ashes* (New York: Dodd Mead, 1914); see also O. F. Lewis, "Crime and Congestion," *Survey*, March 25, 1911, p. 1062. The Massachusetts report is quoted in Henry Pratt Fairchild, "Preventing Cruelty to Children," *American Journal of Sociology* 18 (1912-13): 569.
18. Threats to children were discussed at length in the publications of the American Purity Alliance (later renamed the American Vigilance Association), with its journals *The Philanthropist* and *Vigilance*, and the publications of the American Federation for Sex Hygiene. In 1914, these activist groups merged into the new American Social Hygiene Association, with its journal *Social Hygiene* (later *JSH*). On sexually transmitted diseases among children, see Allan M. Brandt, *No Magic Bullet* (New York: Oxford University Press, 1985); W. P. Lucas, "Venereal Contagious Diseases in Children," *National Conference of Charities and Corrections: Proceedings* (1912), pp. 293-97. The American Purity Alliance quote is from

- O. Edward Janney, "Teaching of Sex Hygiene," *Vigilance* 23:6 (1910): 10. The St. Louis material is from Frederick J. Taussig, "The Contagion of Gonorrhoea Among Little Girls," *Social Hygiene* 1 (1914-15): 416. Bowen, *Safeguards*, p. 227, discusses the Chicago hospital, drawing from the Chicago Vice Commission, *The Social Evil in Chicago* (Chicago, 1911), p. 241. The New York survey is found in "Survey of Gonorrheal Vaginitis in Children," *JSH* 13 (1927): 144-49. See also Karen Taylor, "Venereal Disease in Nineteenth-Century Children," *Journal of Psychohistory* 12 (1985): 431-63.
19. Gordon, *Heroes of Their Own Lives*, pp. 204-49.
  20. Ruth M. Alexander, *The "Girl Problem"* (Ithaca: Cornell University Press, 1995); Regina G. Kunzel, *Fallen Women, Problem Girls* (New Haven: Yale University Press, 1993); Mary E. Odern, *Delinquent Daughters* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995), pp. 8-37, 62-81; Steven Schlossman and Stephanie Wallach, "The Crime of Precocious Sexuality," *Harvard Educational Review* 48 (1978): 65-94; Gordon, *Heroes of Their Own Lives*, pp. 219, 227-49; Worthington and Topping, *Specialized Courts*; "Survey of Gonorrheal Vaginitis," p. 146. The 1931 case appears in Louis A. Schwartz, "Scientific Treatment of Juvenile Delinquency," *JAICLC* 3 (1932): 461-67.
  21. Sophonisba B. Breckinridge and Edith Abbott, *The Delinquent Child and the Home* (New York: Charities Publication Committee, 1912), pp. 102-3, 315-25; June Purcell-Guild, "Study of 131 Delinquent Girls Held at the Juvenile Detention Home in Chicago, 1917," *JAICLC* 10 (1919-20): 443-44; Anne T. Bingham, "Determinants of Sex Delinquency in Adolescent Girls Based on Intensive Studies of Five Hundred Cases," *JAICLC* 13 (1922-23): 528-32; "Venereal Diseases in Private Practice," *JSH* 10 (1924): 267-77; William Isaac Thomas, *The Unadjusted Girl* (1923; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969), pp. 98-102; Jane Addams, *A New Conscience and an Ancient Evil* (New York: Macmillan, 1913), p. 109. For a prostitute's recollection of her childhood molestation by an uncle, probably in the mid-1890s, see Ruth Rosen, ed., *The Maimie Papers* (New York: Feminist Press, 1977), p. 193. The children's court study is from Lewis J. Doshay, *The Boy Sex Offender and His Later Career* (1943; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969), pp. 75, 80.
  22. The New York reform is described by Gibb, "Indecent Assault," p. 649; Gail S. Goodman, "Children's Testimony in Historical Perspective," *Journal of Social Issues* 40 (1984): 13; Christian Carl Carstens, "The Rural Community and Prostitution," *Social Hygiene* 1 (1914-15): 539-42. The quotation is from Carstens, "The Development in the Work of Children's Protection," p. 256.
  23. Gail S. Goodman, ed., "The Child Witness," special issue of *Journal of Social Issues* 40:2 (1984); John Henry Wigmore, *Principles of Judicial Proof* (Boston: Little, Brown, 1913), pp. 332-39; Robert W. Millar, "John Henry Wigmore," in Hermann Mannheim, ed., *Pioneers in Criminology* (Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1972), pp. 411-20; L. Bienen, "A Question of Credibility," *California Western Law Review* 19 (1983): 235-68. John Henry Wigmore's *Principles of Judicial Proof* is quoted in E. Olafson, D. L. Corwin, and Roland C. Summit, "Modern History of Child Sexual Abuse Awareness: Cycles of Discovery and Suppression," *CAN* 17 (1993): 8.

24. William Healy, *The Individual Delinquent* (Boston: Little, Brown, 1915), pp. 736-40; William Healy and Mary Tenney Healy, *Pathological Lying, Accusation, and Swindling* (1915; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969), pp. 172-97, 225-32.
25. Chaddock, "Sex Crimes," p. 572; see also pp. 561-64.
26. Jay Robert Nash, *Bloodletters and Badmen* (New York: M. Evans, 1973); Jay Robert Nash, *Murder America* (New York: Simon and Schuster, 1980); *Life of Jesse H. Pomeroy, the Boy Fiend* (Taunton, Mass.: Taunton Publishing, 1875). "The most remarkable case" is from E. Luscomb Haskeil, *Life of Jesse Harding Pomeroy* (Boston: n.p., 1892). For the Philadelphia case, see Roger Lane, *Violent Death in the City* (Cambridge: Harvard University Press, 1979), pp. a5-86.
27. Allan W Eckert, *The Scarlet Mansion* (New York: Bantam, 1986); Harold Schechter, *Depraved* (New York: Pocket, 1994); compare Caleb Carr, *The Alienist* (London: Little, Brown, 1994); Philip Jenkins, *Using Murder* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1994).
28. Nicole Hahn Rafter, *Creating Born Criminals* (Urbana: University of Illinois Press, 1997); Ysabel F. Rennie, *The Search for Criminal Man* (Lexington, Mass.: Lexington, 1978); August Drähms, *The Criminal* (1900; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1971); Arthur MacDonald, *Criminology* (New York: Funk and Wagnalls, 1893); Chaddock, "Sex Crimes," p. 561; Henry M. Boies, *The Science of Penology* (New York: G. P. Putnam's, 1901).
29. Jenkins, *Using Murder*; Nancy Maclean, "Gender, Sexuality, and the Politics of Lynching," in W. Fitzhugh Brundage, ed., *Under Sentence of Death* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997), pp. 158-88; Leonard Dinnerstein, *Anti-Semitism in America* (New York: Oxford University Press, 1994), pp. 181-84; Philip Jenkins, "Serial Murder in the United States, 1900-1940" *Journal of Criminal Justice* 17 (1989): 377-92; Robert Seitz Frey, *The Silent and the Damned* (Lanham, Md.: Madison, 1988).
30. NYT, March 20-30, May 4-18, 1915; "Little Girl Found Murdered in Hall," *ibid.*, March 20, 1915; "Boy Murdered by East Side Ripper," *ibid.*, May 4, 1915; "Thought Prisoner a Ripper," *ibid.*, May 18, 1915; "Mob Seeks to Avenge Girl," *ibid.*, May 16, 1915; "Beat Suspected Ripper," *ibid.*, May 10, 1915; "The City Mothers Load of Terror," *ibid.*, March 27, 1915. See also Michael Newton, *Hunting Humans* (Port Townsend, Wash.: Loompanics, 1990), p. 172.
31. For Hickey, see NYT, December 6, 17-26, 1912; "Thought Prisoner a Ripper."
32. Compare Gordon, *Heroes of Their Own Lives*, pp. 221-25. The Chicago account is from Chicago Vice Commission, *Social Evil in Chicago*, p. 240.
33. Seymour Halleck, "American Psychiatry and the Criminal," *AJP* 121, supplement (1965): i-xxi; Gregory Zilboorg, "Legal Aspects of Psychiatry," in J. K. Hall, ed., *One Hundred Years of American Psychiatry* (New York: Columbia University Press, 1944), pp. 507-84; Walter Bromberg, *Crime and the Mind* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1948), p. 36; B. Sachs, "Insanity and Crime," in Hamilton and Godkin, *A System of Legal Medicine*, 2:200-202.

34. See Worthington and Topping, *Specialized Courts*, pp. 198, 395, for prostitutes as psychopathic "sex offenders"; compare Vincenzo Pascale, "Study of the Services for the Control of Venereal Diseases Among Sex Offenders in New York City," *JSH* 19 (1933): 111-42.
35. Rafter, *Creating Born Criminals*, pp. 112-18; James W Trent, *Inventing the Feeble Mind* (Berkeley: University of California Press, 1994); Stephen Jay Gould, *The Mismeasure of Man* (New York: Norton, 1981); Morris Ploscowe, "Some Causative Factors in Criminality," in the Wickersham Commission, *National Commission on Law Observance and Enforcement*, pp. 37-61; Fernald, quoted in Mark H. Haller, *Eugenics* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1963), p. 45; Arthur MacDonald, "Criminological Literature," *American Journal of Psychology* 3 (1890): 237.
36. Philip Jenkins, "Erewhon: A Manifesto of the Rehabilitative Ideal," *Journal of Criminal Justice* 11 (1983): 35-46; Ferri, quoted in Nicholas N. Kittrie, *The Right to Be Different* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971), p. 174. The "quarantine" quotation is from David J. Rothman, *Conscience and Convenience* (Boston: Little, Brown, 1980), p. 201.
37. Boies's *Prisoners and Paupers* and MacDonald's *Criminology* both appeared in 1893. Compare Boies, *Science of Penology*; Piers Beirne, *Inventing Criminology* (Albany: State University of New York Press, 1993); Rafter, *Creating Born Criminals*.
34. See Worthington and Topping, *Specialized Courts*, pp. 198, 395, for prostitutes as psychopathic "sex offenders"; compare Vincenzo Pascale, "Study of the Services for the Control of Venereal Diseases Among Sex Offenders in New York City," *JSH* 19 (1933): 111-42.
35. Rafter, *Creating Born Criminals*, pp. 112-18; James W Trent, *Inventing the Feeble Mind* (Berkeley: University of California Press, 1994); Stephen Jay Gould, *The Mismeasure of Man* (New York: Norton, 1981); Morris Ploscowe, "Some Causative Factors in Criminality," in the Wickersham Commission, *National Commission on Law Observance and Enforcement*, pp. 37-61; Fernald, quoted in Mark H. Haller, *Eugenics* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1963), p. 45; Arthur MacDonald, "Criminological Literature," *American Journal of Psychology* 3 (1890): 237.
36. Philip Jenkins, "Erewhon: A Manifesto of the Rehabilitative Ideal," *Journal of Criminal Justice* 11 (1983): 35-46; Ferri, quoted in Nicholas N. Kittrie, *The Right to Be Different* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971), p. 174. The "quarantine" quotation is from David J. Rothman, *Conscience and Convenience* (Boston: Little, Brown, 1980), p. 201.
37. Boies's *Prisoners and Paupers* and MacDonald's *Criminology* both appeared in 1893. Compare Boies, *Science of Penology*; Piers Beirne, *Inventing Criminology* (Albany: State University of New York Press, 1993); Rafter, *Creating Born Criminals*; Rennie, *Search for Criminal Man*; Platt, *Child Savers*; Millar, "John Henry Wigmore."

38. Philip Jenkins, "A Progressive Revolution?" *Criminal Justice History* 6 (1985): 177-99; Rothman, *Conscience and Convenience*; Winfred Overhoiser, "Two Years' Experience with the Briggs Law of Massachusetts," *JAICLC* 23 (1932): 415-26, and "The Briggs Law of Massachusetts," *JAICLC* 24(1935): 859-83; Report of the Commission to Investigate the Question of the Increase of Criminals, Mental Defectives, Epileptics, and Degenerates (Boston: Wright and Potter, 1911); Kittrie, *Right to Be Different*, p. 178; David Abrahamsen, *Crime and the Human Mind* (New York: Columbia University Press, 1944), P. 187.
39. "Ripper Murders," editorial in *NYT*, March 22, 1915; Fred Cohen, ed., *The Law of Deprivation of Liberty* (St. Paul, Minn.: West, 1980), pp. 730-31; Rothman, *Conscience and Convenience*, pp. 198-200; Louis N. Robinson, "Institutions for Defective Delinquents," *JAICLC* 24 (1933): 352-99; Rafter, *Creating Born Criminals*.
40. The quotation about "worm-eaten fruit" is in Boies, *Prisoners and Paupers*. Dr. Daniel is quoted in Katz, *Gay/Lesbian Almanac*, pp. 241-43; compare Boies, *Science of Penology*, pp. 92, 123, and "The City Mothers Load of Terror." See also Trent, *Inventing the Feeble Mind*.
41. Edward J. Larson, *Sex, Race, and Science* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995); Trent, *Inventing the Feeble Mind*, pp. 175-224; Paul B. Popenoe and E. S. Gosney, *Twenty-Eight Years of Sterilization in California* (Pasadena, Calif.: Human Betterment Foundation, 1938); Abraham Myerson et al., *Eugenical Sterilization* (New York: Macmillan, 1936), pp. 5-21; J. H. Landman, "Human Sterilization," *JAICLC* 24 (1933): 404-5; Harry H. Laughlin, "Eugenical Sterilization in the United States," *Social Hygiene* 6 (1920): 499-532; William A. White, "Sterilization of Criminals," *JAICLC* 8 (1917-18): 499-501; Charles A. Boston, "A Protest Against Laws Authorizing the Sterilization of Criminals and Imbeciles," *JAICLC* 4 (1913-14): 327. The quotation about "insufficient scientific knowledge" is in Manfred S. Guttmacher, *Sex Offenses* (New York: Norton, 1951), pp. 120-21; for Iowa, see Joel D. Hunter, "Sterilization of Criminals," *JAICLC* 3 (1914-15): 515; for homosexuals, see Katz, *Gay American History*, pp. 143-55.
42. Chester G. Vernier and Elmer A. Wilcox, "Judicial Decisions on Criminal Law," *JAICLC* 3 (1914-15): 419-25; Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, p. 535.
43. Jenkins, "A Progressive Revolution?"
44. Nathan G. Hale, *Freud and the Americans* (New York: Oxford University Press, 1971), and *The Rise and Crisis of Psychoanalysis in the United States* (New York: Oxford University Press, 1995); Rothman, *Conscience and Convenience*, pp. 302-38.
45. Gordon, *Heroes of Their Own Lives*; David J. Langum, *Crossing over the Line* (Chicago: University of Chicago Press, 1994); Mark Thomas Connelly, *The Response to Prostitution in the Progressive Era* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980); W. T. Sumner, "Child Protection and the Social Evil," *National Education Association* (1911): 1110-16; Edholm, *Traffic in Girls*, p. 9.
46. Ernest K. Alix, *Ransom Kidnapping in America, 1874-1974* (Carbondale: Southern Illinois University Press, 1978).

47. For Health Department observations, see Walter Clarke, "Syphilis and Gonococcal Infections in Children," JSH 25 (1939): 7-15; Jacob A. Goldberg and Rosamond W. Goldberg, *Girls on City Streets* (New York: American Social Hygiene Association, 1935). For continuing recognition of sexual abuse, see Gordon, *Heroes of Their Own Lives*; Sheldon Glueck and Eleanor Glueck, *Five Hundred Delinquent Women* (New York: Knopf, 1934), pp. 90-100; Ella Oppenheimer and Ray H. Everett, "School Exclusions for Gonorrheal Infections in Washington, D.C." JSH 20 (1934): 129-38; "Survey of Gonorrheal Vaginitis." For "the cruelty," see Costin, Krager, and Stoesz, *Politics of Child Abuse*, pp. 82-106; Jeanne M. Giovannoni and Rosina M. Beccera, *Defining Child Abuse* (New York: Free Press, 1979), pp. 47-53.
48. David E. Ruth, *Inventing the Public Enemy* (Chicago: University of Chicago Press, 1996); Chauncey, *Gay New York*; Paula S. Fass, *The Damned and the Beautiful* (New York: Oxford University Press, 1977); Wickersham Commission, *National Commission on Law Observance and Enforcement*, p. 373.
49. Ploscowe, "Some Causative Factors in Criminality," pp. 1-161.
50. Franz G. Alexander and William Healy, *Roots of Crime* (New York: Knopf, 1935).
51. Estelle B. Freedman, "Uncontrolled Desires," *Journal of American History* 74 (1987): 83-106; Rafter, *Creating Born Criminals*, pp. 167-87; Ploscowe, "Some Causative Factors in Criminality," pp. 52-53; Maureen McKernan, *The Amazing Crime and Trial of Leopold and Loeb* (New York: Signet, 1957); William A. White, *Crimes and Criminals* (New York: Farrar and Rinehart, 1933). The quotation about White is in the dedication of Karpman, *Case-Studies*.
52. See Karpman, *Case-Studies*, 2:520, for Elton's possibly psychopathic personality.
53. Guttmacher, *Sex Offenses*, pp. 120-21.

3. Эпоха психопатов, 1935-1957 гг

CHAPTER 3: THE AGE OF THE SEX PSYCHOPATH , 1935~1957

1. Harold Schechter, *Deranged* (London: Warner, 1992); Mel Heimer, *The Cannibal* (London: Xanadu, 1988); Michael Angelella, *Trail of Blood* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1979); Fredric Wertham, *The Show of Violence* (Garden City, N.J.: Doubleday, 1949), pp. 65-94; Nicholas N. Kittrie, *The Right to Be Different* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971), p. 176.
2. Steven Nickel, *Torso* (Winston-Salem, N.C.: John F. Blair, 1989); Philip Jenkins, *Using Murder* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1994); Michael Newton, *Hunting Humans* (Port Townsend, Wash.: Loompanics, 1990), p. 280.
3. Charles J. Dutton, "Can We End Sex Crimes?" *Christian Century*, December 22, 1937, pp. 1594-95; Bertram Pollens, *The Sex Criminal* (New York: Macaulay, 1938), p. 170; NYT, August 14, 1937, and May 18, 1938. The New York sheriff is described in Fredric Wertham, "Psychiatry and the Prevention of Sex Crimes," JAICLC 28 (1938): 847. The murders of the three Inglewood girls dominated the Los Angeles media throughout the summer of 1937: see, for example, "Three Girls Found Slain in Hills: Felon Hunted in Fiendish Crime," LAT, June 29, 1937; J. Paul De River, *The Sexual Criminal* (Springfield, 111.: Charles Thomas, 1950), pp. 75-86.

4. Linda Gordon, *Heroes of Their Own Lives* (New York: Viking, 1988), pp. 223-25.
5. The police purge of "degenerates" is described in Jonathan Ned Katz, *Gay/Lesbian Almanac* (New York: Harper Colophon, 1983), pp. 531-32; see also *Literary Digest*, January 2, 1937, p. 34, and April 10, 1937; "Pedophilia," *Time*, August 23, 1937, pp. 42-44; Sheldon Glueck, "Sex Crimes and the Law," *Nation*, September 25, 1937, pp. 318-20; G. Palmer, "Crimes Against Children," *Literary Digest*, October 22, 1937, pp. 14-16; "Sex Criminal," *Christian Century*, November 10, 1937, pp. 1391-93; Dutton, "Can We End Sex Crimes?" The quotation is in Wertham "Psychiatry and the Prevention of Sex Crimes," p. 847.
6. The script of a radio program on sex offenses is found in "Washington, D.C., Considers Sex Offenses," *JSH* 36 (1950): 241-49. See also Charles Harris, "A New Report on Sex Crimes," *Coronet*, October 1947; Clarence A. Bonner, "Who and What are Sexual Psychopaths?" *Focus*, July 1948, pp. 103-5; "Horror Week," *Newsweek*, November 28, 1949, p. 19; "Sex Rampage," *Newsweek*, February 13, 1950; "Unknown Sex Fiend," *Time*, February 13, 1950; J. Crowther, "Answer to Sex Fiends," *American City*, April 1950; I. W. Hewlett, "What Shall We Do About Sex Offenders?" *Parents*, August 1950, pp. 36-38; Albert Deutsch, "Sober Facts About Sex Crimes," *Collier's*, November 25, 1950, pp. 15-16; "Sex Psychopaths," *Newsweek*, March 9, 1953, pp. 50-51. The *Collier's* quotations are in Howard Jay Whitman, *Terror in the Streets* (New York: Dial Press, 1951), pp. x-xi, 7, 26-27, 48. The "shadow" quotation appears in Charles Harris, "Sex Crimes: Their Cause and Cure," *Coronet*, August 1946, p. 4.
7. Quotations are in Whitman, *Terror*, pp. 7-8, 52, 64, 70-73, 392. For abusers in churches and schools, see Bernard Williams, *Jailbait* (New York: Garden City Books, 1951), pp. 35-45, 53-59. See also Earl R. Biggs, *How to Protect Your Child from the Sex Criminal* (Portland, Oreg.: New Science, 1950).
8. Whitman, *Terror*, pp. 45-47.
9. For earlier sensational murders, see Harris, "Sex Crimes," pp. 3-9. For the 1949 cases, see Whitman, *Terror*, pp. 101-38; Edwin Sutherland, "The Diffusion of Sex Psychopath Laws," *American Journal of Sociology* 56 (1950): 142-48; De River, *The Sexual Criminal*.
10. Whitman, *Terror*, pp. 39-41.
11. Whitman, *Terror*, pp. 50-74; George Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," in William Graebner, éd., *True Stories from the American Past* (New York: McGraw-Hill, 1993), p. 165.
12. Athan Theoharis, *Hoover, Sex, and Crime* (Chicago: Ivan R. Dee, 1995), pp. 65-68; J. Edgar Hoover, "Organized Protection Against Organized Predatory Crimes," *JAICLC* 24 (1933): 475-82; John C. McWilliams, *The Protectors* (Newark: University of Delaware Press, 1990); David F. Musto, *The American Disease* (New York: Oxford University Press, 1987); Jonathan Simon, *Poor Justice* (Chicago: University of Chicago Press, 1993); Martin Mooney, *The Parole Scandal* (Los Angeles: Lymanhouse, 1939); J. Edgar Hoover, *Persons in Hiding* (Boston: Little, Brown, 1938), pp. 189-90. Hoovers claim that sex fiends are the most loathsome of all criminals is from J. Edgar Hoover, "War on the Sex Criminal," *New York Herald Tribune*, September 26, 1937.

13. J. Edgar Hoover, "How Safe Is Your Daughter?" *American Magazine*, July 1947, pp. 32-33. FBI advice to children is quoted in Kenneth V. Lanning, *Investigator's Guide to Allegations of "Ritual" Child Abuse* (Quantico, Va.: NCAVC, FBI Academy, 1992), p. 3; for later FBI campaigns, see *NYT*, August 31, 1957; *ibid.*, December 7, 1960; *ibid.*, July 3, 1962; M. Hickey, "FBI Reports Sound the Alarm," *Ladies' Home Journal*, April 1960.
14. John McCarty, *Psychos* (New York: St. Martins Press, 1986).
15. Robert Bloch, *The Scarf* (New York: Dial Press, 1947), pp. 207-8; Charles R. Jackson, *The Outer Edges* (New York: Rinehart, 1948), p. 81.
16. David Wittels, "What Can We Do About Sex Crimes?" *Saturday Evening Post*, December 11, 1948.
17. Pollens, *Sex Criminal*, p. 78; Dolores Kennedy, William Heirens (Chicago: Bonus, 1991); Lucy Freeman, "Before I Kill More" (New York: Crown, 1955); Williams, *Jailbait*, pp. 64-66; Foster Kennedy, Harry R. Hoffman, and William H. Haines, "A Study of William Heirens," *AJP* 104 (1947): 113.
18. Morris Ploscowe, "Some Causative Factors in Criminality," in the Wickersham Commission, *The National Commission on Law Observance and Enforcement* (Washington, D.C.: GPO, 1931), no. 13:1, pp. 1-161; Benjamin Karpman, *The Individual Criminal* (Washington, D.C.: Nervous and Mental Disease Publishing, 1935); "Symposium: The Challenge of Sex Offenders," special issue, *Mental Hygiene* 22 (1938); Jack Frosch and Walter Bromberg, "The Sex Offender," *AJO* 9 (1939): 761-76; Ira S. Wile, "Sex Offenders Against Young Children," *JSH* 25 (1939): 33-44; C. M. Krinsky and J. J. Michaels, "A Survey of One Hundred Sex Offenders," *Journal of Criminal Psychopathology* 5 (1940): 198-206; A. J. Arieff and D. B. Rotman, "One Hundred Cases of Indecent Exposure," *Journal of Nervous and Mental Diseases* 96 (1942): 523-29; B. Apfelberg, C. Sugar, and A. Z. Pfeffer, "A Psychiatric Study of 250 Sex Offenders," *AJP* 100 (1944): 762-69; W Norwood East, "Sexual Offenders," *Journal of Nervous and Mental Diseases* 103 (1946): 626-66; William H. Haines, Harry R. Hoffman, and Robert A. Esser, "Commitments Under the Criminal Sexual Psychopath Law in the Criminal Court of Cook County, Illinois," *AJP* 103 (1948): 420-28; George A. Cook, "Problem of the Criminal Sexual Psychopath," *Diseases of the Nervous System* 13 (1949): 137-42; Hervey Cleckley, *The Mask of Sanity* (St. Louis: Mosby, 1950); Karl M. Bowman, "The Problem of the Sex Offender," *AJP* 108 (1951): 250-57; Manfred S. Guttmacher and Henry Weihofen, *Psychiatry and the Law* (New York: Norton, 1952). The special number of *Federal Probation* 14:3 (1950) included Philip Q. Roche, "Sexual Deviation," pp. 2-11; R. W. Bowling, "The Sex Offender and the Law," pp. 11-16; Jacob M. Braude, "The Sex Offender and the Court," pp. 17-22; Paul W. Tappan, "Sex Offender Laws and Their Administration," pp. 32-37.
19. The Levin case is from Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," p. 168; Benjamin Karpman, *The Sexual Offender and His Offenses* (New York: Julian, 1954), p. 490. For New Hampshire, see Manfred S. Guttmacher, *Sex Offenses* (New York: Norton, 1951), pp. 11-12.
20. Karpman, *Sexual Offender*, p. 239; Rothman, *Conscience and Convenience*, p. 200; The *Saturday Evening Post* remark is from Morris Ploscowe, *Sex and the Law* (New York: Prentice-Hall, 1951), p. 228.

21. Sutherland, "The Diffusion of Sex Psychopath Laws," p. 142.
22. Pollens, *Sex Criminal*, pp. 26-27; the Hoover quotation is from Whitman, *Terror*, p. 394.
23. Pollens, *Sex Criminal*, 89; Whitman, *Terror*, p. 62.
24. Karpman, *Sexual Offender*, pp. 4,45,63,77; the final quotation is in *ibid.*, p. 8.
25. Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," pp. 171-72.
26. Karpman, *Sexual Offender*, pp. 73, 144-65, 296-330, 349, 418, 456; Walter Bromberg, *Crime and the Mind* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1948), p. 91.
27. Johann W. Mohr, Robert E. Turner, and Marian B. Jerry, *Pedophilia and Exhibitionism: A Handbook* (Toronto: University of Toronto Press, 1964), p. 13; Karpman, *Sexual Offender*, p. 44. The *Psychiatric Quarterly* comment is quoted in Hervey Cleckley, *The Caricature of Love* (New York: Ronald Press, 1957), p. 20. See also Bromberg, *Crime and the Mind*, p. 84.
28. John D'Emilio, *Sexual Politics, Sexual Communities* (Chicago: University of Chicago Press, 1983); John D'Emilio, "The Homosexual Menace," in Kathy Peiss, Christina Simmons, and Robert A. Padgug, eds., *Passion and Power: Sexuality in History* (Philadelphia: Temple University Press, 1989), pp. 226-40. The White Legion episode is discussed in Katz, *Gay/Lesbian Almanac*, p. 524. See also John Gerassi, *The Boys of Boise* (New York: Macmillan, 1966), p. ix.
29. Whitman, *Terror*, p. 147.
30. Jonathan Ned Katz, *Gay American History* (New York: Meridian, 1992), p. 391; a reference to "cults" is quoted in Katz, *Gay/Lesbian Almanac*, p. 335. See also Lewis J. Doshay, *The Boy Sex Offender and His Later Career* (1943; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969), pp. 97-98; Whitman, *Terror*, pp. 139-63. Compare Laretta Bender and Samuel Paster, "Homosexual Trends in Children," *AJO* 11 (1941): 730-43; Raymond Waggoner and David A. Boyd, "Juvenile Aberrant Sexual Behavior," in *AJO* 11 (1941): 275-91.
31. Williams is quoted in De River, *Sexual Criminal*, pp. xi-xii; the psychiatrist is quoted in *ibid.*, p. 87.
32. Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 208.
33. The quotation about vice squads is from Harris, "Sex Crimes," p. 6; other quotations are from Whitman, *Terror*, pp. 149-52.
34. Chauncey, "Postwar Sex Crime Panic," p. 177; Katz, *Gay American History*, pp. 91-109; Ploscowe, *Sex and the Law*, pp. 195-96; Theoharis, *Hoover, Sex, and Crime*, pp. 103-15; Karpman, *Sexual Offender*, pp. 466,473; Karl M. Bowman and Bernice Engle, "The Problem of Homosexuality," *JSH* 31 (1953): 2-16; Allan Berube, *Coming Out Under Fire* (New York: Free Press, 1990), pp. 257-60; Robert J. Corber, *Homosexuality in Cold War America* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1997).
35. Williams, *Jailbait*, p. 110; *The Problem of Sex Offenses in New York City* (Citizens' Committee on the Control of Crime in New York, 1939); *Report and Analysis of Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939* (New York: Mayors Committee for the Study of Sex Offenses, 1940), pp. 10, 38.
36. *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, p. 21; Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 181.

37. Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 217; Karpman, *Sexual Offender*, pp. 29, 63, 238.
38. *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, pp. 40-41; Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 161.
39. *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, pp. 90, 11; the comment about the "sporadic" or often one-time nature of sex crimes appears in *ibid.*, p. 93.
40. Doshay, *Boy Sex Offender*, p. 167.
41. *Ibid.*, p. 76.
42. *Ibid.*, pp. 93-95.
43. Karpman, *Sexual Offender*, pp. 22-23; *Sex Offenders: A Report to the General Assembly of the Commonwealth of Pennsylvania* (Harrisburg, Pa.: Joint State Government Commission, 1951).
44. Gilbert Geis and Colin Goff, "Edwin H. Sutherland's White Collar Crime in America," *Criminal Justice History* 7 (1986): 1-31; Edwin Sutherland, "The Diffusion of Sex Psychopath Laws," *American Journal of Sociology* 57 (1950): 142-48, and "The Sexual Psychopath Laws," *Journal of Criminal Law and Criminology* 47 (1950): 534-54; compare Marvin E. Wolfgang, *Patterns in Criminal Homicide* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1958); Gladys Shultz, *How Many More Victims?* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1965), p. 33.
45. Compare Paul W. Tappan, "The Sexual Psychopath: A Civic-Social Responsibility" *JSH* 35 (1949): 354-73; Fred Cohen, ed., *The Law of Deprivation of Liberty* (St. Paul, Minn.: West, 1980), p. 669; Paul W. Tappan, *The Habitual Sex Offender* (Trenton, N.J.: Commission on the Habitual Sex Offender, 1950), pp. 13-16; compare Paul W. Tappan, "Sentences for Sex Criminals," *Journal of Criminal Law and Criminology* 42 (1951): 335-36, and "Some Myths About the Sex Offender," *Federal Probation* 12 (1955); Albert Ellis and Ralph Brancale, *The Psychology of Sex Offenders* (Springfield, 111.: Charles C. Thomas, 1956).
46. Tappan, *Habitual Sex Offender*, pp. 18-19; compare Alfred C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin, *Sexual Behavior in the Human Male* (Philadelphia: W. B. Saunders, 1948); James H. Jones, Alfred C. Kinsey (New York: Norton, 1997); Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 209; *Sex Offenders*, pp. 11-12; Karpman, *Sexual Offender*, pp. 6, 63, 512.
47. Report of the Governors Study Commission on the Deviated Criminal Sex Offender (Lansing, Mich., 1951).
48. Elaine Tyler May, *Homeward Bound* (New York: Basic, 1988); Susan M. Hartmann, *The Home Front and Beyond* (Boston: Twayne, 1982); Karen Anderson, *Wartime Women* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1981). See also Chapter 10 of this book.
49. D. Diamond and F. Tenenbaum, "To Protect Your Child from Sex Offenders," *Better Homes and Gardens*, May 1953, pp. 160-62; E. M. Stern, "Facts on Sex Offenders Against Children," *Parents*, October 1954, pp. 42-43; M. Holmes, "How to Protect Your Children from Sex Offenders," *Better Homes and Gardens*, January 1959, pp. 25-26; Fredric Wertham, "Sex Crimes Can Be Prevented," *Ladies' Home Journal*, August 1961, pp. 46-47. For the upsurge of interest in 1957, see M. Hickey, "Parents and Teachers Can Help," *Ladies' Home Journal*, April 1957, pp. 31-33; "Protecting Children Against Sex Offenders: Omaha, Ne-

- braska," *Ladies' Home Journal*, April 1957, p. 31; R. Brancale and F. L. Bixby, "How to Treat Sex Offenders," *Nation*, April 6, 1957, pp. 293-95; M. Van De Water, "Sex Criminal Not a Fiend," *Science News Letter*, July 13, 1957, pp. 26-27; F. Anderson, "Background for Sex Crimes," *America*, July 6, 1957, pp. 377-78; "Picture of the Sex Criminal," *Science Digest*, September 1957, pp. 22-23; B. Goody-Koontz, T. P. Krush, and N. L. Dorner, "Ten-Point Program Against Molesters," *National Parent Teacher*, October 1957, pp. 7-10. See also Leon Radzinowicz, *Sex Crimes* (London: Macmillan, 1957); James Melvin Reinhardt, *Sex Perversions and Sex Crimes* (Springfield, 111.: Charles C. Thomas, 1957); Cleckley, *Caricature of Love*.
50. Quoted in Elizabeth H. Pleck, *Domestic Tyranny* (New York: Oxford University Press, 1987), p. 121.
  51. J. K. Hall, ed., *One Hundred Years of American Psychiatry* (New York: Columbia University Press, 1944), pp. 178-86; Pleck, *Domestic Tyranny*, p. 147; Ellen Herman, *The Romance of American Psychology* (Berkeley: University of California Press, 1995), pp. 2-3; Chauncey, "Postwar Sex Crime Panic," p. 166.
  52. Whitman, *Terror*, p. 375; the Michigan commission is quoted in Chauncey, "Postwar Sex Crime Panic," p. 166. De River's *Sexual Criminal* was written as a text for police agencies wishing to apply psychiatric insights into criminal investigation—almost a pioneering guide to criminal profiling.

4. Законы о сексуальных психопатах

CHAPTER 4: THE SEX PSYCHOPATH STATUTES

1. Lewis J. Doshay, *The Boy Sex Offender and His Later Career* (1943; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969), pp. 5-6; *Report and Analysis of Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939* (New York: Mayor's Committee for the Study of Sex Offenses, 1940), pp. 45-46; compare the Wickersham Commission, *The National Commission on Law Observance and Enforcement* (Washington, D.C.: GPO, 1931), no. 4, pp. 95-100.
2. *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, p. 57.
3. *Ibid.*, p. 44; David Abrahamsen, *The Psychology of Crime* (New York: Columbia University Press, 1960), p. 154; Morris Ploscowe, *Sex and the Law* (New York: Prentice-Hall, 1951), pp. 222-23.
4. *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, pp. 52-56.
5. For Wigmore, see Elizabeth H. Pleck, *Domestic Tyranny* (New York: Oxford University Press, 1987), p. 156; Alfred C. Kinsey, Wardell B. Pomeroy, and Clyde E. Martin, *Sexual Behavior in the Human Male* (Philadelphia: W. B. Saunders, 1948), pp. 237-38.
6. Howard Jay Whitman, *Terror in the Streets* (New York: Dial Press, 1951), pp. 129, 390.
7. For Fish, see Michael Newton, *Hunting Humans* (Port Townsend, Wash.: Loompanics, 1990); Gladys Shultz, *How Many More Victims?* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1965), pp. 64-72; Fredric Wertham, *The Show of Violence* (Garden City, N.J.: Doubleday, 1949), p. 80; Bertram Pollens, *The Sex Criminal* (New York:

- Macaulay, 1938), pp. 85-86; the "bogey" quote is from *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, p. 92.
8. Pollens, *Sex Criminal*, pp. 93-94; Whitman, *Terror*, pp. 380-81; Jacob H. Conn, "Brief Psychotherapy of the Sex Offender," *Journal of Clinical Psychopathology* 10 (1949): 349-50.
  9. Report on Study of 102 Sex Offenders at Sing Sing Prison (Albany, N.Y.: Department of Mental Hygiene, 1951); David Abrahamsen, "Study of 102 Sex Offenders at Sing Sing," *Federal Probation* 14:3(1950): 26-32; the New York judge is quoted in Jonathan Ned Katz, *Gay/Lesbian Almanac* (New York: Harper Colophon, 1983), p. 531; Whitman, *Terror*, p. 385.
  10. Ploscowe, *Sex and the Law*, pp. 218-19; "Pedophilia," *Time*, August 23, 1937, pp. 42-44; *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, p. 9.
  11. Pollens, *Sex Criminal*, p. 14; D. Shaskan, "One Hundred Sex Offenders," *AJO* 9 (1939): 565-69.
  12. Alan H. Swanson, "Sex Psychopath Statutes," *Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science* 51 (1960): 215-35; Nicholas N. Kittrie, *The Right to Be Different* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971), pp. 179-80; Fred Cohen, ed., *Law of Deprivation of Liberty* (St. Paul, Minn.: West, 1980), p. 683.
  13. *Minnesota v. Probate Court*, quoted in Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, pp. 655-58.
  14. Kittrie, *Right to Be Different*, pp. 181-82.
  15. E. S. Cohen, "Administration of the Criminal Sexual Psychopath Statute in Indiana," *Indiana Law Review* 32 (1955-56); Whitman, *Terror*, pp. 379-80; "Mother Knows Best," *Time*, March 17, 1947, p. 24.
  16. Whitman, *Terror*, p. 396; *Sex Offenders: A Report to the General Assembly of the Commonwealth of Pennsylvania* (Harrisburg, Pa.: Joint State Government Commission, 1951); John C. Yeager, *Characteristics of Barr-Walker Cases in the Bureau of Correction* (Harrisburg: Pennsylvania Department of Justice, Bureau of Correction, 1957); James J. McKenna, "A Study of Sentenced Sexual Psychopaths," *Prison Journal* 58:2 (1988): 36-50.
  17. John Mitzel, *The Boston Sex Scandal* (Boston: Glad Day, 1980), p. 23; Kittrie, *Right to Be Different*, p. 176; Shultz, *How Many More Victims?* p. 186.
  18. Gerald Grob, *Mental Illness and American Society, 1875-1940* (Princeton: Princeton University Press, 1983); Albert Deutsch, *The Mentally Ill in America* (New York: Columbia University Press, 1949); Kittrie, *Right to Be Different*; Abraham Myerson et al., *Eugenical Sterilization* (New York: Macmillan, 1936), p. 24; Mary Jane Ward, *The Snake Pit* (New York: Grosset and Dunlap, 1946).
  19. The Illinois statute is quoted in Kittrie, *Right to Be Different*, p. 180; William H. Haines, Harry R. Hoffman, and Robert A. Esser, "Commitments Under the Criminal Sexual Psychopath Law in the Criminal Court of Cook County, Illinois," *AJP* 105 (1948): 420. Massachusetts provisions are quoted in Manfred S. Guttmacher, *Sex Offenses* (New York: Norton, 1951), p. 125; Wisconsin's from *Sex Offenders*, p. 4; compare David Abrahamsen, *Crime and the Human Mind* (New York: Columbia University Press, 1944), p. 188; Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, p. 729; Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 229.

20. Kittrie, *Right to Be Different*, p. 180; Group for the Advancement of Psychiatry, Committee on Psychiatry and Law, *Psychiatry and Sex Psychopath Legislation* (New York, 1977), p. 842. The New Jersey law is quoted in Albert Ellis and Ralph Brancale, *The Psychology of Sex Offenders* (Springfield, 111.: Charles C. Thomas, 1956), pp. 7-10; Alfred B. Vuocolo, *The Repetitive Sex Offender* (Roselle, N.J.: Quality Printing, 1969).
21. George Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," in William Graebner, éd., *True Stories from the American Past* (New York: McGraw-Hill, 1993), p. 167; Ploscowe, *Sex and the Law*, pp. 230-31.
22. Compare Emil Frankel, *Psychiatric Characteristics of Sex Offenders* (Trenton, N.J.: New Jersey Department of Institutions and Agencies, Division of Statistics and Research, 1950).
23. Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 233; Kittrie, *Right to Be Different*, pp. 171n, 175.
24. Paul Gebhard et al., *Sex Offenders: An Analysis of Types* (New York: Harper and Row, 1965), p. 866. The Michigan case is from Kittrie, *Right to Be Different*, p. 172.
25. Guttmacher, *Sex Offenses*, p. 121.
26. Richard T. Rada, "Alcoholism and the Child Molester," in Irving Jacks and Steven G. Cox, eds., *Psychological Approaches to Crime and Its Correction* (Chicago: Nelson Hall, 1984), p. 315.
27. Gladys Shultz, *How Many More Victims?* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1965), p. 210; Cohen, *The Law of Deprivation of Liberty*, pp. 685, 711.
28. C. E. Smith, "Correctional Treatment of the Sexual Deviate," *AJP* (1968): 125; "Manning R. Slater" (pseudonym), *Sex Offenders in Group Therapy* (Los Angeles: Sherbourne Press, 1964); Shultz, *How Many More Victims?* pp. 51, 210-94; Whitman, *Terror*, p. 397; Rada, "Alcoholism and the Child Molester"; M. Serber and C. G. Keith, "The Atascadero Project," *///* 1 (1974): 87-97.
29. Jonathan Ned Katz, *Gay American History* (New York: Meridian 1992), pp. 162-91; William Malamud, in J. K. Hall, ed., *One Hundred Years of American Psychiatry* (New York: Columbia University Press, 1944), pp. 273-325; Johann W. Mohr, Robert E. Turner, and Marian B. Jerry, *Pedophilia and Exhibitionism: A Handbook* (Toronto: University of Toronto Press, 1964), p. 98. The Kansas experience is recounted in Guttmacher, *Sex Offenses*, pp. 108-9.
30. Cohen, "Administration of the Criminal Sexual Psychopath Statute in Indiana"; National Commission on Law Observance and Enforcement, no. 11, "Report on Lawlessness in Law Enforcement," pp. 79-81; Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, p. 685.
31. Karpman, *Sexual Offender*, pp. 490, 510, 513; Abrahamsen, "Study of 102 Sex Offenders"; Guttmacher, *Sex Offenses*, pp. 131-32; Abrahamsen, *Psychology of Crime*, pp. 143, 153.
32. Shultz, *How Many More Victims?* p. 156; Tappan, *Habitual Sex Offender*, pp. 15-16; Guttmacher, *Sex Offenses*, p. 123; *Sex Crimes*, p. 19.
33. Tappan, *Habitual Sex Offender*; Paul W. Tappan, *Crime, Justice, and Correction* (New York: McGraw-Hill, 1960), pp. 409-20.
34. Paul W. Tappan, "Sentences for Sex Criminals *Journal of Criminal Law and Criminology* 42 (1951): 335-36; Paul W. Tappan, "Some Myths About the Sex Offender," *Federal Probation* 19 (1955): 7-12; *Sex Crimes*, pp. 19, 11; Ploscowe, *Sex and the Law*, pp. 227-41.

5. Либеральная эпоха, 1958-1976 гг.

CHAPTER 5 : THE LIBERALERA , 1958-1976

1. "Negro Gets Quick Justice," NYT, September 9, 1921; Dan T Carter, *Scottsboro* (Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1969).
2. Margaret Werner Cahalan and Lee Anne Parsons, *Historical Corrections Statistics in the United States, 1850-1984* (Rockville, Md.: Bureau of Justice Statistics, 1986), pp. 10-11.
3. See, for example, Harry Raymond, *Save Willie McGee* (New York: New Century, 1951); Allan Knight Chalmers, *They Shall Be Free* (Garden City, N.J.: Doubleday, 1951); Haywood Patterson and Earl Conrad, *Scottsboro Boy* (Garden City, N.J.: Doubleday, 1950); Eric W. Rise, *The Martinsville Seven* (Charlottesville: University of Virginia Press, 1995).
4. Compare Helen Benedict, *Virgin or Vamp* (New York: Oxford University Press, 1992), pp. 27-39.
5. See various articles from the NYT: February 14, 1952; December 10, 1954, p. 56; January 25, 1955, p. 14; February 11, 1955, p. 45; July 23, 1955, p. 33.
6. Caryl Chessman, *Cell 2455, Death Row* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1960); Caryl Chessman, *Trial by Ordeal* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1955).
7. NYT, January 17, 1960; Harry Elmer Barnes and Negley K. Teeters, *New Horizons in Criminology*, 3d ed. (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1959), p. 99.
8. Edwin Sutherland, "The Diffusion of Sex Psychopath Laws," *American Journal of Sociology* 56 (1950): 143.
9. Morris Ploscowe, *Sex and the Law* (New York: Prentice-Hall, 1951), p. 239; "Pedophilia," *Time*, August 23, 1937, pp. 42-4; Alan P. Bell and Calvin S. Hall, *The Personality of a Child Molester* (Chicago: Aldine Atherton, 1971); Bart Delin, *The Sex Offender* (Boston: Beacon, 1978); Mark Cook and Kevin Howells, eds., *Adult Sexual Interest in Children* (London: Academic Press, 1981); Paul Gebhard et al., *Sex Offenders: An Analysis of Types* (New York: Harper and Row, 1965), p. 74; compare Paul Gebhard and John H. Gagnon, "Male Sex Offenders Against Very Young Children," *AJP* 121 (1964): 576-79; Kurt Freund, "Sex Offenses Against Female Children Perpetrated by Men Who Are Not Pedophiles," *Journal of Sex Research* 28 (1991): 409-23.
10. Richard von Krafft-Ebing, *Psychopathia Sexualis*, translated by Franklin S. Klaf (New York: Scarborough, 1978), pp. 370-74; Ellis, quoted in Johann W. Mohr, Robert E. Turner, and Marian B. Jerry, *Pedophilia and Exhibitionism: A Handbook* (Toronto: University of Toronto Press, 1964), pp. 12-13; William Healy, *The Individual Delinquent* (Boston: Little, Brown, 1915), pp. 210-12; David Abrahamsen, *The Psychology of Crime* (New York: Columbia University Press, 1960), p. 155; Walter Bromberg, *Crime and the Mind* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1948), p. 89. See also John Holland Cassity, "Psychological Considerations of Pedophilia," *Psychoanalytic Review* 14 (1927): 189-99.
11. Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, p. 7; Bernard J. Oliver, *Sexual Deviation in American Society* (New Haven, Conn.: College and University Press, 1967); Samuel Kirson Weinberg, *Incest Behavior* (Secaucus, N.J.: Citadel, 1955); N. K. Rickles, *Exhibitionism* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1950); compare Oskar

- Guttmann, "Exhibitionism," *Journal of Clinical and Experimental Psychopathology* 14 (1953): 13-51; Walter Beck, review of *Die Kinderschändung*, *JAICLC* 25:1(1934): 148.
12. Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, pp. 14-15; J. Paul De River, *The Sexual Criminal* (Springfield, Ill: Charles Thomas, 1950), p. 265; *DSM-IV: A Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*, 4th ed. (Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 1994), p. 527.
  13. Guttmacher, *Sex Offenses*, pp. 152,97.
  14. The experimental psychotherapy is described in Jacob H. Conn, "Brief Psychotherapy of the Sex Offender " *Journal of Clinical Psychopathology* 10 (1949): 347-72; compare Benjamin Karpman, "A Case of Pedophilia Cured by Psychoanalysis," *Psychoanalytic Review* 37:3 (1950): 235-76; Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, pp. 85,170.
  15. Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, p. 23. A "sadistic pedophile" is described in De River, *Sexual Criminal*, pp. 75-86, but this is a necrophiliac serial child killer.
  16. Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, pp. 15,18; Gebhard et al., *Sex Offenders*, pp. 81-82; Allan M. Brandt, *No Magic Bullet* (New York: Oxford University Press, 1985).
  17. *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, pp. 67-68; Ploscowe, *Sex and the Law*, p. 217. The most frequently cited work on the impact of child sexual abuse was Lauretta Bender and Abram Blau, "The Reaction of Children to Sexual Relations with Adults," *AJO* 7 (1937): 500-518; Lauretta Bender and Alvin E. Grugett, "A Follow-Up Report on Children Who Had Atypical Sexual Experience," *AJO* 27 (1952): 825-37. Compare Rhoda J. Milliken, "The Sex Offenders Victim," *Federal Probation* 14:3 (1950): 22-26; John H. Gagnon, "Female Child Victims of Sex Offenses," *Social Problems* 13 (1965): 176-92.
  18. Tappan is quoted in Fred Cohen, ed., *Law of Deprivation of Liberty* (St. Paul, Minn.: West, 1980), pp. 669-70; Alfred C. Kinsey et al., *Sexual Behavior in the Human Female* (Philadelphia: W. B. Saunders, 1953), p. 121.
  19. Weinberg, *Incest Behavior*, p. 40; Pomeroy is quoted in Diana E.H. Russell, *The Secret Trauma* (New York: Basic, 1986), pp. 3,8; the remark about the female being "too fond" is from Benjamin Karpman, *The Sexual Offender and His Offenses* (New York: Julian, 1954), p. 25. Incest also appeared as a powerful theme in other literary works, including Ralph Ellisons *Invisible Man* (1952) and Grace Metalious's *Peyton Place* (1956).
  20. Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, pp. 35-37; Larry L. Constantine, "Effects of Early Sexual Experiences," in Larry L. Constantine and F. M. Martinson, eds., *Children and Sex* (Boston: Little, Brown 1981), pp. 217-44; C. A. Tripp, *The Homosexual Matrix* (New York: Signet, 1975), p. 84; R. Ollendorff, *Juvenile Homosexual Experience and Its Effect on Adult Homosexuality* (New York: Julian, 1966).
  21. Ruth S. Kempe and C. Henry Kempe, *Child Abuse* (London: Fontana, Open University, 1978), p. 55; Stephen P. McCary and James Leslie McCary, *Human Sexuality*, 3d ed. (Monterey, Calif.: Wadsworth, 1984). The remark about "irrationality" is from John H. Gagnon and William Simon, *Sexual Encounters Between Adults and Children* (New York: Sex Information and Education Council of the United States, 1970), p. 6.

22. Elizabeth H. Pleck, *Domestic Tyranny* (New York: Oxford University Press, 1987), pp. 150-63; *Sex Crimes in the City of New York for the Ten-Year Period 1930-1939*, pp. 70-71; Mohr et al., *Pedophilia and Exhibitionism*, pp. 34-35.
23. David Abrahamsen, *The Psychology of Crime* (New York: Columbia University Press, 1960), p. 161; Karpman, *Sexual Offender*, pp. 72-73. The "widespread problem" quotation is from Bernard Williams, *Jailbait* (New York: Garden City Books, 1951), p. 115; the 1974 textbook is cited in Diana E. H. Russell, *The Secret Trauma* (New York: Basic, 1986), p. 172. See also Tripp, *The Homosexual Matrix*, p. 84, and, for the Australian study, Paul R. Wilson, *The Man They Called a Monster* (North Ryde, N.S.W.: Cassell Australia, 1981).
24. Vladimir V. Nabokov, *Lolita* (Greenwich, Conn.: Fawcett, 1959); Russell Trainer, *The Lolita Complex* (New York: Citadel, 1966). For the new sexual liberalism and relativism, see, for example, John H. Gagnon and William Simon, *Sexual Conduct* (Chicago: Aldine, 1973).
25. Tony Parker, *The Hidden World of Sex Offenders* (Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1969).
26. "Chester" would, however, be seen by conservatives as evil rather than satirical: see House Subcommittee on Crime, *Sexual Exploitation of Children: Hearings Before the Subcommittee on Crime of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1977), p. 7.
27. Ian R. Taylor, Paul Walton, and Jock Young, *The New Criminology* (London: Routledge and Kegan Paul, 1973); Edwin M. Schur, *Labeling Deviant Behavior* (New York: Harper and Row, 1971); David Matza, *Becoming Deviant* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1969); Howard S. Becker, *Outsiders* (London: Free Press of Glencoe, 1963); William Chambliss and Milton Mankoff eds., *Whose Law? What Order?* (New York: Wiley, 1976).
28. David F. Musto, *The American Disease* (New York: Oxford University Press, 1987); Edwin M. Schur and Hugo Adam Bedau, *Victimless Crimes* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall 1974); *The Obscenity Report: The Report to the Task Force on Pornography and Obscenity* (New York: Stein and Day, 1970); Troy S. Duster, *The Legislation of Morality* (New York: Free Press, 1970); Herbert Packer, *The Limits of the Criminal Sanction* (Stanford: Stanford University Press, 1968); Sanford Kadish, "The Crisis of Overcriminalization," *Annals* 374 (1967): 157-70; Edwin M. Schur, *Crimes Without Victims* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall 1965); Joseph R. Gusfield, *Symbolic Crusade* (Urbana: University of Illinois Press, 1963).
29. Kittrie, *Right to Be Different*, p. 205.
30. *O'Connor v. Donaldson* 1975, in Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, p. 526.
31. Michael Wines, "Mental Institutions May Be as Empty as They'll Ever Be," *NYT*, September 4, 1988; Andrew T. Scull, *Decarceration, Community Treatment, and the Deviant*, 2d ed. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1984); B. J. Ennis, *Prisoners of Psychiatry* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972); David J. Rothman, *The Discovery of the Asylum* (Boston: Little, Brown, 1971); Thomas S. Szasz, *Ideology and Insanity* (Garden City, N.J.: Anchor, 1970), and *Law, Liberty, and Psychiatry* (New York: Macmillan, 1963); Erving Goffman, *Asylums* (Garden City, N.J.: Anchor, 1961).

32. Richard Condon, *The Manchurian Candidate* (New York: New American Library, 1959), filmed 1962; Ken Kesey, *One Flew over the Cuckoo's Nest* (New York: Viking, 1962), filmed 1975; Anthony Burgess, *A Clockwork Orange* (New York: Ballantine, 1963), filmed 1971; Jessica Mitford, *Kind and Usual Punishment* (New York: Knopf, 1973), pp. 137-38; John D. Marks, *The Search for the "Manchurian Candidate"* (New York: Times Books, 1979).
33. American Friends' Service Committee, *Struggle for Justice* (New York: Hill and Wang, 1971); Francis T. Cullen and Karen E. Gilbert, *Reaffirming Rehabilitation* (Cincinnati: Anderson, 1982); Douglas Lipton, Robert Martinson, and Judith Wilks, *The Effectiveness of Correctional Treatments* (New York: Praeger, 1975); Robert Martinson, "What Works?" *Public Interest* 35 (1974): 22-54; Andrew Von Hirsch, *Doing Justice* (New York: Hill and Wang, 1976).
34. Norval Morris and Gordon Hawkins, *The Honest Politician's Guide to Crime Control* (Chicago: University of Chicago, 1970).
35. Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, pp. 365-68, 455.
36. For discussion about the decision by the U.S. Court of Appeals, see Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, pp. 712-15.
37. *Ibid.*, pp. 744-61; Kittrie, *Right to Be Different*, p. 188.
38. Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, pp. 718-19.
39. Quoted in Philip Jenkins, *Pedophiles and Priests* (New York: Oxford University Press, 1996), p. 84; Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, p. 477.
40. Robert J. Kohlenberg, "Treatment of a Homosexual Pedophile Using In Vivo Desensitization," in Irving Jacks and Steven G. Cox, eds., *Psychological Approaches to Crime and Its Correction* (Chicago: Nelson Hall, 1984), pp. 508-14; Richard Speiglmann, "Prison Psychiatrists and Drugs," in Tony Platt and Paul Takagi, eds., *Punishment and Penal Discipline* (Berkeley, Calif.: Crime and Social Justice, 1979), pp. 113-28.
41. Cohen, *Law of Deprivation of Liberty*, pp. 540-43; Todd R. Clear and George F. Cole, *American Corrections* (Monterey, Calif.: Brooks Cole, 1986), p. 175.

6. Революция сексуального насилия над детьми, 1976-1986 гг.

CHAPTER 6: THE CHILD ABUSE REVOLUTION , 1976-1986

1. Stephen J. Pfohl, "The Discovery of Child Abuse," *Social Problems* 24 (1977): 310-23; C. Henry Kempe et al., "The Battered Child Syndrome," *Journal of the American Medical Association* 181 (1962): 17-24.
2. Barbara J. Nelson, *Making an Issue of Child Abuse* (Chicago: University of Chicago Press, 1984); Dean D. Knudsen, *Child Protective Services* (Springfield, Ill: Charles Thomas, 1988); John Hagedorn, *Forsaking Our Children* (Chicago: Lake View, 1995). On the increasing number of false accusations, see, for instance, William Glaberson, "Cleared of Child Abuse Five Times, Woman Sues Connecticut for Name of Her Accuser," *NYT*, January 6, 1997.

3. Florence Rush, "The Sexual Abuse of Children," in Noreen Connell and Cassandra Wilson, eds., *Rape: The First Sourcebook for Women* (New York: New American Library, 1974), pp. 65-75; Vincent De Francis, *Protecting the Child Victim of Sex Crimes Committed by Adults* (Denver, Colo.: American Humane Association, Children's Division, 1969), pp. iv, vii; Yvonne M. Tormes, *Child Victims of Incest* (Denver, Colo.: American Humane Association, Children's Division, 1968); Lisa Aversa Richette, *The Throwaway Children* (New York: Dell, 1969), pp. 212-33; compare Lela Costin, Howard Krager, and David Stoesz, *The Politics of Child Abuse in America* (New York: Oxford University Press, 1996).
For earlier concepts of sexual abuse, see Charles G. Chaddock, "Sex Crimes," in Allan McLane Hamilton and Lawrence Godkin, eds., *A System of Legal Medicine* (New York: E. B. Treat, 1894), 2:525-72; Benjamin Karpman, *The Sexual Offender and His Offenses* (New York: Julian, 1954), p. 345; D. W. Swanson, "Adult Sexual Abuse of Children," *Diseases of the Nervous System* 29 (1968): 677-86.
4. David H. Bennett, *The Party of Fear*, 2d ed. (New York: Vintage, 1995); Ron LaBrecque, *Lost undercover* (New York: Dell, 1987).
5. Densen-Gerber is quoted in Ernest Volkman and Howard L. Rosenberg, "The Shame of the Nation," *Family Weekly*, June 2, 1985, p. 6. See also D. Kelly Weisberg, *Children of the Night* (Lexington, Mass.: Lexington, 1985); Gitta Sereny, *The Invisible Children* (New York: Knopf, 1985); Robin Lloyd, *For Money or Love* (New York: Vanguard, 1976); Beverley LaBelle, "Snuff," in Laura Lederer, ed., *Take Back the Night* (New York: William Morrow, 1980).
6. Judianne Densen-Gerber, *We Mainline Dreams* (Garden City, N.J.: Doubleday, 1973); Judianne Densen-Gerber and S. F. Hutchinson, "Médical-Légal and Societal Problems Involving Children," in S. M. Smith, ed., *The Maltreatment of Children* (Baltimore: University Park Press, 1978). For the Odyssey House campaign, see NYT, January 15 and February 15, 1977.
7. Judianne Densen-Gerber, "What Pornographers Are Doing to Children," *Redbook*, August 1977, p. 86; Gloria Steinern, "Pornography," *Ms.*, August 1977, pp. 43-44; "Child's Garden of Perversity," *Time*, April 4, 1977, pp. 55-56. The NBC report is quoted in Joel Best, *Threatened Children* (Chicago: University of Chicago Press, 1990), p. 98. The Chicago Tribune series ran May 15-19, 1977, and is reprinted in extenso in House Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime, *Sexual Exploitation of Children: Hearings Before the Subcommittee on Crime of the Committee on the judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1977), PP.428-41.
8. House Committee, *Sexual Exploitation of Children*; Barbara Ascher, "Crime: Lloyd Martin of the LAPD's Sexually Exploited Child Unit," *People*, October 9, 1978, pp. 99-100; Martin interview in Kathleen Barry, *Female Sexual Slavery* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1979), pp. 99-102.
9. See, for example, House Committee, *Sexual Exploitation of Children*, pp. 40,57; E. Weber, "Incest: Sexual Abuse Begins at Home," *Ms.*, April 1977, pp. 64-67.
10. Edward Alwood, *Straight News* (New York: Columbia University Press, 1996); Toby Marotta, *The Politics of Homosexuality* (Boston: Houghton Mifflin, 1981).

11. Anita Bryant and Bob Green, *At Any Cost* (Old Tappan, N.J.: Fleming H. Revell, 1978); Perry Deane Young, *God's Bullies* (New York: Holt Rinehart Winston, 1982), p. 44; John Mitzel, *The Boston Sex Scandal* (Boston: Glad Day, 1980), p. 15.
12. Young, *God's Bullies*, pp. 44-46; House Committee, *Sexual Exploitation of Children*, pp. 75 (Leonard), 433 (Chicago Tribune), 205 (Wooden).
13. Enrique Rueda, *The Homosexual Network* (Old Greenwich, Conn.: Devin Adair, 1982).
14. Gladys Shultz, *How Many More Victims?* (Philadelphia: J. B. Lippincott, 1965), pp. 33, 112-19.
15. Joyce E. Williams and Karen A. Holmes, *The Second Assault* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1981); Marian Meyers, *News Coverage of Violence Against Women* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1997).
16. Susan Griffin, *Rape: The Politics of Consciousness*, 3d ed. (San Francisco: Harper and Row, 1986); Nancy Gager and Cathleen Schurr, *Sexual Assault* (New York: Grosset and Dunlap, 1976); Susan Brownmiller, *Against Our Will* (London: Seeker and Warburg, 1975); Andra Medea and Kathleen Thompson, *Against Rape* (New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1974); Ann W. Burgess and Lynda L. Holmstrom, *Rape: Victims of Crisis* (Bowie, Md.: R. J. Brady, 1974); Diana E. H. Russell, *The Politics of Rape: The Victims Perspective* (New York: Stein and Day, 1974); Carol V. Horos, *Rape* (New Canaan, Conn.: Tobey, 1974); Nancy A. Matthews, *Confronting Rape* (London: Routledge, 1994).
17. Peggy Reeves Sanday, *A Woman Scorned* (New York: Doubleday, 1996); John Marshall MacDonald, *Rape: Controversial Issues* (Springfield, 111.: Charles Thomas, 1995); Linda A. Fairstein, *Sexual Violence* (New York: William Morrow, 1993); Alice Vachss, *Sex Crimes* (New York: Random House, 1993); compare Diana E. H. Russell, *Rape in Marriage* (New York: Macmillan, 1982).
18. Rush, "Sexual Abuse of Children." See also Florence Rush, "The Freudian Cover-Up," *Chrysalis* 1 (1977): 31-45, and *The Best-Kept Secret: Sexual Abuse of Children* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1980).
19. Judith L. Herman and Lisa Hirschman, *Father-Daughter Incest* (Cambridge: Harvard University Press, 1981), p. 4. There is an influential discussion of child sexual abuse in Brownmiller, *Against Our Will*, pp. 271-80.

For the explosion of writing from the late 1970s, see Ann W. Burgess et al., *The Sexual Assault of Children and Adolescents* (Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1978); Kee MacFarlane, "Sexual Abuse of Children," in J. R. Chapman and M. Gates, eds., *The Victimization of Women* (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1978); David Finkelhor, *Sexually Victimized Children* (New York: Free Press, 1979); Susan Forward and Craig Buck, *Betrayal of Innocence* (New York: Penguin, 1979); Suzanne M. Sgroi, "The Sexual Assault of Children," in *The Sexual Abuse of Children: Implications from the Sexual Trauma Treatment Program of Connecticut* (New York: Community Council of Greater New York, 1979); Christine Courtois, "The Incest Experience and Its Aftermath," *Victimology: An International Journal* 4 (1979): 337-47; LeRoy G. Schultz, ed., *The Sexual Victimology of Youth* (Springfield, 111.: Charles Thomas, 1980); Rush, *Best-Kept Secret*; Mary De Young, *The Sexual Victimization of Children* (Jefferson, N.C.: McFarland, 1982); David Finkelhor, "Sexual Abuse: A Sociological Perspective," *CAN* 6 (1982): 95-102, and *Child Sexual Abuse* (New

York: Free Press, 1984), p. 3; Suzanne S. Ageton, *Sexual Assault Among Adolescents* (Lexington, Mass.: Lexington, 1983); Carol A. Plummer, *Preventing Sexual Abuse* (Holmes Beach, Fla.: Learning Publications, 1984); Ann W. Burgess, ed., *Rape and Sexual Assault* (New York: Garland, 1985); Adele Mayer, *Sexual Abuse* (Holmes Beach, Fla.: Learning Publications, 1985).

For the new literature on the study of the molester, see Nathaniel J. Pallone, *Rehabilitating Criminal Sexual Psychopaths* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1990); Kenneth V Lanning, *Child Molesters* (Washington, D.C.: NCMEC, 1987); Susan B. McDonald-Doren and Eugene H. Strangman, *Sex Offender Research* (Madison, Wis.: Division of Corrections, Bureau of Clinical Services, 1987); David Finkelhor and S. Araj, "Explanations of Pedophilia," *Journal of Sex Research* 22:2 (1986): 145-61; Ronald M. Holmes, *The Sex Offender and the Criminal Justice System* (Springfield, 111.: Charles Thomas, 1983); A. N. Groth et al., "The Child Molester," in Jon R. Conte and David A. Shore, eds., *Social Work and Child Sexual Abuse* (New York: Hawthorne, 1982); Gene Abel, Judith Becker, and Linda Skinner, *Treatment of the Violent Sex Offender* (New York: Columbia University Press, 1982).

20. P. Mrazek and C. H. Kempe, *Sexually Abused Children and Their Families* (New York: Pergamon, 1981); Ruth S. Kempe and C. Henry Kempe, *Child Abuse* (London: Fontana, Open University, 1978), and *The Common Secret* (New York: W. H. Freeman, 1984); Diana E. H. Russell, *The Secret Trauma* (New York: Basic, 1986), p. 38.
21. Richard A. Roth, *Child Sexual Abuse, Incest, Assault, and Sexual Exploitation* (Washington, D.C.: U.S. Department of Health, Education, and Welfare, 1979); Charles M. Sennott, *Broken Covenant* (New York: Pinnacle, 1994), pp. 257-59; U.S. Department of Justice, *Protecting Our Children: The Fight Against Molestation*, National Symposium on Child Molestation, October 1-4, 1984 (Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1985).
22. F. Berlin, H. M. Malin, and S. Dean, "Effects of Statutes Requiring Psychiatrists to Report Suspected Sexual Abuse of Children," *AJP* 148:4 (1991): 449-53; Susan Diefenhouse, "Child Sex Abuse Cases Rising in Massachusetts," *NYT*, January 31, 1988; Antoinette A. Coleman, *Child Abuse Reporting* (New York: Garland, 1995); John Crewdson, *By Silence Betrayed* (New York: Little, Brown, 1988); Tamar Lewin, "Charges of Parent Sex Abuse and a Family in Tatters," *NYT*, November 14, 1987; Finkelhor, *Child Sexual Abuse*, p. 1.
23. The Children's Defense Fund reference is from Derrick Z. Jackson, "America Lags in Its Treatment of Children," *BG* column reprinted in *State College (Pa.) Centre Daily Times*, July 5, 1994 (emphasis mine); Christopher J. Dodd, "For Children's Sake, Help Families Before It's Too Late," *State College (Pa.) Centre Daily Times*, May 1, 1993; Child Welfare League of America advertisement, *NYT*, February 7, 1990.
24. Weber, "Incest"; Finkelhor, *Sexually Victimized Children*; Chrystine Oksana, *Safe Passage to Healing* (New York: Harper Perennial, 1994), p. xxvii. The quotation from the Parents League of the United States appears in Best, *Threatened Children*, p. 72; Blume is quoted in Philip Jenkins, *Pedophiles and Priests* (New York: Oxford University Press, 1996), p. 87.

25. Douglas J. Besharov, *Recognizing Child Abuse* (New York: Free Press, 1990); Ellen Bass and Laura Davis, *The Courage to Heal* (New York: Harper and Row, 1988), p. 21.
26. Carol Tavris, "The Truth About Sexual Abuse," *Vogue*, May 1986, p. 164; Diana E. H. Russell, *Sexual Exploitation* (Beverly Hills, Calif.: Sage, 1984), pp. 172-81. See also Russell, *Secret Trauma*.
27. Rosaria Champagne, *The Politics of Survivorship* (New York: New York University Press, 1996), p. 14; NCMEC pamphlet, no title or date, c. 1990.
28. Philip Jenkins, *Using Murder* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1994); Volkman and Rosenberg, "Shame of the Nation," p. 4; Best, *Threatened Children*, p. 134.
29. Paula Hawkins, *Children at Risk* (Bethesda, Md.: Adler and Adler, 1986); Kenneth Wooden, *Weeping in the Playtime of Others* (New York: McGraw-Hill, 1976), and *The Children of Jonestown* (New York: McGraw-Hill, 1981); House Committee, *Sexual Exploitation of Children*, pp. 202-7; John Walsh with Susan Schindehette, *Tears of Rage* (New York: Pocket Books, 1997).
30. Philip Jenkins, *Using Murder* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1994); Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Juvenile Justice, *Serial Murders: Hearings Before the Subcommittee on Juvenile Justice of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1984); NCAVC (Quantico, Va.: Behavioral Sciences Services, FBI Academy, 1986).
31. Attorney General's Commission on Pornography, *Final Report* (Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1986); Martin L. Forst and Martha-Elin Blomquist, *Missing Children: Rhetoric and Reality* (Toronto: Lexington, 1991); Best, *Threatened Children*; Kenneth V. Lanning, *Investigator's Guide to Allegations of "Ritual" Child Abuse* (Quantico, Va.: NCAVC, FBI Academy, 1992), p. 5.
32. Paul Gebhard et al, *Sex Offenders: An Analysis of Types* (New York: Harper and Row, 1965), p. 71; Johann W. Mohr, Robert E. Turner, and Marian B. Jerry, *Pedophilia and Exhibitionism: A Handbook* (Toronto: University of Toronto Press, 1964), p. 29; Karpman, *Sexual Offender*, p. 66; De Francis, *Protecting the Child Victim*.
33. Carol Poston, "A Survivor of Incest," *Neu; Woman*, March 1989, pp. 112-19; James B. Twitchell, *Forbidden Partners* (New York: Columbia University Press, 1987); Brenda J. Vander Mey and Ronald L. Neff, *Incest as Child Abuse* (New York: Praeger, 1986); Russell, *Secret Trauma*; E. Ward, *Father-Daughter Rape* (New York: Grove, 1985); Mary De Young, *Incest: An Annotated Bibliography* (Jefferson, N.C.: McFarland, 1985); George Thorman, *Incestuous Families* (Springfield, 111.: Charles Thomas, 1983); Domeena C. Renshaw, *Incest* (Boston: Little, Brown, 1982); Herman and Hirschman, *Father-Daughter Incest*; Robert L. Geiser, *Hidden Victims* (Boston: Beacon, 1979); Blair Justice and Rita Justice, *The Broken Taboo* (New York: Human Sciences Press, 1979); Sandra Butler, *Conspiracy of Silence* (San Francisco: New Glide, 1978); Karin C. Meiselman, *Incest* (San Francisco: Jossey-Bass, 1978); Susan Forward and Craig Buck, "The Family Crime Nobody Talks About," *Ladies' Home Journal*, November 1978, p. 33; Weber, "Incest." For Brady's congressional appearance, see Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Juvenile Justice, *Effects of Pornography on Women and Children: Hearings Before the Subcommittee on Juvenile Justice of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1985), p. 65.

34. Louise Armstrong, *Kiss Daddy Goodnight* (New York: Hawthorne, 1978); Cristina Crawford, *Mommie Dearest* (New York: William Morrow, 1978); Jennifer Barr, *Within a Dark Wood* (Garden City, N.J.: Doubleday, 1979); Katherine Brady, *Fathers Days* (New York: Dell, 1979); Ellen Bass and Louise Thornton, eds., *J Never Told Anyone* (New York: Harper and Row, 1983). Compare the fictionalized treatments in Maya Angelou, *I Know Why the Caged Bird Sings* (New York: Bantam, 1971), and Toni Morrison, *Bluest Eye* (New York: Pocket, 1972). See also Charlotte V. Allen, *Daddy's Girl* (New York: Wyndham, 1980); Toni A. H. McNaron and Yarrow Morgan, eds., *Voices in the Night* (Minneapolis, Minn.: Cleis, 1982); Louise Armstrong, *The Home Front: Notes from the Family War Zone* (New York: McGraw-Hill, 1983); Sheila Sisk and Charlotte Foster Hoffman, *Inside Scars* (Gainesville, Fla.: Pandora, 1987); Elly Dánica, *A Woman's Word* (San Francisco: Cleis, 1988); Shelley Sessions and Peter Meyer, *Dark Obsession* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1990); Betsy Petersen, *Dancing with Daddy* (New York: Bantam, 1991); Jacqueline Woodson, *I Hadn't Meant to Tell You This* (New York: Delacorte, 1994); Martha Ramsey, *Where I Stopped* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1995); Linda Catherine Cutting, *Memory Slips* (New York: HarperCollins, 1997); Caroline Malone, Linda Farthing, and Lorraine Maree, eds., *The Memory Bird* (Philadelphia: Temple University Press, 1997). A startlingly different view of incest is in Kathryn Harrison, *The Kiss* (New York: Random House, 1997), a disturbing memoir of the authors consensual sexual relationship with her father.
35. Christine Courtois, *Healing the Incest Wound* (New York: Norton, 1988); Alice Miller, *Thou Shalt Not Be Aware* (New York: New American Library, 1986); L. Sanford, *The Silent Children* (New York: Doubleday, 1980).
36. A. N. Groth, *Men Who Rape* (New York: Plenum, 1979). Compare Whitman, *Terror*, p. 189; Russell, *Sexual Exploitation*, pp. 289-90; Russell, *Secret Trauma*, p. 392.
37. Anne L. Horton, ed., *The Incest Perpetrator* (Newbury Park, Calif.: Sage, 1990); Daniel Goleman, "New Studies Map the Mind of the Rapist," *NYT*, December 10, 1991. Compare David Gelman et al., "The Mind of the Rapist," *Newsweek*, July 23, 1990, pp. 46-53; Shirley J. O'Brien, *Why They Did It* (Springfield, 111.: C. C. Thomas, 1986), p. ix.
For Abel's remark, see Patrick Boyle, *Scout's Honor* (Rocklin, Calif.: Prima, 1994), p. 31; compare Gene Abel, "The Child Molester: How Can You Spot Him?" *Redbook*, August 1987, p. 99; G. Fuller, "Child Molestation and Pedophilia," *Journal of the American Medical Association* 261 (1989): 602-6.
38. Anna C. Salter, *Transforming Trauma* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1995); Gail Elizabeth Wyatt and Gloria Johnson Powell, eds., *Lasting Effects of Child Sexual Abuse* (Newbury Park, Calif.: Sage, 1988); De Francis, *Protecting the Child Victim*, pp. 4-8.
39. Michael Ryan, *Secret Life* (New York: Vintage, 1996); Richard Berendzen and Laura Palmer, *Come Here* (New York: Villard, 1993); Kurt Freund, R. Watson, and R. Dickey, "Does Sexual Abuse in Childhood Cause Pedophilia?" *Archives of Sexual Behavior* 19 (1990): 557-68; Kurt Freund, "The Basis of the Abused Abuser Theory of Pedophilia," *Archives of Sexual Behavior* 23 (1994): 553-63.
40. Senate Committee, *Effects of Pornography on Women and Children*.
41. Crewdson, *By Silence Betrayed*, p. ix.

42. R. Watson, "A Hidden Epidemic," *Newsweek*, May 14, 1984, pp. 30-36; C. O'Connor, "The Chilling Facts About Sexual Abuse," *Glatnour*, June 1984, p. 265; M. Beck, "An Epidemic of Child Abuse," *Newsweek*, August 20, 1984, p. 44; R. Watson, "Child Molesting: The Sad New Facts of Life," *Reader's Digest*, September 1984, pp. 148-52; C. McCall, "The Crudest Crime," *Life*, December 1984, pp. 35-42.
43. Carolyn M. Byerly, *The Mother's Book* (Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt, 1992); Caren Adams and Jennifer Fay, *No More Secrets* (San Luis Obispo, Calif.: Impact, 1981); Ellen Bass, *I Like You to Make Jokes with Me but I Don't Want You to Touch Me* (Chapel Hill, N.C.: Lollipop Power, 1981); Lory Freeman, *It's MY Body* (Seattle: Parenting Press, 1986); Amy C. Bahr, *It's OK to Say No* (New York: Grosset and Dunlap, 1986); Kristin Baird, *My Body Belongs to Me* (Circle Pines, Minn.: American Guidance Service, 1986); "Jessie," *Please Tett!* (Center City, Minn.: Hazelden, 1991). Compare Jennifer Sowie Aho and John W. Petras, *Learning About Sexual Abuse* (Hillside, N.J.: Enslow, 1985); Roderick Townley, *Safe and Sound* (New York: Simon and Schuster, 1985); Kenneth Wooden, *Child Lures* (Arlington, Tex.: Summit, 1995); Best, *Threatened Children*, pp. 152-60.
44. Maria Laurino, "Custody Wars," *Ms.*, December 1988, pp. 88-95; "Don't Touch My Child," CBS's *48 Hours*, January 4, 1990; Jonathan Groner, *Hilary's Trial* (New York: Simon and Schuster, 1991); Marianne Szegedy-Maszak, "Who's to Judge?" *ATHT Magazine*, May 21, 1989, pp. 26-27; Lewin, "Charges of Parent Sex Abuse"; Mary C. Bounds, "Driven by Guilt," *Redbook*, February 1993, pp. 82-85; Alexis Jetter, "Payes Crusade," *Vogue*, July 1991, pp. 148-51; Tom Junod, "The Last Angry Woman," *Life*, April 1991, pp. 64-76.
45. Jay C. Howell, *Selected State Legislation*, 2d ed. (Washington, D.C.: NCMEC, 1989); Gail S. Goodman, "Children's Testimony in Historical Perspective," *Journal of Social Issues* 40:2 (1984): 9-32; Gail S. Goodman, Christine Aman, and Jodi Hirschman, "Child Sexual and Physical Abuse," in S. J. Ceci, M. P. Toglia, and D. F. Ross, eds., *Children's Eyewitness Memory* (New York: Springer-Verlag, 1987), pp. 1-23; Maria S. Zaragosa et al., *Memory and Testimony in the Child Witness* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1994); Lucy S. McGough, *Child Witnesses: Fragile Voices in the American Legal System* (New Haven: Yale University Press, 1994); Ellen Gray, *Unequal Justice* (New York: Free Press, 1993); Billie Wright Dziech and C. B. Schudson, *On Trial*, 2d ed. (Boston: Beacon, 1991); Ross Eatman and Josephine Bulkley, *Protecting Child Victim/Witnesses* (Washington, D.C.: National Legal Resource Center for Child Advocacy and Protection, 1986); E. R. Shipp, "The Jeopardy of Children on the Stand," *AftT*, September 23, 1984.
46. Nancy Walker Perry and Lawrence W. Wrightsman, *The Child Witness* (Newbury Park, Calif.: Sage, 1991); Lucy Berliner and Mary Kay Barbieri, "The Testimony of the Child Victim of Sexual Assault," *Journal of Social Issues* 40:2 (1984): 125-38; American Journal of Nursing, Educational Services Division, *Child Sexual Abuse*, 1985, videocassette.
47. Debra Whitcomb, *Prosecution of Child Sexual Abuse*, U.S. Department of Justice, National Institute of Justice (Washington, D.C.: GPO, 1985); Debra Whitcomb, Elizabeth R. Shapiro, and Lindsey D. Stellwagen, *When the Victim Is a Child*, U.S. Department of Justice, National Institute of Justice (Washington, D.C.: GPO, 1985).

48. Ruth Marcus, "Law Allowing Children to Testify Behind Screens Is Nullified," WP Weekly Edition, June 30, 1988; Linda Greenhouse, "Child Abuse Trials Can Shield Witnesses," NYT, June 28, 1990; Ebrahim Kermani, "Child Sexual Abuse Revisited by the Supreme Court "Journal of the Academy of Child and Adolescent Psychiatry 32:5 (1992): 971-74.

7. Детская порнография и сети педофилов

CHAPTER 7: CHILD PORNOGRAPHY AND PEDOPHILE RINGS

1. Shirley J. O'Brien, *Child Pornography* (Dubuque, Iowa: Kendall Hunt, 1983), and "The Child Molester: Porn Plays a Major Role in Life," *National Federation for Decency Journal*, May-June 1987, pp. 9-11; LeRoy G. Schultz, "Kiddie Porn": A Social Policy Analysis (Morgantown, W. Va. : School of Social Work, West Virginia University, 1977).
2. Patrick Boyle, *Scouts Honor* (Rocklin, Calif.: Prima, 1994). The content of 1970s child porn is described in House Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime, Sexual Exploitation of Children: Hearings Before the Subcommittee on Crime of the Committee on the Judiciary (Washington, D.C.: GPO, 1977), pp. 419-44.
3. House Committee, Sexual Exploitation of Children, pp. 39-42, 45-46, 437-38.
4. Ernest Volkman and Howard L. Rosenberg, "The Shame of the Nation," *Family Weekly*, June 2, 1985, p. 4. The Wildmon quote is from Joel Best, *Threatened Children* (Chicago: University of Chicago Press, 1990), p. 47. See also advertisement for National Pornography Awareness Week, State College (Pa.) Centre Daily Times, October 11, 1988; Ellen Bass and Laura Davis, *The Courage to Heal* (New York: Harper and Row, 1988), p. 21; Mark Clayton, "Prostitution Circuit Takes Girls Across North America," "Sex Trade Lures Kids from 'Burbs," and "New Laws Fail to Curb Demand for Child Sex," all in *The Child Sex Trade*, series reprint from the *Christian Science Monitor* (1996): 5-11. The continuing tabloid interest in this topic was also suggested by television documentaries like the program "The Child Sex Trade," shown on A&E's Investigative Reports, October 11, 1997.
5. Jack McIver Weatherford, *Porn Row* (New York: Arbor House, 1986), pp. 161-75; Kenneth V. Lanning, *Investigator's Guide to Allegations of "Ritual" Child Abuse* (Quantico, Va.: NCAVC, FBI Academy, 1992), p. 3.
6. Attorney Generals Commission on Pornography, *Final Report* (Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1986), pp. 405-18; advertisements in State College (Pa.) Centre Daily Times, October 1990; Charles M. Sennott, *Broken Covenant* (New York: Pinnacle, 1994), pp. 257-64. Ritter himself was later discredited following a sex scandal involving teenage boys.
7. Lawrence A. Stanley, "The Child-Pornography Myth," *Playboy*, September 1988, pp. 41-44; Joyce Karlin, "Child Pornography" (letter to the editor), *Playboy*, January 1989, pp. 60-62; Donald A. Downs, *The New Politics of Pornography* (Chicago: University of Chicago Press, 1989).

8. Ralph W. Bennett, "The Relationship Between Pornography and Extrafamilial Child Sexual Abuse," *Police Chief*, February 1991, pp. 14-20; Bill Thompson, *Soft Core* (London: Cassell, 1994); Catherine A. MacKinnon, *Only Words* (Cambridge: Harvard University Press, 1996), pp. 35-36.
9. Howard A. Davidson and Gregory A. Loken, *Child Pornography and Prostitution* (Washington, D.C.: NCMEC, 1987); Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Juvenile Justice, *Child Pornography: Hearings Before the Subcommittee on Juvenile Justice of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1983), and *Effects of Pornography on Women and Children: Hearings Before the Subcommittee on Juvenile Justice of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1985); Committee on Governmental Affairs, *Child Pornography and Pedophilia: Hearings Before the Permanent Subcommittee on Investigations of the Committee on Governmental Affairs* (Washington, D.C.: GPO, 1985), and *Child Pornography and Pedophilia: Report Made by the Permanent Subcommittee on Investigations of the Committee on Governmental Affairs* (Washington, D.C.: GPO, 1986); Senate Committee on the Judiciary, *Child Protection and Obscenity Enforcement Act and Pornography Victims Protection Act of 1987: Hearing Before the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1988); House Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime, *Child Protection and Obscenity Enforcement Act of 1988: Hearings Before the Subcommittee on Crime of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1989); "Senate Supports Tougher Child Pornography Law," *Jet*, October 17, 1988, p. 14; Best, *Threatened Children*, 75; Phyllis Schlafly, ed., *Pornography's Victims* (Alton, 111.: Père Marquette Press, 1987); Attorney General's Commission on Pornography, *Final Report*; Pat Califia, *Public Sex* (Pittsburgh and San Francisco: Cleis, 1994), pp. 107-47; Bill Andriette, "Are You a Child Pornographer?" *Playboy*, September 1991, p. 56.
10. "Buyer of Child Pornography Is Convicted Under N.Y. Law," *BG*, February 21, 1990; John Quigley, "Child Pornography and the Right to Privacy," *Florida Law Review* 43:2 (1991): 347-69; Lisa S. Smith, "Private Possession of Child Pornography," *Annual Survey of American Law* 4 (1991): 1011-45; "Private Possession of Expressive Material-Child Pornography," *Harvard Law Review* 104 (1990): 237-47; Stephen Wermiel, "High Court's Child-Pornography Ruling Is Watched for Effect on Adult Privacy," *WSJ*, April 23, 1990.
11. Joan Biskupic, "Court Backs Child Pornography Law," *WPt* November 30, 1994; Tracy Thompson, "Parts of Child Pornography Law Struck Down," *WP*, May 17, 1989; Robert R. Strang, "'She Was Just Seventeen... and the Way She Looked Was Way Beyond (Her Years)': Child Pornography and Overbreadth," *Columbia Law Review* 90:6 (1990): 1779-1803; Kim Murphy, "Lords Video Agent Convicted on Child Porno Charges," *LAT*, June 16, 1989; Arthur S. Hayes, "Child Pornography Law Is Dealt Blow by Appeals Court," *WSJ*, December 17, 1992; Linda Greenhouse, "Supreme Court Upholds Governments Ambiguously Written Child Pornography Law," *NYT*, November 30, 1994.

A few observers continue to raise fundamental questions about the entire conceptual basis of the movement against sexualized depictions of the young. See, for example, Camille Paglia, *Sexual Personae* (New Haven: Yale University Press, 1990); James R. Kincaid, *Child-Loving* (New York: Routledge, 1993); Califia, *Public Sex*.

12. Laura U. Marks, "Child Pornography and the Legislation of Morality," *Afterimage* 18:4 (November 1990): 12-16; Dick Polman, "Snap Judgments," *Philadelphia Inquirer Magazine*, January 6, 1991, pp. 19-23; Lawrence A. Stanley, "Art and Ter-
version': Censoring Images of Nude Children," *Art Journal* 50:4 (Winter 1991):
20-27; "French Vintner Censors Labels Bound for U.S.," A.P. story reprinted in
State College (Pa.) Centre Daily Times, December 13, 1996; "Clinton Seeks Redef-
inition of Child Pornography," *WSJ*, November 12, 1993; Marjorie Garber, "Maxi-
mum Exposure," *NYT*, December 4, 1993; "104 in Congress Petition to Argue Child
Pornography Case in Court," *NYT*, December 28, 1993; Doug Payne, "Man Held
over Photos of Girl, 13, in Lingerie," *Atlanta Journal and Constitution*, April 20, 1996.
13. Michael Bamberger, general counsel for the Media Coalition, 1996, at the Book-
web web site, <http://www.bookweb.org>.
14. U.S. Customs Service, Child Pornography and Protection Unit, *The Child Pornog-
raphy Enforcement Program* (Washington, D.C.: Treasury Department, 1987);
Mary Thornton, "U.S. Customs: Crusaders in the Child Pornography War," *WP*
Weekly Edition, September 8, 1986; June Stephenson, *Men Are Not Cost-Effective*
(New York: HarperPerennial, 1995), pp. 310-14; U.S. Postal Inspection Service
web site, "Child Pornography, Obscenity, and Sexual Oriented Advertisements,"
WWW 1996.
15. Stanley, "The Child-Pornography Myth"; Tim Bryant, "Child-Pornography Buyer
Entrapped, Court Finds," *Si. Louis Post-Dispatch*, January 13, 1990; Ruth Marcus,
"Fair Sting or Foul Trap? Child Pornography Investigation Challenged," *WP*, No-
vember 6, 1991; Linda P. Campbell, "Court Uses Child-Porn Case to Place Limits
on Stings," *Chicago Tribune*, April 7, 1992; "Entrapment Out of Control," *NYT*,
April 8, 1992; Cynthia Perez, *U.S. v. Jacobson: Are Child Pornography S tings Cre-
ative Law Enforcement or Entrapment?* *University of Miami Law Review* 46:1
(1991): 235-48.
16. The U.S. Senate committee is quoted in John Crewdson, *By Silence Betrayed* (New
York: Little, Brown, 1988), p. 260; the remark about the cottage industry is from
Matthew Ancona of Odyssey House, quoted in Volkman and Rosenberg, "Shame
of the Nation," p. 6. See also Julia Preston, "Acapulco's Smut Ring," *NYT*, August 9,
1996.
17. Tony Perry, "Child Pornography Suspect Pleads Guilty," *LAT*, January 19, 1996;
Gerald Hannon, "The Kiddie-Porn Ring That Wasn't," *Globe and Mail* (Toronto),
March 11, 1995; Parker Rossman, *Sexual Experience Between Men and Boys: Ex-
ploring the Pederast Underground* (New York: Association Press, 1976), pp. 33-42;
David Stout, "Forty-Five Arrested in a Nationwide Child Pornography Ring, U.S.
Says," *NYT*, May 10, 1996; Preston, "Acapulco s Smut Ring."
18. O'Brien, *Child Pornography*; Ann W. Burgess and Marieanne Lindqvist Clark, eds.,
Child Pornography and Sex Rings (Lexington, Mass.: Lexington, 1984); Kenneth
V. Lanning and Ann W. Burgess, *Child Pornography and Sex Rings* (Washington,
D.C.: U.S. Department of Justice, 1984); compare Ann W. Burgess, A. Nicholas
Groth, Maureen P. McCausland, "Child Sex Initiation Rings," *AJO*, January 1981,
pp. 110-19; Ann W. Burgess and Christine A. Grant, *Children Traumatized in Sex
Rings* (Washington, D.C.: NCMEC, 1988); Toby Marotta, Bruce Fisher, Michael
Pincus, *Adolescent Male Prostitution, Pornography, and Other Forms of Sexual Ex-*

ploitation (San Francisco: Urban and Rural Systems Associates, 1982); House Committee on Education and Labor, Subcommittee on Select Education, Teenage Prostitution and Child Pornography: Hearings Before the Subcommittee on Select Education of the Committee on Education and Labor (Washington, D.C.: GPO, 1982); House Committee, Sexual Exploitation of Children.

For the view that all underage prostitutes are coerced, see Daniel S. Campagna and Donald L. Poffenberger, *The Sexual Trafficking in Children* (Dover, Mass.: Auburn House, 1988); Clifford Linedecker, *Children in Chains* (New York: Everest House, 1981).

19. House Committee, Sexual Exploitation of Children, pp. 429 (Chicago Tribune), 58 (Martin), 74-75 (Leonard), 82-90 (camps and churches).
20. For Gunderson, see Maury Terry, *The Ultimate Evil* (New York: Bantam, 1987); Best, *Threatened Children*, pp. 118-22; Ron Handberg, *Savage Justice* (New York: Birch Lane, 1992); Leslie Marmon Silko, *Alamancos of the Dead* (New York: Penguin, 1992).
21. Classical Greek culture distinguished between the benevolently viewed pederast, or boy-lover, and the sinister "corruptor of youth," the paidophthoros. See Rossman, *Sexual Experience*, pp. 191-95; Parker Rossman, "The Pederasts," in Erich Goode and Richard R. Troiden, eds., *Sexual Deviance and Sexual Deviants* (New York: Morrow, 1974), pp. 396-409; Edward Brongersma, *Loving Boys* (New York: Global Academic, 1986); Theo Sandfort, *Boys on Their Contacts with Men* (Elmhurst, N.Y.: Global Academic, 1987); Frits Bernard, *Persecuted Minority* (Amsterdam: Southernwood, 1989); Mark Pascal, *Varieties of Man/Boy Love* (New York: Wallace Hamilton, 1992); Mark Blasius and Shane Phelan, *We Are Everywhere* (New York: Routledge, 1997), pp. 459-68; Michael Davidson, *The World, the Flesh, and Myself* (Swafham, England: Gay Men's Press, 1997); Joseph Geraci, ed., *Dares to Speak: Historical and Contemporary Perspectives on Boy-Love* (New York: Gay Men's Press, 1997).

For the Mattachine Society, see Jonathan Ned Katz, *Gay American History* (New York: Meridian, 1992), pp. 406-20; "Spirit of Stonewall" petition, WWW 1994, <http://www.actwin.com/stonewall/handouts>; "GLAAD [Gay and Lesbian Alliance Against Defamation] vs. NAMBLA," WWW 1994, <http://www.glaad.org>. NAMBLA also has a Web presence at <http://www.nambla.org>.

For European precedents, see Philip Jenkins, *Intimate Enemies* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1992); Glenn D. Wilson and David N. Cox, *The Child-Lovers* (Boston: Peter Owen, 1983); Tom O'Carroll, *Paedophilia: The Radical Case* (London: Peter Owen, 1980).

22. John Mitzel, *The Boston Sex Scandal* (Boston: Glad Day, 1980), pp. 5, 12.
23. Gerald Hannon, "Men Loving Boys Loving Men," *Body Politic*, November 21, 1977, p. 39; Judy Steed, *Our Little Secret* (Toronto: Vintage Canada, 1995), pp. 57-59; Charles Trueheart, "Toronto Teacher stirs Freedom Debate," *WP*, December 11, 1995.
24. C. Waters, "Twenty-Four Men Indicted for Abuse of Seventy Boys in Boston Hired Sex Ring," *New Times*, January 23, 1978; Mitzel, *Boston Sex Scandal*, p. 28; Frank Rose, "Men and Boys Together," *Village Voice*, February 27, 1978, p. 1.

25. Mitzel, *Boston Sex Scandal*, pp. 125-26; David Thorstad, *A Witchhunt Foiled: The FBI Versus NAMBLA* (New York: North American Man-Boy Love Association, 1985), pp. 9-10; "Spirit of Stonewall"; "GLAAD vs. NAMBLA"; Dudley Cleninden, "Group Promoting Man-Boy Love Is the Focus of Police Inquiry," *NYT*, January 1, 1983.
26. Thorstad, *A Witchhunt Foiled*, pp. 6, 10; Rosalind Wright, "Where Are Our Children?" *Ladies' Home Journal*, March 1994, pp. 118-19; Timothy W. Ryback, "Four Girls Abducted, Raped, Murdered " *NYT Magazine*, February 23, 1997, pp. 42-48; Ted Oliver and Ramsay Smith, *Lambs to the Slaughter* (London: Warner, 1993); Jenkins, *Intimate Enemies*.
27. John Leo, "A New Furor over Pedophilia," *Time*, January 17, 1983, p. 47; compare Cleninden, "Group Promoting Man-Boy"; Thorstad, *A Witchhunt Foiled*, p. 55; Allen Sonnenschein, "Child Molesters and Their Victims," *Penthouse*, April 1983, pp. 60-62, 180-89; Senate Committee, *Effects of Pornography on Women and Children*, pp. 65-90; Crewdson, *By Silence Betrayed*, pp. 94-113; Enrique Rueda, *The Homosexual Network* (Old Greenwich, Conn.: Devin Adair, 1982), pp. 173-79; House Committee, *Sexual Exploitation of Children*, p. 437; Attorney General's Commission on Pornography, *Final Report*, pp. 688-89.
28. Boyle, *Scout's Honor*, pp. 72-73, 129; Volkman and Rosenberg, "Shame of the Nation," p. 4; Andrew Vachss, *Flood* (New York: D. I. Fine, 1985), p. 274. Lanning is quoted in Mike Echols, *Brother Tony's Boys* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1996), pp. 321-74.
29. Crewdson, *By Silence Betrayed*; Judith Reisman and Edward Eichel, *Kinsey, Sex, and Fraud* (Lafayette, La.: Lochinvar-Huntington House, 1990); Rueda, *Homosexual Network*. The influence of groups like NAMBLA is vastly exaggerated in sources like the WWW materials of the American Life League, posted at their Web site in 1996 (<http://www.all.org>).
30. "Inflammatory Anti-Gay Commercials Debut in Louisville," *WWW*, March 23, 1995; Chris Bull and John Gallagher, *Perfect Enemies* (New York: Crown, 1996).
31. Scott Lively and Kevin Abrams, *The Pink Swastika* (Keizer, Oreg.: Founders, 1995), p. 155; Alan P. Medinger, "DSM-IV and Pedophilia: What Did the APA Do?" *WWW*, 1995; Christopher Corbett, "APA, Point of View Clash on Pedophile Definition," *WWW*, 1995.
32. Echols, *Brother Tony's Boys*, pp. 333-40; Jack Viets, "Pedophile Group at S.F. Library," *SFC*, January 14, 1992; Melinda Henneberger, "How Free Can Teachers' Speech Be?" *NYT*, October 3, 1993; John Leo, "Pedophiles in the Schools," *U.S. News and World Report*, October 11, 1993, p. 37; David Van Biema, "For the Love of Kids," *Time*, November 1, 1993, p. 51; Joseph Scott, "Boy Lover," *New York*, March 28, 1994, pp. 38-39; Beth Landman, "CBS Gets Paglia All Hutton Bothered," *New York*, November 6, 1995, pp. 15-16.
33. Mitzel, *Boston Sex Scandal*, pp. 31-32; David Thorstad, "Man-Boy Love and the American Gay Movement," *JH* 20 (1991): 251-74. The NOW document is found in Blasius and Phelan, *We Are Everywhere*, pp. 468-69. See also Diana E. H. Russell, *The Secret Trauma* (New York: Basic, 1986), p. 82.

34. Gerald P. Jones, "The Study of Intergenerational Intimacy in North America," *JH* 20 (1991): 275-95; Duncan Osborne, "The Trouble with NAMBLA," *Advocate*, December 14, 1993, pp. 40-41, and "Which Side Are We On?" *Village Voice*, February 8, 1994, p. 13; Stephen Holden, "Men Who Love Boys Explain Themselves," *NYT*, July 8, 1994; John Weir, "Mad About the Boys," *Advocate*, August 23, 1994, pp. 32-37; Brent Hartinger, "Separating the Men from the Boys," *Ten Percent*, September 1994, pp. 44-47; "U.N. Suspends Group in Dispute over Pedophilia," *NYT*, September 18, 1994; Jesse Green, "The Men from the Boys," *Out*, September 1994; Harry Hay, "Focusing on NAMBLA Obscures the Issues," *Gay Community News*, Fall 1994, pp. 16, 18; Lively and Abrams, *Pink Swastika*, p. 158.

8. Дорога в ад: ритуальное насилие и восстановленные воспоминания

CHAPTER 8: THE ROAD TO HELL

1. Debbie Nathan and Michael Snedeker, *Satan's Silence* (New York: N.Y.: Basic, 1995).
2. See Paul Eberle and Shirley Eberle, *Abuse of Innocence* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1993). The ten-year-old child is quoted in Philip Jenkins and Daniel Maier-Katkin, "From Salem to Jordan," *Augustus* 9:6 (1986): 14-24. See also Diana E. H. Russell, *The Secret Trauma* (New York: Basic, 1986), p. 81; Attorney Generals Commission on Pornography, *Final Report* (Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1986), p. 688.
3. Lawrence Pazder and Michelle Smith, *Michelle Remembers* (New York: Congdon and Lattes, 1980); Jill Waterman et al., *Behind the Playground Walls* (New York: Guilford, 1993); David Finkelhor, Linda Meyer Williams, and Nanci Burns, *Nursery Crimes* (Newbury Park, Calif.: Sage, 1988).
4. Kee MacFarlane et al., *Sexual Abuse of Children* (New York: Guilford, 1986); Roland C. Summit, "The Child Abuse Accommodation Syndrome," *CAN* 7:2 (1983): 177-93.
5. "Brutalized," *Time*, April 2, 1984, p. 21; Robert Lindsey, "Sexual Abuse of Children Draws Experts' Increasing Concern Nationwide," *NYT*, April 4, 1984; S. Strasser, "A Sordid Preschool Game," *Newsweek* April 9, 1984, p. 38; M. Green, "The Mc-Martins," *People Weekly*, May 21, 1984, pp. 109-12.
6. 60 Minutes segments broadcast on November 2, 1986, and February 4, 1990; Robert Reinhold, "Long Child Molestation Trial Viewed as System Run Amuck," *NYT*, July 26, 1989; Robert Reinhold, "The McMartin Case: Swept Away in a Vortex of Panic on Child Molestation," *NYT*, January 24, 1990; "The McMartin Nightmare," *People Weekly*, February 5, 1990, pp. 70-80. For continuing belief in the charges, see Alex Constantine, *Psychic Dictatorship in the United States* (Portland, Oreg.: Feral House, 1995); Roland C. Summit, "Digging for the Truth," *Treating Abuse Today* 4:4 (1994): 5-13, and "The Dark Tunnels of McMartin," *Journal of Psychohistory* 21:4 (1994): 397.

7. Philip Jenkins and Daniel Maier-Katkin, "Satanism," *Crime, Law, and Social Change* 17 (1992): 53-75; Philip Jenkins, "Investigating Occult and Ritual Crime," *Police Forum* 2:1 (1992): 1-7; Robert D. Hicks, *In Pursuit of Satan* (New York: Prometheus, 1991); James W. Clark, "Occult Cops," *Law Enforcement News*, November 15, 1988, pp. 5-7; Maury Terry, *The Ultimate Evil* (New York: Bantam, 1987); Larry Kahaner, *Cults That Kill* (New York: Warner, 1988); Carl A. Raschke, *Painted Black* (San Francisco: Harper and Row, 1990).
8. See, for example, Jean S. LaFontaine, *Speak of the Devil* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997); Richard Guilliat, *Talk of the Devil* (Melbourne, Australia: Text, 1996); Judy Steed, *Our Little Secret* (Toronto: Vintage Canada, 1995); Philip Jenkins, *Intimate Enemies* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1992); Tim Täte, *Children for the Devil* (London: Methuen, 1991); Andrew Boyd, *Blasphemous Rumors* (London: Fount, 1991); Kevin Marron, *Ritual Abuse* (Toronto: Seal, 1988).
9. George A. Fraser, éd., *The Dilemma of Ritual Abuse* (Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1997); Emilie P. Rose, *Reaching for the Light* (Cleveland, Ohio: Pilgrim, 1996); Colin Ross, *Satanic Ritual Abuse* (Toronto: University of Toronto Press, 1995); James R. Noblitt and Pamela Sue Persian, *Cult and Ritual Abuse* (Westport, Conn.: Praeger, 1995); Linda Blood, *The New Satanists* (New York: Warner, 1994); Dee Brown, *Satanic Ritual Abuse* (Denver, Colo.: Blue Moon, 1994); Margaret Smith, *Ritual Abuse* (San Francisco: Harper, 1993); David K. Sakheim and Susan E. Devine, *Out of Darkness* (San Francisco: Jossey-Bass, 1997); David Ryder, *Breaking the Circle of Ritual Satanic Abuse* (Minneapolis, Minn.: Compcare, 1992); Robert S. Mayer, *Satan's Children* (New York: Avon, 1991). For survivors' memoirs, see Laura Buchanan, *Satan's Child* (Minneapolis, Minn.: Compcare, 1994); Gail Carr Feldman, *Lessons in Evil, Lessons from the Light* (New York: Crown, 1993); Torey L. Hayden, *Ghost Girl* (Boston: Little, Brown, 1991); Judith Spencer, *Suffer the Child* (New York: Pocket, 1989); Christine Oksana, *Safe Passage to Healing* (New York: Harper Perennial, 1994); Valerie Sinason, ed., *Treating Survivors of Satanist Abuse* (London: Routledge, 1994); Elizabeth S. Rose, "Surviving the Unbelievable: Cult Ritual Abuse Exists," *Ms.*, January 1993, pp. 40-45; Leslie Bennetts, "Nightmares on Main Street," *Vanity Fair*, June 1993, pp. 42-62; Robin D. Perrin and Les Parrott III, "Memories of Satanic Ritual Abuse," *Christianity Today*, June 21, 1993, pp. 18-23; L. N. Driscoll and C. Wright, "Survivors of Childhood Ritual Abuse," *Treating Abuse Today*, 1:4 (1991): pp. 5-13; Cheryl Carey Kent, "Ritual Abuse," in Robert T. Ammerman and Michel Hersen, eds., *Case-Studies in Family Violence* (New York: Plenum, 1991), pp. 187-207. Compare Bennett G. Braun et al., "Patients Reporting Ritual Abuse in Childhood," *CAN* 15 (1991): 181-94; I. Kirk Weir, "Allegations of Children's Involvement in Ritual Sexual Abuse," *CAN* 19:4 (1995): 491-95; Judith Spencer, *Satan's High Priest* (New York: Pocket Books, 1997).
10. L. J. Stardancer, *Turtleboy and Jet the Wonderpup* (Lakeport, Calif.: n.p., 1993); D. Sanford, *Don't Make Me Go Back, Mommy* (Portland, Oreg.: Multnomah, 1990).
11. Jan Hollingsworth, *Unspeakable Acts* (Chicago, 111.: Congdon and Weed, 1986). Compare Nathan and Snedeker, *Satan's Silence*; Andrew Vachss, *Sacrifice: A Novel* (London: Macmillan, 1991); Andrew Greeley, *Fall from Grace* (New York: G. P. Putnam's Sons, 1993).

12. Philip Jenkins, "Believe the Children?" *Chronicles*, January 1993, pp. 20-23.
13. Jeffrey M. Masson, *The Assault on Truth* (New York: Farrar, Straus, and Giroux, 1984); Jeffrey M. Masson, éd., *A Dark Science* (New York: Noonday, 1988).
14. Nathan and Snedeker, *Satan's Silence*, p. 5; Margaret Thaler Singer and Janja Lalich, *Cults in Our Midst* (San Francisco: Jossey-Bass, 1995); Kenneth Wooden, *The Children of Jonestown* (New York: McGraw-Hill, 1981); Philip Jenkins, *Using Murder* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1994); Jerry Johnston, *The Edge of Evil* (Dallas: Word, 1989); Bob Larson, *Satanism* (Nashville: Thomas Nelson, 1989), and *In the Name of Satan* (Nashville: Thomas Nelson, 1996); Ted Schwarz and Duane Empey, *Satanism: Is Your Family Safe?* (Grand Rapids, Mich.: Zondervan, 1988).
15. Catherine Gould and Louis J. Cozolino, "Ritual Abuse, Multiplicity, and Mind Control," *Journal of Psychology and Theology* 20:3 (1992): 194-96; James G. Friesen, *Uncovering the Mystery of MPD* (San Bernadino, Calif.: Here's Life, 1991); Bennett G. Braun, *The Treatment of Multiple Personality Disorder* (Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1986); Craig Lockwood, *Other Alters* (Minneapolis, Minn.: Compcare, 1993); Sally Hill and Jean R. Goodwin, "Demonic Possession as a Consequence of Childhood Trauma," *Journal of Psychohistory* 20:4 (1993): 399-411.
16. Rose, *Reaching for the Light*; Ross, *Satanic Ritual Abuse*; Sinason, *Treating Survivors of Satanist Abuse*; Bennetts, "Nightmares on Main Street"; Sakheim an Devine, *Out of Darkness*; Oksana, *Safe Passage to Healing*, p. xx; Constantino, *Psychic Dictatorship*. Compare Los Angeles County Commission for Women, *Ritual Abuse: Definitions, Glossary, the Use of Mind Control* (Los Angeles: Ritual Abuse Task Force, 1989); Walter H. Bowart, *Operation Mind Control* (New York: Dell, 1978); John D. Marks, *The Search for the "Manchurian Candidate"* (New York: Times Books, 1979).
17. John W. DeCamp, *The Franklin Coverup* (Lincoln, Nebr.: AWT, 1992); "Omaha Tales of Sexual Abuse Ruled False," *NYT*, September 27, 1990; William Robbins, "Omaha Grand Jury Sees Hoax in Lurid Tales," *NYT*, July 29, 1990.
18. Paul Eberle and Shirley Eberle, *The Politics of Child Abuse* (Secaucus, N.J.: Lyle Stuart, 1986); Jenkins and Katkin, "From Salem to Jordan"; James F. Richardson, Joel Best, and David Bromley, eds., *The Satanism Scare* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1991); Walter Goodman, "Who Programmed Mary? Could It Be Satan?" *NYT*, October 24, 1995. See also several articles by Debbie Nathan: "Are These Women Witches?" *Village Voice*, September 29, 1987, p. 19; "Child Molester?" *Village Voice*, August 2, 1988, p. 31; "What McMartin Started," *Village Voice*, June 12, 1990, pp. 36-38; "Cry Incest," *Playboy*, October 1992, pp. 84-88. Annette's tale is quoted in Ellen Bass and Laura Davis, *The Courage to Heal* (New York: Harper and Row, 1988), p. 417. For "breeders," see Lauren Stratford, *Satan's Underground* (Eugene, Oreg.: Harvest House, 1988).
19. Philip Jenkins and Daniel Maier-Katkin, "Occult Survivors," in Richardson, Best, and Bromley, *The Satanism Scare*, pp. 127-44; Spencer, *Suffer the Child*; Stephen A. Kent, "Deviant Scripturalism and Ritual Satanic Abuse," *Religion* 23:3 (1993): 229-58, and "Possible Masonic, Mormon, Magick, and Pagan Influences," *Religion* 23:4 (1993): 355-73; Feldman, *Lessons in Evil*; David Frankfurter, "Religious Studies and Claims of Satanic Ritual Abuse," *Religion* 24:4 (1994): 353-78; David H.

- Bennett, *The Party of Fear*, 2d ed. (New York: Vintage, 1995); David Brion Davis, "Some Themes of Counter-Subversion," in *From Homicide to Slavery* (New York: Oxford University Press, 1986), pp. 137-54; Oksana, *Safe Passage to Healing*, pp. 43, 132-33; Alan Dundes, ed., *The Blood Libel Legend* (Madison: University of Wisconsin Press, 1991); R. Po-chia Hsia, *The Myth of Ritual Murder* (New Haven: Yale University Press, 1988).
20. Jenkins, *Intimate Enemies*; Jon Trott and Mike Hertenstein, *Selling Satan* (n.p., 1995); Gretchen Passantino, Bob Passantino, and Jon Trott, "Satan's Sideshow," *Cornerstone* 18 (1989): 23-28.
  21. WWW site of the Ontario Center for Religious Tolerance; Anna Quindlen, "Believing the Children," *NYT*, April 29, 1992; Patricia Crowley, *Not My Child* (New York: Doubleday, 1990); Lisa Manshel, *Nap Time* (New York: Zebra, 1990); Kelly Michaels, "Eight Years in Kafkaland," *National Review*, September 6, 1993, pp. 36-37; Stephen J. Ceci and Maggie Brück, *Jeopardy in the Courtroom* (Washington, D.C.: American Psychological Association, 1995); Nathan and Snedeker, *Satan's Silence*; Dorothy Rabinowitz, "From the Mouths of Babes to a Jail Cell," *Harpers Magazine*, May 1990, pp. 52-53. Compare David Stout, "Minister Freed Pending Appeal in Child-Abuse Case" *NYT*, July 12, 1996; Dorothy Rabinowitz, "A Darkness in Massachusetts," *WSJ*, January 30, 1995.
  22. See the following works by Kenneth V. Lanning: *Child Sex Rings* (Washington, D.C.: NCMEC, 1989); "Satanic, Occult, and Ritualistic Crime," *Police Chief*, October 1989, pp. 62-85; "Ritual Abuse" *CAN* 15 (1991): 171-73; *Investigators Guide to Allegations of "Ritual" Child Abuse* (Quantico, Va.: NCAVC, FBI Academy, 1992). See also Gail S. Goodman, *Characteristics and Sources of Allegations of Ritualistic Child Abuse* (Washington, D.C.: GPO, 1995); compare LaFontaine, *Speak of the Devil*.
  23. Douglas J. Besharov, "Protecting the Innocent," *National Review*, February 19, 1990, p. 44. See also Lawrence Wright, *Remembering Satan* (New York: Knopf, 1994), and "Child-Care Demons," *New Yorker*, October 3, 1994, pp. 5-6; Rabinowitz, "From the Mouths of Babes"; Mark Sauer and Jim Okerblom, "Trial by Therapy," *National Review*, September 6, 1993, pp. 30-39; Bennetts, "Nightmares on Main Street"; William N. Grigg, "Law in Lehi," *Chronicles*, January 1993, pp. 24-27; Perrin and Parrott, "Memories of Satanic Ritual Abuse"; A. S. Ross, "Blame It on the Devil," *Redbook*, June 1994, pp. 86-89; Ethan Watters, "Doors of Memory," *Mother Jones*, January-February 1993, p. 93; Nathan, "What McMartin Started"; "McMartin: Anatomy of a Witch-Hunt," *Playboy*, June 1990, pp. 45-49; Eberle and Eberle, *Abuse of Innocence*; Jeffrey S. Victor, *Satanic Panic* (Chicago: Open Court, 1993); Nathan and Snedeker, *Satan's Silence*. Television investigations included *60 Minutes*, March 15, 1992; *Primetime Live*, January 7, 1993; and a docu-drama entitled *Indictment* on HBO, May 1995.
  24. Nathan and Snedeker, *Satan's Silence*; Richard A. Gardner, *Sex Abuse Hysteria: Salem Witch Trials Revisited* (Cresskill, N.J.: Creative Therapeutics, 1991); Nat Hentoff, "Once More the Witch Hunt," *WP*, May 23, 1992; CBS's *48 Hours*, May 5, 1993; Michael Cranberry, "Is Trial of Church Volunteer Accused of Abusing Children a Witch Hunt?" *LAT*, June 28, 1993; Seth Mydans, "Child-Molesting Case Raises Old Questions in San Diego," *NYT*, September 22, 1993. Compare Jenkins and Katkin, "From Salem to Jordan"; Gilbert Geis and Ivan Bunn, "And a Child

- Shall Mislead Them," in Robert J. Kelly and Donal MacNamara, eds., *Perspectives on Deviance* (Cincinnati: Anderson, 1991), pp. 31-46.
25. CNN news reports, October 20, 1995, and December 12, 1995; Debbie Nathan, "Justice in Wenatchee," NYT, December 19, 1995; Dorothy Rabinowitz, "Wenatchee: A True Story," WSJ, three-part series, September 29, October 13, and November 8, 1995; Trevor Armbrister, "Witch-Hunt in Wenatchee," *Readers Digest*, July 1996, pp. 125-30. Compare William Claiborne, "Child Sex Ring or Witch Hunt?" WP, November 14, 1995; "Back in Wenatchee," editorial in WSJ, June 20, 1996; "Free My Family," 48 Hours, television program broadcast on April 3, 1997.
  26. ABC's *Turning Point*, broadcast November 14, 1996; for the original case of the two Bakersfield children, see Crewdson, *By Silence Betrayed*, pp. 120-21; Walter Goodman, "Accusations Too Readily Believed," NYT, November 14, 1996.
  27. Debra J. Saunders, "After the Witch Hunt, No Remorse," SFC, July 9, 1996; Harry N. MacLean, *Once upon a Time* (New York: HarperCollins, 1993).
  28. Judith L. Herman, *Trauma and Recovery* (New York: Basic, 1992); Renée Fredrickson, *Repressed Memories* (New York: Simon and Schuster, 1992); E. Sue Blume, *Secret Survivors* (New York: Ballantine, 1991); Lenore Terr, *Too Scared to Cry* (New York: Harper and Row, 1990); Lenore Terr, *Unchained Memories* (New York: Basic, 1994); Judith L. Herman and Emily Schatzow, "Recovery and Verification of Memories of Childhood Sexual Trauma," *Psychoanalytic Psychology* 4:1 (1987): 1-14; Patty Derosier Barnes, *The Woman Inside* (Racine, Wis.: Mother Courage, 1989); Carol Poston, "A Survivor of Incest," *New Woman*, March 1989, pp. 112-19; Sheila Sisk and Charlotte Foster Hoffman, *Inside Scars* (Gainesville, Fla.: Pandora, 1987); Barbara Bolz, "An Interview with Laura Davis," *On the Issues/Choices*, Fall 1991, pp. 17-19; Susan Forward and Craig Buck, *Toxic Parents* (New York: Bantam, 1989); Christine Courtois, *Healing the Incest Wound* (New York: Norton, 1988); Mike Lew, *Victims No Longer* (New York: Perennial Library, 1990). Compare Eleanor Goldstein and Kevin Farmer, *True Stories of False Memories* (Boca Raton, Fla.: SIRS, 1993).
  29. Bass and Davis, *Courage to Heal*, pp. 86, 345-47, 417-21.
  30. Heidi Vanderbilt, "Incest: A Chilling Report," *Lear's*, February 1992, pp. 49-77; Goldstein and Farmer, *True Stories of False Memories*, pp. 208-14; Rosaria Champagne, *The Politics of Survivorship* (New York: New York University Press, 1996); Kathleen S. Lowney and Joel Best, "Stalking Strangers and Lovers," in Joel Best, ed., *Images of Issues* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1995), pp. 33-58.
  31. Jane Smiley, *A Thousand Acres* (New York: Knopf, 1991). The Franklin case was discussed on 60 Minutes, October 6, 1991. See also "Daughter with Nightmares Helps to Convict Mother of a Killing," NYT, August 7, 1994; "Woman Takes Witness Stand Against Father," AP story in *State College (Pa.) Centre Daily Times*, January 22, 1992; "A Woman's Memories from Childhood Lead to Murder Charges," NYT, November 25, 1994; Carol Lynn Mithers, "Incest and the Law," NYT Magazine, October 21, 1990, p. 44; Joseph E. Crnich and Kimberly A. Crnich, *Shifting the Burden of Truth* (Lake Oswego, Oreg.: Recollex, 1992); Daniel Goleman, "Childhood Trauma: Memory or Invention?" NYT, July 21, 1992.

32. Carol Tavris, "Beware the Incest Survivor Machine," NYT Book Review, January 3, 1993, p. 1, and *The Mismeasure of Woman* (New York: Touchstone, 1993), pp. 313-25; Leon Jaroff, "Lies of the Mind," Time, November 29, 1993, pp. 52-59. See also the pieces broadcast on 60 Minutes, April 17, 1994, and November 30, 1997, and on 20/20, July 22, 1994.
33. Jennifer J. Freyd, *Betrayal Trauma* (Cambridge: Harvard University Press, 1997); Paul S. Appelbaum, Lisa A. Uyehara, and Mark R. Elin, eds., *Trauma and Memory* (New York: Oxford University Press, 1997); Elizabeth A. Waites, *Memory Quest* (New York: Norton, 1997); Reinder Van Til, *Lost Daughters* (Grand Rapids, Mich.: William B. Eerdmans, 1997); Martin A. Conway, ed., *Recovered Memories and False Memories* (New York: Oxford University Press, 1997); Richard A. Gardner, *Psychotherapy with Sex-Abuse Victims* (Cresskill, N.J.: Creative Therapeutics, 1996); Nicholas P. Spanos, *Multiple Identities and False Memories* (Washington, D.C.: American Psychological Association, 1996); Kenneth S. Pope and Laura S. Brown, *Recovered Memories of Abuse* (Washington, D.C.: American Psychological Association, 1996); Ian Hacking, *Rewriting the Soul* (Princeton: Princeton University Press, 1995); Claudette Wassin-Grimm, *Diagnosis for Disaster* (Woodstock, N.Y.: Overlook, 1995); Elizabeth Loftus and Katherine Ketcham, *The Myth of Repressed Memory* (New York: St. Martin's, 1994); Richard Ofshe and Ethan Watters, *Making Monsters* (New York: Scribner's, 1994); Michael D. Yapko, *Suggestions of Abuse* (New York: Simon and Schuster, 1994); Mark Pendergrast, *Victims of Memory* (Hinesburg, Vt: Upper Access, 1995). For Ceci's work, see Ceci and Brück, *Jeopardy in the Courtroom*; Stephen J. Ceci, D. F. Ross, and M. P. Toglia, *Perspectives on Children's Testimony* (New York: Springer-Verlag, 1989). Compare John Doris, ed., *The Suggestibility of Children's Recollections* (Washington, D.C.: American Psychological Association, 1991); Daniel Goleman, "Studies Reveal Suggestibility of Very Young as Witnesses," NYT, June 11, 1993; Christopher Scanlan, "Children's Testimony Questioned," Philadelphia Inquirer, July 30, 1991; Daniel Goleman, "Doubts Rise on Children as Witnesses," NYT, November 6, 1990. See also Susan Chira, "Sex Abuse: The Coil of Truth and Memory," NYT, December, 1993.
The story on 20/20 aired on October 22, 1993. The CNN special was broadcast on August 1, 1993.
34. *Forgotten Sins* was shown in March 1996. See also Ofshe and Watters, *Making Monsters*; Wright, *Remembering Satan*; Jenkins, *Pedophiles and Priests*.
35. Jenkins, *Pedophiles and Priests*; Pam Belluck, "Memory Therapy Leads to a Lawsuit and Big Settlement," NYT, November 6, 1997; Jane Gross, "Suit Asks, Does Memory Therapy Heal or Harm?" NYT, April 8, 1994; Betsy Rubiner, "Retractors Say Therapy Misled Them," USA Today, November 29, 1993. See also "Don't Touch My Child," 48 Hours, broadcast on January 4, 1990; Moira Johnston, *Spectral Evidence* (Boston: Houghton Mifflin, 1997).

36. The other Bikel reports were in the Frontline programs "Innocence Lost," broadcast May 1991; "Innocence Lost: The Verdict," July 1993; and "Innocence Lost: The Plea," May 1997. Compare Roland C. Summit, 'The Little Rascals Day Care Center Case' *Journal of Child Sexual Abuse* 3:2 (1994): 99-102.
The 1995 programs were broadcast on April 11 and October 24, 1995. Compare Walter Goodman, "Who Programmed Mary? Could it be Satan?" *NYT*, October 24, 1995.
37. John Mack, *Abduction* (New York: Scribners, 1994); C. D. B. Bryan, *Close Encounters of the Fourth Kind* (New York: Knopf, 1995), pp. 138-43; Elaine Showalter, *Hystories* (New York: Columbia University Press, 1997).
38. John E. B. Myers, ed., *The Backlash: Child Protection Under Fire* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1994). Compare Susan Faludi, *Backlash* (New York: Crown, 1991); David Hechler, *The Battle and the Backlash* (Lexington, Mass.: Lexington, 1988). For earlier critiques, see Douglas J. Besharov, "Doing Something About Child Abuse," *Harvard Journal of Law and Public Policy* 8 (1985): 539-89; Richard Wexler, "Invasion of the Child Savers/' *Progressive*, September 1985, pp. 19-22; Richard Wexler, *Wounded Innocents*, rev. ed. (Buffalo, N.Y.: Prometheus, 1995); Eberle and Eberle, *Politics of Child Abuse*; Lawrence D. Spiegel, *A Question of Innocence* (Parsippany, N.J.: Unicorn, 1986); Mary Pride, *The Child Abuse Industry* (Westchester, 111.: Crossway, 1986).
For attacks on the "backlash," see Andrew Vachss, "If We Really Want to Protect Children," *Parade Magazine*, November 3, 1996; Randolph Ryan, "Sex Abuse Hysteria Is a Big Lie," *BG*, reprinted in *State College (Pa.) Centre Daily Times*, May 19, 1993; Quindlen, "Believing the Children."
39. Nathan and Snedeker, *Satan's Silence*, pp. 239-43; Goldstein and Farmer, *True Stories of False Memories*, pp. 217-20; Joan Sanchez, "Child Advocate Faces Trial for Child Abuse," *A.P.* story reprinted in the *State College (Pa.) Centre Daily Times*, April 22, 1992; Peter Applebome, "Child Abuse Rescuer Is Now the Accused," *ATrr*, April 27, 1992; Betsy Gleick, "Trial of a Child-Abuse Vigilante," *People Weekly*, May 11, 1992, pp. 101-2.
40. Amy J. Curtis-Webber, "Not Just Another Pretty Victim," *Journal of Popular Culture* 28:4 (1995): 37-47; Ellen L. Hopkins, "Abusing the Rights of Parents," *Newsweek*, October 18, 1993, p. 26; Jane Hamilton, *A Map of the World* (New York: Doubleday, 1994); William Glaberson, "Family Nightmare," *NYT*, December 4, 1990; Evelyn Nieves, "Abuse Case Reversal Called Sign of Trend," *NYT*, April 6, 1993.
41. "Rush to Judgment," *Newsweek*, April 19, 1993. Others remained convinced of the Souzas' guilt: see Bella English, 'The Souzas Aren't the Victims in Abuse Case,' *BG*, reprinted in *State College (Pa.) Centre Daily Times*, April 18, 1993; Ryan, "Sex Abuse Hysteria Is a Big Lie"; Lela Costin, Howard Krager, and David Stoesz, *The Politics of Child Abuse in America* (New York: Oxford University Press, 1996).
42. Bass and Davis, *Courage to Heal*; Chira, "Sex Abuse: The Coil of Truth and Memory." Compare Champagne, *Politics of Survivorship*; E. Olafson, D. L. Corwin, and Roland C. Summit, "Modern History of Child Sexual Abuse Awareness: Cycles of Discovery and Suppression," *CAN* 17 (1993): 7-24; Andrew Vachss, *False Allegations* (New York: Knopf, 1996).

9. Полный круг: возвращение сексуального хищника в 1990е годы

CHAPTER 9: FULL CIRCLE

1. The first chapter epigraph is from Andrew Vachss, "Sex Predators Can't Be Saved," NYT, January 5, 1993. For statistics from the 1980s and 1990s, see "Sex Offender Registration Laws Pit Victims' Rights Against Civil Rights," NYT, February 20, 1993; Daniel Goleman, "Therapies Offer Hope for Sex Offenders," NYT, April 14, 1992; Lawrence A. Greenfeld, *Sex Offenses and Offenders* (Washington, D.C.: Bureau of Justice Statistics, 1997).
2. Todd S. Purdum, "Clinton Backs Plan to Track Sex Offenders Nationwide," NYT, June 23, 1996; Lawrence A. Greenfeld, *Child Victimize™* (Washington, D.C.: Bureau of Justice Statistics, 1996); William Breer, *The Adolescent Molester*, 2d ed. (Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1996); Douglas W. Pryor, *Unspeakable Acts* (New York: New York University Press, 1996); Dennis Howitt, *Paedophiles and Sexual Offenses Against Children* (New York: Wiley, 1995); Nathaniel J. Pallone, *Rehabilitating Criminal Sexual Psychopaths* (New Brunswick, N.J.: Transaction, 1990); George W. Barnard et al., *The Child Molester* (New York: Brunner-Mazel, 1989); L. Furby, M. R. Weinrott, and L. Blackshaw, "Sex Offender Recidivism: A Review," *Psychological Bulletin* 105:1 (1989): 3-30; Gene Abel et al., "Self-Reported Sex Crimes of Non-Incarcerated Paraphiliacs" *Journal of Interpersonal Violence* 1 (1987): 3-25; Ronald M. Holmes, *Sex Crimes* (Newbury Park, Calif.: Sage, 1991); Howard Hunter, *Man/Chud: An Insight into Child Sexual Abuse by a Convicted Molester* (Jefferson, N.C.: McFarland, 1991).
For "serial" crime, see Doug Smith, "LAPD Assailed for Not Telling Schools About Serial Molester," LAT, November 17, 1993; Philip Jenkins, *Using Murder* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1994). Compare Eric Leberg, *Understanding Child Molesters* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1997).
3. Jerry Seper, "Pedophile Was Freed Despite Past: Officials Say He Killed Girl, Molested Others," *Washington Times*, June 7, 1989; Jerry Seper, "Mutilation of Boy Prompts Effort to Reform System," *Washington Times*, June 23, 1989; Deeann Glamser, "Rape Victim, 8, to Face Accused," *L7SA Today*, January 30, 1990; Timothy Egan, "Sex Crimes Against Children: Many Doubt There's a Cure," NYT, January 1, 1990.
4. Robb London, "Strategy on Sex Crimes Is Prison, Then Prison," NYT, February 8, 1991; F Berlin and H. M. Malin, "Media Distortion of the Publics Perception of Recidivism and Psychiatric Rehabilitation," *AJP*, 148:11 (1991): 1572-76; "Predators and Politics: A Symposium on Washington's Sexually Violent Predator Statute," *University of Puget Sound Law Review* 15:3 (1992); "Sex Offenders in Washington State Could Get Life in Prison," *Atlanta Journal and Constitution*, November 29, 1989; "Sex Offender Registration Laws Pit Victims' Rights Against Civil Rights." For local Washington precedents, see Robinson A. Williams, *The Washington State Sexual Psychopath Law* (Fort Steilacoom, Wash.: Department of Social and Health Services, Western State Hospital, 1971).
5. London, "Strategy on Sex Crimes."

6. John La Fond, "Predator Laws... and Sinister Sex Offenders," Washington Times, January 10, 1993, and "Protect Everyone's Rights," USA Today, December 8, 1993; Laurie Kellman, "Virginia Studies Tough Washington State Sex Offender Law," Washington Times, December 12, 1992.
7. Egan, "Sex Crimes Against Children"; Gary C. King, *Driven to Kill* (New York: Pinnacle, 1993). Compare Lori Steinhorst and John Rose, *When the Monster Comes Out of the Closet* (Salem, Oreg.: Rose, 1994); Vachss, "Sex Predators Can't be Saved," NYT, January 5, 1993.
8. Lexis-Nexis search.
9. Jenkins, *Using Murder*. Andrew Vachss's biological speculations are elaborated in his article "If We Really Want to Protect Children," *Parade Magazine*, November 3, 1996; compare Vachss, "Today's Abused Child Could Be Tomorrow's Predator," WP, June 3, 1990, and "How We Can Fight Child Abuse," WP, August 20, 1989; Jack Olsen, *Predator: Rape, Madness, and Injustice in Seattle* (New York: Delacorte, 1991); Kathleen S. Lowney and Joel Best, "Stalking Strangers and Lovers," in Joel Best, ed., *Images of Issues* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1995), pp. 33-58. For the press's use of predator concept, see, for example, Gil Spencer, "When Protector Becomes Predator, Man the Lifeboats," *Denver Post*, March 31, 1991; Ginny McKibben, "'Predator' Gets Seventy-Five Years in Sex Assaults," *Denver Post*, October 29, 1991; Rick Kogan, "The Doctor as Predator," *Chicago Tribune*, November 12, 1991; Scott Minerbrook, "The Case of the Sexual Predator," *U.S. News and World Report*, April 19, 1993, pp. 31-35; Veronica T. Jennings, "Silver Spring Man Offers a Grim Account of Life as a Sexual Predator," WP, April 10, 1994; Maurice Possley, "Predator Gets Life Term Without Parole," *Chicago Tribune*, May 25, 1995; Art Barnum, "Sexual Predator Is Sentenced to Twenty years for Abusing Boys," *Chicago Tribune*, November 23, 1995; Ron French, "Cyberspace Predator Battles Police Chiefs Accusations," *Detroit News*, March 6, 1996.
10. Michael DeCourcy Hinds, "More Say They Are Sex-Case Victims," NYT, March 31, 1992; "Child Molester Tells of a Rampage in Five States," NYT, December 26, 1993; Beverly Lowry, "Should Ellie Nesler Go Free?" *Redbook*, August 1994, pp. 82-85; "Ellie Nesler," *People Magazine*, April 19, 1993, p. 42; Michelle Quinn, "Sympathy for a Mother Accused of Slaying Molester in Revenge," NYT, April 12, 1993; James R. Kincaid, "Purity, Pederasty, and a Fallen Heroine," NYT, June 1, 1993. Compare Claire Safran "Two Moms Who Saved Their Town from a Child Molester," *Good Housekeeping*, April 1995, p. 82; Shari Geller, *Fatal Convictions* (New York: ReganBooks, 1996).
11. Mike Echols, *I Know My First Name Is Steven* (New York: Pinnacle, 1991); Terry Caney, *Sí. Joseph's Children* (New York: Lyle Stuart and Carol, 1989); King, *Driven to Kill*; Don W. Weber and Charles Bosworth, *Secret Lessons* (New York: Onyx, 1994); Mike Echols, *Brother Tony's Boys* (Amherst, N.Y.: Prometheus, 1996); Philip Jenkins, *Pedophiles and Priests* (New York: Oxford University Press, 1996).

12. "Child Hunter," program on 48 Hours, August 24, 1994, 48 Hours returned to the "child hunter" theme in later episodes—in June 1996, for example, and in a segment entitled "A Killer in Friendswood," broadcast May 1, 1997. For lessons in evading abductors, see Raymond Hernandez, "Now, Should They Teach the Potato Famine in Schools?" NYT, December 1, 1996. For the renewed emphasis on stranger abduction, see Paula S. Fass, *Kidnapped: Child Abduction in America* (New York: Oxford University Press, 1997), pp. 213-67; Cynthia MacGregor, *Stranger* (New York: PowerKids Books, 1997); Margaret O. Hyde, *Missing and Murdered Children* (New York: Franklin Watts, 1998).
13. Barry Bortnick, *Polly Klaas: The Murder of America's Child* (New York: Pinnacle, 1995); Elizabeth Gleick, "Taken in the Night," *People Weekly*, October 25, 1993, pp. 66-68; Melinda Beck, "The Sad Case of Polly Klaas," *Newsweek*, December 13, 1993, p. 39; Elizabeth Gleick, "Americas Child," *People Weekly*, December 20, 1993, pp. 84-88; Ernest Van Den Haag, "How to Cut Crime," *National Review*, May 30, 1994, pp. 30-35; "Richard Allen Davis' Life of Crime," *SFC*, August 6, 1996; Elizabeth Gleick, "An Angel named Polly," *People Weekly*, November 28, 1994, pp. 56-59; Jeffrey Toobin, "The Man Who Kept Going Free," *New Yorker*, March 7, 1994, pp. 35-53; "What If . . . ?" *ABC's Primetime Live*, January 27, 1994.
14. Jane Gross, "Crying for Protection," *Saturday Evening Post*, March 1994, pp. 38-39; Polly Klaas Foundation web site, 1995, <http://www.pklaas.com>; David Shichor and Dale K. Sechrest, *Three Strikes and You're Out* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1996); "Rape: The Crime That Is Truly Insane," editorial in *LAT*, March 20, 1994; Tom Junod, "Americas Most Haunted," *GQ*, September 1997, pp. 342-49.
15. William Glaberson, "'Megan's Law' Sex Offender Defied Efforts at Rehabilitation," *NYT*, May 28, 1996; Jon Nordheimer, "New Look at Jail Unit Housing Sex Offenders," *NYT*, November 2, 1994; Kimberly McLarin, "Fast Assembly Passes Seven Bills on Sex Abuse," *NYT*, August 30, 1994.
16. Peter Davis, "The Sex Offender Next Door," *NYT Magazine*, July 28, 1996, pp. 20-27; Elizabeth Kelley Cierzniak, "There Goes the Neighborhood," *Indiana Law Review* 28:3 (1995): 715-36; House Committee on the Judiciary, *Megan's Law* (Washington: GPO, 1996); McLarin, "Fast Assembly"; Rebecca Goldsmith, "Victim's Advocates Endorse Bills Toughening Penalties," *Philadelphia Inquirer*, May 10, 1996.
17. Robert Hanley, "Federal Appeals Court Rejects Offenders Challenge to Megan's Law," *NYT*, April 13, 1996; Jerry Gray, "House Endorses Bill to Require Notification on Sex Offenders," *NYT*, May 8, 1996; *Megan's Law, Community Notification of Sex Offenders: Report of the Virginia State Crime Commission to the Governor and the General Assembly of Virginia*. (Richmond: Commonwealth of Virginia, 1997).
18. Frank Browning, "From 'Poof to 'Predator,'" *WP*, March 28, 1993.
19. "What If . . . ?" *ABC Primetime Live*, January 27, 1994; Purdum, "Clinton Backs Plan"; "Sex Offenders Are Subject of a Registry," *NYT*, August 25, 1996; Democratic campaign commercial, broadcast on ABC television, October 20, 1996.
20. Wallace Turner, "Unusual Sentence Stirs Legal Dispute," *NYT*, August 27, 1987; Jan Hoffman, "Crime and Punishment," *NYT*, January 16, 1997; "Sex Offender Registration Laws Pit Victims' Rights Against Civil Rights"; Robert L. Steinback, "Sexual Predators Should Be Tagged," article from *Miami Herald*, reprinted in

- State College (Pa.) Centre Daily Times, December 8, 1996; CBS's 48 Hours, "Predators," 1991; Suzanne Fields, "Molesters Should Be Monitored for Life," Arizona Republic, April 7, 1997.
21. Don Van Natta, "U.S. Judge Blocks States Plan to Release Names and Addresses of Sex Offenders," NYT, March 8, 1996.
  22. Whitman, *Terror*, pp. 383-84; "Sex Offender Registration Laws Pit Victims' Rights Against Civil Rights"; Matthew Stadler, "Stalking the Predator," NYT, November 7, 1995.
  23. Andy Newman, "New Jersey Court Says 12-Year-Old Must Register as a Sexual Offender," NYT, April 12, 1996; Van Natta, "U.S. Judge Blocks State's Plan"; Cathy Young, "Untangling Notification Hysteria," Philadelphia Inquirer, May 30, 1996; Monte Williams, "Sex Offenders' Law Prompts Privacy Debate in New York," NYT, February 24, 1996.
  24. "Commitment Law Faces Constitutional Challenge," WWW page, 1996; Judy Steed, *Our Little Secret* (Toronto: Vintage Canada, 1995), p. 215.
  25. Todd S. Purdum, "Registry Laws Tar Sex Crime Convicts with Broad Brush," NYT, July 1, 1997; Williams, "Sex Offenders' Law"; Robert Hanley, "Federal Appeals Court Rejects Offenders' Challenge to Megan's Law," NYT, April 13, 1996; Lynette Holloway, "Megan's Law Notification Is Barred in Old Convictions," NYT, September 26, 1996. On the California situation, see Carey Goldberg, "California Judges Modify Three-Strikes Law," NYT, June 21, 1996.
  26. The case is *Kansas v. Hendricks*, 95-1649. See Linda Greenhouse, "Likely Repeaters May Stay Confined," NYT, June 24, 1997; Aaron Epstein, "Justices Say States Can Keep Sexual Predators Locked Up," Philadelphia Inquirer, June 24, 1997; Matthew Purdy, "Wave of New Laws Seeks to Confine Sexual Offenders," NYT, June 29, 1997.
  27. Andrew T. Scull, *Decarceration, Community Treatment, and the Deviant*, 2d ed. (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1984); Daniel Goleman, "States Move to Ease Law Committing Mentally 111," NYT, December 9, 1986; Robert Pear, "For Mentally 111, Life on the Streets Is No Boon," NYT, January 3, 1987; Linda Greenhouse, "Court Upholds Forced Treatment of Mentally 111 by Prison Officials," NYT, February 28, 1990; E. Fuller Torrey, *Out of the Shadows* (New York: Wiley, 1997).
  28. Sylvere Lotringer, *Overexposed* (New York: Pantheon, 1988); Joanne G. Cr  er and Irving R. Stuart, eds., *The Sexual Aggressor* (New York: Van Nostrand Reinhold, 1983); William J. Winslade, "Voluntary Castration for Nonviolent Pedophiles," Houston Chronicle, May 16, 1995; Matthew Stadler, *The Sex Offender* (New York: HarperCollins, 1994).
  29. The Connecticut case is described in Todd R. Clear and George F. Cole, *American Corrections* (Monterey, Calif.: Brooks Cole, 1986). For McQuay, see Larry Don McQuay and F. Berlin, "The Case for Castration," *Washington Monthly*, May 1994, pp. 26-29; Sam Howe Verhovek, "Molester Seeks Castration: Texas Agrees," NYT, April 5, 1996; Sam Howe Verhovek, "Texas Frees Child Molester Who Warned of Backsliding," NYT, April 9, 1996.
  30. Eli Coleman, Margretta Dwyer, and Nathaniel J. Pallone, eds., *Sex Offender Treatment* (Binghamton, N.Y.: Haworth, 1996); William E. Prendergast, *Treating Sex Offenders in Correctional Institutions and Outpatient Clinics* (New York: Haworth, 1991); Michael A. O'Connell, Eric Leberg, and Craig R. Donaldson, *Working with*

- Sex Offenders (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1990); Barry M. Maletzky and Kevin B. McGovern, *Treating the Sexual Offender* (Thousand Oaks, Calif.: Sage, 1990); Sean P. Murphy, "Nation Getting Tougher with Its Sex Offenders," BG, June 16, 1992; B. Drummond Ayres, "California Bill Would Require 'Chemical Castration' for Repeat Sex Offenders," NYT, August 27, 1996.
31. LynnWalford, "Rooting Out E-vil [sic]," LAT, February?, 1996; Dwight Silverman, "Pornography in Cyberspace Poses Dilemma," Houston Chronicle, July 21, 1995; John Crewdson, *By Silence Betrayed* (New York: Little, Brown, 1988), pp. 103-5; Attorney General's Commission on Pornography, *Final Report* (Washington, D.C.: U.S. Department of Justice, 1986), pp. 628-29.
  32. How Can Parents Protect Their Children from Pedophiles Roaming the Internet? on-line brochure, WWW, 1995; Lawrence J. Magid, *Child Safety on the Information Highway*, on-line brochure, produced by the NCMEC and the Interactive Services Association, WWW 1994; House Committee on the Judiciary, Subcommittee on Crime, *Sexual Exploitation of Children: Hearings Before the Subcommittee on Crime of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1977), p. 429; Pat Pulling, *The Devils Web: Who Is Stalking your Children for Satan?* (Lafayette, La.: Huntington House, 1989).
  33. "FBI Says Pair Used Sex Message Service in Plot to Nab a Boy, Kill Him on Film," Atlanta Journal and Constitution, August 23, 1989; Robert L. Jackson, "Computer-Crime Sleuths Go Undercover," LAT, October 1, 1989; David Armstrong, "Child Molesters Use Computer Talk as Bait," BG, March 3, 1994; Julie Morris, "Pasadena Child Molesting Case Takes High-Tech Turn," Houston Post, March 4, 1994; Barbara Kantrowitz, "Child Abuse in Cyberspace," Newsweek, April 18, 1994, p. 40; John Larrabee, "Cyberspace a New Beat for Police," USA Today, April 26, 1994; Sandy Rovner, "Molesting Children by Computer," WP, August 2, 1994; Sebastian Rotella, "Computerized Child Porno Ring Broken," LAT, September 24, 1994; Laurie J. Flynn, "Guardian Angels Now Patrol the Net," NYT, March 16, 1996; "A Twenty-City Search in Child Pornography Inquiry," NYT, December 12, 1996.
  34. Mark Clayton, "Off-Line Hazards Lie in Web's Links, Lures," in *The Child Sex Trade* series reprint from the Christian Science Monitor (1996): 7; Steven Levy, "No Place for Kids?" Newsweek, July 3, 1995, pp. 46-50; Dennis McCafferty, "Georgian Accused of Going On-Line to Find Molestation Victims," Atlanta Journal and Constitution, August 4, 1995; "Florida Man Accused of Using Cyberspace to Lure, Rape Teenager," BG, August 30, 1995; Steve Olafson, "Jury Picked in Child-Sex Trial of Alvin Man," Houston Chronicle, December 5, 1995; Nina Bernstein, "On Prison Computer, Files to Make Parents Shiver," NYT, November 18, 1996; "Missing Girl Is Found with Man from Internet," NYT, April 18, 1997; "Visits and Vigilance: Sex Offenders Shadowed by Parole Officers," NYT, June 8, 1997.
  35. Simon Winchester, "An Electronic Sink of Depravity," Spectator, February 4, 1995, pp. 9-11. For Grassley's earlier interest in child protection, see Senate Committee on the Judiciary, Subcommittee on Juvenile Justice, *Effects of Pornography on Women and Children: Hearings Before the Subcommittee on Juvenile Justice of the Committee on the Judiciary* (Washington, D.C.: GPO, 1985).

36. Matt Schwartz, "Computer Child Porn Raid Targets Home in Houston," Houston Post, March 5, 1993; Jordana Hart, "Child Pornography via Computer Is Focus of Federal Sweep," BG, March 7, 1993; Ronald J. Ostrow, "Fight Against Child Pornography Waged on New Front: Computers," LAT, September 1, 1993; Michael Grunwald, "Police Probe America Online-Pornography Link," BG, January 18, 1995; Philip Elmer-DeWitt, "On a Screen near You: Cybeiporn," Time, July 3, 1995, pp. 3&-45.
37. Jim Exon, "At Issue: Should the Government Crack Down on Pornography on the Internet?" CQ Researcher 5:14 (1995): 577.
38. Elmer-DeWitt, "On a Screen near You"; Edmund L. Andrews, "A Crusader Against Cyberporn Who Was Once Involved in a Sex Scandal," NYT, November 27, 1995.
39. Marty Rimm, "Marketing Pornography on the Information Superhighway," Georgetown Law Journal 83:5 (June 1995): 1849-73, quoted in Levy, "No Place for Kids?"; Philip Elmer-DeWitt, "On a Screen near You," and "Firestorm on the Computer Nets," Time, July 24, 1995, p. 57.
40. Elmer-DeWitt, "On a Screen near You"; Levy, "No Place for Kids?" Compare Stephen Schwartz, "S.F. Man Held, Accused of Enticing Teen On-Line," SFC, August 25, 1995.
41. Robert Rossney, "Times Story on Cyberporn of Questionable Validity," SFC, July 13, 1995; G. Bruce Knecht, "Time Magazine Notes That Questions Are Raised on Cyberporn Cover Story," WSJ, July 17, 1995.
42. Peter H. Lewis, "Computer Pornography Hearing Will Not Include Expert Witness," NYT, July 24, 1995; Senate Committee on the Judiciary, Cyberporn and Children: Hearing Before the Committee on the Judiciary (Washington, D.C.: GPO, 1995); House Committee on Science, Cyberporn [and] Protecting Our Children from the Back Alleys of the Internet: Joint Hearing Before the Subcommittee on Basic Research and the Subcommittee on Technology of the Committee on Science (Washington, D.C.: GPO, 1995); Bany F. Crimmins, "Child Pornography," BG, July 29, 1995.
43. Kara Swisher, "On-Line Child Pornography Charged as Twelve Are Arrested," WP, September 14, 1995; David Johnston, "Use of Computer Network for Child Sex Sets Off Raids," NYT, September 14, 1995; Jared Sandberg, "FBI Crackdown on Child Pornography Opens Hornet's Nest, Stinging America Online," WSJ, September 15, 1995; Laura Evenson, "FBI Raid on Cyberporn Heightens Concern About Children On-Line," SFC, September 15, 1995; John W. Fountain, "Federal Agents Baited 'Net in Child Pornography Case," WP, November 9, 1995.
44. "Pedophiles Use Encoding Devices to Make Secret Use of Internet," Times (London), November 21, 1995; CBS evening news, December 15, 1996.
45. Peter H. Lewis, "Judges Turn Back Law Intended to Regulate Internet Decency," NYT, June 13, 1996; Linda Greenhouse, "Court, 9-0, Upholds State Laws Prohibiting Assisted Suicide, Protects Speech on Internet," NYT, June 27, 1997. The CDA case was *Reno v. American Civil Liberties Union*, 96-511.
46. King, *Driven to Kitt*, p. 333; Neil S. Websdale, "Predators: The Social Construction of Stranger-Danger in Washington State a Form of Patriarchal Ideology," *Women and Criminal Justice* 7:2 (1996): 43-68.
47. Levy, "No Place for Kids?" Compare Clayton, "Off-Line Hazards Lie in Webs Links, Lures."

10. Цикл паники

CHAPTER 10: A CYCLE OF PANIC

1. Compare Joel Best, *Threatened Children* (Chicago: University of Chicago Press, 1990), pp. 176-88. For the cooptation of children's rights rhetoric to support various social and political causes, see, for example, Robert Pear, "Washington Kidnaps Dick and Jane," *NYT*, June 15, 1997.
2. Walter I. Trattner, *From Poor Law to Welfare State*, 5th ed. (New York: Free Press, 1994); Linda Gordon, ed., *Women, the State, and Welfare* (Madison: University of Wisconsin Press, 1990); Ellen Herman, *The Romance of American Psychology* (Berkeley: University of California Press, 1995), p. 3.
3. Elizabeth H. Pleck, *Domestic Tyranny* (New York: Oxford University Press, 1987); Linda Gordon, *Heroes of Their Own Lives* (New York: Viking, 1988).
4. Peter Conrad and Joseph W. Schneider, *Deviance and Medicalization* (Philadelphia: Temple University Press, 1992); Herman, *Romance of American Psychology*, pp. 2-3.
5. Peter W. Huber, *Liability* (New York: Basic, 1988); Philip Jenkins, *Pedophiles and Priests* (New York: Oxford University Press, 1996).
6. Richard V. Ericson, *Representing Order* (Toronto: University of Toronto, 1991).
7. Robert H. Colimar, *Edward Gein* (New York: Pinnacle, 1981); Parker Rossman, *Sexual Experience Between Men and Boys* (New York: Association Press, 1976), pp. 73-75; Jack Olsen, *The Man with the Candy* (New York: Simon and Schuster, 1974).
8. Jacob A. Goldberg and Rosamond W. Goldberg, *Girls on City Streets* (New York: American Social Hygiene Association, 1935); Alfred C. Kinsey et al., *Sexual Behavior in the Human Female* (Philadelphia: W. B. Saunders, 1953).
9. Compare Best, *Threatened Children*, p. 117. On how notions about adolescence have shifted in American history, see Joseph Kett, *Rites of Passage* (New York: Basic, 1977); John Modell, *Into One's Own* (Berkeley: University of California Press, 1989).
10. Paula S. Pass, *The Damned and the Beautiful* (New York: Oxford University Press, 1977); Beth Bailey, *From Front Porch to Back Seat* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1988); James B. Gilbert, *A Cycle of Outrage* (New York: Oxford University Press, 1986); David F. Musto, *The American Disease* (New York: Oxford University Press, 1987); David Wagner, *The New Temperance* (Boulder, Colo.: Westview, 1997).
11. Anthony M. Platt, *The Child Savers*, 2d ed. (Chicago: University of Chicago, 1977); Steven M. Schlossman, *Love and the Delinquent* (Chicago: University of Chicago Press, 1977); Robert M. Mennel, *Thorns and Thistles* (Hanover, N.H.: University Press of New England, 1973). The word adolescence was popularized by G. Stanley Hall's book of that name, published in 1904.
12. Allan Berube, *Coming Out Under Fire* (New York: Free Press, 1990); Karen Anderson, *Wartime Women* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1981).
13. Bernard Williams, *Jailbait* (New York: Garden City Books, 1951), p. 5, also pp. 8-20, 113. Compare John D'Emilio and Estelle B. Freedman, *Intimate Matters* (New York: Harper and Row, 1988), pp. 260-62; Gary Silver, ed., *The Dope Chronicles* (San Francisco: Harper and Row, 1979), p. 280; Gilbert, *Cycle of Outrage*, pp. 25-41.

14. George Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," in William Graebner, éd., *True Stories from the American Past* (New York: McGraw-Hill, 1993), pp. 173-74; Lewis J. Doshay, *The Boy Sex Offender and His Later Career* (1943; reprint, Montclair, N.J.: Patterson Smith, 1969), pp. 40-46.
15. Felicity Barringer, "Children as Sexual Prey and Predators," *NYT*, May 30, 1989; Carolyn Cunningham and Kee MacFarlane, *When Children Molest Children* (Orwell, Vt.: Safer Society, 1991); Adam Nossiter, "Six-Year-Old's Sex Crime," *NYT*, September 27, 1996; Judith Levine, "A Question of Abuse," *Mother Jones*, July-August, 1996, p. 36; Eliana Gil and Toni Cavanagh Johnson, *Sexualized Children* (Rockville, Md.: Launch, 1993).
16. Stephanie Coontz, *The Way We Never Were* (New York: Basic, 1992). Compare Chauncey, "The Postwar Sex Crime Panic," p. 176; Estelle B. Freedman, "Uncontrolled Desires" *Journal of American History* 74 (1987): 83-106.
17. Peter T. Kilborn, "Shift in Families Reach a Plateau, Study Says," *NYT*, November 27, 1996.
18. Steven Levy, "No Place for Kids?" *Newsweek* July 3, 1995, pp. 46-50.
19. Arthur MacDonald, "Criminological Literature," *American Journal of Psychology* 3 (1890): 219-40; W. T. Stead, *The Americanization of the World* (New York: H. Markley, 1901).
See also Augustine Brannigan, "Mystification of the Innocent: Crime Comics and Delinquency in Canada, 1931-1949," *Criminal Justice History* 7 (1986): 111-45; Martin Barker, *A Haunt of Fears* (London, 1984); Fredric Wertham, *Sex-auction of the Innocent* (London: Museum, 1955).
20. David Connett and Jon Henley, "The Pedlars of Child Abuse," *Observer* (London), August 25, 1996; Ray Wyre and Tim Täte, *The Murder of Childhood* (London: Penguin, 1995); Philip Jenkins, *Intimate Enemies* (Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 1992).
21. Paul R. Wilson, *The Man They Called a Monster* (North Ryde, N.S.W.: Cassell Australia, 1981), pp. 58-72; Yvonne Roberts, "It Can Happen Here," *New Statesman and Society* (London), July 1, 1988; *Organized Criminal Paedophile Activity: A Report by the Parliamentary Joint Committee on the National Crime Authority* (Canberra, 1995).
22. Marlise Simons, "How Belgium Blinked at Child Killers Trail," *NYT*, November 4, 1996; Marlise Simons, "Sex Slayings Alarm France on the Peril of Repeat Offenders," *NYT*, February 25, 1997; Edmund L. Andrews, "CompuServe Official Charged in Germany," *NYT*, April 17, 1997; Craig R. Whitney, "French Child Porn Dragnet Is Criticized After Suicides," *AftT*, June 24, 1997; "British Impose a Megan's Law of Their Own," *NYT*, August 12, 1997. For South Africa, see Angella Johnson, "Paedophile's Daughter Defends Her Dad," *Mail and Guardian*, May 20, 1996. For Canada, see W. L. Marshall and Sylvia Barrett, *Criminal Neglect* (Toronto: Seal, 1992); Jenkins, *Intimate Enemies* and *Pedophiles and Priests*; Darcy Henton and David McGann, *Boys Don't Cry* (Toronto: McClelland and Stewart, 1995); Judy Steed, *Our Little Secret* (Toronto: Vintage Canada, 1995). For Japan, see Nicholas D. Kristof, "A Plain School Uniform as the Latest Aphrodisiac," *NYT*, April 2, 1997.
23. Sharon R. King, "Mental Health Ventures May Gain from New Law," *NYT*, October 20, 1996.

24. Steven A. Holmes, "It's Awful! It's Terrible! It's... Never Mind," NYT, July 6, 1997; Mireya Navarro, "Teenage Mothers Viewed as Abused Prey of Older Men," NYT, May 19, 1996; "Connecticut Crackdown on Statutory Rape," NYT, June 20, 1996; Ellen Goodman, "In Defense of Adolescent Girls (Jailbait)," BG, February 19, 1995. For Massachusetts, see "Statutory Rape Initiative," WWW, 1996. See also "Putting the 'Jail' in Jailbait," Time, January 29, 1996, p. 33; B. Drummond Ayres, "Marriage Advised in Some Youth Pregnancies," NYT, September 9, 1996; Ellen Goodman, "This Marriage Begins Broken," State College (Pa.) Centre Daily Times, September 17, 1996; James Brooke, "Idaho County Finds Way to Chastize Pregnant Teenagers," NYT, October 25, 1996.
25. Matthew Stadler, "Stalking the Predator," NYT, November 7, 1995.
26. "Ripper Murders," editorial in NYT, March 22, 1915.

Index

- Abbott, Edith, 32
Abel, Gene, 137
Abortion, 13, 58, 99, 110, 120, 125, 156, 219
Abrahamsen, David, 80, 91, 100, 105
Acquired Immune Deficiency Syndrome (AIDS), 125, 158, 195, 224
Addams, Jane, 33
Adolescence, concept of, 225, 290
Adultery, 14, 22-23, 75
African-Americans, 88-89, 95-98. See also Lynching
Age of consent, 23-25. See also Statutory rape
AIDS. See Acquired Immune Deficiency Syndrome (AIDS)
Alabama, 36, 95, 115
Alaska, 203
America On-Line (AOL), 209, 211-12
American Bar Association, 78
American Civil Liberties Union, 123-24, 200
American Humane Association, 120, 129, 135, 138
American Psychiatric Association, 65, 73, 124, 161, 218
American Purity Alliance, 31, 246
Anal sex, 22-23, 29, 33, 62. See also Sodomy
Anti-Catholicism, 176
Anti-Semitism, 12, 36, 174, 176
Arizona, 192
Atascadero, California, 88-89
Atlanta, Georgia, murder cases in, 36, 132, 139, 158, 221

- Attica, 113
- Australia, 105, 169, 230-31
- Baby boom. See Demographic factors
- Backlash, against child abuse claims, 186-88
- Bakersfield, California, 165-66, 168, 180
- Baltimore, Maryland, 31, 101
- Barr, Roseanne, 182
- Bazelon, David, 115
- Behavior modification, 18, 112, 116-17, 173-75, 236. See also Sex offenders, treatment of
- Belgium, 159, 231
- "Believe the Children," 172-73, 177
- Bernardin, Joseph (Cardinal), 184
- Bestiality, 13, 22, 42, 209-10
- Bloch, Robert, 56
- Blood libel. See Anti-Semitism
- Blume, E. Sue, 130, 181
- Boies, Henry, 30
- Boise, Idaho, 62, 157
- Boston, Massachusetts: adultery cases, 22; child molestation, 52; murders in, 35, 222; sex-rings (alleged), 157-58. See also Mass.; Press: Boston Globe
- Bowman, Karl, 59
- "Boy-love," concept of, 8, 145, 156. See also Pederasts
- Breckinridge, Sophonisba, 32
- Bridgewater, Massachusetts, 83, 158
- Briggs Act (Massachusetts), 40-41, 47
- Britain. See United Kingdom
- Bromberg, Walter, 62, 100
- Brownmiller, Susan, 135
- Bryant, Anita, 124-25, 157
- Burgess, Ann, 128
- Burgess, Anthony. See Clockwork Orange
- Burroughs, William S., 106
- Butler, Josephine, 28, 230
- California: molesters, 194; morality campaigns, 124-25; murders in, 51, 55; notification, 201; prisons, 190; sex laws, 23; sexual predator legislation, 192, 200, 203; sexual psychopath laws, 88; statute of limitations, 183; sterilization and castration, 43, 206; three strikes law, 197; vigilantism, 62. See also Atascadero, Calif.; Bakersfield, Calif.; Fresno, Calif.; Klaas, Polly; Los Angeles, Calif.; McMartin pre-school, child abuse case at; Petaluma, Calif.; San Diego, Calif.; San Francisco, Calif.; San Jose, Calif.; Stroble, Fred; Wilson, Pete (Governor)
- Canada, 25, 157, 166-69, 203, 230-31
- Cannibalism, 49-50, 174
- Capital punishment, 22, 26. See also Lynching
- Carnal abuse, 23, 26, 76, 81, 85
- Carroll, Lewis, 75
- Castration. See Sterilization
- Ceci, Stephen, 184
- Central Intelligence Agency (CIA), 112, 174
- Chaddock, Charles G., 28-29, 35
- Chauncey, George, 5, 73
- Chessman, Caryl, 97
- Chicago, Illinois: County Hospital, 31-32; homosexuality in, 63, 125; juvenile court, 32-33; Morals Court, 22; murders in, 35, 50; pornography in, 122; prostitution in, 27-28, 226; sex bureau, 80; vice commission, 38; Worlds Fair (1893), 35. See also Bernardin, Joseph (Cardinal); Press: Chicago Tribune
- Child Abuse Prevention and Treatment Act (1974), 119
- Child care, 171, 228-29. See also Ritual child abuse
- Child pornography: early history of, 37; fictional depictions, 160, 195; industry, 146-48, 153-54; investigation of, 152-57, 219; laws against, 148-54, 218, 227; molestation and, 123, 131, 139, 147-48, 152, 157-60, 165-66, 174; protests against, 121-25, 135; scale of, 7, 146-48. See also Pedophiles; Pornography; Ritual child abuse; Sex rings
- Child Protection Act (1984), 149
- Child Protective Services, 220
- Children: missing and endangered, 132-34, 139, 157-60; murders of, 10-11, 51, 68, 70, 132-34, 147, 158-60, 195; as witnesses, 33-34, 78, 84, 141-43, 202. See also Child sexual abuse; Kidnapping; National Center for Missing and Exploited Children (NCMEC); Ritual child abuse
- Children's Defense Fund, 120, 129
- Children's Justice Act (1986), 129
- Child-saving movement, 29, 44-45, 226. See

- also Massachusetts: Society for the Prevention of Cruelty of Children; New York Society for the Prevention of Cruelty of Children
- Child sexual abuse: definitions of, xi-xii, 119-21, 127-32; origins of term, 22, 120, 243; reporting of, 119-20, 129; scale of, 129-32. See also Child pornography; Defilers; Degenerates; Feminism; Molesters and molestation; Pedophiles; Ritual child abuse; Sex fiends; Sex rings; Sexual predators; Sexual psychopath laws
- Child witnesses. See Children: as witnesses
- Churches, and child molestation, 53, 122, 135, 155, 166, 175, 220, 229. See also "Pedophile priests"
- Cincinnati, Ohio, 36, 40, 209
- Cinema: censorship debates, 152; conspiracy theory, 112; drug panics, 55; libertarian view of molesters, 106-9; mental hospitals in, 84, 173; racial fears, 26, 95; sexual predators theme, 139, 196; sexual psychopath theme, 56, 61, 75-76, 221; women under threat, 72. See also Television movies
- Circumcision, 14
- Civil commitment, 41-42, 84, 111, 192. See Ohio Mental hospitals; Psychiatry; Sexual predators
- Clergy sexual abuse. See "Pedophile priests"
- Cleveland, Ohio: serial murders in, 50, 54, 57; sex offenders panic in, 54
- Clinton, Bill, 151, 172, 198-99, 212-13
- Clockwork Orange, 112, 116
- Cohen, Stanley, 6
- Colorado, 36, 113, 190, 194
- Columbia, District of. See Washington, D.C.
- Communications Decency Act (CDA), 209-13
- Communism and anti-communism, 64-65
- CompuServe, 209
- Computers. See Cyberporn; Internet
- Connecticut, 110, 205, 235
- Consent, age of. See Age of consent; Statutory rape
- Conspiracy theory, 112, 172-75. See also Ritual child abuse
- Constructionism, social, 3-10
- Corll, Dean, 99, 221
- Courage to Heal, The, 130, 147, 175, 181, 187
- Crane, Stephen, 27
- Crime-disease analogy, 28, 40, 80, 83. See also Criminological theory: Positivism; Epidemic imagery
- Criminological theory: Positivism, 21, 36, 38-40, 50; radical criminology, 109-10. See also Defective delinquents; Sexual psychopath laws; Sexual predators; Sutherland, Edwin; Tappan, Paul
- Crimmins, Barry, 211-12
- Cults and anti-cult movements, 7, 63, 173. See also Ritual child abuse; Satanism
- Customs Service (U.S.), 152, 209, 220
- Cyberporn, 208-14
- Cyberspace. See Cyberporn; Internet
- Davis, Richard Allen, 197-98
- Defective delinquents, 11, 15, 39-42, 47, 82
- Defilers, xi, 30, 53, 61, 103
- Degenerates: child molesters as, 37-38; homosexuals as, 81, 83; laws against, 43, 81, 83; loose terminology, 8; origin of concept, 27; sexual violence and, 41, 51-52, 56
- Delaware, 24
- Delinquency. See Defective delinquents; Juvenile court; Juvenile delinquency; Sex delinquency
- D'Emilio, John, 5
- Demographic factors, 72, 223-29, 236
- Denial, concept of, xi, 2-3, 132, 172, 181
- Densen-Gerber, Judianne, 121-23, 147, 175
- De River, J. Paul, 255-56, 260
- Detroit, Michigan, 63
- Diagnostic and Statistical Manual, 64-65, 124, 161
- "Dirty old men," 37-38
- District of Columbia. See Washington, D.C.
- Dodd, Christopher, 129
- Dodd, Westley Alan, 9-11, 13, 193, 196, 213-14, 221
- Doshay, Lewis, 63, 67-68, 228
- Dostoevsky, Fyodor, 145
- Double jeopardy, 82, 115, 204. See also Sexual predators
- Drug abuse, 19, 55, 64, 110, 120, 123, 174, 224-26
- Due process revolution, 109-17
- Edenton, North Carolina, 168, 171. See also Ritual child abuse

- Edholm, Charlton, 28, 44
- Ellis, Albert, 71
- Ellis, Havelock, 100
- Elton, Kenneth, 20-21, 24, 37, 41, 47
- Encryption, 213. See also Internet
- Ephebophilia, 7, 101. See also Child sexual abuse: definitions of
- Epidemic imagery, 120, 129, 133, 135, 190, 222
- Escalation theory of sex offenses, 9, 65
- Eugenics, 3, 27, 42-44, 47. See also Degenerates; Sterilization
- Executions. See Capital punishment; Lynching
- Exhibitionism: child abuse, 53; precursor to sexual violence, 9, 60, 68; sexual crime, 13, 58, 80, 88, 100, 114; unreported crime, 53; victimless crime, 70, 102-3, 115
- Exon, James, 209-10, 218
- Ex post facto laws, 192, 203-4. See also Sexual predators
- False charges of abuse, 30, 117. See also Memories, false and recovered; Ritual child abuse
- False memory. See Memories, false and recovered
- False Memory Syndrome Foundation, 183, 187
- Federal Bureau of Investigation (FBI), 16, 45, 55-56, 64, 68, 148, 222, 231. See also Gunderson, Ted; Hoover, J. Edgar; Lanning, Kenneth
- Feminism: child sexual abuse and, 118, 127-32, 141, 217; economic basis, 229, 232-34; rape and, 125-28, 217; suffrage movement, 44, 217. See also Abortion; Child sexual abuse; Pornography; Rape; Sexual harassment
- Fernald, Walter, 39
- Ferri, Enrico, 40
- Fiction. See Bloch, Robert; Burroughs, William S.; Crane, Stephen; Hamilton, Jane; Hawthorne, Nathaniel; Jackson, Charles; Kesey, Ken; Lee, Harper; Nabokov, Vladimir; Orwell, George; Silko, Leslie Marmon; Smiley, Jane; Stadler, Matthew; Thompson, Jim; Vachss, Andrew
- Films. See Cinema; Television movies
- Finkelhor, David, 5, 186
- Fish, Albert, 9, 49-51, 56, 58, 76, 79, 221
- Fitzgerald, F. Scott, 103
- Florida, 96, 124, 132, 207, 235
- Fornication, 22-23, 75, 110, 235
- Fosdick, Raymond B., 215
- Foucault, Michel, 27
- Frank, Leo, 36
- Franklin, Ellen, 180, 182
- Freedman, Estelle, 5
- Fresno, California, 54
- Freud, Sigmund, 15, 34, 62, 172, 180. See also Psychiatry; Therapy and therapists
- Frotteurs, 52, 103
- Gay activism. See Homosexuality
- Gebhard, Paul, 99, 135
- Gender roles. See Feminism
- Georgia, 23. See also Atlanta, Georgia, murder cases in
- Gibb, W. Travis, 29-34, 127
- Glueck, Sheldon, 47
- Goldberg, Jacob and Rosamond, 45-46, 217, 222
- Gosch, Johnny, 149
- Grassley, Charles E., 208-11, 218
- Grateful Dead, 107
- Greeley, Andrew, 170
- Guardian Angels, 207
- Gunderson, Ted, 155, 168
- Guthrie, Arlo, 107
- Gutmacher, Manfred S., 47-48, 91, 101
- Hall, Stuart, 6
- Hamilton, Jane, 187
- Hawkins, Paula, 132-34
- Hawthorne, Nathaniel, 200
- Healy, William, 34, 44, 47, 100
- Hebephilia. See Ephebophilia
- Heirens, William, 49, 56, 58, 61, 75, 91
- Hendricks, Leroy. See Supreme Court, U.S.: Hendricks
- Herman, Judith, 128, 181, 187
- Hess, Albert, 100
- Holmes, H.H., 35-36
- Homosexuality: gay activism, 63, 106, 124-25; juvenile, 68; laws against, 22; moral activism against, 17, 124-25, 160-63; pedophilia, claimed relationship to, 61-64, 124-25, 160-62; psychopathy and, 61-66;

- sex crime, 70, 75, 99; sexual psychopath statutes and, 70-71, 85-87, 90; sterilization and, 43; subculture of, 27, 46. See also Lesbians; Sodomy
- Hoover, J. Edgar, 55-56, 66, 125-26, 137, 193, 218. See also Federal Bureau of Investigation (FBI)
- Houston, Texas, 99
- Human sacrifice, 12, 18, 57, 168-75. See also Anti-Semitism; Ritual child abuse
- Idaho, 54, 235. See also Boise, Idaho
- Illinois, 23, 82, 106, 192. See also Chicago, 111.
- Immigration, 29, 47, 226
- Impairing the morals of a minor (criminal offense), 66, 76-77, 81
- Incest: damage caused by, 103-4; legal view, 25, 85; literary theme, 260; major social problem, 13, 32-34, 45, 131, 135-36, 214; precursor to violence, 81; rarity of, 100, 103—4. See also Child sexual abuse; Memories, false and recovered; "Survivor" concept; Therapy and therapists
- Indeterminate sentencing. See Criminological theory; Sexual predators; Sexual psychopath laws
- Indiana, 23, 42, 82-83, 88, 200
- Inglewood, California, 251
- Ingram, Paul, 184
- "Intergenerational" sex, 8, 145, 160
- International Lesbian and Gay Association, 162-63
- Internet, 18, 151, 189, 193, 199-200, 206-13, 220, 229-30. See also Cyberporn; Encryption; Pornography
- Iowa, 43, 116, 208
- Jackson, Charles, 57
- "Jack the Ripper," 35-37, 56
- Jordan, Minnesota, 134, 141-42, 168. See also Ritual child abuse
- Justice Department (U.S.), 129, 133-34, 151-52, 198, 212-13, 224
- Juvenile court, 29, 32, 110-11
- Juvenile delinquency, 46, 110-11, 226. See also Sex delinquency
- Kadish, Sanford, 109
- Kanka, Megan, 11, 197-98, 237. See also Megan's Law
- Kansas, 90, 124, 192, 203-4
- Karpman, Benjamin, 20, 59, 61-62, 64-66, 91, 100, 105
- Kempe, C. Henry, 104, 128
- Kentucky, 211
- Kesey, Ken, 112
- Kidnapping, 45, 50, 110, 132, 195-97. See also Children: missing and endangered
- Kinsey, Alfred, 70-71, 78, 103-4, 127, 129-30, 222
- Kittrie, Nicholas N., 5, 87, 111
- Klaas, Marc, 197, 199
- Klaas, Polly, 11, 196-97, 199, 237
- Krafft-Ebing, Richard von, 15, 28, 38, 40, 100
- Lanning, Kenneth, 159, 177-78, 231
- Lee, Harper, 95
- Lent, Lewis, 195-96
- Leonard, Robert F., 123, 125, 155
- Lesbians, 63, 162
- Lindbergh kidnapping case, 50
- Lloyd, Robin, 122, 147
- Lombroso, Cesare, 36, 40
- Lords, Traci, 150
- Los Angeles, California: murders in, 53-54; Police Department, 64, 123, 125, 147, 167; prosecutors, 63; ritual abuse, 170; vice, 147, 153. See also California; McMartin pre-school, child abuse case at; Press: Los Angeles Times
- Louisiana, 155, 200-201. See also New Orleans, La.
- Louisville, Kentucky, 160
- Lynching, 26, 95-98, 223
- McCarthy, Joseph, 64
- MacDonald, Arthur, 39
- McGee, Willie, 96
- MacKinnon, Catherine, 149
- McMartin pre-school, child abuse case at, 134, 146, 166-75, 178, 180, 186, 237. See also Ritual child abuse
- McNeil, Edward, 115
- McQuay, Larry Don, 206
- Mann Act, 44-45, 55. See also Prostitution
- Marks, Lawrence, 51, 58, 61
- Martin, Lloyd, 123, 147, 154
- Martinsville, Va., 96

- Maryland: abuse cases in, 207; sexual psychopath legislation, 82, 85, 114-15. See also Baltimore, Md.; Patuxent
- Massachusetts: abuse cases, 129, 187; clergy abuse, 195; molesters, 38; murders in, 37; sex laws, 14, 22-23, 46; sexual psychopath laws, 82-84, 89; sex rings, 157-58; Society for the Prevention of Cruelty of Children, 31. See also Boston, Mass.; Bridgewater, Mass.; Briggs Act (Mass.); Revere, Mass.;
- Witches and witch-hunts: Salem witch trials
- Masters, Edgar Lee, 20, 25
- Masturbation, 13, 21, 23, 30, 42, 68-69, 77, 228
- Mattachine Society, 156
- Maudsley, Henry, 38
- Mayors Committee. See New York City: Mayors Committee
- Media. See Cinema; Press; Television news and documentary programs
- Méese, Edwin, 225; Méese Commission on Pornography, 133, 148, 159, 166, 206
- Megan's Law, 197-202, 238
- Memories, false and recovered, 180-88, 233-34. See also False Memory Syndrome Foundation; Multiple personality disorder (MPD); Retractors; Ritual child abuse; "Survivor" concept; Therapy and therapists
- Mental deficiency. See Defective delinquents
- Mental hospitals, 70, 84, 112, 204-5. See also Civil commitment; Psychiatry; St. Elizabeth's Hospital
- Michaels, Kelly, 177, 179-80, 184, 187
- Michelle Retnembers, 166-67, 177, 181
- Michigan: adultery law, 14; child pornography, 123; psychosurgery, 117; sex crime panic, 55, 73-74, 85; sexual psychopath statute, 81, 85, 87, 89. See also Detroit, Mich.; Leonard, Robert F.
- Miller, Arthur, 178
- Minnesota, 82, 88, 124, 192, 200, 207. See also Jordan, Minn.
- Missing children. See Children, missing and endangered; National Center for Missing and Exploited Children (NCMEC)
- Mississippi, 96
- Missouri, 27, 80, 83. See also St. Louis, Mo.
- Mitford, Jessica, 113
- Mohr, Johann W., 100, 104-5
- Molesters and molestation, 72, 98-100, 135, 137. See also Child sexual abuse; Deniers; Pedophiles; Ritual child abuse
- Móndale, Walter, 119
- Moral panics, 6-8
- Morgan, Elizabeth, 141
- Movies. See Cinema; Television movies
- Multiple personality disorder (MPD), 170, 173-74, 185. See also Memories, false and recovered; Ritual child abuse
- Murder, child. See Children: murders of; Dodd, Westley Alan; Serial murder; Stroble, Fred
- Nabokov, Vladimir, 106
- NAMBLA. See North American Man-Boy Love Association (NAMBLA)
- Napanoch, 41
- National Center on Child Abuse and Neglect (NCCAN), 120, 128, 178
- National Center for Missing and Exploited Children (NCMEC), 128, 131-2, 134, 140, 209
- National District Attorneys' Association, 123, 157
- National Organization for Women, 126, 162
- Nebraska, 35, 153, 174-75, 209, 237
- Necrophilia, 100
- Nesler, Ellie, 195
- Netherlands, 146, 156, 169, 231
- Nevada, 23
- New Hampshire, 59, 85
- New Jersey, 50, 55, 70, 85-87, 93, 106, 197-98, 202-3. See also Kanka, Megan; Michaels, Kelly; Tappan, Paul
- New Orleans, Louisiana, 154
- News media. See Press; Television news and documentary programs
- Newspapers. See Press
- New York City: Bellevue Hospital, 81; child molestation in, 52, 80; Children's Court, 30, 33, 67; Covenant House, 148; homosexuality in, 46, 64, 162; indecent exposure, 78; jails, 58; Mayor's Committee, 65-67, 80, 102-5; murders in, 35-38, 42, 51-52; police, 97, 122; Radical Feminists, 127; rape in, 77; sex bureau, 80; sex crime panics, 51-52, 64, 66; sexually transmitted diseases in, 31-32, 45; slum housing in, 30-32; vice

- in, 27, 122, 147, 226-27. See also Patz, Etan; Press: New York Times
- New York Society for the Prevention of Cruelty of Children, 29-30, 216
- New York state, 23-24, 33, 55, 83, 92, 97, 106, 196, 201-02. See also Attica; New York City; Sing Sing
- North American Man-Boy Love Association (NAMBLA), 156-63, 166, 174, 206
- North Carolina, 26, 96. See also Edenton, N.C.
- Northcott, Gordon Stewart, 221
- North Dakota, 36
- Notification laws. See Megan's Law
- Novels. See Fiction
- Obscenity. See Child pornography; Pornography
- Ohio, 85, 115. See also Cincinnati, Ohio; Cleveland, Ohio
- Oklahoma City, Oklahoma, 152, 212
- Olsen, Jack, 194
- Oral sex, 22-23, 30, 102, 130. See also Sodomy
- Oregon, 83-84, 161, 200
- Orwell, George, 75
- Ossido, Salvatore, 51, 79
- Paglia, Camille, 161
- Parkhurst, Rev. Charles, 27
- Patuxent, 114-15
- Patz, Etan, 132, 158-59, 162
- Pederasts, 7, 42, 62, 156-57, 162, 273
- Pedophile Information Exchange (PIE), 230
- "Pedophile priests," 170-71, 183-84, 195-96. See also Churches, and child molestation
- Pedophiles: damage caused by, 53-54, 137-38; numbers of, 137; origin of term, 15, 27; psychiatric views of, 99-102, 161, 190-91; sexual psychopath legislation and, 85; vague use of term, xi-xii, 8, 195; violent behavior of, 8, 93, 99, 190-91. See also Child sexual abuse; Defilers; Molesters and molestation; Sex rings; Sexual predators
- Pedophilia. See Child sexual abuse; Homosexuality; Molesters and molestation; Pedophiles; Ritual child abuse; Sexual predators
- Pennsylvania, 25-26, 55, 70, 82-83. See also Philadelphia, Pa.; Pittsburgh, Pa.
- Perverts and perversion: child molesters, 54, 80-81; homosexuality, 43, 61, 64, 70, 81; origins of concept, 15, 27-30; psychiatric views, 61; revival of term, 211-12; sexual violence, 34-36, 51
- Petaluma, California, 197
- Philadelphia, Pennsylvania: Municipal Court, 39; murders in, 35, 59; pornography in, 122; vice cases, 27, 195
- Piper, Thomas, 35
- Pittsburgh, Pennsylvania, 63-64
- Plea bargaining, 46, 76-78
- Ploscowe, Morris, 46, 65, 71, 93, 99, 215
- Police: interrogation practices, 41-42, 46, 91, 110; investigation, 61, 103; training, 60, 73, 168; vice squads, 64, 157. See also Federal Bureau of Investigation (FBI)
- Pollens, Bertram, 58, 60, 78-79
- Pomeroy, Jesse, 35, 58
- Pomeroy, Wardell, 104
- Popular culture. See Cinema; Press; Television movies; Television news and documentary programs
- Pornography, 23, 58, 85, 109-10, 121. See also Child pornography; Cyberporn; Méeese, Edwin: Méeese Commission on Pornography
- Positivism. See Criminológica! theory
- Postal Service (U.S.), 152-54, 220, 223
- Predators. See Sexual predators
- Press: Boston Globe, 157; Chicago Tribune, 122-23, 125, 154; Christian Century, 52; Christian Science Monitor, 147; Cleveland News, 54; Colliers Magazine, 52-53; Coronet, 52, 64; Ladies Home Journal, 72, 135; Life, 140; Los Angeles Times, 130; Ms., 122, 130, 135, 170; Nation, 52; Newsweek, 52, 122, 140, 183, 187, 196, 207, 211, 214, 229; New York Times, 41, 57-58, 70, 95-99, 129, 137, 140-41, 153-54, 167, 183, 192, 207; Parents, 72, 122; RedBook, 122, 178, 196; San Francisco Chronicle, 180; Saturday Evening Post, 58, 60; Spectator, 208; standards of newsworthiness, 44-45, 219; Time, 52, 62, 159, 167, 179, 183, 196, 211; U.S. News and World Report, 122, 161; Wall Street Journal, 179; Washington Post, 83, 153, 207. See also Television news and documentary programs

- Prisons, 112-13, 190, 204
- Problems, social. See Social problems, construction of
- Progressive era: incest in, 13, 21, 119; political coalitions, 21, 43-46; psychiatric theory, 38-42; "sex fiend" image, 2, 6, 13, 34-38; social investigators, 27-34, 102, 105. See also Child-saving movement; Defective delinquents; Eugenics; Feminism; Temperance movement
- Proselytism, 63
- Prostitution, 33, 39; child prostitution, 27-28; white slavery, 43, 122. See also Mann Act
- Protection of Children Against Sexual Exploitation Act (1978), 149
- Psychiatry, 44, 58-59, 73, 84, 90-91, 111-12, 219, 233. See also Civil commitment; Mental hospitals; Therapy and therapists
- Psychopaths, 38-40, 47-48, 59-62, 136, 196, 229. See also Sexual psychopath laws
- Quindlen, Anna, 177, 186
- Rape, 29, 31, 43, 53, 76-77, 95, 139, 196, 220. See also Feminism: rape and; Statutory rape
- Readers Guide to Periodical Literature, 57, 98-99, 140
- Reagan, Ronald, 121, 128, 224
- Recidivism, 39-40, 66-68, 70, 101-2, 190, 205. See also Sexual predators
- Recovered memory. See Memories, false and recovered
- Reed, Ralph, 210
- René Guyon Society, 145, 159-60
- Retractors, 185, 233
- Revere, Massachussets, 157
- Rimm, Martin, 210-11
- Ritter, Bruce, 148
- Ritual child abuse: collapse of idea, 175-80; coalitions against, 17-18, 172-74, 219; criticisms of, xii, 175-80; imagery, 207, 229; international dissemination, 231; origins of concept, 165-75. See also Human sacrifice; McMartin pre-school, child abuse case at; Multiple personality disorder (MPD); Satanism; Witches and witch-hunts
- Ritual murder. See Human sacrifice
- Rivera, Geraldo, 169, 175
- Robinson, Alonzo, 50-51
- Rock music, 107, 109, 173
- Rush, Florence, 118, 127, 136
- Russell, Diana E. H., 126, 128, 131, 135-37, 162
- Sadomasochism, 13, 60, 62, 64, 85, 161-62, 210
- St. Elizabeths Hospital, 21, 83
- St. Louis, Missouri, 31, 54-55, 60, 83
- Salem witch trials. See Witches and witch-hunts: Salem witch trials
- San Diego, California, 170
- San Francisco, California, 131, 161, 197, 226
- San Jose, California, 207
- Satanic and Ritual Abuse (SRA). See Ritual child abuse; Satanism
- Satanism, 72, 175-77. See also Ritual child abuse
- Savings and loan scandals, 174, 237
- Savitz, Eddie, 195
- Schmideberg, Melitta, 91
- Scottsboro Boys, 95
- Seattle, Washington, 191
- Serial murder, 35-38, 49-51, 132-34, 191. See also Children: murders of
- Sex delinquency, 32-33
- Sex fiends, 8, 35-37, 54-55, 70, 82
- Sex offenders. See Bestiality; Child sexual abuse; Defilers; Degenerates; Exhibitionism; Incest; Masturbation; Molesters and molestation; Pedophiles; Perverts and perversion; Sadomasochism; Sex fiends; Sexual predators; Sexual psychopath laws; Statutory rape; Voyeurism
- Sex offenders, treatment of, 89-90, 112, 116-18, 205-6, 236. See also Psychiatry
- Sex rings, 153-63, 168, 207-8, 222. See also Ritual child abuse
- Sexual harassment, 3, 137, 232-33
- Sexualized children, 227-28
- Sexually transmitted diseases, 3, 27, 29-34, 39, 45, 102. See also Acquired Immune Deficiency Syndrome (AIDS)
- Sexual predators: concept of, 2, 5, 193-95; courts and, 202-5; legislation against, 191-94, 197-202. See also Child sexual abuse; Megan's Law; Molesters and mo-

- lestation; Pedophiles; Sexual psychopath laws
 Sexual psychopath laws: collapse of, 113-17, 204; criticisms of, 11-12, 90-93, 215; implementation of, 80, 87-90; origins of, 16, 71, 80-84; provisions of, 84-87. See also Criminological theory; Psychopaths; Sexual predators
 Shriner, Earl K., 191, 193
 Shultz, Gladys, 125-26
 Silko, Leslie Marmon, 155-56
 Simon, Paul, 133, 218
 Sing Sing, 47, 49, 80, 91
 Smiley, Jane, 182
 Social problems, construction of, 3-10
 Society for the Prevention of Cruelty of Children. See Massachusetts: Society for the Prevention of Cruelty of Children; New York Society for the Prevention of Cruelty of Children
 Sodomy: definition of, 13-14, 70-71, 131; history of concept, 22-23, 26; homosexuality and, 61-62, 64, 86; laws against, 76, 81, 85; liberalization of laws, 124. See also Anal sex; Oral sex
 South Africa, 169, 231
 Specter, Arlen, 132-35, 149, 159, 199, 218
 Stadler, Matthew, 205, 237
 Stalking, 3, 194. See also Internet
 Statute of limitations, 183
 Statutory rape, 23-25, 66, 85, 98, 116, 202, 235
 Stead, W. T., 28, 230
 Sterilization, 42-43, 206
 Stroble, Fred, 54, 58, 78, 201
 Sturges, Jock, 151
 Summit, Roland, 186
 Supreme Court, U.S.: Buck v. Bell 43; Coy v. Iowa, 142; Gault, 111; Griswold, 110; Hendricks, 203-4; Knox v. U.S., 151; McNeil, 115; Maryland v. Craig, 143, 150; Miranda, 110, 114; New York v. Ferber, 150; Osborne v. Ohio, 150; Reno v. American Civil Liberties Union, 213; Roe v. Wade, 110; Bath, 110; Specht v. Patterson, 113
 "Survivor" concept, xii, 18, 138, 181-88, 234. See also Incest; Memories, false and recovered
 Sutherland, Edwin, 5, 60, 68-70, 98
 Tailhook scandal, 182
 Tales From The Crypt, 57
 Tappan, Paul, 70-71, 92-93, 103, 137
 Television movies, 139, 170, 184, 195-96. See also Cinema
 Television news and documentary programs: 48 Hours, 193-94, 196; Frontline, 178, 185, 193; Phil Donahue Show, 187; Primetime Live, 178, 183-84, 197; 60 Minutes, 122, 132, 153, 168, 178, 182-83; Turning Point, 180; 20/20, 132, 170, 178, 183-84. See also Wooden, Kenneth
 Temperance movement, 44-45
 Tennessee, 25, 194
 Texas, 50, 190, 207. See also Houston, Tex.
 Therapy and therapists, 138, 142, 171-75, 217, 233-34. See also Memories, false and recovered; Psychiatry; Ritual child abuse
 Thomas, Clarence, 182, 204
 Thompson, Gerald, 50
 Thompson, Jim, 56
 Thorstad, David, 158, 162
 Timmendequas, Jesse K., 197, 204

 UFOs, 185
 United Kingdom, 156, 159, 169, 230-31

 Vachss, Andrew, 155, 160, 170, 187-89, 194
 Venereal diseases. See Sexually transmitted diseases
 Vermont, 85
 Victims, as seducers, 104-6
 Victims of Child Abuse Laws (VOCAL), 183, 187
 Virginia, 96. See also Elton, Kenneth
 Voyeurism: precursor to sexual violence, 37; prosecution difficult, 52; sexual crime, 58, 69, 85, 110; sexual psychopathy, 61, 88; victimless crime, 91, 103
 Walsh, John, 132-34
 War: first world war, 20; Korean war, 71-72, 226; second world war, 71-72, 225-27, 229; social impact of, 71-73, 226-27; Vietnam war, 113
 Warren, Earl, 55
 Washington, D.C., 50-51, 83-84, 90, 125, 158. See also St. Elizabeth's Hospital
 Washington state: civil commitment, 205;

Washington state (continued)
murders in, 36; prisons, 190; rape in, 194;
sexual predator legislation, 10, 191-93,
201-3; sexual psychopath legislation, 82,
89; statutory rape, 235. See also Dodd,
Westley Alan; Seattle, Wash.; Shriner,
Earl K.; Wenatchee, Wash.

Web, World Wide. See Internet

Weinberg, Samuel, 103

Weld, William (Governor), 235

Welfare, social, 216-17, 226, 235; welfare re-
form, 238

Wenatchee, Washington, 168, 179-80. See
also Ritual child abuse

Wertham, Fredric, 49, 52, 57, 230

West Virginia, 26, 95

White, William A., 47

White slavery. See Prostitution: white slavery

Whitman, Howard, 53, 60, 63, 73, 78, 137,
201

Wickersham Commission (National Com-
mission on Law Observance and Enforce-
ment), 46-47

Wigmore, John Henry, 34, 40, 44, 78

Wildmon, Daniel, 147

Willard, Frances E., 44

Williams, Eugene D., 63

Wilson, Pete (Governor), 197, 206

Winfrey, Oprah, 182

Wisconsin, 14, 84-85, 89, 106, 192, 203

Witches and witch-hunts: child abuse analogy,
157, 165, 186, 222; medieval, 12, 176;
Salem witch trials, 164, 166, 178-80, 188.
See also Ritual child abuse

Witnesses, child. See Children: as witnesses

Women. See Feminism

Wooden, Kenneth, 123, 132-34, 140, 169

World wars. See War

World Wide Web. See Internet

Wyoming, 23

Yager, Faye, 141, 186